ИСТОРИЧЕСКІЯ

МОНОГРАФІИ

И

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

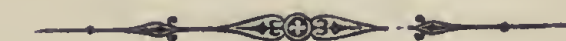
Николая Костомарова.

Izd. 2.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ Д. Е. КОЖАНЧИКОВА.

t. 2

ТОМЪ ВТОРОЙ



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Траншеля, на углу Невск. и Влад. пр., д. № 45 — 1,
1872.

ИВАНЪ СВИРГОВСКІЙ

УКРАИНСКІЙ КАЗАЦКІЙ ГЕТМАНЪ XVI ВѢКА.

ИВАНЪ СВИРГОВСКІЙ

УКРАИНСКІЙ КАЗАЦКІЙ ГЕТМАНЪ XVI ВѢКА.

Въ жизни народовъ являются побужденія, которыя не привиты извнѣ, не внушены массѣ ея двигателями, но образовались долговременнымъ, постепеннымъ ходомъ обстоятельствъ, и безсознательно управляютъ народнымъ чувствомъ и волею. Такъ въ XVI вѣкѣ въ русскомъ народѣ, связанномъ впродолженіе семи вѣковъ съ восточнымъ христіанствомъ духовными и племенными узами, возникло воинственное противодѣйствіе разливающемуся потоку оттоманскаго могущества, и стремленіе подать руку помощи христіанскимъ народамъ православнаго исповѣданія, порабощеннымъ музульманами. Выраженіемъ этой національной идеи было казачество на Днѣпрѣ и на Дону. Несомнѣнно, что другія причины, — которыхъ надобно искать въ соціальномъ и политическомъ положеніи тогдашняго славянскаго сѣвера, — способствовали образованію казачества; но вѣрно и то, что главною задачею дѣятельности этого русскаго рыцарства была борьба съ Турціею и вообще съ музульманскимъ міромъ и охраненіе восточнаго православія. Въ XVI вѣкѣ и въ первой четверти XVII, исторія казачества состоитъ изъ непрерывныхъ нападеній на Турцію на сушѣ и на морѣ, которыя сопровождались неоднократными вмѣшательствами въ дѣла Молдавіи и Валахіи, и имѣли всегдашнею цѣлію освобожденіе порабощен-

*

и плѣнныхъ христіанъ. Борьба эта была тяжела и часто неудачна, но вообще шла прогрессивно, и кто знаетъ, къ какимъ слѣдствіямъ могла бы она привести, еслибъ съ одной стороны польская политика, управляемая іезуитами, а съ другой нерѣшительность Іоанна Грознаго и слабость Московской державы послѣ него не образовали такого стеченія обстоятельствъ, что казаки должны были остановиться въ своемъ стремленіи на Востокъ, и обратить свои силы къ защитѣ православія противъ римскаго католичества. Эта исторія борьбы русскаго казачества съ Турціею столь же достойна вниманія, сколько темна и сбивчива по недостатку источниковъ. Только въ послѣднее время, благодаря просвѣщеннымъ любителямъ старины, мы начинаемъ знакомиться съ источниками этой эпохи, до нашего времени скрытыми въ неизвѣстныхъ рукописяхъ или старопечатныхъ книгахъ, драгоцѣнномъ достояніи немногихъ библіотекъ. Къ любопытнымъ современнымъ сочиненіямъ объ этомъ предметѣ принадлежатъ переведенныя съ латинскаго г. Сырокомлею и изданныя на польскомъ языкѣ сочиненія Ласицкаго, Горѣцкаго и Фредро [1]), сообщающія извѣстія о вмѣшательствѣ казаковъ въ дѣла Молдавіи, и представляютъ намъ въ подробностяхъ походъ Ивана Свирговскаго, о которомъ мы до изданія этого сочиненія имѣли очень слабыя свѣдѣнія.

Ласицкій, шляхтичъ XVI вѣка, реформатъ вѣрою, есть тотъ самый, который написалъ извѣстное въ ученомъ мірѣ сочиненіе о литовскихъ богахъ и брошюру о современной ему борьбѣ Іоанна Грознаго съ Стефаномъ Баторіемъ. Въ 1855 году открыто и издано еще одно его сочиненіе: «О вторженіи Поляковъ въ Волощину въ 1572 году». Это сочиненіе не относится

---

[1]) Dziejopisowe krojowi, 1855.

1) Jana Lasickiego Historia wtargnenia Polakow на Woloszczyzne z Bogdanem wojewoda, roku 1573.

2) Leonarda Goreckiego opisanie wojny Iwona w roku 1574.

3) Jędrzeja Maxymiliana Fredo Dzieje narodu Polskiego pod Henrykiem Walezeuszem.

непосредственно къ исторіи казачества, но важно для ней потому, что излагаетъ дѣла Молдавіи, предуготовившія и даже вызвавшія вмѣшательство казаковъ, описанное у Горѣцкаго и Фредро. Изъ послѣднихъ—Леонардъ Горѣцкій былъ шляхтичъ, также реформатъ вѣрою. Онъ описалъ современное ему событіе—войну молдавскаго господаря Ивона съ Турками и подвиги союзниковъ его, украинскихъ козаковъ. Книга его была издана въ 1578 году въ Франкфуртѣ. Пасторій въ своей польской исторіи перепечаталъ цѣликомъ латинскій оригиналъ этого сочиненія. Съ этого изданія перевелъ его г. Сырокомля. Подробности жизни Горѣцкаго неизвѣстны. Книга его начинается краткою географіею Волощины, которую авторъ, сообразно принятому въ то время обычаю, раздѣляетъ на за-Карпатскую (Валахію) и Мультаны (Молдавію), очень кратко разсказываетъ исторію Молдавіи со времени покоренія Турками Балканскаго полуострова и переходитъ къ исторіи Ивона, которая составляетъ предметъ его сочиненія. Въ срединѣ онъ допускаетъ пространный эпизодъ о происхожденіи Турковъ и о развитіи ихъ могущества. Разсказъ его живъ, полонъ драматическихъ картинъ, характеры обрисовываются ярко; онъ, по обычаю историковъ своего времени, любитъ вставлять современные рѣчи и разговоры. Фредро не былъ уже современникомъ описываемыхъ имъ событій: Андрей Максимиліанъ Фредро былъ одимъ изъ государственныхъ людей въ несчастное царствованіе Яна-Казимира. Г. Сырокомля издалъ въ свѣтъ его исторію народа польскаго подъ правленіемъ Генриха Валуа, которая, по мнѣнію издателя, должна быть častію недоконченной, а можетъ-быть затерянной, исторіи пяти королей польскихъ. Въ авторѣ повсюду виденъ дипломатъ и политикъ; онъ вставляетъ часто разсужденія и собственные взгляды, касающіеся вообще до политическихъ связей и управнія государствъ, судитъ поступки правителей и военачальниковъ, отгадываетъ побужденія, выводитъ послѣдствія и вообще въ своей исторіи болѣе мыслитель и моралистъ, чѣмъ простой повѣствователь: съ этой точки зрѣнія его исторія имѣетъ большое достоинство, какъ выраженіе современныхъ ему взгля-

довъ. Фредро католикъ и горячій патріотъ. Война молдавская внесена въ его исторію какъ современное событіе царствованія Генриха: отрываясь отъ прямаго изложенія исторіи польскаго народа, авторъ говоритъ, что приступилъ къ описанію молдавскихъ дѣлъ потому, что здѣсь просіяло мужество Поляковъ. Въ большей части описаніе его, въ отношеніи фактовъ, сходно съ описаніемъ у Горѣцкаго, хотя Фредро не упоминаетъ о нѣкоторыхъ событіяхъ, описываемыхъ послѣднимъ, и вообще картины его сжатѣе, но рѣчи и разговоры пространнѣе, носятъ на себѣ болѣе печать реторики и удаляются отъ простоты и правдоподобія разсказа Горѣцкаго.

Со времени завоеванія Турками Византійской имперіи, при-Дунайскія княжества оставались подъ управленіемъ собственныхъ владѣтелей, называемыхъ господарями. Харачъ (дань), наложенный на нихъ султанами, въ началѣ простирался на каждое княжество до 2,000 червонцевъ, но въ половинѣ XVI вѣка онъ достигалъ уже 60,000 червонцевъ. Молдавія, находясь между Турціею и Польшею, во вліяніи послѣдней искала средства освободиться отъ власти и насилія первой, къ этому побуждала ее духовная связь съ Южною Русью, которая находилась тогда въ политическомъ соединеніи съ Польшею. Въ половинѣ XVI в. въ Молдавіи произошли замѣшательства, во время которыхъ Альбертъ Ласскій, богатый и воинственный магнатъ, распоряжался въ Молдавіи съ толпою дворянъ, и поставляя по желанію господарей, предлагалъ Сигизмунду-Августу дать ему войско и присоединить къ Польшѣ оба княжества. Во время этихъ смутъ и междуусобій въ Молдавіи, на короткое время сдѣлался господаремъ Димитрій Вишневецкій, предводитель днѣпровскихъ казаковъ, но, преданный измѣною въ руки Туркамъ, погибъ мучительною смертію. На господарскій тронъ былъ посаженъ Александръ, изъ туземныхъ князей, съ помощію Поляковъ и Южно-Руссовъ, и чрезъ то развилась и укрѣпилась въ Молдавіи партія польско-русская, составлявшая оппозицію противъ турецкой партіи. По смерти Александра вступилъ на господарскій престолъ сынъ его, Богданъ, еще болѣе сблизившійся съ

Польшею, или лучше сказать съ Русью. Проведши молодость въ Южной Руси, онъ завелъ родственныя и дружественныя связи съ южно-русскими владѣльцами: сестра его была за Русиномъ — Поневскимъ; самъ онъ посватался на дочери русскаго магната Ивана Тарлы; сверхъ того онъ готовился купить на Руси имѣнія, чтобы, въ случаѣ изгнанія изъ отечества, могъ найдти пріютъ и средства къ возвращенію. Ненавидя турецкое владычество, онъ хотѣлъ втянуть Польшу въ войну съ Турціею и содѣлать ее орудіемъ освобожденія своего отечества. Онъ съ радостію готовъ былъ присоединить Молдавію къ Рѣчи Посполитой, гдѣ такъ много было его единовѣрцевъ, гдѣ Южная Русь еще цвѣла православіемъ. По этому, располагая Поляковъ и Русиновъ съ свою пользу, Богданъ, въ 1572 году разъѣзжавшій по Руси подъ предлогомъ искательства невѣсты, заключилъ съ Сигизмундомъ - Августомъ оборонительный союзъ, по которому обязывался въ случаѣ нужды выставить двадцать тысячъ конницы для польскаго войска. Такіе поступки сдѣлались извѣстны турецкому правительству. Диванъ увидѣлъ необходимость назначить другаго господаря. Это было тѣмъ удобнѣе, что въ самой Молдавіи составилась противъ Богдана сильная партія: многіе Волохи боялись Поляковъ. Этотъ народъ, — замѣчаетъ Горѣцкій, — непостояненъ и вѣроломенъ; по ничтожнымъ побужденіямъ они составляютъ заговоры, свергаютъ своихъ господарей, и, не обращая большаго вниманія на знатность рода, готовы посадить на престолъ человѣка низкаго происхожденія, если только онъ богатъ.

Скоро нашелся охотникъ заступить мѣсто Богдана. Онъ назывался Ивонъ, у малороссійскихъ лѣтописцевъ Ивонія. По русски, — говоритъ Фредро, — его называли Иванъ. Ласицкій говоритъ, что онъ былъ побочный сынъ прежняго воеводы молдавскаго Стефана, и въ 1561 г. служилъ въ Польшѣ у короннаго маршала Фирлея. По извѣстію Горѣцкаго, онъ только самъ себя выдавалъ за потомка древнихъ правителей Молдавіи, а другіе почитали его родомъ изъ Мазовіи; Фредро говоритъ, что его признавали по происхожденію Русиномъ. Достовѣрно только

то, что происхожденіе его неизвѣстно. Еще при жизни турецкаго султана Солимана, онъ пытался сдѣлаться господаремъ, но неудачно;—удалился въ Русь, гдѣ пребывалъ нѣсколько лѣтъ съ другомъ своимъ Іеремією Чарновичемъ, впослѣдствіи погубившемъ его, потомъ ушелъ въ Турцію, и тамъ, по единогласному увѣренію польскихъ историковъ, принялъ магометанство. Фредро прибавляетъ, что онъ занялся торговлею въ обширномъ размѣрѣ и нажилъ себѣ большое состояніе. Когда въ Молдавіи возникло неудовольствіе противъ Богдана, Ивонъ воспользовался имъ, явился въ Константинополѣ, окружилъ себя блескомъ и великолѣпіемъ, замѣтнымъ не только для Пашей, но для самого султана, и подкупилъ членовъ дивана въ свою пользу: у Турковъ, — по замѣчанію Фредро, — всѣ достоинства продавались. Подкупленные члены дивана представили султану, что Богданъ, находя опору въ Польшѣ, замышляетъ свергнуть съ себя турецкое иго. Надежда видѣть въ Молдавіи господаремъ ренегата, льстила религіозному магометанскому самолюбію. По свидѣтельству Ласицкаго, недовольная Богданомъ партія обратилась тогда къ Ивону, упрашивая его съ помощію Турковъ явиться въ Молдавіи, и, низвергнувъ Богдана, овладѣть его престоломъ. Такимъ образомъ, Ивонъ вторгнулся въ Молдавію съ 20,000 Турковъ, Грековъ, Сербѳвъ. Богданъ убѣжалъ въ Русь, и вскорѣ русскіе паны явились съ своими отрядами на выручку его трона. Предпріятіе не удалось. Русины отступали предъ огромною турецкою силою; Ивонъ остался господаремъ, и, по извѣстію Ласицкаго, сдиралъ съ живыхъ кожи, сажалъ на колъ, лишалъ зрѣнія людей противной партіи, и чрезъ это пріобрѣлъ къ себѣ уваженіе отъ народа. Авторъ приписываетъ это особенной дикости Волоховъ, которые тѣмъ безропотнѣе повинуются, чѣмъ строже кара ожидаетъ ихъ за неповиновеніе; но вѣроятно казни, которыя производилъ Ивонъ, постигали лицъ, не заслужившихъ народнаго сочувстія.

Не долго наслаждался Ивонъ господарствомъ,—у него отняли такимъ же образомъ, какимъ онъ похитилъ его у Богдана. Ивонъ только для вида принялъ было магометанство. Сдѣлавшись гос-

подаремъ, онъ снова сталъ христіаниномъ и выказывался предъ народомъ ревностнымъ защитникомъ православной вѣры. Это не могло не вооружить противъ него дивана, и такимъ настроеніемъ воспользовался господарь Валахіи: онъ въ Константинополѣ началъ искать молдавскаго престола для своего брата, котораго не столько любилъ, сколько хотѣлъ сбыть съ рукъ. Соперникъ обвинялъ Ивона предъ турецкимъ правительствомъ въ отступничествѣ отъ магометанства и въ сношеніи съ Поляками; въ самомъ дѣлѣ Ивонъ, по вступленіи на престолъ, посылалъ въ Польшу посольство съ цѣлію утвердить дружественныя сношенія между двумя народами. Наконецъ валахскій господарь предложилъ, что если брата его, Петра, возведутъ на господарство, то послѣдній обязывается платить Турціи двойной харачъ 120,000 червонцевъ, вмѣсто 60,000. Послѣднее предложеніе было сильнѣе всѣхъ представленій и убѣжденій; къ этому содѣйствовали много въ пользу господаря Валахіи подарки, которыми онъ осыпалъ членовъ дивана.

Въ Яссахъ явился посолъ отъ султана Селима и потребовалъ отъ Ивона двойнаго харача, прибавляя, что если Ивонъ на это не согласится, то найдется другой, который дастъ требуемую сумму, и что, во всякомъ случаѣ, Ивонъ долженъ слѣдовать въ Константинополь для подачи отчета въ управленіи Молдавіею.

Ивонъ созвалъ сенатъ и представилъ боярамъ, что опасность угрожаетъ не одному ему, но всему народу. «Если бы я самъ, говорилъ онъ, пожертвовалъ собою, это бы не спасло моихъ подданныхъ. У султана есть въ запасѣ другой господарь, который готовъ платить 120,000 червонцевъ въ годъ, а плата такой суммы должна раззорить Молдавію; притомъ же если теперь, безъ всякаго повода съ нашей стороны, потребовали двойной харачъ, то послѣ могутъ потребовать и тройной, и четверной». Слова Ивона казались очевидною истиною. Сенаторы, — говоритъ Горѣцкій, — какъ-будто пробудились отъ тяжелаго сна. «Лучше смерть, чѣмъ поношеніе!» восклицали они, и всѣ поклялись защищать оружіемъ свои права и свою собственность. Посолъ селимовъ отправленъ былъ хотя съ просьбою о сохра-

неніи спокойствія, но безъ подарковъ, какъ слѣдовало по молдавскому обычаю. Зная, что жребій брошенъ, Ивонъ началъ вооружаться и отправилъ въ Польшу посольство просить помощи.

Оно не имѣло успѣха: король Генрихъ и чины Рѣчи Посполитой не только отказали въ помощи господарю, но объявили, что никому изъ польскихъ подданныхъ не позволяется участвовать въ войнѣ съ Турціею. При этомъ Фредро, какъ человѣкъ государственный, помѣстилъ разсужденіе, очень любопытное, какъ выраженіе понятій о политикѣ, съ какими Поляки хотѣли высказываться въ его время. Сознавая выгоды, какія имѣла бы Польша отъ вмѣшательства въ дѣло Ивона, Фредро оправдываетъ своихъ соотечественниковъ въ томъ, что они не подали ему помощи: причиною этому онъ полагаетъ то, будто Поляки, сообразно съ стариннымъ правиломъ предковъ, не привыкли насильственно расширять свои владѣнія и хотѣли жить въ мирѣ съ сосѣдями. Въ другомъ мѣстѣ, авторъ противорѣчитъ себѣ: онъ укоряетъ Поляковъ за то, что упустили изъ виду возможность присоединить къ своему королевству Чехію и Венгрію, попавшихъ подъ власть нѣмецкаго императора, къ прискорбію Фредро, вездѣ показывающаго нерасположеніе къ Нѣмцамъ.

Ивонъ обратился тогда къ украинскимъ казакамъ. Онъ пригласилъ,—говоритъ Горѣцкій,—легкую и малую горсть тѣхъ Поляковъ, которые по берегамъ Днѣпра и Чернаго моря пріобрѣтали добычу и назывались въ Польшѣ казаками. Фредро не употребилъ вовсе имени казаковъ, онъ называетъ ихъ легкою польскою конницею, охотниками, жившими надъ Днѣпромъ и по берегамъ Чернаго моря для добычи, которую отнимали у Турковъ и Татаръ. Главнымъ предводителемъ этой толпы, Горѣцкій и Фредро называютъ Свѣрчовскаго. Въ другомъ мѣстѣ Фредро говоритъ, что они были римско-католическаго вѣроисповѣданія. Такимъ образомъ, можно бы подумать, что здѣсь дѣло идетъ не о нашихъ украинскихъ казакахъ, а о какихъ-то охотникахъ изъ природныхъ Поляковъ, еслибъ малороссійскія лѣто-

писи [1]) не указывали прямо, что на помощь Ивону приходили не Поляки, а Русскіе, подъ предводительствомъ свего гетмана Свирговскаго или Свѣрговскаго, однозвучнаго съ именемъ Свѣрчовскаго, упоминаемаго у польскихъ писателей. До сихъ поръ имя Свирговскаго и его походъ въ Молдавію прославляются въ народной южно-русской поэзіи, а этого бы не могло быть, еслибъ Свирговскій и его сподвижники были Поляки, и притомъ римско-католическаго исповѣданія. Одна неизданная малороссійская лѣтопись, упоминая очень кратко о походѣ козаковъ въ Молдавію на помощь Ивону, называетъ предводителя ихъ Дружко-Свѣрховскій.

Къ этому-то Свирговскому (или Свѣрчовскому) Ивонъ послалъ посольство, когда казаки возвращались изъ похода противъ Турковъ. Воевать съ невѣрными, по понятію казака, была его обязанность, и потому нетрудно было уговорить Свирговскаго съ товарищими. Одна народная пѣсня выражаетъ просьбу Молдаванъ такимъ образомъ:

«Ой мы Волохи, мы христіане,
Та не милують насъ бусурмане,
Вы козаченьки, за віру дбайте,
Волохомъ-христіянамъ на помічь прибувайте!»

Конисскій [2]) говоритъ, что Свирговскій согласился помогать Ивону съ разрѣшенія польскаго правительства, но Горѣцкій и Фредро говорятъ, что козаки пошли въ походъ, не смотря на запрещеніе правительства. Въ народной пѣснѣ о Свирговскомъ упоминается о какихъ-то *лядскихъ коммисарахъ* [3]), приходившихъ къ гетману предъ походомъ. Это не можетъ доказы-

---

[1]) Лѣт. Самов. Москва, 1846 г., с. 2. Повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ, Москва, 1847 г. 2. О малор. народѣ, Миллера, Москва, 1846 г. с. 4. Ист. о презѣльной брани (рукоп.). Лѣт. пов. о Мал. Рос. Ригельмана, Москва, 1847 г., 1 с. 22. Ист. Русс. Конисс., Моск., 1846 г., с. 22.

[2]) Ист. Рус., с. 23.

[3]) Укр. пѣсн. Моск., с. 73.

вать справедливости Конисскаго: могли приходить съ дозволеніемъ и запрещеніемъ, и, кажется, послѣднее справедливѣе, потому что польское правительство старалось всегда соблюдать миръ съ Турціею по возможности, и безпрерывные походы козаковъ противъ музульманъ навлекали постоянное негодованіе этого правительства.

Горѣцкій насчитываетъ 1200 человѣкъ подъ начальствомъ Свирговскаго при отправленіи его въ Молдавію, Фредро — 1300. Въ лѣтописяхъ Грабянки и Ригельмана (переписывавшаго Грабянку и другихъ лѣтописцевъ), Свирговскій отправился въ Молдавію съ 1400 человѣкъ. Конисскій не говоритъ, сколько было у Свирговскаго войска, а выражается только, что онъ пошелъ въ Молдавію съ войскомъ маллороссійскимъ: во всякомъ случаѣ Конисскій полагаетъ у Свирговскаго число войска несравненно значительнѣе того, какое ему даютъ другіе лѣтописцы, ибо до вступленія въ Молдавію онъ раздѣлилъ его на два отряда, изъ которыхъ половину послалъ подъ начальствомъ Ганжи къ Букаресту, а другую половину самъ повелъ къ Галацу, и въ то же время отправилъ кошеваго Покотилу на лодкахъ къ устью Дуная, чтобъ не пропускать турецкихъ дессантовъ. Но всѣ болѣе старые и достовѣрные источники полагаютъ у Свирговскаго небольшой отрядъ, и по этому сказаніе Конисскаго не можетъ быть принято. Но въ такомъ случаѣ, если у Свирговскаго было не болѣе 1300 — 1400 человѣкъ, то что́ такое самъ Свирговскій? Изъ польскихъ историковъ не видно, чтобъ Свирговскій былъ гетманъ въ томъ значеніи этого слова, какое мы привыкли придать ему, и какое даютъ ему лѣтописцы. При Сигизмундѣ-Августѣ и Генрихѣ Валуа число казаковъ было такъ велико, что странно покажется, какимъ образомъ гетманъ отправляется въ чужую землю съ такимъ малымъ количествомъ подчиненныхъ? Однако всѣ историки малороссійскіе — Самовидецъ, Грабянка, Ригельманъ, Миллеръ и другіе, неизвѣстные по имени, утвердительно говорятъ, что Свирговскій былъ гетманъ, и между-тѣмъ даютъ ему отрядъ войска менѣе полуторы тысячи человѣкъ. Народная пѣсня также

называетъ его гетманомъ. Недоумѣніе легко разрѣшается: польскіе историки не могли назвать его гетманомъ, потому что признавали гетманами только тѣхъ, которыя были утверждены въ этомъ званіи правительствомъ, а такіе гетманы возникли въ Украинѣ уже позже; что же касается до небольшаго числа, ходившаго съ Свирговскимъ, то въ тотъ воинственный вѣкъ, казацкіе предводители часто предпринимали дальніе походы съ малымъ войскомъ безъ большихъ приготовленій. Свирговскій не могъ брать съ собою большаго числа воиновъ, ибо предѣлы Украины требовали защиты отъ безпрерывныхъ нападеній Крымцевъ. Кажется, народная пѣсня, въ которой оплакивается смерть Свирговскаго, намекаетъ на то, что масса казаковъ оставалась въ Украинѣ во время его похода, и даже мало знала, куда ушелъ ея главный предводитель; въ этой пѣснѣ Украина, тоскующая по своемъ гетманѣ, или казаки—спрашиваютъ у буйныхъ вѣтровъ, кречетовъ и жаворонковъ: что̀ сталось съ гетманомъ, и гдѣ онъ простился съ жизнью [1])?

Приглашенные молдавскими послами казаки направились къ границамъ Молдавіи. Передовые гонцы отъ господаря поздравляли ихъ съ прибытіемъ въ страну и привезли имъ съѣстныхъ припасовъ. Самъ Ивонъ съ боярами и войскомъ стоялъ въ полѣ, готовясь сдѣлать имъ торжественный и достойный воиновъ пріемъ. Когда ему дали знать, что казаки приближаются, онъ съ отборною конницею, въ кругу избранныхъ сенаторовъ, выѣхалъ на встрѣчу. Онъ привѣтствовалъ Свирговскаго рѣчью и не кончилъ ее, заплакавши, — какъ говоритъ Горѣцкій, — и взявъ за руку вождя, пригласилъ въ обозъ на походную пирушку; казаки послѣдовали за ними, а когда въѣзжали въ молдавскій обозъ, ихъ привѣтствовали выстрѣлы пушечные. Мгновенно явилось столько пѣшихъ Молдаванъ, сколько было конныхъ казаковъ (а весь отрядъ козаковъ состоялъ изъ конницы), — взяли лошадей и угощали овсомъ, въ то же время

---

[1]) Укр. с., Москва, с. 71.

самихъ всадниковъ позвали на роскошный обѣдъ. Свирговскій и сотники обѣдали въ просторномъ шатрѣ Ивона; простые казаки въ другихъ шатрахъ. Послѣ пира, по приказанію господаря, казацкимъ старшинамъ поднесли серебряныя мисы, наполненныя золотою монетою. Послѣ долгаго пути, — было имъ сказано, — вамъ надобно денегъ на баню и на подкрѣпленіе изнуренныхъ своихъ силъ. — «Не словами, а дѣлами желаемъ доказать вамъ, — отвѣчали казаки, — что не боимся смерти: цѣнимъ выше всего рыцарскую славу; и прибыли въ вашъ обозъ не съ надеждою получить жалованье, а единственно для того, чтобъ доказать вамъ доблесть нашу, когда явится драгоцѣнный случай сражаться за христіанство противъ невѣрныхъ». Только послѣ усильныхъ просьбъ Ивона и молдавскихъ сенаторовъ казаки согласились принять денежный подарокъ. По окончаніи пира, они отправились въ приготовленные для нихъ шатры, и тогда новые посланцы Ивона принесли имъ шестьсотъ талеровъ и превосходнаго вина въ шести стогвахъ, въ которыхъ обыкновенно Волохи хранили воду во время переходовъ черезъ степи. — «Это господарь присылаетъ вамъ выпить за его здоровье», сказали имъ.

На другой день утромъ господарь самъ посѣтилъ Свирговскаго и сотниковъ, и пригласилъ ихъ на совѣтъ. Когда козаки пришли въ его шатеръ, онъ проговорилъ имъ рѣчь, которую Горѣцкій передаетъ въ такомъ видѣ.

«Еслибъ я, храбрые, мужественные рыцари, не былъ убѣжденъ въ вашей вѣрности, доблести и непоколебимости, никогда бы я не призывалъ васъ изъ вашей далекой отчизны для труднаго и опаснаго дѣла. Но побуждаемый несомнительными свидѣтельствами, я пригласилъ васъ помочь мнѣ вашими трудами и рыцарскою опытностію въ войнѣ съ Селимомъ, жестокимъ врагомъ моимъ. Назначая вамъ плату, я страшился, чтобъ она не была ниже заслугъ вашихъ, но каковъ бы ни былъ исходъ нашей войны съ злобнымъ непріятелемъ, я доставлю вамъ, рыцари, въ изобиліи припасовъ, конскаго корму, денегъ. Помня старинныя доблести ваши, вы, конечно, поддержите въ этой

войнѣ славу, которая гремитъ о васъ въ свѣтѣ. Искренно благодарю васъ, что будучи сами христіанами, прибыли ко мнѣ, христіанину; обѣщаю всегда быть благодарнымъ за ваше ко мнѣ участіе. Хотя число ваше незначительно въ сравненіи съ моею опасностію, но одинъ видъ вашъ такъ ободряетъ меня, какъ-будто бы мнѣ прислали откуда нибудь двадцать тысячъ. Не скажу, чтобъ силы Турковъ были непобѣдимы, но долженъ сознаться, что счастіе удивительно служитъ имъ. Нѣкогда они были ничтожны, но возрасли не столько чрезъ мужество, сколько чрезъ злодѣянія и коварства. Вѣрно, безсмертный Богъ позволяетъ злодѣямъ такъ долго и безнаказанно свирѣпствовать, приготовляя имъ тѣмъ жесточайшую кару, чѣмъ болѣе накопится ихъ грѣховъ. И такъ, если Турки были до сихъ поръ счастливы, то это происходило по предвѣденію и по волѣ Бога, дабы тѣмъ тяжелѣе было ихъ паденіе, чѣмъ выше они вознеслись. Не могу болѣе говорить отъ слезъ: сами можете отгадать и уразумѣть, какъ расположено мое сердце къ вамъ, а что́ дастъ намъ судьба — раздѣлю съ вами пополамъ»!

Рѣчь эта, — говоритъ Горѣцкій, — произнесена была по польски. Всего вѣрнѣе, рѣчь эта сложена была авторомъ по старому обычаю подражать древнимъ писателямъ; впрочемъ, Ивонъ могъ и долженъ былъ говорить въ такомъ тонѣ. Въ отвѣтъ на нее, Свирговскій, — по извѣстію того же историка, — говорилъ господарю такъ: «Не плата твоя, Ивонъ, привела насъ сюда, — плату мы считаемъ послѣднимъ дѣломъ; а привелъ насъ къ тебѣ воинственный жаръ: желаемъ сражаться съ коварнымъ и свирѣпымъ врагомъ христіанства. Не станемъ толковать о платѣ, а какова будетъ наша судьба, конецъ войны покажетъ. Довольно съ насъ будетъ той награды, что мы, если удастся, изгонимъ своими руками изъ твоихъ предѣловъ врага, и принудимъ его къ условіямъ выгоднаго примиренія. Ты же, который пойдешь вмѣстѣ съ нами, видя нашу судьбу, будешь ожидать и себѣ того, что́ насъ постигнетъ. Намъ не страшны силы Турковъ; предавая будущее въ руки Провидѣнія, мы смѣло идемъ на врага, чтобъ освободить отъ него твои владѣнія».

Рѣчь Свирговскаго ободрила Ивона. Веселая пирушка снова скрѣпила дружбу Молдаванъ съ Русинами. Это было 20 марта 1574 года.

И въ Константинополѣ готовились. Султанъ отправилъ 30,000 Турковъ и 2,000 Венгровъ къ валахскому господарю, приказывалъ присоединить къ нимъ его собственныя силы и, ворвавшись въ Молдавію, посадить на господарствѣ брата, а Ивона схватить и отправить въ Константинополь. Валахскій господарь немедленно собралъ свое войско и стремительно перешелъ черезъ рѣку, которую Горѣцкій называетъ Молдавою, но которая кажется была Серетъ [1]). Онъ быстро шелъ на врага, думая выиграть скоростью. Но эта-то именно скорость, — говоритъ Фредро, — повредила ему. Онъ думалъ застать непріятеля въ расплохъ, а между-тѣмъ отъ дневныхъ и ночныхъ походовъ воины его утомились, лошади были изнурены; надобно было отдохнуть. Господарь думалъ, что Ивону вовсе неизвѣстно, какъ близки враги его; онъ надѣялся, что во всякомъ случаѣ побѣда неизмѣнна, и позволилъ войску отдыхать на привольѣ. Но Свирговскій, который былъ главнымъ распорядителемъ въ войскѣ Ивона, давно уже по горамъ, у водъ, вездѣ, гдѣ благопріятствовала мѣстность, разставилъ стражей и узнавалъ о движеніи непріятелей, а когда донесли ему, что враги отдыхаютъ на чужой землѣ, онъ выступилъ съ двумя отрядами козаковъ, т. е. четырмя стами, взялъ шесть тысячъ Молдаванъ, и въ томъ числѣ знавшихъ по-турецки, приказывалъ подчиненнымъ хранить молчаніе, и стремительно бросился на

---

[1]) У Горѣцкаго эта рѣка представляется какъ-бы служащею границею между двумя владѣніями, и притомъ мѣсто, гдѣ случилось сраженіе, было не очень далеко отъ Дуная, какъ показываетъ дальше описаніе о томъ же; разбитые плыли чрезъ озеро, впадающее въ Дунай. Очевидно, у Горѣцкаго Серетъ называется Молдавою, такъ-что Горѣцкій принималъ, что Серетъ впадаетъ въъ Молдаву, а не Молдава въ Серетъ. Послѣ побѣды надъ непріятелями, побѣдители тотчасъ вступили во владѣнія валахскаго господаря, а Валахія грани читъ съ Молдавіею при Серетѣ, а не при Молдавѣ.

передовой турецкій отрядъ. Горѣцкій говоритъ, что въ немъ было сорокъ, Федро — что въ немъ было триста человѣкъ. Какъ бы то ни было, казаки принудили его сдаться, и Свирговскій вывѣдалъ о числительности и положеніи непріятелей. По извѣстію Горѣцкаго, плѣнные показали въ войскѣ валахскаго господаря 70,000 Волоховъ, 30,000 Турковъ и 3,000 Венгровъ. Фредро же говоритъ, что плѣнные эти показали все свое войско въ числѣ 60,000 человѣкъ. Если плѣнные говорили тогда правду, то, безъ сомнѣнія, сказаніе Фредро въ этомъ случаѣ заслуживаетъ больше вѣроятія, потому-что побѣда, какую впослѣдствіи одержали казаки и Молдаване, должна предполагать ме́ньшее количество непріятельскаго войска. Свирговскій, по прежнему, приказалъ своему отряду хранить молчаніе, и далъ знать Ивону, требуя, чтобъ онъ какъ можно скорѣе явился съ своимъ остальнымъ войскомъ. Пока Ивонъ прибылъ, Свирговскій разослалъ своихъ расторопныхъ казаковъ пѣшими въ кусты, въ высокую траву, на холмы; они шли нагнувшись или ползли на брюхѣ; самъ Свирговскій дѣйствовалъ съ ними и положеніе непріятеля было имъ осмотрѣно, а непріятель вовсе не подозрѣвалъ близости враговъ. По прибытіи Ивона, Свирговскій, не довѣряя храбрости Молдаванъ въ такой мѣрѣ, какъ своимъ, предложилъ господарю поставить тяжелую конницу съ пѣшими стрѣлками въ закрытомъ мѣстѣ, дабы въ случаѣ неудачи, Молдаване, отступая, могли найти опору. Какъ опытный и хладнокровный полководецъ, Свирговскій научалъ ихъ какъ поступать въ случаѣ отступленія. «Надобно думать — говорилъ онъ, — не только о томъ, чтобъ побѣдить, но и о томъ, чтобъ не быть разбитымъ. Я съ своими казаками первый брошусь на врага, и тогда вы, Волохи, идите за мною. Счастіе служитъ отважнымъ, измѣняетъ трусамъ; и вамъ, казаки, напоминаю о врожденномъ мужествѣ и призываю его». Ивонъ долженъ былъ ударить на непріятеля съ трехъ сторонъ; на четвертую сторону долженъ былъ повернуть Свирговскій съ казаками.

Была ночь. Казаки подкрадывались тихо. Непріятели спали. По данному приказанію, казаки съ рѣзкимъ крикомъ бросились

на нихъ. Разбуженные враги были поражены страхомъ неожиданности, они никакъ не предполагали близости тѣхъ, противъ кого воевали... они не могли ни схватить оружія, ни сѣдлать лошадей, — казаки били ихъ наповалъ. Вслѣдъ затѣмъ Ивонъ съ Валахами бросился на обозъ съ другихъ сторонъ; тутъ непріятели уже окончательно растерялись; всѣ приказывали, никто не зналъ, кого слушать, куда бросаться, и начали разбѣгаться въ разсыпную, покидая оружіе; казаки и Молдаване повсюду заступали имъ дорогу и умерщвляли ихъ. Только господарь Валахіи, да съ нимъ братъ его, котораго вели на престолъ, пользуясь всеобщимъ смятеніемъ успѣли сѣсть на лошадей, бросились въ озеро, сообщающееся съ Дунаемъ, и такимъ образомъ достигли другаго берега Дуная и спаслись отъ гибели. Все войско было истреблено. Земля была усѣяна грудами труповъ, оружіемъ; ручьи крови шумѣли. Но радость о побѣдѣ, — замѣчаетъ Фредро, — едва могла заглушать досаду Ивона, когда онъ не нашелъ между павшими господаря Валахіи и его брата Петра. Четыре дни побѣдители простояли на полѣ побѣды; Ивонъ напрасно искалъ труповъ главныхъ враговъ своихъ.

Побѣдители вступали въ Валахію, во владѣнія врага ивонова. Варварскіе обычаи войны въ тотъ вѣкъ извиняли самыя неистовыя злодѣянія въ непріятельскомъ краю. Казаки и Молдаване опустошали поля, сожигали беззащитные города и селенія, умерщвляли старыхъ и малыхъ, насиловали женщинъ и потомъ ихъ убивали. Отвсюду испуганные Валахи разбѣгались; замки и крѣпости оставались безъ обороны, и побѣдители занимали ихъ не теряя ни одного человѣка. Ивонъ хвалилъ свирѣпую ревность своихъ воиновъ и казаковъ, и самъ поджигалъ ихъ на неистовства, — самъ приказывалъ, для забавы, умерщвлять беззащитныхъ подданныхъ своего соперника.

Такимъ-образомъ, свирѣпствуя въ Валахіи, то расходясь въ стороны партіями, то сходясь въ одно войско, Молдаване и казаки дошли до Браилова. Ивону донесли поселяне, что тамъ скрылся господарь съ своимъ братомъ. Посреди города Браилова на берегу Дуная находилась сильная крѣпость, окруженная око-

пами, рвомъ и передовыми укрѣпленіями. Ея высокія башни виднѣлись издали. Самый городъ былъ обнесенъ крѣпкою стѣною. Подступивши къ Браилову, союзники поставили обозъ свой между горъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ его не могли обстрѣливать съ укрѣпленій. Ивонъ послалъ коменданту письмо такого содержанія: «Отдайте мнѣ бѣглецовъ изъ Молдавіи, заклятыхъ враговъ моихъ, господаря Валахіи и брата его Петра, которые безъ всякой причины напали на меня войною, и, когда счастіе имъ не послужило, убѣжали и спрятались здѣсь. Я желаю единственно отклонить опасность отъ головы своей, ибо природа и всѣмъ животнымъ даровала заботливость о жизни. Если же не получу требуемаго, то не отступлю отъ стѣнъ и силою буду брать ихъ».

Комендантъ прислалъ къ нему четырехъ Турокъ съ отвѣтомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ подарками: подарки были — десять пушечныхъ ядеръ и двѣ стрѣлы. Отвѣтъ его, по извѣстію Горѣцкаго, былъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Зная, что ты слуга султана Селима, не могу удовлетворить твоему желанію, ибо до моего слуха дошло, что ты поразилъ большое войско султана, которое вело на господарскій престолъ Петра. Приказываю тебѣ немедленно отступить, а иначе угощу тебя и твоихъ вотъ этими лакомствами»!

Раздраженный Ивонъ приказалъ четыремъ посланцамъ обрѣзать носы и уши, и повѣсить ихъ внизъ головами въ виду крѣпости, чтобы показать, какая судьба, по взятіи Браилова, ожидаетъ всѣхъ, кто въ немъ находится.

Вслѣдъ за тѣмъ, прежде чѣмъ осажденные могли приготовиться къ отраженію, казаки и Молдаване бросились съ лѣстницами къ стѣнамъ, и съ крикомъ взобрались на нихъ. Вмигъ стѣны были проломлены — все войско посыпало въ Браиловъ. Никому не было пощады, — говоритъ современникъ: — кровь зарѣзанныхъ лилась ручьями въ Дунай; убивали младенцевъ, отнимая ихъ отъ матернихъ грудей. Четыре дня длились убійства; побѣдители искали жертвъ во всѣхъ уютныхъ мѣстахъ, и не только живой души человѣ-

ческой — собаки не осталось въ городѣ. Наконецъ самыя зданія города были сожжены до основанія.

Ивонъ и Свирговскій осадили замокъ. Въ то время пришло извѣстіе, что 15,000 Турковъ идетъ на выручку Браилова. Казачій вождь представилъ Ивону необходимость продолжать осаду браиловской крѣпости, дабы не дать осажденнымъ опомниться и ободриться, а самъ вызывался идти противъ Турковъ. Ивонъ присоединилъ къ его казакамъ около восьми или девяти тысячъ Молдаванъ. Свирговскій опять одержалъ побѣду, и обязанъ былъ ею своей расторопности, быстротѣ и умѣнью кстати организовать войско. Только тысяча Турковъ спаслась бѣгствомъ. Остальные легли на полѣ.

Бѣглецы спрятались въ Тейнѣ. Свирговскій погнался за ними, но услышалъ, что около Тейны собираются свѣжія силы Турковъ и крымскихъ Татаръ. Казацкій предводитель не рѣшался броситься въ опасность, когда видѣлъ возможность скорѣе быть побѣжденнымъ, чѣмъ побѣдить, и потому послалъ къ Ивону, совѣтуя ему на этотъ разъ оставить Браиловъ и спѣшить къ Тейнѣ. Ивонъ, покорный во всѣмъ совѣтамъ своего союзника, немедленно прибылъ. Турецко-татарскія силы были разбиты, Тейна взята и сожжена, жители обоего пола истреблены. У Горѣцкаго этотъ фактъ представляется неяснымъ: неизвѣстно, сраженіе съ Турками и Татарами было прежде ли взятія Тейны, или же послѣ.

Восемь дней послѣ того, казаки и Молдаване стояли подъ разрушенными стѣнами Тайны, между-тѣмъ шестьсотъ казаковъ отправились къ Бѣлграду [1]), котораго половину ограбили и сожгли. Но вотъ распространяется слухъ, что отъ Бѣлграда двигается новое турецко-татарское войско, и, не зная о близости непріятелей, идетъ въ безпорядкѣ. Оно, вѣроятно, или еще не слышало о пораженіи господаря Валахіи, или же предполагало, что непріятели заняты осадою Браилова. Тогда казацкіе старшины просили Ивона отправить ихъ

[1]) Аккерману.

на Турковъ. Ивонъ, называя ихъ своими покровителями, сначала отговаривалъ ихъ отъ смѣлаго предпріятія, но потомъ согласился и далъ имъ 3,000 Молдаванъ.

Отправившись въ походъ быстрымъ шагомъ, Свирговскій скоро дошелъ до мѣста, откуда было недалеко до непріятельскаго стана. Здѣсь онъ организовалъ строй войска: онъ не перемѣшивалъ Молдаванъ съ казаками, но, какъ и прежде, поставилъ первыхъ позади, а послѣднихъ впереди, раздѣливъ на три отряда: на правой сторонѣ было четыреста лучниковъ съ луками, посреди — четыреста человѣкъ стрѣлковъ съ круглыми щитами, а на лѣвой четыреста копейщиковъ. Ряды Волоховъ замыкали строй сзади. Въ такомъ порядкѣ войско стало противъ непріятелей. Турки, замѣчая, что число враговъ не велико, бросились на нихъ съ отвагою и увѣренностію. Свирговскій приказалъ стрѣлкамъ дать по нимъ залпъ, потомъ правое крыло пустило на лѣвое крыло турецкаго войска градъ стрѣлъ, въ ту же минуту копейщики спѣшились и пошли колоть Турковъ копьями. Турки были сбиты въ толпу, и тѣмъ давали возможность казакамъ разомъ поражать ихъ. Наконецъ, Волохи, по данному знаку, налетали на конницу съ крикомъ. Конница обратилась назадъ и смяла пѣхоту: все побѣжало. Со стороны союзниковъ убито, — по увѣренію Горѣцкаго, — только три казака и 100 Молдаванъ; Фредро увеличиваетъ число послѣднихъ до 120. Ивонъ стоялъ издали и любовался пораженіемъ непріятеля. По окончаніи побоища, ему привели, — по сказанію Горѣцкаго, — двѣсти, а по сказанію Фредро, двѣсти пятьдесятъ человѣкъ. Господарь приказалъ ихъ провести черезъ два ряда пѣхоты и изрубить. Самъ предводитель турецкаго войска былъ схваченъ казаками: онъ былъ богатъ и предложилъ имъ большой окупъ за себя. Фредро говоритъ, что онъ предлагалъ имъ золота вѣсомъ вдвое противъ того, сколько вѣсилъ самъ, и втрое столько же серебра, и сверхъ того *вагу* жемчугу. Его благородный видъ и гордая осанка, — говоритъ Горѣцкій, — могла бы возбудить состраданіе, но толпа болѣе цѣнила слово, данное Ивону; при-

томъ же казаки были обогащены добычею, а потому рѣшились отдать его Ивону. Фредро говоритъ, что видя ихъ неподатливость, онъ въ отчаяніи просилъ, по-крайней-мѣрѣ, умертвить его, но не отдавать Ивону. Казаки и на то не согласились, и привели его къ господарю. Ивонъ нѣсколько дней разспрашивалъ его о положеніи турецкихъ дѣлъ, наконецъ приказалъ изрубить въ куски.

Послѣ этой побѣды господарь съ казаками двинулся къ крѣпости Уссенъ, чтобъ дать войску отдыхъ. Между-тѣмъ тайные друзья въ Константинополѣ увѣдомили его, что новая, огромнѣйшая, сила собирается на него. Онъ разсчиталъ, что все зависитъ отъ переправы чрезъ Дунай: если онъ успѣетъ въ пору преградить непріятелю путь чрезъ эту рѣку, отдѣлявшую Молдавію отъ Турецкой Земли, то самыя огромныя силы не могутъ повредить ему. Поэтому онъ обратилъ вниманіе на этотъ пунктъ, и поручилъ стражу на Дунаѣ старому другу своей юности, баркалабу (коменданту) хотинскому Іереміи Чарнавичу: по извѣстію Горѣцкаго, онъ далъ ему для того 30,000, а по извѣстію Фредро только 12,000 войска, но самаго отборнаго. Чарнавичъ долженъ былъ на лѣвомъ берегу Дуная разставить караулы, которые обязаны были замѣчать явленіе Турковъ на противоположномъ берегу, слѣдить за ихъ оборотами, и давать знать одинъ чрезъ другаго Чарнавичу, днемъ — посредствомъ пушечныхъ выстрѣловъ, а ночью посредствомъ зажженныхъ огней.

Отправляя Чарнавича, Ивонъ съ умиленіемъ цѣловалъ его, а Чарнавичъ, стоя на колѣняхъ, присягнулъ въ вѣрности.

Отрядивши Чарнавича, Ивонъ распустилъ свое войско для отдыха, приказавъ быть готовымъ по первому звуку трубы, твердо увѣренный, что Чарнавичъ не дозволитъ Туркамъ переправиться чрезъ Дунай. Въ-самомъ-дѣлѣ, — говоритъ Фредро: — скорѣе бы турецкій султанъ погибъ, чѣмъ побѣдилъ Ивона, еслибъ не погубила послѣдняго измѣна. Чарнавичъ прибылъ къ Дунаю, и вскорѣ на противоположномъ берегу увидѣлъ огромныя турецкія силы. Оба польскіе историки полагаютъ число

ихъ до 200,000: Фредро говоритъ, что у нихъ было до ста пушекъ. Горѣцкій поясняетъ, что пушки у нихъ, какъ и у Волоховъ, были каменныя. Сначала Турки попробовали-было въ нѣсколькихъ мѣстахъ начать переправу, но тотчасъ отступили, увидя на другомъ берегу войско, готовое препятствовать имъ. Паши разочли, что лучше достигнуть цѣли посредствомъ золота. Къ Чарнавичу явились посланцы изъ турецкаго войска, принесли ему въ подарокъ 30,000 червонцевъ, и просили прибыть на тайный разговоръ съ господаремъ Валахіи. Іеремія соблазнился подарками и продалъ свою присягу: онъ отправился за Дунай къ господарю.

«Ты человѣкъ мудрый, — сказалъ ему господарь: — ты самъ видишь и разумѣешь, что Ивону невозможно удержаться на господарствѣ; онъ разгнѣвалъ Селима, разбилъ его войско и заплатитъ за то, во что̀ бы то ни стало, собственной головой, а господарство Молдавіи достанется иному. Пока еще есть время пріобрѣсти себѣ расположеніе Селима услугами. Легко начать войну, а трудно вести ее, и та же сила недостаточна въ концѣ войны, какая была достаточна въ началѣ; начать можно какъ-нибудь, а окончить надобно непремѣнно побѣдой. Слѣдуетъ намъ вступить въ братство и дружбу: это лучше чѣмъ воевать. Правда, Ивонъ разсыпаетъ богатства, да не слѣдуетъ вѣрнаго отметать для невѣрнаго. Ты уже получилъ 30,000 червонцевъ: скоро получишь болѣе; наконецъ, если хочешь дружескаго совѣта, то не должно тебѣ соединять своихъ добрыхъ обстоятельствъ съ дурными обстоятельствами Ивона. Позволь свободно перейти за Дунай Туркамъ, которыхъ Селимъ посылаетъ въ огромномъ числѣ въ Молдавію, чтобъ поймать Ивона. Если этотъ край будетъ завоеванъ, то ты тогда получишь величайшія почести: теперь нужно только, чтобъ переходъ черезъ Дунай былъ скрытъ до времени отъ Ивона, когда перейдемъ Дунай, тогда уже легко будетъ поймать мятежника, истребить его полчища, и въ одинъ часъ отмстить за прежнія наши пораженія».

Чарнавичъ, упоенный обѣщаніями, принялъ условія, воро-

тившись на лѣвый берегъ Дуная, снялъ караулы съ берега и оставилъ Туркамъ свободную переправу.

Объ этомъ свиданіи Чарнавича разсказываетъ одинъ Горѣцкій; Фредро не упоминаетъ о немъ, а говоритъ, что Чарнавича искусили на предательство турецкіе послы, заплатили 30,000 червонцевъ, и обѣщали дать вдвое послѣ переправы.

Когда турецкія силы переправились черезъ Дунай, Чарнавичъ отправился къ Ивону съ тѣмъ, чтобъ заманить въ погибель. Онъ извѣстилъ его, что никакъ не могъ преградить непріятелю путь черезъ Дунай; но силы его еще пока могутъ быть сокрушены, если Ивонъ поспѣшитъ со всѣмъ войскомъ. Горѣцкій говоритъ, что Чарнавичъ извѣстилъ Ивона, будто Турковъ всего до 12,000, а Фредро говоритъ, что онъ назначилъ ихъ число въ 30,000.

Немедленно войско было собрано; Ивонъ съ Молдаванами и казаками 9 іюня 1574 года стоялъ за три мили отъ турецкаго обоза и приказалъ окапываться шанцами. Господарь объявилъ, что всѣ должны на завтрашній день ожидать битвы. Какое-то грустное предчувствіе распространилось въ обозѣ. Самые казаки, столь отважные, начали задумываться. Собравшись у Свирговскаго, сотники начали разсуждать о настоящемъ положеніи дѣлъ. «Волохи часто продавали свое отечество, — говорили казаки: — Волохи по природѣ измѣнчивы, Іеремія подозрителенъ. Малый окопъ можетъ быть достаточенъ для того, чтобъ удерживать непріятелей; не удивительно ли, что высокіе берега быстрой и широкой рѣки не были достаточною преградою для нихъ»?

«Мы готовы сражаться не заботясь о жизни, — говорили другіе старшины: — но нельзя идти на явную гибель, когда видимъ дурныя распоряженія; непонятно, почему Ивонъ довѣрилъ такое важное дѣло Іереміи Чарнавичу и не придалъ ему товарища, который бы могъ быть и совѣтникомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ стражемъ и свидѣтелемъ вѣрности».

Они отправились толпою въ шатеръ господаря.

«Достопочтенный господарь! — сказалъ Свирговскій: — до сихъ поръ мы были тебѣ вѣрны, и вмѣстѣ съ тобою сражались

противъ свирѣпаго непріятеля; ты самъ знаешь, гдѣ и чего мы заслужили. Теперь опять готовы сражаться за тебя до послѣдней капли крови, и врагъ только по нашимъ трупамъ можетъ взойти въ Молдавію. Но мы видимъ необходимость изслѣдовать и обсудить наше положеніе; бросившись въ сѣчу, не зная ни числа, ни плановъ непріятеля, мы можемъ попасть въ такую засаду, гдѣ насъ истребятъ какъ стадо скотовъ. И такъ объясни намъ, какъ ты думаешь сражаться съ врагомъ».

«О, мужественные рыцари, милѣйшіе мнѣ болѣе собственной жизни, — сказалъ Ивонъ: — знаю я доблесть вашу, помню ваши поступки впродолженіи всей войны. Никогда не ввергну я васъ на погибель непріятелю и не позволю торжествовать непріятельскимъ замысламъ. Недалеко отсюда стоитъ Чарнавичъ: онъ встрѣтилъ врага и извѣдалъ всѣ его намѣренія. Я никому не могъ столь оходно довѣрить этого важнаго дѣла, какъ тому, который оказывалъ мнѣ вѣрность въ самыхъ труднѣйшихъ обстоятельствахъ жизни, былъ товарищемъ моего изгнанія и скитальчества. Онъ самъ донесъ мнѣ, что Турковъ не болѣе 15,000, да еслибъ ихъ было и 30,000, то мы можемъ ополчиться на нихъ съ Божіею помощію».

«Я совѣтую тебѣ, господарь, — сказалъ Свирговскій: — пока удерживать войско на одномъ мѣстѣ, а мы, казаки, отправимся на непріятеля, поймаемъ кого-нибудь изъ ихъ обоза и узнаемъ достовѣрно о числѣ и планахъ Турковъ».

Ивонъ согласился и далъ имъ шесть тысячъ молдаванской конницы.

Они наткнулись на шесть тысячъ отборной турецкой конницы, содержавшей передовой караулъ. Казаки и Молдаване вступили съ ними въ битву и разогнали. Къ несчастію, въ руки ихъ попался только одинъ плѣнникъ, и тотъ былъ смертельно израненъ. Онъ увѣрялъ ихъ, что Турковъ ничтожное число, и тотчасъ испустилъ дыханіе. Казаки поняли, что онъ солгалъ.

«Нѣтъ сомнѣнія, — сказалъ Свирговскій, вновь явившись въ шатеръ Ивона: — что непріятели пришли несравненно въ числѣ бóльшемъ того, какое тебѣ сказалъ Чарнавичъ. Это видно

ясно изъ того, что мы встрѣтили такую огромную передовую стражу. Господарь! совѣтуемъ тебѣ подумать о себѣ и убѣдиться собственными очами въ вѣрности Чарнавича».

Ивонъ отвѣчалъ имъ:

«Нечего бояться; я знаю кому вѣрить. Мы скоро узнаемъ о числѣ непріятелей. Я пришелъ сюда для того, чтобъ до послѣдняго дыханія охранять отечество отъ враговъ».

Ивонъ расположилъ свой обозъ близь озера, вытекающаго изъ Дуная. Всего войска у него, кромѣ рабочей прислуги, было 30,000. Онъ раздѣлилъ его на тридцать рядовъ: передъ каждымъ рядомъ поставлены были каменныя пушки, которыхъ числомъ всѣхъ было восемьдесятъ. Пѣхота была отдѣлена отъ конницы. Лучшее его войско, въ числѣ 13,000 конницы, находилось у Чарнавича; пѣхота, которая была въ обозѣ, бóльшею частію состояла изъ поселянъ, вооруженныхъ косами и кіями. Многіе изъ нихъ, привязанные къ Ивону, который умѣлъ вообще заслужить расположеніе простонародья, просили его находиться при казакахъ, какъ при лучшемъ войскѣ.

Въ то время когда Ивонъ устроивалъ въ боевой порядокъ войско, Турки не показывали своихъ силъ, скрытыхъ за близлежащимъ возвышеніемъ. Ивонъ предъ устроеніемъ войска, всходилъ одинъ разъ на холмъ и не увидалъ ничего. Окончивши устроеніе, онъ снова взошелъ на тотъ же холмъ и увидѣлъ огромнѣйшія полчища.

Измѣна Чарнавича стала для него очевидна.

Ивонъ закричалъ, чтобъ къ нему привели Чарнавича. Но посланный воротился къ господарю безъ Чарнавича, и объявилъ отвѣтъ Чарнавича, что онъ не можетъ явиться, потому-что сейчасъ вступаетъ въ битву съ Турками за своего господаря.

Въ-самомъ-дѣлѣ предъ глазами Ивона, слѣдившаго за движеніями Чарнавича, послѣдній повелъ свой отрядъ на Турковъ.

Но едва только обѣ стороны обмѣнялись ударами, какъ вдругъ, по приказанію Чарнавича, весь отрядъ понижаетъ знамена, бросаетъ копья и мечи, снимаетъ шлемы и преклоняетъ головы. Вѣроятно, измѣнникъ привелъ своихъ воиновъ въ та-

кое положеніе, что они были окружены со всѣхъ сторонъ, и какъ-будто принуждены были сдаться. Такимъ-образомъ Чарнавичъ могъ обмануть своихъ подчиненныхъ, которые тогда думали, что не измѣна, а необходимость заставила полководца приказать имъ положить оружіе.

Войско Ивона, при видѣ предательства, пришло въ смятеніе, — отступило назадъ. Въ отчаяніи Молдаване кричали, что все пропало. Но Ивонъ не упалъ духомъ, ободрялъ унывающихъ, и приказалъ ударить на Турковъ. Турки поставили впереди своихъ рядовъ измѣнниковъ-Молдаванъ, передавшихся къ нимъ. Увидя это, Ивонъ приказалъ направить преимущественно на нихъ орудія. Они всѣ погибли, но Турки, защищаясь ихъ грудьми, успѣли дойдти до непріятельскаго войска.

Тогда Свирговскій ударилъ на нихъ сбоку. Турки начали бѣжать. Но опытный казацкій вождь тотчасъ замѣтилъ, что это дѣлается съ хитростью, — что Турки хотятъ заманить враговъ въ засаду, подъ выстрѣлы своихъ пушекъ. Казаки не погнались за ними.

Снова Турки бросились на Молдаванъ и началась кровопролитная сѣча. Падали съ лошадей турецкіе и молдаванскіе мужи, — говоритъ современникъ: — пыль и дымъ закрывали клубами солнце; нельзя было слышать человѣческаго голоса; пушкари не видали куда направлять выстрѣлы. Ивонъ, не теряя ни на минуту бодрости, громкимъ голосомъ даетъ команду своимъ воинамъ. Турки подались назадъ, поражаемые выстрѣлами каменныхъ молдаванскихъ пушекъ. Въ эту минуту такъ походило на пораженіе Турковъ, что даже жители лежавшаго за Дунаемъ города Облачина, смотря съ высокихъ стѣнъ на битву, собирались убѣгать, думая, что враги по слѣдамъ разбитыхъ Турковъ появятся на правомъ берегу Дуная.

Но вдругъ сводъ небесный затмился, загудѣла порывистая буря и вслѣдъ за нею пролился дождь.

Это былъ неисправимый ударъ для Молдаванъ. Дождь подмочилъ порохъ и пушки немогли болѣе дѣйствовать.

Когда стало разъясниваться, Турки и Татары, раздраженные

бывшею неудачею, ударили на Молдаванъ съ ужаснымъ бѣшенствомъ. Густою толпою понеслись они на пушки, которыя уже не стрѣляли: враги врѣзались въ ряды Волоховъ — и Волохи побѣжали. Музульмапе гнались за ними и рѣзали растерянныхъ, какъ стадо. Казаки храбро погибали въ битвѣ; отъ тысячи двухсотъ осталось ихъ только двѣсти пятьдесятъ.

Къ казакамъ ѣхалъ Ивонъ, неся въ рукахъ знамя, которое служило для войска знакомъ, куда всѣмъ собираться. Молдаванская пѣхота толпилась въ безпорядкѣ, убѣгая съ поля. «Одно присутствіе духа», — кричалъ на Молдаванъ Ивонъ: «одно только можетъ избавить насъ отъ опасности».

Онъ обратился къ казакамъ.

«Вижу, доблестные мужи, что измѣна Чарнавича привела насъ къ погибели; но гдѣ наши тѣла полягутъ подъ непріятельскими мечами, тамъ и я положу свое тѣло, а душа полетитъ къ небу».

«Смерть неизбѣжна, Ивонъ», — отвѣчалъ Свирговскій: — «смерть — достойная рыцарей; я не страшусь ее, лишь бы только головы наши были отомщены; но чтобъ не радовались эти псы, враги христіанства — отступимъ далѣе, пока есть возможность»!

Казаки сошли съ коней и смѣшались съ рядами пѣхоты; самъ господарь оставилъ коня и шелъ вмѣстѣ съ простыми воинами. Казаки начали тянуть за собой пушки и успѣли стащить ихъ до шестидесяти; Ивонъ, при этомъ, показалъ такую тѣлесную силу, что одинъ потянулъ пушку, которую едва двѣнадцать человѣкъ могли сдвинуть съ мѣста, — говоритъ Горѣцкій. Значительная часть пушекъ была набита большимъ количествомъ пороха и покинута — въ надеждѣ, что Турки вздумаютъ стрѣлять изъ нихъ, и они разорвутся со вредомъ для стрѣляющихъ.

Къ вечеру 9 іюня, за тысячу шаговъ отъ побоища, Ивонъ остановился на развалинахъ недавно соженной деревни. У него оставалось еще двадцать тысячъ пѣхоты. Онъ приказалъ окапываться и сдѣлалъ гибельную ошибку, — въ окопахъ не было воды. Вечеромъ 10 іюня турецкое войско появилось въ такомъ

огромномъ числѣ, что взоръ не могъ прослѣдить конца его рядовъ. Ночью, кругомъ по горизонту, поднялось пожарное зарево. Турки жгли сосѣднія села, чтобъ отнять у непріятелей продовольствіе.

На зарѣ 11 іюня, Турки начали стрѣлять въ молдаванскій обозъ, но ядра недостигали цѣли: обозъ былъ очень высокъ. Напротивъ, молдаванская пѣхота, стоя на валахъ, стрѣляла въ нихъ мѣтко изъ огнестрѣльнаго оружія и луковъ. Такъ прошло три дня.

13 іюня явились посланцы отъ главнаго предводителя турецкаго войска въ обозъ молдаванскаго господаря.

Они предложили ему сдаться на милосердіе Турковъ, положить оружіе и не подвергать болѣе напрасной опасности ни своихъ, ни турецкихъ воиновъ.

Ивонъ отвѣчалъ:

«Несомнѣнно вижу, до какого положенія я приведенъ, однако, есть у меня еще мужественная пѣхота, — могу вамъ нанести пораженіе; но во всякомъ случаѣ моя судьба рѣшена, и потому не отказываюсь сдаться, но только тогда, когда предводители поручатся въ моей цѣлости, и седьмикратно утвердятъ присягою тѣ условія, какія предложу имъ я самъ».

Онъ выслалъ пословъ за окопы, а самъ собралъ на совѣтъ Волоховъ и казаковъ.

«Печаленъ для насъ настоящій день, мужественные рыцари», — сказалъ онъ: — «намъ остается или сдаться, или умереть въ этихъ окопахъ. Каковъ будетъ вашъ совѣтъ: сдаться ли намъ, или запереться въ обозѣ и приготовиться къ неизбѣжной смерти, или, наконецъ, вступить въ славную битву и погибнуть, нанесши вредъ непріятелю. Смерть, во всякомъ случаѣ, есть предѣлъ страданій; смерть освобождаетъ тѣло отъ мученій, очи—отъ взиранія на то, что возбуждаетъ негодованіе; смерть переноситъ насъ въ вѣчность, гдѣ мы будемъ созерцать лицо Божіе».

«Смерть для насъ, Ивонъ», — отвѣчалъ Свирговскій: — «никогда не была и не будетъ страшною; но если ты рѣшился

ударить на непріятеля, мы съ бо́льшей охотою падемъ со славою, чѣмъ, взятые въ неволю, окончимъ жизнь среди мукъ и поруганій, тѣмъ болѣе, что нельзя довѣрять клятвѣ, данной невѣрными христіанамъ».

Такъ думали казаки, но Волохи предпочитали принять условія, если только они будутъ сносны; въ противномъ случаѣ, изъявляли готовность положить головы въ битвѣ.

Ивонъ нѣсколько времени колебался, наконецъ, рѣшился сдаться: къ этому его побудило особенно то, что воины его, должны были изнывать отъ жажды въ окопахъ, гдѣ не было ни капли воды.

«Лучше мнѣ», — сказалъ онъ, — «отдаться въ руки врага и перенести жребій, какой меня ожидаетъ, нежели по моей винѣ будутъ умирать тысячи народа. Буду медлить отвѣтомъ посламъ, пока они согласятся присягнуть на условія, которыя я подамъ имъ, а когда присягнутъ, тогда положимъ оружіе».

Онъ позвалъ турецкихъ пословъ и сказалъ: — «Я сдаюсь, если каждый изъ вашихъ вождей и начальниковъ семь разъ присягнетъ на слѣдующія условія: во-первыхъ, даровать свободный возвратъ казакамъ черезъ Днѣстръ; во-вторыхъ, меня самого, цѣлаго и невредимаго, доставить Селиму султану, моему государю. О Волохахъ я не говорю: они подданные султана и должны быть ему вѣрны. Если вы нарушите ихъ свободу или будете ихъ убивать, вредъ отъ этого будетъ султану или тому, кого онъ назначитъ правителемъ Молдавіи».

Тогда отправились въ турецкій обозъ послы Ивона, и въ присутствіи ихъ турецкіе предводители седмикратно присягнули хранить предложенныя условія. Послѣ того турецкіе вожди приблизились къ молдаванскому обозу и приглашали Ивона въ свой обозъ, какъ пріятеля.

Ивонъ вышелъ къ нимъ; его провожали казацкіе вожди и Волохи.

«Если всемогущему Богу угодно предать меня въ руки ваши», — сказалъ Ивонъ турецкимъ старшинамъ: — «то я прошу васъ, во имя вѣры вашей и воинской чести, которою вы

поклялись, даровать казакамъ съ ихъ лошадьми и движимостью свободный возвратъ: они достойны уваженія и почтенія всѣхъ народовъ. Если же вы противъ нихъ ожесточены, то отмстите имъ на мнѣ: я готовъ все перенесть за нихъ».

Онъ оборотился и сказалъ:

«Тяжелая судьба разлучаетъ меня съ вами, а потому каждому изъ васъ даю эту десницу, и увѣряю, что пока останется духъ въ этомъ смертномъ тѣлѣ, до-тѣхъ-поръ ваше имя буду сохранять въ благодарной памяти».

Ивонъ прощался съ Волохами, раздавалъ имъ золото и драгоцѣнности, потомъ опять обратился къ казакамъ, роздалъ имъ все свое оружіе и сказалъ:

«Если бы горсть ваша была вдвое болѣе, или по-крайней-мѣрѣ была цѣла, не сомнѣваюсь, что, при Божіей помощи, я бы избавился отъ этихъ невѣрныхъ псовъ и выгналъ бы ихъ съ земли, которую мнѣ Богъ назначилъ. Теперь, если Богъ меня избавитъ отъ жестокихъ и свирѣпыхъ враговъ, и если паши, какъ поклялись, приведутъ меня къ Селиму, я могу поклясться, что опять возвращусь въ Молдавію. Прошу васъ сохранить меня до того времени въ памяти. Тогда я дамъ важнѣйшія мѣста въ моемъ владѣніи людямъ вашего племени, и все что́ послѣ меня останется — будетъ ваше; вѣрность, мужество и непоколебимость ваша мнѣ извѣстны. Возьмите теперь эти драгоцѣнности въ награду удивительной вашей преданности, которую вы мнѣ оказали. Вѣчно сохраню благодарность въ средцѣ; клянусь Творцомъ-Богомъ, которому васъ поручаю».

Раздавши оружіе казакамъ, онъ отправился въ турецкій лагерь. Это происходило 14 іюня 1574 года.

Его привели къ главному предводителю Капудъ-пашѣ. Во время разговора съ нимъ, Ивонъ рѣзкими выраженіями вывелъ его изъ себя: паша ударилъ господаря мечомъ. Тогда янычары бросились на него и отрубили ему голову. Тѣло Ивона привязано было къ двумъ верблюдамъ и разорвано пополамъ, а голову вложили на копье. Его кровью, — говоритъ Горѣцкій и Фредро: — Турки намазывали острія своихъ мечей, думая чрезъ

то получить силу и мужество Ивона. Горѣцкій прибавляетъ, что эту крова они давали лизать своимъ лошадямъ, думая, что черезъ то лошади пріобрѣтутъ бодрость и живость, а кости Ивона употреблены были на оправу оружія.

По смерти Ивона, Турки бросились на Молдаванъ, вышедшихъ изъ обоза, и истребляли ихъ безъ разбора. Видя предательство, казаки, не надѣясь на возможность возврата, хотѣли-было броситься снова въ окопы, но они были заняты врагами. Тогда устроившись въ рядъ, они рѣшились отразить нападеніе къ удивленію Турковъ. Несмотря на данную присягу, Турки бросились на нихъ съ оружіемъ. Почти всѣ казаки, сражаясь геройски противъ несравненно бо́льшаго числа враговъ, погибли: только немногіе попались въ плѣнъ. Горѣцкій называетъ послѣднихъ по именамъ; это были: Свирговскій, Козловскій, Сидорскій, Янчикъ, Копытскій, Залѣскій, Решковскій, Соколовскій, Либишовскій, Цишовскій, Суцинскій, Богшицкій. Турки пытались обратить ихъ въ музульманство, именемъ Селима обѣщая имъ богатства.

«Лучше мы будемъ влачить бѣдственную жизнь, — отвѣчали они: — чѣмъ пользоваться богатствомъ на пагубу души».

Это благородство тронуло враговъ. «Въ цѣломъ польскомъ королевствѣ, — сказали они, — нѣтъ подобныхъ вамъ воинственныхъ мужей».

«Напротивъ, — отвѣчали казаки: — мы самые послѣдніе: между своими нѣтъ намъ мѣста, и потому мы пришли сюда, чтобъ или пасть со славою, или воротиться съ военною добычею».

Горѣцкій говоритъ, что они были выкуплены отъ родственниковъ за огромныя деньги. Но конецъ Свирговскаго изображается не такъ русскими источниками. Всѣ южно-русскія лѣтописи согласно утверждаютъ, что Свирговскій не возвратился въ отечество. Миллеръ говоритъ, что Турки запросили за него такую огромную сумму, что въ Украинѣ не нашлось людей, которые бы согласились истощать за него свое достояніе. Украинскія лѣтописи глухо повѣствуютъ, что послѣ нѣсколькихъ

(именно четырнадцати по Самовидцу), счастливыхъ сраженій, онъ, чрезъ измѣну, потерпѣлъ пораженіе и погибъ со всѣмъ войскомъ. Конискій, *Повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ* и одна ненапечатанная лѣтопись прямо говорятъ, что Свирговскій погибъ подъ Киліей.

Народная пѣсня описываетъ плачевный конецъ гетмана и тоску о немъ въ Украинѣ такимъ образомъ:

Якъ того пана Ивана
Шчо Свирговського гетьмана
Та якъ бусурмани піймали,
То голову ему рубали, —
Ой голову ему рубали,
Та на бунчукъ вішали,
Та у сурьми вигравали.
Зъ его глумовали.
А зъ низу хмара стягала,
Шчо воронівъ ключа набігала
По Украини тумани слала,
А Украина сумовала,
Свого гетьмана оплакала.
Тоді буйнии вітри завивали:
— Дежъ ви нашого гетьмана сподівали? —
Тоді кречети налітали:
— Дежъ ви нашого гетьмана жалковали? —
Тоді орли загомоніли:
— Дежъ ви нашого гетьмана схоронили? —
Тоді жайворонки повилися:
— Дежъ вы зъ нашимъ гетьманомъ простилися? —
У глибокій могилі,
Біля города Килиі
На турецькій линиі.

1855.

ГЕТМАНСТВО ВЫГОВСКАГО.

ГЕТМАНСТВО ВЫГОВСКАГО [1]).

I.

27 іюля 1657 г., гетманъ Богданъ Хмельницкій сошелъ въ могилу. Переворотъ, произведенный имъ, остался неоконченнымъ; вопросы, возникшіе въ его эпоху, не были разрѣшены. Отторгнувшись отъ Польши, Украина не соединилась еще съ Московіею въ одно тѣло и, оставаясь съ своею отдѣльностію, должна была служить предметомъ распрей между сосѣдями, которые хотѣли ею завладѣть. Украинскій народъ не имѣлъ ни мало политическаго воспитанія, чтобъ выиграть свой процессъ въ исторіи и на самобытныхъ началахъ организовать стройное гражданское цѣлое. Уже въ самомъ существованіи казачества заключались, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, причины внутреннихъ безпорядковъ, которые

[1]) Источниками служили: акты архивовъ Министерствъ Иностранныхъ дѣлъ и Юстиціи, напечатанные авторомъ въ актахъ Южной и Западной Россіи, изд. Археографическою Коммисіею, рукописные современныя польскія письма и акты, хранящіеся въ рукописяхъ Императорской Публичной Библіотеки; сочиненія: Коховскаго Annalium climacteres, Historia panowania Jana Kazimerza, Рудавскаго Historia ab excesu Vladislai IV; Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ, Полное собраніе законовъ т. I. малоросійскія лѣтописи: Самовидца, Грабенки, Величка и другія безъименныя.

должны были разрушить неутвержденное на разумныхъ основаніяхъ и недостроенное политическое зданіе. Дѣло освобожденія Украины совершено было цѣлымъ народомъ; во время борьбы съ Польшею, всѣ Украинцы были равными казаками; но какъ-скоро борьба улеглась — народъ распадался на *казаковъ* и *посполитыхъ*; первые должны были съ оружіемъ въ рукахъ стоять на стражѣ возникающаго новаго порядка вещей; другіе — обратиться къ мирнымъ занятіямъ гражданина и селянина. Это было необходимо. Но первыхъ ожидали права и преимущества, — они готовились составить привилегированный классъ; положеніе послѣднихъ не было ни опредѣлено, ни охраняемо никакимъ правомъ; на ихъ долю не только выпадали нести всѣ повинности, отъ которыхъ освобождались казаки, но имъ было суждено, повидимому, подпасть подъ произволъ казацкаго сословія; цѣлыя села, населенныя посполитыми, отданы казацкимъ чиновникамъ въ видѣ ранговыхъ имѣній; со временемъ эти имѣнія походили бы на польскія староства. Посполитые долго не могли забыть, что казаки были тоже, что̀ и они, и, въ свою очередь, сами теперь хотѣли быть казаками, и долго не было опредѣленныхъ границъ между двумя сословіями: при первомъ удобномъ случаѣ посполитые брались за оружіе и называли себя казаками, а признанные прежде законно казаками попадали въ сословіе посполитыхъ. И потому, во второй половинѣ XVII вѣка, несмотря на казацкіе реестры, въ Украинѣ на самомъ дѣлѣ казакомъ былъ всякій, кто хотѣлъ и могъ; и такимъ порывамъ распространить казачество на всю массу народонаселенія Украины противодѣйствовало другое направленіе — ограничить казацкое сословіе тѣснымъ и опредѣленнымъ числомъ записанныхъ въ реестры. Такъ было задолго до Богдана Хмельницкаго, когда польское правительство постоянно хотѣло, чтобъ казаки составляли военное сословіе въ опредѣленномъ числѣ, а народъ домогался весь обратиться въ казаковъ, то есть быть вольнымъ; ибо съ представленіемъ о казакѣ соединялось понятіе о свободѣ. Воззванія Хмельницкаго нашли отголоски въ народныхъ побужденіяхъ: всѣ хотѣли

быть казаками, всѣ шли на брань противъ Поляковъ, которые до того времени не допускали распространяться казачеству. Но только сорокъ тысячъ изъ всей массы ополченнаго народа пріобрѣтали казачество; все остальное народонаселеніе, державшее въ рукахъ оружіе, должно было лишиться прежде пріобрѣтеннаго званія. Противодѣйствіе посполъства, исключаемаго изъ казацкаго сословія, волновало Украину во все время гетманства Хмельницкаго; оно еще рѣзче выразилось послѣ его смерти.

Сверхъ-того, въ самомъ казацкомъ сословіи возникло раздвоеніе: образовались казаки *значные*; къ нимъ принадлежали чиновники, какъ настоящіе, такъ и бывшіе (бунчуковые товарищи), шляхтичи, приставшіе къ казакамъ, и вообще богатые казаки; противоположны имъ были казаки *простые*, которыхъ значные называли *казацкою черныо* и которые, при случаѣ, готовы были противодѣйствовать возвышенію значныхъ. Сами, наконецъ, значные нешляхетскаго званія хотѣли уравнить себя съ тѣми изъ своихъ собратій, которые носили это званіе. Вліяніе значныхъ развивалось съ усиленіемъ гетманской власти. Въ послѣдніе годы Хмельницкаго, власть гетманская хотя зависѣла отъ рады, но онъ, пользуясь всеобщимъ къ себѣ уваженіемъ, часто дѣйствовалъ безъ рады и самовольно назначалъ чиновниковъ; а чѣмъ меньше власть гетмана связывалась народнымъ собраніемъ или радою, тѣмъ деспотичнѣе была власть полковниковъ и сотниковъ, тѣмъ больше усиливалось вліяніе ихъ на общественныя дѣла. Радою начали управлять чиновники; нерѣдко и цѣлая рада составлялась изъ однихъ чиновниковъ да значныхъ. Такой порядокъ породилъ множество недовольныхъ: они бѣжали въ Запорожье; туда укрывались и тѣ посполитые, которые не хотѣли спокойно сносить свое униженіе и видѣть возвышеніе казаковъ; отъ этого въ Запорожьѣ возникло тогда соперничество съ *городовымъ* казачествомъ [1]), какъ называли они Гетманщину. Запорожцы не хотѣли подлежать власти гетмана. Но мысль объ отдѣленіи Запорожья, съ

[1]) Лѣтоп. Самов., 38.

огромными степями по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, не могла еще развиться въ то время, при непрерывной связи съ Украиною; связь эта поддерживалась толпами пришельцевъ, недовольныхъ порядкомъ въ Гетманщинѣ. Запорожцы, почитая себя цвѣтомъ казачества, хвалились, что не городовые казаки, а они первые избрали Богдана Хмельницкаго; что война, освободившая Русскую Землю отъ Польши, вышла изъ Запорожья. Запорожцы говорили, что, поэтому, и теперь не городовое, а *низовое* казачество должно преимущественно распоряжаться дѣлами Украины; что ни выборъ гетманства, ни какое другое политическое дѣло, не можетъ быть предпринято безъ согласія Сѣчи [1]). Запорожскіе старшины были избираемы и свергаемы толпою, по произволу черни. Такой порядокъ они хотѣли, повидимому, распространить во всей Украинѣ; простымъ казакамъ это нравилось, поспольству, хотѣвшему равенства, еще болѣе,—и поэтому Запорожье привлекало къ себѣ простыхъ казаковъ и поспольство, и всякое предпріятіе, начатое Запорожцами, могло имѣть удачу въ массѣ Украинскаго народа. Впрочемъ, какъ изъ общественнаго строя Запорожья не могло возникнуть новаго порядка вещей, такъ и изъ недовольства посполитыхъ и казацкой черни противъ значныхъ. Низверженіе власти значныхъ могло кончаться только замѣненіемъ однихъ лицъ другими, которые, въ свою очередь, начинали играть роль значныхъ. Каждый чиновникъ, выбранный изъ простыхъ казаковъ, дѣлался значнымъ и возбуждалъ противъ себя чернь, изъ которой вышелъ; его смѣняли, выбирался другой — и тотъ точно также, какъ первый, становился значнымъ и также чернь была имъ недовольна. Да и самыхъ значныхъ не соединяло единство намѣреній и цѣлей, — каждый преслѣдовалъ прежде всего личныя свои выгоды, одинъ подъ другимъ рылъ яму и самъ въ нее падалъ: каждый хотѣлъ другаго столкнуть, потоптать, и самъ подвергался, въ свою очередь, такимъ же непріятностямъ отъ своихъ товарищей.

---

1) Лѣтоп. Велич., I, 309.

Въ отношеніи къ сосѣднимъ странамъ, по смерти Богдана Хмельницкаго, въ Украинѣ были двѣ политическія партіи. Къ первой принадлежала бо́льшая часть старшинъ, значныхъ, — вообще немногіе лица съ образованностію, полученною въ Польшѣ вмѣстѣ съ польскими политическими понятіями, и, наконецъ, шляхтичи русской вѣры, приставшіе къ казакамъ — кто для вѣры, а кто для сохраненія своихъ имѣній во время казацкаго возстанія. Они подняли оружіе противъ Польши не потому, чтобъ польскій политическій составъ имъ ненравился, а потому что они не могли подъ польскимъ владычествомъ пользоваться выгодами, какія могли бы извлечь изъ польской организаціи. По образцу польскому, они хотѣли бы и Украины, похожей на Польшу: съ сеймами, посольскими избами, рѣчами и вольнымъ шляхетствомъ, и въ этомъ классѣ каждому хотѣлось помѣститься. Не соотвѣтствовала такому направленію самодержавная организація Московской державы. Въ 1654 г., многіе изъ людей этой партіи пристали къ *московской протекціи*, въ надеждѣ пользоваться такъ-называемыми *правами* и *вольностями* подъ правленіемъ русскихъ государей. Но въ 1657 г. они начали считать себя обманутыми съ этой стороны: ихъ огорчало то, что украинскимъ коммисарамъ не позволили участвовать въ переговорахъ московскихъ пословъ съ польскими, при заключеніи виленскаго договора, — что миръ Россіи съ Польшею заключенъ былъ безъ участія и совѣта украинской рады и гетмана; упреки, которые дѣлали Хмельницкому бояре по приказанію царя, возбуждали въ нихъ досаду; наконецъ, они оскорблялись обращеніемъ великорусскихъ воеводъ и служилыхъ людей съ Украинцами и насмѣшками Великороссіянъ надъ тѣмъ, что́ въ обычаяхъ и домашней жизни Южной Руси было несходно съ Сѣверною [1]. Вѣроятно, отъ насмѣшекъ надъ одеждою казаковъ разнесся въ то время слухъ, будто царь хочетъ, чтобы казаки не носили красныхъ сапоговъ, а непремѣнно всѣ обулись въ черные, а посполитые одѣвались бы какъ

[1]) Ист. Русс., 145.

великорусскіе мужики и ходили въ лаптяхъ [1]). Но пуще всего усиливало и развивало эту недовольную партію опасеніе, чтобъ царь, по достиженіи польской короны, не присоединилъ Украины къ Польшѣ [2]) и не уничтожилъ бы казачества: въ виленскомъ договорѣ царь обѣщалъ возвратить Польшѣ всѣ земли, отъ нея отторгнутыя [3]). Недовольные хотѣли предупредить это ожидаемое присоединеніе Украины къ Польшѣ, какъ провинціи къ государству, добровольнымъ соединеніемъ съ Польшею на правахъ федеративныхъ, съ условіями, которыя поставили бы Польшу въ необходимость сохранять права Русскаго народа и въ невозможность ихъ нарушить. Въ XVII вѣкѣ не понимали, что въ мірѣ нѣтъ условій для будущихъ поколѣній. Партія эта дѣйствовала по слѣдамъ Богдана Хмельницкаго; во время своей борьбы съ Польшею, до присоединенія къ Московскому государству, онъ слѣдовалъ этой идеѣ федеративнаго союза и, въ противность народному желанію совершеннаго разрыва съ Польшею, долго думалъ уладить дѣло безъ расторженія. При жизни Хмельницкаго, болѣе всѣхъ поддерживалъ въ немъ эту мысль генеральный писарь Выговскій, — и теперь онъ сталъ во главѣ федеративной партіи. Его ревностными соумышленниками были его двоюродные братья, Выговскіе: Данило, женатый на дочери Хмельницкаго, Еленѣ [4]), Константинъ и Ѳедоръ, дядя его овручьскій полковникъ Василій и племянникъ Илья [5]); воспитатели молодаго Юрія: генеральный судья Богдановичъ-Зарудный, эсаулъ Ковалевскій и миргородскій полковникъ, исправлявшій должность втораго генеральнаго судьи — Григорій Лѣсницкій, соперникъ Выговскаго; Иванъ Груша, послѣ избранія Выговскаго въ гетманы, назначенный генеральнымъ писаремъ; обоз-

---

[1]) Hist. pan. Jan. Kaz. I, 182.

[2]) Лѣтоп. Велич. I, 366.

[3]) Полн. Собр. Зак., I, 409. Это было напрасное опасеніе, ибо въ договорѣ было сказано: кромѣ Украины.

[4]) Лѣтоп. Велич., I, 377. 15.

[5]) Ист. Мал. Рос., II, примѣч. 18. Hist. pan. Jan. Kaz. I, 398. Полн. Собр. Зак. I, 504.

ный Тимофей Носачъ, человѣкъ безъ образованія, какимъ отличались его товарищи, но съ природнымъ умомъ; переяславскій полковникъ Павелъ Тетеря, человѣкъ безъ дарованій, но съ образованіемъ; прилуцкій полковникъ Петрð Дорошенко, лубенскій — Швецъ, черниговскій — Іоанникій Силичъ, знаменитый Богунъ, тогда уже полковникъ не винницкій, а паволочскій; подольскій полковникъ Евстафій Гоголь, поднѣстрянскій— Михайло Зеленскій, уманскій — Михайло Ханенко, бывшій кіевскій полковникъ Ждановичъ, смѣненный по волѣ царя за походъ противъ Польши — люди, также получившіе образованіе [1]). Къ этой партіи принадлежали нѣкоторыя знатныя украинскія казацкіи и шляхетскія фамиліи, какъ-то: Сулимы, Лободы, Северины, Нечаи [2]), Гуляницкіе (изъ нихъ одинъ, Григорій, бѣжалъ изъ Украины послѣ бѣлоцерковскаго мира, а потомъ возвратился и былъ сдѣланъ нѣжинскимъ полковникомъ), Головацкіе, Хмѣлецкіе (родственники казненнаго въ Паволочѣ, въ 1652, за недовольство бѣлоцерковскимъ трактатомъ), Верещака (освобожденный недавно изъ крѣпости, куда былъ посаженъ въ 1652 г.), Мрозовицкій (славный въ народной памяти *Морозенко,* неизвѣстно гдѣ пребывавшій съ 1649 года, когда пересталъ быть корсунскимъ полковникомъ), Махержинскій и болѣе всѣхъ образованный — Юрій Немиричъ. Потомокъ, какъ кажется, древней новгородской фамиліи, бѣжавшей въ XV вѣкѣ въ литовскія владѣнія, Немиричъ былъ наслѣдникомъ богатыхъ имѣній въ Украинѣ, и отъ своего отца съ дѣтства напитался тѣмъ религіознымъ вольнодумствомъ, которое въ томъ вѣкѣ носило общее названіе *аріанства*. Молодой Юрій провелъ молодость за границею, преимущественно въ Бельгіи и Голландіи, получилъ отличное образованіе и написалъ нѣсколько ученыхъ сочиненій по предметамъ философіи и раціональнаго богословія; въ 1648 г. онъ присталъ къ Хмельницкому въ первый разъ,

---

[1]) Лѣтоп. Велич., I, 328. Лѣтоп. пов. о Мал. Рос., II, 6. Ист. о през. бр., 12.

[2]) Лѣтоп. Велич. I, 396 — 410.

спасаясь отъ преслѣдованія краковской инквизиціи. Неизвѣстно, гдѣ былъ онъ послѣ зборовскаго мира, но съ 1655 года мы видимъ его работающимъ для независимости Украины; онъ принялъ православную вѣру, вѣру отцовъ своихъ, дѣйствовалъ въ пользу Украины у шведскаго короля, у Ракочія, а теперь, по смерти Хмельницкаго, составлялъ планы образовать союзъ Украины съ Польшею на новыхъ началахъ ихъ общей жизни. Ловкій посолъ Іоанна-Казимира, Казимиръ Беневскій, искусно дѣйствовалъ на людей этой партіи. Онъ увѣрялъ ихъ, что казаки своими подвигами научили Поляковъ и всѣхъ сосѣдей уважать въ нихъ доблестныхъ рыцарей; что Польша признаетъ ихъ свободными, и если казаки захотятъ присоединиться къ Польшѣ для взаимнаго охраненія своихъ *правъ* и *вольностей*, то не иначе, какъ равные къ равнымъ и вольные къ вольнымъ. Значительная часть русскаго духовенства и самъ Діонисій Балабанъ, который мѣтилъ тогда въ митрополиты, раздѣляли такія же убѣжденія.

Еще при Богданѣ Хмельницкомъ, духовенство неохотно шло подъ московскую протекцію. Привычные къ польскому образу управленія и польскому обряду, происходя изъ шляхты, духовные, особенно знатные, слишкомъ много имѣли въ себѣ польскаго... образованіе ихъ роднило съ Польшею и удаляло отъ Москвы. Религіозныя распри навремя вооружали ихъ противъ католической Польши, но когда дѣло дошло до отторженія отъ Польши, тутъ увидѣли они, что, несмотря на единство вѣры, они далѣе отстоятъ нравственно отъ единовѣрной Москвы, чѣмъ отъ католической Польши. Въ эпоху присоединенія, кое-какъ заглушались нерасположеніе и боязнь, но вскорѣ начались съ московской стороны такія движенія, которыя возбудили прежнее недовѣріе. Сильвестръ Коссовъ умеръ. Бутурлинъ, по наказу московскаго правительства, сейчасъ же изъявилъ духовнымъ — епископу Лазарю Барановичу и печерскому архимандриту Гизелю — царское желаніе, чтобъ духовенство малороссійское «поискало милости государя и показало совершенно правду свою къ великому государю: захотѣло бы идти въ по-

слушаніе къ святѣйшему патріарху московскому». Украинѣ предстоялъ выборъ митрополита. По древнимъ обычаямъ, ненарушаемымъ со стороны Поляковъ, надобно было избирать новаго архипастыря вольными голосами. Воеводы настаивали, чтобъ избранія не было, пока не испросятъ благословенія патріарха и царскаго дозволенія. Лазарь и архимандритъ печерскій должны были поневолѣ показать видъ согласія. Это было тотчасъ по смерти Хмельницкаго, еще до погребенія его тѣла. Но самъ покойный Хмельницкій на дѣло это смотрѣлъ не такъ, и по стародавнимъ обычаямъ написалъ къ епископамъ луцкому, перемышльскому и львовскому, чтобъ они ѣхали, для выбора новаго митрополита въ Кіевъ. Украина съ Кіевомъ отдалась московскому государю, а эти русскіе епископы остались подъ польскимъ владѣніемъ, но въ то же время подъ духовнымъ первенствомъ кіевскаго митрополита. Признать надъ собой власть московскаго патріарха они ни за что не хотѣли, да и немогли, если бъ даже и захотѣли. Требованіе московскаго правительства должно было разорвать связь въ южно-русской Церкви. Въ то время, какъ Бутурлинъ въ Кіевѣ старался склонить Лазаря и кіевское духовенство къ зависимости Никону, польско-русскіе епископы испрашивали у короля дозволеніе ѣхать въ Кіевъ для избранія митрополита, и король дозволилъ имъ по старымъ ихъ обычаямъ, за которые они всегда такъ крѣпко держались. Еще тѣло Хмельницкаго не было погребено, Бутурлинъ писалъ къ Выговскому, выставляя указъ государя, чтобъ не допускать епископовъ до избранія митрополита, а писарь ссылался на старыя права, и, не говоря о покорности Никону, извѣщалъ, что пошлетъ казацкихъ пословъ на избранье митрополита, а потомъ уже о новоизбранномъ напишетъ къ государю.

Наконецъ, пристать къ союзу готовы были богатые мѣщане въ городахъ, для сохраненія своихъ магдебургскихъ правъ, которыя боялись потерять, если Украина будетъ отдана во власть Поляковъ безъ всякихъ условій. Вообще же надобно сказать, что Украинцы, страшась Польши, прибѣгали къ Польшѣ.

Другая партія — если можно всю массу народа назвать партіею — держалась царя московскаго. Къ этому побуждало отвращеніе къ Польшѣ; федеративная партія могла своими дѣйствіями вызвать въ народѣ только бо́льшую рѣшимость оставаться подъ властію царя, для избѣжанія грозящей опасности попасть въ подданство Полякамъ. Отъ соединенія Украины съ Польшею простой народъ могъ ожидать только того, что значные казаки сдѣлаются тѣмъ, чѣмъ были въ Польшѣ шляхтичи, а простые казаки и все посполье будутъ отданы въ безусловное порабощеніе новому панству; напротивъ, при соединеніи съ Московщиною, самодержавная воля царя представлялась защитою слабыхъ отъ своеволія сильныхъ. Изъ старшинъ отличался тогда горячею враждою къ значнымъ и вмѣстѣ преданностію Московщинѣ — Мартынъ Пушкарь или Пушкаренко, полтавскій полковникъ, любимый подчиненными и всѣмъ простымъ народомъ [1]); Запорожье, ненавидѣвшее шляхетныхъ и значныхъ, изъ которыхъ состояла федеративная партія, раздѣляло въ то время эту склонность — оставаться въ повиновеніи московскому государю [2]). Очевидно, что число преданныхъ русскому престолу было такъ велико, что противная федеративная партія не могла ничего сдѣлать, тѣмъ болѣе, что и сами федералисты не прочь были отъ того, чтобы московскій царь скорѣе сдѣлался польскимъ королемъ... Но народъ всегда могъ быть увлеченъ въ противную сторону своими руководителями, даже такими, которыхъ не любилъ, хотя бы на время, не зная хорошо, куда его ведутъ; а разрывъ виленскаго договора сдѣлалъ этихъ двусмысленныхъ руководителей врагами царя и *протекціи*. Притомъ же малорусскій народъ не любилъ Москалей. Не смотря на единство вѣры и племени, между двумя вѣтвями русскаго народа было слишкомъ много различія въ нравахъ, характерѣ, понятіяхъ и пріемахъ жизни. Исторія цѣлаго ряда предшествовавшихъ вѣковъ, въ продолженіе которыхъ

---

[1]) Ист. о през. бр.; Лѣт. Велич. 29; Лѣт. пов. о Мал. Рос. II, 2.
[2]) Лѣт. Самов. 29; Лѣт. Велич. I; 309 — 312.

эти вѣтви развивались отдѣльно другъ отъ друга, не прошла даромъ. Малоруссы видѣли въ Москаляхъ слишкомъ много не только чуждаго, но противоположнаго. Дикія и своевольныя поступки царскихъ ратныхъ людей, раздражали народъ, возбуждали ненависть и боязнь и уже въ то время народъ пугали слухи, что Москва хочетъ запрудить Украину своими людьми и насильственно вводить между Малоруссами свои московскіе обычаи.

II.

Шестнадцатилѣтній Юрій Хмельницкій вовсе не былъ такой гетманъ, какого требовало тогдашнее положеніе Украины. Юный и неопытный, онъ не отличался ни блестящими способностями, ни характеромъ. Одни изъ желанія услужить Богдану при его смерти, другіе изъ боязни, чтобъ не навлечь на себя гоненія отъ его родственниковъ и друзей, — признали Юрія гетманомъ на чигиринской радѣ. Послѣ смерти старика, возникъ ропотъ между старшинами и заслуженными казаками. Иные вспоминали свои раны и многолѣтніе труды и стыдились повиноваться мальчику, ненюхавшему пороха; другихъ волновало явное нарушеніе казацкихъ обычаевъ, по которымъ у казаковъ въ начальники выбирали людей достойныхъ и опытныхъ. Многіе изъ старшинъ досадовали потому, что, безъ выбора Юрія, вольная рада могла бы предоставить начальство имъ; болѣе всѣхъ былъ внутренно недоволенъ Выговскій. Столько лѣтъ онъ былъ первый человѣкъ послѣ гетмана; и въ Украинѣ и у сосѣдей прославился онъ умомъ; самъ Хмельницкій, для вида, отклоняя казаковъ отъ выбора Юрія, предлагалъ въ гетманы Выговскаго. Выговскій смотрѣлъ на избраніе Юрія, какъ на похищеніе булавы у себя. Но старикъ Хмельницкій, препоручилъ Выговскому руководить сына. Хмельницкій столько лѣтъ почиталъ Выговскаго другомъ, и потому Выговскому меньше, чѣмъ кому-нибудь другому, можно было дѣйствовать къ измѣненію послѣдней рады. Выговскій

долженъ былъ притворяться и увѣрять въ совершенномъ равнодушіи къ почестямъ и нежеланіи принимать начальства. 14 августа онъ писалъ къ воеводѣ путивльскому Зюзину, что «гетманомъ всѣ старшины оставили пока Юрія Хмельницкаго, а впредь какъ будетъ, не вѣдаю; но скоро по погребеніи тѣла будетъ рада всей старшины и нѣкоторой части черни; а что̀ на ней усовѣтуютъ, не вѣдаю». Такимъ-образомъ, въ письмѣ къ пограничному московскому воеводѣ онъ далъ понять, что назначеніе тогдашняго гетмана можетъ измѣниться. Но что̀ касается до себя, то онъ уклонялся отъ всякой надежды. «Послѣ воинскихъ, трудовъ — выражался онъ, — я радъ опочить, и никакого урядничества и начальства не желаю». Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, 21 августа, онъ говорилъ не такъ уже присланному отъ того же воеводы гонцу: «Гетманъ Богданъ Хмельницкій, умирая, приказывалъ мнѣ быть надъ сыномъ его опекуномъ, и я, помня приказъ его, не покину сына его; и полковники, и сотники, и все Войско Запорожское говорятъ, чтобы мнѣ гетманомъ быть, покамѣсть Юрій Хмельницкій выростетъ и будетъ въ совершенномъ умѣ».

Іезуитская изворотливость нашла себѣ лазейку, — говоритъ украинскій лѣтописецъ.

Какъ другъ семьи Хмельницкаго, Выговскій началъ представлять молодому Хмельницкому его опасное положеніе, — съ сожалѣніемъ извѣщалъ его, что казаки ропщутъ и не хотятъ повиноваться такому молодому гетману. Молодой Юрій просилъ совѣта: что дѣлать? Выговскій совѣтовалъ отказаться передъ радою отъ гетманскаго званія, чтобъ этимъ поступкомъ снискать любовь и расположеніе народа. Между казаками издавна велось обыкновеніе, что избираемый въ начальники нѣсколько разъ отказывался отъ предлагаемаго достоинства и принималъ его тогда только, когда рада какъ-бы насильно принуждала его къ этому.

Чтобъ отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, Выговскій говорилъ, что и онъ оставитъ свою должность и ни за что̀ не будетъ писаремъ, если Юрія не оставятъ гетманомъ.

Такъ же точно обозный Тимофей Носачъ, воспитатели Юрія — Ковалевскій и Лѣсницкій, и судья Зарудный, подтверждали Юрію вѣсти о всеобщемъ ропотѣ казаковъ, совѣтовали ему отказаться отъ гетманства и увѣряли, что и они, изъ приверженности къ Юрію, не захотятъ оставаться при своихъ должностяхъ, а предоставятъ вольной радѣ распоряженіе Украиною и выборъ гетмана и старшинъ. Молодой Юрій согласился отказаться, въ надеждѣ быть можетъ, что эта покорность радѣ утишитъ ропотъ и онъ останется гетманомъ.

Оповѣстили раду. Выговскій писалъ къ тѣмъ изъ полковниковъ, которые не были при смерти Хмельницкаго, чтобъ они явились съ казаками изъ своего полка для избранія гетмана, а между-тѣмъ дарилъ и угощалъ старшинъ и значныхъ казаковъ, собралъ къ себѣ толпу простыхъ казаковъ изъ разныхъ полковъ, выкатилъ имъ горілки, устроилъ нѣсколько обѣдовъ и ласковымъ обращеніемъ расположилъ ихъ къ себѣ.

Въ воскресенье, 24 августа, довбиши ударили на раду. Выговскій и преданные ему старшины назначали ее во дворѣ Хмельницкаго, для того, чтобы помѣстить тамъ только такихъ казаковъ, которые будутъ расположены къ нимъ: это были задобренные обѣдами и горілкою; впрочемъ и расположенные къ Выговскому не всѣ знали, что онъ ищетъ гетманства. Когда во дворъ набралось довольно казаковъ, ворота заперли наглухо и огромная толпа казаковъ и посполитыхъ стояла за дворомъ.

Изъ дома вышелъ Юрій съ булавой въ рукѣ; за нимъ несли бунчукъ, осѣняя его.

«Панóве рада! — сказалъ Юрій: — благодарю нижайше за гетманскій урядъ, который вы мнѣ дали, памятуя родителя моего; но по молодости лѣтъ и по своей неопытности, я не могу нести столь важнаго достоинства. Вотъ булава и бунчукъ. Выбирайте въ гетманы другаго, старше меня и заслуженнѣе».

Онъ положилъ знаки гетманскаго достоинства на столѣ, поклонился и ушелъ въ домъ.

Выступилъ Выговскій, проговорилъ благодарность за писарскій урядъ, отказался отъ него, поставилъ свою чернильницу—знакъ писарскаго званія, и ушелъ.

Обозный положилъ свой пернач, судьи — свою печать, отказались отъ урядовъ и удалились.

Собраніе молчало. Казаки поглядывали другъ на друга съ вопросительнымъ выраженіемъ лица; иные хотѣли провозгласить Выговскаго, но боялись. Булава лежала среди двора и «много было такихъ, — говоритъ лѣтописецъ, — которые хотѣли ее взять, но не смѣли безъ воли народа».

Между-тѣмъ за воротами раздался ропотъ. Посполитые ломились въ ворота. Тогда эсаулы, расхаживая между казаками, кричали: «кого желаете наставить гетманомъ»?

Всѣ молчали. Эсаулы нѣсколько разъ повторили вопросъ.

«Хмельницького! — раздалось въ толпѣ; Хмельниченко, нехай буде гетьманомъ»!

«Панове рада! — сказалъ Юрій: — я младолѣтенъ и неопытенъ, я не въ силахъ управлять народомъ, а къ тому еще я, отъ недавней смерти родителя, въ большой тоскѣ и печали».

Нѣкоторые сотники говорили такъ:

«Пусть будетъ Хмельниченко гетманомъ; хотя онъ и молодъ, да слава наша пусть будетъ такова, что у насъ гетманомъ *Хмельницкій*. Пока онъ молодъ, — будутъ научать его добрые люди, а возмужаетъ — самъ будетъ управлять. Пусть и Выговскій, и Носачъ, и всѣ будутъ на своихъ урядахъ; какъ при покойномъ батьку Хмельницкомъ було, такъ и теперь пусть будетъ».

Юрій, наученный Выговскимъ, отрекался. Казаки кричали:

«Не позволимъ, не увольнимъ Хмельниченка отъ уряда гетманскаго»!

Хмельницкій представлялъ, что ему, по лѣтамъ его, надобно учиться, а гетману надобно быть при Войскѣ и предводительствовать казаками.

Тутъ какой-то сотникъ, расположенный къ Выговскому, сказалъ:

«Пусть булава и бунчукъ остаются при Хмельницкомъ; нашимъ гетманомъ будетъ Хмельницкій, а пока онъ возмужаетъ— Войскомъ командовать будетъ Выговскій, и булаву и бунчукъ будетъ принимать, когда нужно, изъ рукъ у Хмельницкаго, а воротившись, опять будетъ отдавать ему въ руки.

Выговскій съ видомъ покорности и смиренія представлялъ свое недостоинство. Казаки усильно требовали.

«Дайте время одуматься, панóве рада! — сказалъ Выговскій: — не могу теперь рѣшиться принять на себя такое важное званіе. Отложите до другаго времени.

Рада дала ему три дня срока.

Въ среду, 27 августа, рада опять собралась въ тотъ же дворъ. На этотъ разъ, прежде чѣмъ успѣли затворить ворота, набралось во дворъ множество простыхъ казаковъ.

«Хмельницкаго! Хмельницкаго»! — кричали они, и ломились въ домъ.

Юрій вышелъ и опять отказывался. Казаки требовали, чтобъ онъ остался гетманомъ, и чтобъ, до его совершеннолѣтія, управлялъ Выговскій.

Выговскій опять разыгрывалъ роль нежелающаго. Съ потупленнымъ взоромъ, съ видомъ смиренія, со слезами въ глазахъ, онъ благодарилъ раду за честь, просилъ выбрать людей болѣе его способныхъ. Но чѣмъ болѣе кланялся и отказывался Выговскій, тѣмъ упорнѣе казаки избирали его предводителемъ. По казацкому обычаю, толпа начала сопровождать бранью свой выборъ: тогда Выговскій, какъ-бы нехотя и единственно уступая голосу народу, согласился. Толпа была въ восторгѣ!

«Теперь я спрошу вотъ о чемъ, — сказалъ Выговскій: — молодому гетману надобно учиться; по волѣ блаженной памяти родителя, ему надобно дать воспитаніе; ему надобно быть въ училищѣ, а потому, ему трудно будетъ подписываться на листахъ и универсалахъ. Когда клейноды будутъ у меня, то и подписываться придется мнѣ. Какъ же рада прикажетъ мнѣ подписываться»?

Сперва это озадачило казаковъ. Но тутъ какой-то доброжелатель Выговскаго выскочилъ изъ толпы съ разрѣшеніемъ вопроса.

«Пусть панъ Выговскій, — сказалъ онъ, — подписывается такъ: «Иванъ Выговскій, гетманъ на тотъ часъ Войска Запорожскаго», потому-что въ то время, когда у него будутъ клейноды, настоящимъ гетманомъ будетъ онъ».

Простые казаки были просты, — говоритъ лѣтописецъ, — они не провидѣли ничего особеннаго и согласились, сказавши: «добре, нехай такъ! Служи, пане гетьмане, вѣрно его царскому пресвѣтлому величеству и будь гетманомъ надъ Войскомъ Запорожскимъ и чини намъ добрую оправу».

Выговскій, взявъ булаву, сказалъ: «Сія булава доброму на ласку, а злому на карность; а манить я въ Войску никому не буду, коли вы меня гетманомъ избрали; а Войско Запорожское безъ страха быть не можетъ»!

«Вычитай же намъ, — сказали полковники, — новообраннѣй пане гетмане, великаго государя жалованную грамоту, чтобы мы знали, на якихъ воляхъ пожалованы мы отъ его царскаго величества».

Тогда гетманъ прочиталъ всѣмъ вслухъ грамоту.

По окончаніи чтенія, старшины сказали:

«На милости государской бьемъ челомъ и служить всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ рады вѣчно, и онъ, великій государь, пусть насъ не выдаетъ своимъ непріятелямъ».

По другому извѣстію, переданному Выговскимъ въ Москву, когда избрали Выговскаго, противникомъ его явился Григорій Лѣсницкій, котораго покойный гетманъ отправлялъ противъ Татаръ съ сыномъ своимъ и далъ ему булаву и бунчукъ въ качествѣ наказнаго гетмана. Опираясь на это, Лѣсницкій не хотѣлъ отдать булавы. Выговскій посылалъ къ нему Юрія Хмельницкаго, — Лѣсницкій упорствовалъ, и отдалъ булаву тогда только, когда его принудили казаки, черезъ недѣлю.

Такъ кончилась эта знаменитая рада. Выговскій послалъ къ Запорожцамъ и льстилъ имъ, увѣряя, что онъ не почитаетъ

себя настоящимъ гетманомъ, пока сѣчевое товарищество не признаетъ его; послалъ, съ согласія рады, посольство въ Крымъ, отпустилъ съ увѣреніями пріязни къ королю польскаго посла Беневскаго, котораго казаки, изъ старой ненависти къ панамъ, чуть-было не убили. Въ то же время Выговскій, въ письмѣ своемъ къ московскому воеводѣ, доносилъ, что Беневскій присланъ для того, чтобъ учинить ссору и говорилъ, что они его задерживаютъ; бранилъ Поляковъ, доносилъ, что польскій король соединяется съ императоромъ и вовсе не думаетъ мириться съ Москвою и хранить данныя въ бѣдѣ условія; что распространился слухъ, будто казаки поссорились съ Москвою и Поляки собираются, вмѣстѣ съ ханомъ крымскимъ, на Украину. Онъ изъявлялъ готовность пролить кровь за государя. Онъ чернилъ даже своихъ сообщниковъ, доносилъ на брацлавскаго полковника Зеленскаго, что онъ хотѣлъ отступить къ Польшѣ, но онъ, гетманъ, его удержалъ и убѣдилъ.

III.

Несмотря на избраніе Выговскаго, власть его была очень нетверда. Лѣсницкій, какъ видно, продолжалъ досадовать и надѣялся, что на другой радѣ избрали бы его, а не Выговскаго. Пушкаренко, полтавскій полковникъ, былъ другой врагъ и соперникъ Выговскаго. Въ Чигиринѣ рада была неполная и могла казаться незаконною: надобно было собрать другую. Выговскій хотя взялъ булаву, но только въ качествѣ временнаго правителя; для соблюденія казацкихъ правъ онъ самъ назначилъ снова раду въ Корсунѣ къ 25 сентября. На эту раду съѣхались старшины; были на ней всѣ сотники и изъ каждой сотни по два простыхъ казака. Таковъ былъ избирательный обычай у казаковъ. Новоизбранный предводитель хотѣлъ нѣсколько разузнать духъ своихъ товарищей. Въ то время прибылъ отъ шведскаго короля въ Чигиринъ Юрій Немиричъ. Онъ привозилъ отъ Карла-Густава предложеніе союза, чтобы, по старому доб-

рому расположенію, казачество помогало шведскому королю, а шведскій король казакамъ. Самъ Юрій Немиричъ снова отдался служить казацкому дѣлу. Дѣло шло къ возобновленію дружбы со Швеціею; съ Московщиною, напротивъ, шло къ недоразумѣніямъ и неудовольствіямъ.

Явился къ гетману царскій посланникъ Артамонъ Матвѣевъ. Въ царской грамотѣ гетманъ названъ былъ *писаремъ*, а не *гетманомъ*, хотя царь уже извѣстился, чрезъ кіевскаго воеводу, о его избраніи на гетманское достоинство. Онъ получилъ царскій выговоръ за то, что не объявилъ о смерти Хмельницкаго и о своемъ избраніи чрезъ своего посла. Царскій посланникъ требовалъ, чтобъ Запорожское Войско отправило къ шведскому королю посланцевъ — совѣтовать ему помириться съ царемъ, оставить притязанія на пограничныя земли, которыя московскій царь считалъ своими, и отнюдь не надѣяться на помощь Войска Запорожскаго; напротивъ, если онъ будетъ во враждѣ съ царемъ, то Войско Запорожское пойдетъ на него войною. Гетманъ отвѣчалъ, что исполнитъ приказанія царскія, а отъ выговора отдѣлался такъ: «Когда гетмана Богдана Хмельницкаго не стало, я въ тотъ же день хотѣлъ отправить къ царскому величеству своихъ трехъ урядниковъ; а начальные люди, услышавъ объ этомъ, стали бунтовать, толковали, будто я посылаю отъ себя, оттого я не послалъ, а написалъ къ воеводѣ кіевскому Андрею Васильевичу Бутурлину и къ князю Ромодановскому въ Бѣлгородъ, чтобы они извѣстили государя».

Артамонъ Матвѣевъ сказалъ: «Его царскому величеству учинилось вѣдомо, что гетмана Богдана Хмельницкаго нестало; и великій государь, жалуя васъ, указалъ ѣхать въ Войско Запорожское съ своимъ государевымъ милостивымъ словомъ и для своихъ государственныхъ великихъ дѣлъ, боярину и намѣстнику казанскому, Алексѣю Никитичу Трубецкому, да окольничему и ржевскому намѣстнику Богдану Матвѣевичу Хитрово, да думному дьяку Ларіону Лапухину. Гетманъ долженъ послать къ полковникамъ и велѣть имъ съѣхаться въ Кіевъ, и сверхъ того, чтобъ изъ всѣхъ полковъ по пяти человѣкъ было при-

слано. Дѣло будетъ великое. Да чтобъ въ черкасскихъ городахъ были собраны кормы и приготовлены подводы для ихъ приходу. Да еще Павелъ Тетеря, когда былъ въ Москвѣ посланцемъ у государя, то просилъ оберегать васъ противъ непріятелей вашихъ; и теперь приказано князю Ромодановскому идти на-скоро съ конными и пѣшими людьми, да велѣно также боярину Василію Борисовичу Шереметьеву выслать конныхъ и пѣшихъ; а ты, гетманъ, вели приготовить имъ запасы и подводы».

Гетманъ, разумѣется, обѣщалъ, но какъ услышали старшины, то стали видѣть въ этомъ тайное намѣреніе нарушить ихъ права. Немедленно явилось великорусское войско и стало двумя отрядами: одинъ, съ Ромодановскимъ, — въ Переяславѣ, другой, съ Ляпуновымъ, — въ Пирятинѣ. Ожидали, какъ объявлено было, еще прихода Трубецкаго съ товарищами; это особенно пугало старшинъ, потому-что не сказано было, для какихъ дѣлъ придетъ это войско. Артамонъ Матвѣевъ привезъ приказаніе собирать по Украинѣ запасы на прокормленіе войску съ доходныхъ статей (орандъ); а всѣ эти статьи были въ распоряженіи старшинъ и они видѣли теперь посягательство на свои доходы.

Нужно было представить все это дѣло на обсужденіе рады. Рада собралась въ назначенный день. Иноземные пособники шляхетской партіи: со стороны польской — Беневскій, со стороны шведской — Немиричъ, по извѣстію кіевскаго воеводы, явились туда же. Сами между собою противники, они тутъ, невольно, дѣйствовали заодно противъ общаго для нихъ обоихъ соперника. Рада происходила въ полѣ. Выговскій положилъ свою булаву и бунчукъ, поклонился собранію и сказалъ, что ему присланы отъ царя такія пункты, чтобъ у казаковъ прежнія вольности отнимать. «Я въ неволѣ быть не хочу», — прибавилъ онъ, и отказывался отъ гетманства. Онъ объявилъ, что рада вольна выбрать другаго гетмана, и поѣхалъ прочь. Тогда начальные люди послѣдовали за нимъ, воротили и начали просить, чтобъ онъ остался на гетманскомъ достоинствѣ. Судья Самойло Богдановичъ Зарудный, вручилъ ему булаву.

«Мы, — говорили казацкіе чиновники, — будемъ стоять за свои вольности заодно, чтобъ у насъ ничего не отняли, чтобъ не было перемѣны; чтобъ какъ прежде были, такъ чтобъ и теперь остались мы, — свободны».

Выговскій, какъ-будто, исполняя всеобщую волю, принялъ снова булаву. Этой церемоніей и кончилась рада.

На другой день была другая рада во дворѣ. Посланный путивльскимъ воеводою на провѣдки, посадскій человѣчишко Николка затесался между казаками, увѣрялъ, что находился тамъ, гдѣ происходила рада, и передалъ потомъ въ общихъ чертахъ это совѣщаніе («И я, Николка, былъ въ той свѣтлицѣ, гдѣ была рада», доносилъ онъ своему начальству въ *роспросѣ*).

Выговскій сказалъ: «при покойномъ гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ у насъ не бывало рады и совѣта, но теперь вы меня избрали гетманомъ, и я безъ вашего воинскаго совѣта не стану дѣлать ни какихъ дѣлъ. Нынѣ я объявляю вамъ: прислалъ къ намъ шведскій король, зоветъ насъ къ себѣ въ союзъ (въ «подданство», переиначилъ Николка: въ письмѣ Бутурлина просто— *союзъ,* а не *подданство*), а царское величество прислалъ къ намъ грамоту съ выговоромъ, зачѣмъ мы, безъ его государева вѣдома, сложились съ Ракочи; хочетъ, чтобы Антона Ждановича наказать: «вы уже, — говоритъ, — прежде измѣнили шведскому королю, измѣнили и крымскому хану, и Ракочію венгерскому, и господарю волошскому, а теперь и намъ хотите измѣнить. Долго ли вамъ быть въ такихъ шатостяхъ»?

Гетманъ хотѣлъ, очевидно, раздуть зародившееся неудовольствіе къ царской власти, но въ то же время выгораживалъ себя, если преждевременно дойдетъ вѣсть объ этомъ въ Москву, и потому сталъ совѣтовать казакамъ покорность.

«А только намъ, — продолжалъ онъ, — отложиться отъ царскаго величества, никто намъ болѣе не повѣритъ за непостоянство наше, и мы дойдемъ до конечнаго разоренія. Теперь, безъ всякой шатости, дайте мнѣ совѣтъ, какъ поступить»?

Выступили полковники: нѣжинскій Гуляницкій, полтавскій

Пушкаренко, прилуцкій Дорошенко, ирклѣевскій Джеджалы и сказали:

«Мы не отступимъ отъ присяги, данной его царскому величеству».

Другіе начальные люди, сотники и есаулы съ лѣвой стороны Днѣпра повторили то же: «мы не отступимъ отъ его царскаго величества; какъ присягали, такъ въ той мысли и стоимъ».

Когда гетманъ сталъ допрашивать ихъ, какъ ему поступить, — вмѣсто совѣта, они закричали:

«Якъ ти намъ прирадишъ, такъ ми й будемо»!

Гетманъ не добивался отъ нихъ совѣта о шведскомъ предложеніи, а долженъ былъ, потакая имъ, сказать:

«Я вамъ свою мысль объявляю, что намъ быть надежно при милости царскаго величества, по присягѣ своей, неотступно, а къ инымъ ни къ кому не приложиться».

Но правобережные полковники — Зеленскій, Богунъ и третій полковникъ («имени его не упомню, — говоритъ свидѣтель») отозвались не въ такомъ духѣ.

«Намъ, пане гетмане и всѣ паны-рада, не ладно быть у царскаго величества: онъ, государь, къ намъ милостивъ, да начальные его люди къ намъ не добры, наговариваютъ государю, чтобъ навести насъ въ большую неволю, и достояніе наше отнять»!

Выговскій, выслушавъ эти рѣчи, принялъ суровый видъ и сказалъ:

«Вы, панове, не дѣло говорите, и въ Войскѣ смуту чините; а намъ отъ царскаго величества отступать за его государеву милость не слѣдуетъ и помышлять»!

Наконецъ, порѣшили послать къ царю посольство и просить о ненарушеніи данныхъ вольностей.

«И всѣ тогда, — пишетъ Бутурлинъ въ своемъ донесеніи къ царю: — межъ собою душами укрѣпились, чтобъ имъ всѣмъ за гетмана и за свои права и старыя вольности стоятъ заодно. И много другихъ непристойныхъ рѣчей у нихъ было».

Съ этихъ поръ, вѣроятно, Выговскій выбросилъ изъ своей

подписи выраженіе: *на тотъ часъ*, которое, — по сказанію украинскаго лѣтописца, — наложилъ на себя какъ условіе, когда казаки на первой радѣ вручили ему булаву.

По приговору корсунской рады, отправили въ Москву посланцами: корсунскаго полка есаула, Юрія Миневскаго и сотника Ефима Коробку — просить царскаго подтвержденія Выговскаго на гетманское достоинство и казацкихъ, правъ сообразно прежней царской грамотѣ, данной послѣ переяславскаго присоединенія. Гетманъ отпустилъ Беневскаго съ дружелюбными увѣреніями. Но Польша не хотѣла оставлять Украины безъ наблюденія, и тотчасъ же за Беневскимъ пріѣхалъ другой гонецъ и агентъ, Вороничъ. Какъ искренно было это сближеніе съ застарѣлыми врагами, видно изъ того, что въ то же время, какъ Беневскій отъ имени Рѣчи-Посполитой сулилъ казакамъ права, свободу и дружбу, у Выговскаго въ рукахъ было перехваченное письмо польскаго полковника Маховскаго къ одному изъ крымскихъ мурзъ. Польскій панъ уговаривался, какъ бы сдѣлать на казаковъ, своихъ *душмановъ,* вмѣстѣ съ Крымцами, нападеніе. А Выговскій, принимая радушно польскихъ посланцевъ, отправилъ перехваченное письмо въ Москву съ Миневскимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщалъ, что послѣ Беневскаго пріѣхалъ въ Украину Вороничъ — по прежнему склонять казаковъ къ подданству Польшѣ; но казаки не дозволятъ себя провести и останутся вѣрны его царскому величеству. Крымъ былъ очень опасенъ Украинѣ. Въ послѣднее время союзъ хана съ Польшею болѣе всего не дозволялъ Украинѣ брать верхъ въ борьбѣ съ Поляками. Услышали въ Крыму, что въ Украинѣ не долюбливаютъ московскаго владычества, и ханъ первый подалъ желаніе примириться, а Выговскій отправилъ въ Бахчисарай посланца своего, Бута, съ товарищами.

Послѣ избранія, въ радѣ, гетмана, казацкіе обычаи требовали еще освященія отъ церкви. Гетманъ, полковники и старшины отправились въ Кіевъ. 13 октября встрѣтили Выговскаго съ почестью у землянаго вала. Въ то время умерла сестра Выговскаго, жена Павла Тетери; вся семья и родные Выговскаго

были въ сборѣ: отправляли похороны; потомъ уже обратились къ дѣламъ. 17 октября въ Братскомъ монастырѣ, въ присутствіи царскихъ воеводъ, принесли въ церковь жалованную отъ царя гетману Хмельницкому булаву, саблю и бунчукъ. По совершеніи обѣдни, епископъ черниговскій Лазарь Барановичъ окропилъ святою водою эти знаки достоинства и отдалъ ихъ гетману. «Принимая гетманство, — говорилъ ему архипастырь, — ты долженъ служить вѣрою и правдою великому государю, какъ служилъ до сихъ поръ: управляй и укрѣпляй Войско Запорожское, чтобъ оно было неотступно подъ высокою рукою его царскаго величества». Сказавъ это, епископъ осѣнилъ крестомъ новоизбраннаго вождя.

Изъ церкви епископъ позвалъ гетмана и старшинъ на обѣдъ. Туда же были приглашены и воеводы съ товарищами. Когда вино развязало языкъ гетману, онъ сталъ увѣрять въ своей преданности царю, доказывалъ предъ воеводами, что еще какъ былъ писаремъ, то и покойнаго гетмана Хмельницкаго привелъ къ подданству. «Но я теперь опасаюсь, — прибавилъ онъ, — государева гнѣва, что безъ его указа выбранъ гетманомъ: мы получили грамоту отъ государя, а въ ней я названъ не гетманомъ, а писаремъ».

Тогда Богдановичъ, генеральный судья, проговорилъ такую рѣчь:

«Когда мы, казаки, поддались подъ высокую руку его царскаго величества, то государева милость была къ намъ такова, чтобъ вольностей нашихъ у насъ не отнимать; а теперь присланы къ намъ пункты, по которымъ приходится потерять намъ вольности; а мы какъ были подъ королевскимъ владѣніемъ, то у насъ вольностей король не отнималъ; мы же отступили отъ короля и поддались подъ государеву высокую защиту только ради обороны христіанской вѣры отъ ляшскаго гоненія, чтобъ намъ не быть въ папежской вѣрѣ, либо въ уніи».

Бутурлинъ, обратясь къ Выговскому, сказалъ:

«На тебя, гетманъ, нѣтъ никакого гнѣва государева; а отъ тебя передъ великимъ государемъ такъ есть неисправленіе: выби-

раютъ тебя на богданово мѣсто, а ты великому государю о томъ и не написалъ и не учинилъ никакой вѣдомости. Великому государю невѣдомо, что ты гетманомъ учинился; потому-то, въ государевыхъ грамотахъ къ тебѣ и названъ ты писаремъ; какъ ты былъ прежде писаремъ, такъ писаремъ и названъ. Ты, гетманъ, о томъ не оскорбляйся и служи по прежнему великому государю, а государево жалованье и милость будетъ тебѣ свыше прежняго».

«Когда только меня стали выбирать въ гетманы, — сказалъ Выговскій: — я не хотѣлъ брать на себя этого регимента безъ государева указа; я долго отговаривался; но полковники и чернь мнѣ дали булаву и знамя съ большимъ упросомъ; пусть государь насъ пожалуетъ: не велитъ у насъ отнимать прежнихъ вольностей; а мы ему, великому государю, готовы служить и стоять противъ всякаго непріятеля и никогда не отступимъ отъ высокой руки его величества»!

Скоро послѣ того брошена была новая тѣнь опасенія въ нарушеніи вольностей. Наступалъ выборъ митрополита. Съѣхались въ Софійскій монастырь духовные и старшины казацкіе. Гетманъ пригласилъ кіевскихъ воеводъ. Бутурлинъ отвѣчалъ, что не поѣдетъ безъ царскаго указа. Уже прежде онъ передавалъ, и духовнымъ, и свѣтскимъ, желаніе московскаго правительства, чтобъ кіевскій митрополитъ подчинился московскому патріарху и былъ бы отъ него назначенъ. Теперешній отказъ пріѣхать на выборъ указывалъ, что московское правительство намѣревается нарушить одно изъ важнѣйшихъ правъ присоединеннаго края. Выборъ тогда не состоялся. Отложили выборъ до Николина дня, между тѣмъ возрасло и неудовольствіе къ московскому правительству и страхъ за свои права.

Изъ Кіева гетманъ поѣхалъ въ Переяславъ, и 24-го октября свидѣлся съ Ромодановскимъ въ присутствіи своихъ старшинъ: обознаго Носача, Тетери, Богдановича, Ковалевскаго и своего брата Данила. Ромодановскій уже два мѣсяца стоялъ подъ Переяславомъ съ ратными людьми и не получалъ никакихъ запасовъ. Онъ жаловался, что его прислали сюда по просьбѣ каз-а

ковъ, чтобъ оборонять край отъ непріятеля, а продовольствія не даютъ, и грозилъ уйти назадъ.

Несмотря на подозрѣніе, которое раждалось отъ прихода великороссійскихъ войскъ, гетманъ старался удержать всѣми способами Ромодановскаго, и совсѣмъ не въ томъ духѣ съ нимъ говорилъ, какъ на радѣ въ Корсунѣ. Онъ извинялся въ недачѣ запасовъ тѣмъ, что въ Украинѣ, послѣ смерти Богдана, онъ Выговскій, еще не былъ настоящимъ гетманомъ; не было еще начальства, котораго бы всѣ слушали; онъ представлялъ, что непріятели сдѣлаютъ нападеніе на Украину, какъ только великороссійское войско отступитъ прочь, и, наконецъ, описывалъ внутреннее безпокойство края. «Послѣ Богдана Хмельницкаго,—говорилъ онъ,—въ черкасскихъ городахъ учинился мятежъ и шатости и бунтъ; а какъ скоро ты, окольничій его царскаго величества и воевода князь Григорій Григорьевичъ, пришелъ въ черкасскіе города съ ратными людьми, то, милостію Божіею и государевымъ счастіемъ, все утишилось; теперь въ Запорожьѣ большой мятежъ: хотятъ побить своихъ старшинъ и поддаться крымскому хану! Я, помня свое крестное цѣлованіе, за такіе заводы, бунты и измѣну царскому величеству, поѣду ихъ усмирять съ войскомъ, а ты, окольничій и воевода, съ ратными людьми перейди за Днѣпръ; съ тобой будутъ полковники: бѣлоцерковскій, уманскій, брацлавскій и другіе; а я управлюсь съ бунтовщиками и предателями. Они наговариваютъ на насъ, бунтовщики, будто бы мы царскому величеству невѣрны; а мы живымъ Богомъ обѣщаемся и клянемся небомъ и землею: чтобъ намъ Богъ своей милости не показалъ, если мы мыслимъ или впередъ будемъ мыслить какое нибудь дурно и неправду! Какъ за Бога, такъ и за него, великаго государя, держимся».

Но Ромодановскій отвѣчалъ, что не пойдетъ за Днѣпръ безъ воли государя. Напрасно Выговскій, черезъ три дня послѣ того, снова просилъ его и извѣщалъ, что пойманы Татары, которые объявляютъ, что ханъ собирается съ Поляками нападать на Украину,—Ромодановскій не пошелъ за Днѣпръ. Совѣтуя такимъ образомъ и стараясь перевести Ромодановскаго за Днѣпръ,

Выговскій въ самомъ дѣлѣ, кажется, руководился страхомъ. Ему хотѣлось отрѣзать Ромодановскаго отъ Трубецкаго и поставить его въ такомъ краѣ, гдѣ всякое покушеніе, если бы оно въ самомъ дѣлѣ могло быть, какъ ходили слухи, было бы встрѣчено съ негодованіемъ и съ противодѣйствіемъ, и гдѣ Ромодановскій не въ силахъ былъ бы противостать туземной массѣ.

Потомъ Выговскій отправилъ Юрія Хмельницкаго въ Кіевъ учиться, а самъ вынулъ изъ подъ земли, зарытыя имъ вмѣстѣ съ Хмельницкимъ сокровища—болѣе милліона, и началъ дарить и угощать старшинъ, значныхъ и простыхъ казаковъ. Веселыя пирушки нѣсколько недѣль шли безъ перерыва. Выговскій былъ человѣкъ трезвый, но чтобъ понравиться толпѣ, прикидывался пьянымъ, показывалъ бурлацкое обращеніе съ простыми казаками, былъ чрезвычайно обходителенъ съ подчиненными и казаки въ восторгѣ кричали: «отъ щирий, не гордий казакъ»!

IV.

Въ Литвѣ, въ послѣднее время, распространилось казачество, какъ нѣкогда въ самой Украинѣ; холопы самовольно записывались въ казаки. Польское правительство старалось ограничить ихъ число; такъ, подобно Полякамъ, поступали теперь московскіе воеводы въ покоренной Литвѣ, по приказанію своего правительства. Въ Могилевскомъ повѣтѣ вписывались въ казаки пашенные крестьяне. Правительство запретило это, но полковникъ Нечай, бывшій наказнымъ гетманомъ въ Литвѣ, принималъ ихъ въ реестръ. Московскіе воеводы лишнихъ самовольныхъ казаковъ исключали сами, били ихъ батогами, били ослопьемъ и сотниковъ, и эсауловъ, чтобъ тѣ не вписывали новыхъ казаковъ. Правительству хотѣлось, чтобъ эти пашенные крестьяне несли тягло; а они, дѣлаясь казаками, не хотѣли платить ничего съ тѣхъ земель, на которыхъ были населе-

пы. Напрасно полковникъ Нечай жаловался и ссылался на приказанія гетмана Богдана Хмельницкаго и Выговскаго, которые запрещали ему выводить казаковъ. «Война наступаетъ,—представлялъ онъ,—казаки нужны будутъ; нельзя выгонять и бить людей заслуженныхъ, которые и раны терпѣли, и въ осадахъ сидѣли». 27-го августа, Нечай отправилъ къ царю жалобу на воеводъ мстиславскаго, оршанскаго, борисовскаго, шкловскаго, копыльскаго, минскаго. «Воеводы,—писалъ онъ,—отнимаютъ у насъ деревни, съ которыхъ мы могли бы имѣть хлѣбъ себѣ; подданныхъ вашего царскаго величества, казаковъ моихъ, выгоняютъ насильно изъ домовъ,—требуютъ съ нихъ, какъ съ мужиковъ, податей, рѣжутъ имъ чуприны, бьютъ кнутами и грабятъ; и еслибъ подробное все противное намъ описывать, то много времени было бы потребно». Полковникъ приписывалъ такіе поступки наущенію шляхтичей, которые желаютъ всячески вывести казачество изъ Литвы. Онъ писалъ: «Какъ волкъ выкормленный все въ лѣсъ смотритъ, такъ и шляхта въ Польшу. Шляхтичи передаютъ секреты польскому королю, и оттого польскій король все знаетъ и готовится воевать на ваше царское величество, заключаетъ договоръ съ цесаремъ и крымскимъ ханомъ; и вотъ, по наговору этихъ хитрыхъ лисицъ, измѣнники воеводы теперь меня и товарищество мое преслѣдуютъ, какъ непріятелей». Въ особенности жаловался онъ на боярина Василія Шереметьева: «казаковъ беретъ и сажаетъ въ тюрьму, а другихъ дѣваетъ невѣсть гдѣ», говоритъ о немъ Нечай.

Ожиданіе прихода Трубецкаго и ратныхъ людей произвело смятеніе. Полковники писали объ этомъ по сотнямъ; начали собираться на рады, толковать; на лѣвой сторонѣ Днѣпра, миргородскій полковникъ Лѣсницкій разсылалъ по сотнямъ своего полка такого рода извѣстіе: «Мы присягали его царскому величеству, чтобъ намъ, по обычаю, быть на своихъ вольныхъ правахъ въ Запорожскомъ Войскѣ, и были мы вѣрны въ подданствѣ его царскаго величества по смерть гетмана Богдана Хмѣльницкаго; а теперь идетъ на насъ бояринъ царскій князь Трубецкой съ войскомъ, да князь Ромодановскій съ ратными людьми;

и вамъ приказано давать имъ живность беззаборонно; хотятъ учинить на Украинѣ по городамъ воеводъ: въ Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславѣ, Умани и по всѣмъ другимъ, чтобъ вездѣ имъ давали живность, и будутъ брать на государя всѣ тѣ подати, что народъ платилъ когда то польскимъ панамъ; а казацкаго войска только и останется, что въ Запорожьѣ десять тысячъ, и они будутъ получать изъ нашихъ доходовъ жалованье отъ *орандъ* и мельницъ; а больше уже и не будетъ Войска, а станутъ всѣ—мѣщане и хлопы; а кто не захочетъ быть мѣщаниномъ или хлопомъ, тотъ будетъ въ драгунахъ и солдатахъ. Крымскій же ханъ присылаетъ къ намъ и проситъ, чтобъ мы по прежнему были съ нимъ въ дружбѣ. И отъ насъ не требуетъ никакихъ поборовъ»...

Бросивши волненіе въ массу народа, полковникъ чрезъ нѣсколько дней разсылалъ другія приказанія: «чтобъ казаки не тревожились». Итакъ одинъ разъ онъ въ народѣ возбуждалъ опасеніе, въ другой разъ обращалъ народное раздумье къ догадкѣ, что это опасеніе напрасно. Такимъ образомъ, Лѣсницкій держалъ народъ въ недоумѣніи, чтобъ тѣмъ удобнѣе управлять имъ и повести, когда нужно будетъ, къ своей цѣли.

Другіе полковники за Днѣпромъ также волновали народъ такимъ вѣстями. За Днѣпромъ отзывалось болѣе намѣреніе защищать свои права, и заднѣпровскіе полковники разсылали на лѣвую сторону универсалы, въ которыхъ писали: «Мы, заднѣпровскіе казаки, непривыкли къ неволѣ, и не хотимъ ее. А если вы поддадитесь царскому изволенію, такъ мы съ Татарами на васъ войною пойдемъ».—Великій государь,—говорилъ миргородскій полковникъ одному Великороссіянину, —не устоялъ въ прежнемъ договорѣ; панъ гетманъ Выговскій и мы, старшины, царскому величеству воли своей не уступимъ; не хотимъ воеводъ царскихъ и отступимъ отъ царя; крымскій царь за насъ пойдетъ,—мы будемъ слыть его подданными; а податей никакихъ не будемъ платить».

Противники московскаго владычества толковали народу: «Вотъ, какъ возьмутъ васъ царь и Москва въ руки, тогда и

кабаки введутъ, горилки курить и меду варить нельзя будетъ дѣлать всякому и въ сапогахъ чорныхъ не прикажутъ ходить, и суконныхъ кафтановъ носить не вольно будетъ; поповъ своихъ нашлютъ, митрополита въ Кіевѣ своего поставятъ, а нашего въ Московщину возьмутъ, да и весь народъ туда же погонятъ, а останется тысячъ десять казаковъ, да и тѣ на Запорожьѣ; а тѣ, что въ городахъ будутъ, тѣ службу станутъ держать подъ капитанами».

Распустивъ по сотнямъ вѣсти, миргородскій полковникъ надѣялся, что народъ этимъ слухомъ достаточно настроенъ, и приказалъ собраться въ Миргородѣ на полковую раду всѣмъ сотникамъ и атаманамъ своего полка, и выборнымъ изъ каждаго города и мѣстечка по пяти человѣкъ.

Полковникъ сталъ имъ читать пункты, гдѣ были изложены показанныя выше предположенія о перемѣнахъ. Чтобъ раздражить еще болѣе народные интересы, полковникъ читалъ имъ, между прочимъ, что государь приказываетъ сбирать со всѣхъ хозяевъ десятину.

— «Хотите поддаться крымскому хану или Ляхамъ?» сказалъ онъ послѣ этого.

Но казаки—говоритъ одинъ изъ простаго народа, тамъ бывшаго,—сейчасъ догадались, что эти пункты не правые, и сказали: «а мы что сдѣлаемъ безъ черни»? Тогда полковникъ роздалъ каждому сотнику и атаману экземпляръ возбудительнаго писанія, велѣлъ собрать рады и прочитать простому народу. Вездѣ по селамъ чтеніе это произвело совсѣмъ другое впечатлѣніе, нежели какого ожидали; казаки говорили: «мы хотимъ служить великому государю и за нимъ жить, а ни къ крымскому хану, ни къ Ляхамъ не пойдемъ,—мы государскіе. Куда намъ великій государь укажетъ, туда всѣ пойдемъ». Такіе отвѣты послѣдовали изо всѣхъ сотенъ. Нѣкоторые сотники и атаманы оповѣщали простымъ казакамъ, что гетманъ приказывалъ имъ наготовить свинецъ и пульки: въ походъ за Днѣпръ пойдутъ.— «Мы за Днѣпръ не пойдемъ по приказу гетмана; а послушаемъ и пойдемъ, когда царскій указъ будетъ»!

Услыша о неблагопріятномъ для его цѣлей настроеніи народнаго духа, миргородскій полковникъ собралъ снова раду, отдавалъ свое полковничество, и положилъ булаву. Сотники, атаманы и эсаулы начали его уговаривать, чтобъ онъ остался, и полковникъ, какъ будто нехотя, уступая волѣ народной, взялъ опять свой знакъ. Но этотъ обычный казацкій маневръ вовсе не такъ подѣйствовалъ на чернь, какъ на чиновныхъ лицъ; стоя кругомъ полковника, чернь крѣпко бранила его, а полковникъ слушалъ и притворялся, что не слышитъ, но видѣлъ ясно, что народъ его ненавидитъ. Присылкою бояръ и уничтоженіемъ казацкаго правленія трудно было тогда испугать народъ. «Мы, — говорилъ московскому послу лубенскій войтъ Котляръ:—рады будемъ, когда придутъ къ намъ воеводы съ ратными людьми; а гетмана мы всѣ недолюбливаемъ; и мы, и мѣщанство, и чернь — заодно; вотъ будетъ ярмарка объ Николинѣ днѣ, и мы станемъ совѣтовать съ своею братіею, чтобъ намъ послать къ государю бить челомъ о воеводахъ,—чтобы у насъ были царскаго величества воеводы».

Тогда въ Москву стали являться изъ Украины письма, объяснявшія, въ чемъ состоитъ народное желаніе. Протопопъ Филимоновъ переписывался секретно съ бояриномъ Ртищевымъ и сообщалъ ему о состояніи умовъ въ Украинѣ.

«Какъ только прослышали мы,—писалъ онъ,—что прійдетъ сюда князь Алексѣй Трубецкой съ товарищами на государя праведнаго сей край отбирать и постановить государевы власти, то всѣ меньшіе стали очень радоваться этому и вся чернь обрадовалась, желая, чтобъ уже мы имѣли единаго государя, до кого мы бы могли прибѣгать. Правда, отчасти опасаются, чтобъ воеводы не нарушили здѣшнихъ обычаевъ и правилъ, какъ въ церковномъ, такъ и въ гражданскомъ строеніи, и чтобъ отсюда насильствомъ въ Московщину людей не гнали; но мы ихъ обнадеживаемъ, что государь-царь и великій князь ничего этого не хочетъ. И я, доброхотъ государевъ, желаю отъ сердца, чтобъ ужь мы знали государя праведнаго себѣ за совершеннаго государя и его полную власть надъ собою; и многіе изъ духовныхъ

и свѣтскихъ того хотятъ, а не хотятъ этого гетманъ, да полковники, да старшины; и это дѣлаютъ они для своего лакомства: они бы рады были одни пановать и тѣшиться своимъ самовластіемъ, они уже разлакомились въ господствѣ своемъ, и не хочется имъ его потерять. Сказываютъ о войсковой казнѣ, а Войско ея и не знаетъ; только и знаютъ о ней, что одинъ или два человѣка старшинъ, а Войску изъ нея заплаты нѣтъ. Того ради изволь твоя милость вступиться предъ его царскимъ величествомъ, чтобы непремѣнно государь прислалъ воеводъ и взялъ на себя всѣ наши города; въ Украинѣ никто не станетъ противиться. Это будетъ добро, а мы будемъ всячески къ тому людей приводить».

Филимоновъ переслалъ это письмо черезъ другаго священника Василія, который тогда хлопоталъ о мѣстѣ для себя въ кіевскомъ Софійскомъ соборѣ. То же писалъ къ Татищеву изъ Чернигова другой духовный, архимандритъ черниговскаго монастыря Иванъ Мещериновъ; онъ давалъ совѣты ввести въ Украинѣ кабаки и вѣрныхъ головъ и воеводъ.

«Мы слышали, — выражался онъ, — что имѣетъ быть къ намъ князь Трубецкой. Какъ бы скорѣе конецъ былъ съ панами, нашими начальными! Всѣ мы его ждемъ; а я желаю, чтобъ, единаго небеснаго Христа-царя имѣючи, и единаго царя православнаго имѣли; дай же намъ, Христе-царю, того дождати!»

Съ своей стороны, Запорожье интриговало противъ Выговскаго. Туда убѣгали изъ Украины толпы простаго народа. Кто для промысловъ, а кто промотается и пропьется—и тотъ бѣжалъ въ Запорожье, покинувъ семью свою; и такіе-то составляли оппозицію Выговскому. Главою ихъ былъ Яковъ Барабашъ. Имъ на руку была народная молва, что царь хочетъ оставить въ одномъ Запорожьѣ только десять тысячъ; они-то и думали, вѣроятно, сдѣлаться этими привилегированными остатками. Барабашъ отправилъ въ Москву посланцами Самойла, Михайла Иванова, Степана Дьякова, да Семена Остапенка. Это была депутація простаго народа, показывавшая москов-

скому правительству, что простонародье хочетъ не того, что старшины. Она жаловалась на старшинъ, что имъ не даютъ ловить рыбу, держать вино, берутъ поборы и наживаются сами, а простымъ не даютъ жалованья; доносили на Выговскаго, что онъ сносится съ Поляками, съ ханомъ, со шведскимъ королемъ. Запорожцы представляли, что гетманъ избранъ неправильно,—безъ участія Запорожцевъ; что онъ самъ не Запорожецъ, а Полякъ, и жена у него шляхтянка; что хоть Хмельницкій и сдѣлалъ его писаремъ, но ни онъ, ни жена его не хотятъ добра Запорожью; что радѣ слѣдуетъ быть на Запорожьѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ Лубнахъ; послѣднее мѣсто нравилось имъ оттого, что бѣглецы изъ того края составляли въ то самое время зерно запорожской вольницы.

Въ заключеніе, они просили, чтобъ въ Украину ввести воеводъ и московское управленіе. «Вся наша чернь и мѣщане этого желаютъ, — говорили они: — да казацкая старшина не допускаетъ ради своей корысти». Посольство изъ Запорожья отправили запорожскіе старшины, а толпа неистово порывалась идти на города и шарпать имѣнія знатныхъ и богатыхъ. Выговскій, услышавъ объ этомъ, собирался съ своей стороны идти съ городовыми казаками усмирять Запорожье и приказалъ разставить караулы (заставы), чтобъ перенять запорожскихъ посланцевъ, когда они будутъ возвращаться изъ Москвы,—да еще не велѣлъ торговцамъ возить въ Запорожье порохъ, свинецъ и припасы, чтобъ край этотъ отрѣзать отъ Украины и лишить продовольствія. Въ то же время Выговскій отправилъ письмо къ боярину Морозову, умолялъ его ходайствовать предъ царемъ, чтобъ доносы враговъ не получили успѣха, и просилъ задержать посланцевъ. «Пусть бы, государь,—писалъ онъ,—покаралъ ихъ по своему премудрому разуму; они, своевольники, только о суетной своей волѣ помышляютъ, а не радѣютъ о вѣрѣ и о прислугѣ его царскому величеству; нѣтъ у нихъ ни женъ, ни дѣтей, ни пожитковъ, ни добычи,—только на чужое добро дерзаютъ, чтобъ ѣсть имъ, да пить, да въ карты играть, да всякія безчинства Богу и людямъ чинить; а мы за вѣру пра-

вославную и за достоинство государя, при женахъ, дѣтяхъ и маетностяхъ нашихъ, всегда умирать готовы».

Барабашъ, отправивъ уже посольство и роя подъ Выговскимъ яму, послалъ къ нему письмо, увѣрялъ въ своемъ расположеніи и покорности, и возбуждалъ неудовольствіе гетмана на толпу повѣсъ, пришлецовъ изъ Украины. «Тѣ, которые поднимали бунтъ,—писалъ онъ,—пришли изъ миргородскаго повѣта. Часть ихъ уже повязана, да у половины у нихъ ни самопала, ни корма, ни одежишки не спрашивай, а мы сверстные казаки зимовчаки ихъ не послушали; и въ мысли у насъ не было, чтобъ идти на города грабить!».

Въ такомъ положеніи было общее настроеніе умовъ, когда прибылъ въ Москву Миневскій съ товарищемъ. Въ разспросахъ, которые ему дѣлали бояре, онъ, отъ имени Выговскаго, чернилъ всячески Лѣсницкаго; указывалъ, что этотъ-то полковникъ даетъ поводъ ко всѣмъ волненіямъ, потому что ему хотѣлось булавы, но онъ ея не получилъ, и теперь вотъ онъ наущаетъ народъ къ неповиновенію и возбуждаетъ чернь противъ царской власти: распустилъ слухъ, будто царь прислалъ князя Трубецкаго съ тѣмъ, чтобы вездѣ по городамъ поставить войско и уничтожить казацкія вольности. Бояре объяснили ему, что у его царскаго величества и въ мысли не было, чтобы ломать права и вольности ихъ, и приписывали такія выдумки наущенію враговъ. Посланцы старались выставить въ благопріятномъ свѣтѣ сношенія Выговскаго со Шведами и Поляками, откровенно объявили, что польскіе послы пріѣзжаютъ для того, чтобъ склонить казаковъ къ измѣнѣ царю, и увѣряли, что не успѣть имъ въ этомъ. Запорожскіе посланцы были тогда въ Москвѣ; выслушавши отъ нихъ доносъ, бояре стали вывѣдывать отъ посланцевъ Выговскаго, были ли Запорожцы на радѣ? На это Миневскій отвѣчалъ, что не были; но въ самомъ Запорожьѣ народъ въ то время состоялъ изъ казаковъ разныхъ городовыхъ полковъ, а изъ этихъ полковъ на радѣ были и старшины, и выборные казаки. «На Запорожьѣ,—объяснили они, — людей вовсе немного, всего тысячъ пять, и тѣ живутъ

тамъ постоянно; одни приходятъ изъ городовъ, другіе уходятъ назадъ».

Посланцы доказывали, что Запорожье не есть что нибудь особое, а часть того же Войска.

«Мы не чаемъ бунта, — говорили они,—потому что Ивана Выговскаго выбрали цѣлымъ Войскомъ; а лучше бы учинить такъ, чтобы великій государь изволилъ послать кого укажетъ въ Войско, чтобъ собрать полковниковъ и сотниковъ, и всю городовую чернь вновь на большую раду; кого на этой радѣ выберутъ, тотъ и будетъ проченъ, а гетманъ самъ желаетъ этого; и если кого инаго выберутъ, Иванъ Выговскій о томъ не оскорбляется».

— «А прежніе гетманы гдѣ выбирались?—спрашивали бояре, слышавшіе предъ тѣмъ отъ запорожскихъ посланцевъ, что они выбирались на Запорожьѣ:—Гдѣ Богданъ Хмельницкій выбранъ?»

«На Запорожьѣ прежніе гетманы выбирались,—сказалъ Миневскій:—и Богданъ выбранъ на Запорожьѣ и Запорожанинъ былъ».

Бояре замотали себѣ на усъ, что Миневскій говорилъ въ одно съ Запорожцами, и это доставляло оправданіе послѣднимъ во мнѣніи бояръ.

Посланцы Выговскаго были отправлены съ честію, съ жалованною грамотою, составленною буквально по образцу данной Богдану Хмельницкому, и съ письменнымъ милостивымъ словомъ царскимъ ко всему Войску, гдѣ сказано, что такъ какъ казаки обѣщаются служить вѣрою и правдою его царскому величеству, то и великій государь вѣрныхъ подданныхъ, православныхъ христіанъ, будетъ держать въ вольностяхъ безъ всякаго умаленія; а на подтвержденіе новоизбраннаго гетмана и для принятія отъ него присяги на вѣрность пошлется бояринъ Хитрово.

Въ то же время, какъ эти посланцы были еще въ Москвѣ, Выговскаго уже посѣтилъ одинъ московскій гонецъ, стряпчій Рагозинъ. Онъ посланъ былъ въ Украину, подъ предлогомъ извѣ-

стить гетмана о дарованіи отъ Бога радости царскому семейству рожденіемъ царевны Софіи, но въ самомъ дѣлѣ у него былъ наказъ — провѣдывать, что дѣлается на Украинѣ, и любятъ ли тамъ и желаютъ ли Выговскаго? По всей дорогѣ, отъ московской границы до Чигирина и обратно до московской границы, простые люди, проводники и подводчики, въ одинъ голосъ, какъ будто бы сговорившись, утверждали, что Выговскаго недолюбливаетъ народъ. Въ Чигиринѣ говорили ему, что Выговскаго выбрали одни старшины,—чернь его не желаетъ, а хочетъ Хмельниченка; но на лѣвой сторонѣ Днѣпра не вспоминали и Хмельниченка.

«Вотъ, сказываютъ,—говорили поселяне Рагозину, — будто бояре и воеводы съ ратными московскими людьми придутъ къ намъ, а мы этому и рады».

Такъ, съ одной стороны, Выговскому и его партіи представлялся поводъ къ подозрѣніямъ и непріятнымъ ожиданіямъ перемѣнъ отъ царя, а съ другой московскому правительству приходили вѣсти, что народъ не любитъ новоизбраннаго правителя; что народъ расходится съ нимъ и съ его партіею въ желаніяхъ, что Выговскій и значные — тайные недоброжелатели Москвы. Запорожцы поймали посланцевъ Выговскаго, отправленныхъ въ Крымъ, перехватили письма гетмана къ хану: по извѣстію современника Поляка, самихъ посланцевъ утопили, а письма отправили въ Москву съ своимъ посломъ. Они доносили, между прочимъ, что къ Выговскому ѣздитъ какой-то ложный монахъ Данило, Французъ родомъ, который ведетъ тайныя сношенія и подстрекаетъ его къ отпаденію отъ Московщины; старались растолковать письма гетмана къ хану такъ, что гетманъ съ ханомъ и Поляками хочетъ идти войною на Московщину.

Но сильнѣе всѣхъ враговъ Выговскаго былъ полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкарь; пользуясь разстройствомъ народнаго смысла, недовольствомъ черни противъ значныхъ, Пушкарь надѣялся сдѣлаться самъ гетманомъ, свергнувши Выговскаго, созвалъ у себя раду, и объявилъ на ней, что Выговскій измѣнникъ, сносится съ Поляками, Крымцами, думаетъ измѣнить царю.

Вмѣстѣ съ запорожскими гонцами онъ отправилъ въ Москву

и своего атамана, Стринджу съ товарищами; они повезли доносъ, что гетманъ измѣнникъ, сносится съ Ордою и Поляками. Рѣшившись въ то же время дѣйствовать оружіемъ, Пушкарь просилъ Запорожцевъ помогать ему противъ Выговскаго: по такой просьбѣ, шестьсотъ молодцовъ отправилось къ Пушкарю подъ начальствомъ атамана Якова Барабаша [1]). Но главная сила Пушкаря состояла въ народѣ. Полтавскій полковникъ, чтобъ вредить своему врагу, постоянно призывалъ казаковать посполитыхъ, стремившихся къ уравненію правъ своихъ съ казаками. Ненависть, прежде обращенная на польскихъ пановъ, теперь готова была съ тѣмъ же неистовствомъ обратиться на единоземцевъ, которымъ болѣе другихъ послужило житейское счастіе. Призывы Пушкаря подѣйствовали на бездомовныхъ и безземельныхъ: такихъ накопилось множество въ Украинѣ отъ раззореній, смутъ и отвычки отъ работъ во время безпрерывныхъ войнъ. Со всѣхъ сторонъ стекались къ Пушкарю работники изъ винокурень, — а винокурни и пивоварни тогда находились чуть не въ каждомъ зажиточномъ домѣ, — сбѣгались пастухи, наймиты; неимѣвшіе своего угла и жившіе изъ куска хлѣба у богатыхъ, теперь бѣжали казаковать — въ надеждѣ отомстить за побои хозяевамъ и присвоить ихъ имущества, для того, чтобъ пропить и промотать награбленное въ нѣсколько дней; все, что носило названіе *голо́ты* (т. е. голи, голяковъ), явилось подъ знамена Пушкаря. Они шли безъ лошадей, безъ оружія, нерѣдко безъ одежды и обуви, въ лохмотьяхъ, съ рогатинами, дубинами, косами и, — по замѣчанію лѣтописца,—съ сердцами, готовыми на убійства и грабежи [2]).

Пушкарь составилъ изъ нихъ пѣхотный полкъ: они назывались *дейнеками* (т. е., можетъ быть, *де-не-які*, кой-какіе), и въ короткое время у полтавскаго полковника было, какъ думали, до двадцати тысячъ... [3]), и съ каждымъ днемъ партія его уве-

---

[1]) Лѣтоп. Величка, I, 317.

[2]) Лѣтоп. Величка. I, 328.

[3]) Кратк. повѣст. о Каз. Мал. Нар., 85

личивалась; окрестности Гадяча, Зинькова, Ромна, Миргорода, возмутились; поспольство обращалось въ казаковъ.

Выговскій побѣжалъ въ Гадячъ, захватилъ на мѣстѣ нѣсколько возмутителей народа противъ гетманской власти и казнилъ смертію; потомъ отправилъ гадячскаго *намисныка* Тимоша въ Полтаву и ласково просилъ Пушкаря оставить свои враждебныя намѣренія и предлагалъ миръ.

«Чи не такъ,—сказалъ Пушкарь:—Виговськиі хоче мене зъ собою погодити, яко погодивъ въ Гадячомъ браттю нашу, луччихъ одъ себе товаришівъ Війська Запорозского, поутинавши імъ голови?... але не діжде сего».

Приказалъ Пушкарь оковать Тимоша и отослалъ его къ воеводѣ московскаго царя, Колонтаеву, своему пріятелю, въ Каменное [1]).

Тогда Выговскій рѣшился успокоить Пушкаря оружіемъ и послалъ противъ него два полка: нѣжинскій и стародубскій. Но на пути простые казаки взволновались, отказывались подымать руки на братьевъ и разошлись.

Выговскій увидѣлъ, что на казаковъ плоха надежда въ междоусобной войнѣ. Но бурная эпоха Хмельницкаго привлекла въ Украину толпы иноземцевъ: у гетмана были *затяжные* полки (*затязці*, наемные): въ нихъ были Сербы, Волохи, Поляки, Нѣмцы. 25-го января 1658 года, гетманъ послалъ противъ соперника отрядъ Сербовъ подъ начальствомъ Ивана Сербина, и Малороссіянъ подъ предводительствомъ Богуна. Они должны были напасть на Полтаву въ расплохъ и схватить Пушкаря.

Отъ скорости зависѣлъ успѣхъ. Сербы прошли удачно и быстро до Полтавы, но подъ самымъ городомъ сбились съ зимней дороги и промедлили день. Въ Полтавѣ узнали объ нихъ, и 27-го января Барабашъ съ Запорожцами напалъ на нихъ во время обѣда при урочищѣ Жуковомъ-Байракѣ. Триста человѣкъ легло на мѣстѣ, не успѣвши схватиться за оружіе. Остальные не пошли впередъ и убѣжали. Многіе попались въ плѣнъ и бы-

[1]) Лѣтоп. Величка, I, 325.

ли отосланы къ московскому воеводѣ, пріятелю Пушкаря. Лѣсницкій, узнавъ о несчастіи, дѣлалъ кличъ по всему миргородскому полку, призывая спѣшить противъ бунтовщика Пушкаря, но многіе Миргородцы переходили на сторону враговъ [1]).

Въ это время уже совершился выборъ митрополита. Новоизбранный архипастырь, Діонисій Балабанъ, сторонникъ Выговскаго, написалъ Пушкарю увѣщательное письмо и грозилъ церковнымъ проклятіемъ за непослушаніе гетману.

«Хотя ваша святительская милость,—отвѣчалъ Пушкарь,—и возложили свое благословеніе на Ивана Выговскаго, но Войско Запорожское не признаетъ его гетманомъ. Когда будетъ полная рада, на которой вся чернь украинская единомысленно съ черныю Войска Запорожскаго изберутъ его гетманомъ, тогда и я признаю его. А ваше архипастырское неблагословеніе извольте возлагать на кого нибудь такого, кто не желаетъ добра его царскому величеству и ищетъ невѣрныхъ царей; мы же почитаемъ царемъ одного царя православнаго [2])».

Пушкарь выступилъ изъ Полтавы и дейнеки повсюду грабили зажиточныхъ и опустошали ихъ имѣнія. Этотъ походъ увеличивалъ войско Пушкаря, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, раздражалъ всѣхъ, имѣвшихъ собственность.

Но въ то время, когда такое волненіе поднялось въ восточной части Украины, прибылъ Хитрово. Еще онъ былъ въ дорогѣ, а уже казацкіе старшины сильно тревожились. Посланники Выговскаго, возвратившись къ гетману, извѣщали, что царскій посолъ ѣдетъ собирать новую раду для новаго избранія. Опасались, чтобъ противная Выговскому партія не взяла верхъ и не избранъ былъ другой гетманъ; это значило уступить свои свободныя сословныя права произволу Московской власти; тогда показали бы примѣръ, что вольное избраніе иначе ничего не значитъ. Вопросъ о воеводахъ и великорусскихъ войскахъ въ Украинѣ долженъ былъ разрѣшиться съ пріѣздомъ боярина.

---

[1]) Лѣтоп. Величка, I, 325.

[2]) Истор. Мал. Росс., II, прим. 12.

Зловѣщіе слухи объ уничтоженіи казаковъ должны были съ нимъ или оправдаться, или обличиться. Страшная для всѣхъ гроза примирила всякія несогласія; гетманъ и Григорій Лѣсницкій стали друзьями. Многіе готовились стать грудью за Выговскаго, не изъ любви къ нему, а потому что съ нимъ вмѣстѣ должны были защищать самихъ себя и все свое сословіе.

V.

17-го января, Хитрово пріѣхалъ въ Лубны; и отъ гетмана, и старшинъ явился посланецъ съ письмомъ, просить, чтобъ рада была не въ Переяславлѣ, а въ иномъ мѣстѣ. Бояринъ подарилъ гонцу пару соболей, да пять рублей денегъ и сказалъ ему: «это тебѣ за то, чтобъ, пріѣхавши къ гетману, наговаривалъ его ѣхать на раду въ Переяславъ, а не въ иное мѣсто».

25-го января прибылъ Хитрово въ Переяславъ и остановился въ домѣ какого-то Грека Ивана, а 30-го получилъ извѣщеніе, что гетманъ пріѣдетъ на раду. Выговскій былъ передъ тѣмъ въ Миргородѣ вмѣстѣ съ Лѣсницкимъ. Еще не было рады, не порѣшили дѣлъ съ Хитрово, а ужь путивльскій воевода спрашивалъ Выговскаго, когда онъ поѣдетъ въ Москву. Выговскій обѣщалъ ѣхать, какъ только утишится волненіе и кончится дѣло, по которому пріѣхалъ бояринъ Хитрово.

Собрались въ Переяславъ полковники. Прибылъ гетманъ. Старшина роптала. Выговскій не показывалъ охоты начальствовать. Онъ говорилъ старшинамъ такъ: «Москаль ни во что считаетъ выборы по нашимъ стародавнимъ правамъ, и хочетъ чтобъ у казаковъ гетманы были не выборные, не изъ нашего народа. Они думаютъ навязать намъ какого-нибудь своего бородача. Если вы теперь это допустите, то навѣки потеряете права и вольности; не поддавайтесь Москалю, не позволяйте себѣ давать гетмана, — выбирайте вольными голосами, какъ прежде всегда встарину бывало».

На раду прибылъ и новоизбранный митрополитъ Діонисій, и знатное духовенство. Рада произошла въ одинъ изъ первыхъ дней февраля. Прибылъ въ собраніе бояринъ; Выговскій не явился; вмѣсто него выступилъ монахъ Петроній и сказалъ:

«Панове рада! Приказалъ вамъ Выговскій сказать, что онъ отказывается отъ булавы, которую ему дала рада; онъ увидѣлъ къ себѣ неблаговоленіе его царскаго величества, да притомъ и въ Войскѣ много у него недоброжелателей. Пусть бояринъ назначитъ вамъ гетмана, кого пожелаетъ, а Выговскій, утомленный долгими трудами, и видя на себѣ отовсюду гоненія, желаетъ остатокъ дней своихъ посвятить Богу въ монастырѣ».

Съ негодованіемъ выслушали казаки оффиціальный отказъ своего гетмана. Они были научены заранѣе, будто отъ Выговскаго требуетъ этого бояринъ.

Одинъ смѣльчакъ такъ говорилъ:

«А бодай того ніхто не діждавъ, щобъ Виговського зъ булави запорозькоі зкинули; ані цареві, ані тобі, воеводо, козаки нічого не зділали, щобъ ви право наше козацьке—обірати гетьмана—у насъ видерли; Виговський голову смаживъ, насъ зъ тяжкоі неволі лядскі визволяючи; всі при німъ умирати, изъ нимъ жити готовісьмо; то вся Украіна: полковники, осаули, отамани, сотники и чернь поприсягаемо!»

«Згода! згода!» раздалось множество голосовъ.

«Все,—говорилъ какой-то полковникъ,—все, що царь и ти, боярине, намъ скажешь, ми учинимо, а зъ рукъ у себе обірання гетьмана видерти не дамо: на те постріли рани й люту смерть у битвахъ зъ ворогами одважно терпимо, щобъ дослужити слави й чести въ нашімъ козацькімъ народі!»

«Если такъ, паны рада,—сказалъ бояринъ:—если вы желаете, чтобъ Выговскій былъ у васъ гетманомъ, то пусть будетъ по вашей волѣ и по вашимъ старымъ обычаямъ, съ тѣмъ, чтобы новый гетманъ присягнулъ передъ крестомъ и Евангеліемъ, что не будетъ сноситься съ царскими врагами, а Поляковъ будетъ считать непріятелями, если они не выберутъ на престолъ его царское величество, и противъ Турковъ и иныхъ,

кто будетъ его царскому величеству непріятелемъ, будетъ съ казаками биться; а потомъ пусть отправляется въ Москву видѣть свѣтлыя очи его царскаго величества [1])».

Полковники увѣряли боярина, что Выговскій всегда былъ и будетъ вѣренъ царю. Тогда разрѣшилось наконецъ загадочное дѣло о воеводахъ. Бояринъ изложилъ прежнее состояніе Украины, когда въ ней не было крѣпостей, и польскіе люди, соединяясь съ Крымцами, приходили войною и опустошали города и мѣстечки; припомнилъ, какъ государь прислалъ своихъ ратныхъ людей для защиты края и велѣлъ устроить въ Кіевѣ крѣпость, и сами казаки хвалили это.

«И теперь, — говорилъ бояринъ, — великій государь, желая по христіанству, чтобъ было все Войско Запорожское въ осторожности и въ безстрашіи отъ внезапнаго прихода непріятеля, изволилъ учредить своихъ воеводъ и ратныхъ людей въ знатныхъ городахъ Малой Россіи: въ Черниговѣ, въ Нѣжинѣ, въ Переяславлѣ и въ другихъ, гдѣ будетъ пристойно, также какъ въ Кіевѣ, для вашей обороны. Воеводы и ратные люди будутъ укрѣплять города и устроивать осады, а въ городахъ и мѣстечкахъ будутъ вѣдать казаковъ и чинить между ними расправу полковники, и войты, и бурмистры — по вашимъ правамъ; а осадныхъ людей въ городахъ будутъ судить и расправу чинить надъ ними — воеводы, только также по вашимъ правамъ. Тѣ поборы, которые сбирались у васъ — *подымное* и съ *орандъ*, будутъ сбираться въ оныхъ городахъ въ войсковую казну и даваться на жалованье Запорожскому Войску и на царскихъ ратныхъ людей, которые будутъ съ воеводами, да на войсковые расходы».

Бояринъ доказывалъ, что такое устройство принесетъ большую пользу всему краю. «Тогда, — говорилъ онъ, — если непріятели и наступятъ на города Малой Россіи, то Войско Запорожское надежно будетъ стоять противъ нихъ; въ городахъ въ то время будутъ для береженья воеводы и ратные люди, и не-

---

[1]) Hist. panow. Jan. Kaz. II, 3 – 7. Annal. Polon. Climact. II, 272.

дадутъ непріятелю пустошить городовъ и уѣздовъ; а сверхъ того, на то время Войску будетъ заплата; когда оно пойдетъ противъ непріятеля, не будетъ никакой нужды, и вамъ всѣмъ будетъ охотнѣе служить: будете знать, что домы ваши цѣлы и не разорены, — воеводы берегутъ».

Простые казаки должны были видѣть въ этомъ свою выгоду. Но эти нововведенія парализовали власть старшинъ, потому что отнимали у нихъ распоряженіе доходами, которые они собирали какъ хотѣли и употребляли въ свою пользу. Приходилось согласиться на требованіе боярина. Постановили быть воеводамъ въ малороссійскихъ городахъ.

«Но въ которыхъ именно городахъ,—сказалъ Выговскій,— надобно быть воеводамъ, я самъ доложу о томъ великому государю, царскому пресвѣтлому величеству, когда, Богъ дастъ, буду оглядать его царскія пресвѣтлыя очи и принесу вѣчное свое подданство».

Посолъ требовалъ, чтобъ казаки, водворившіеся въ литовской Землѣ, именно: въ Старомъ-Быховѣ и Чаусахъ, были выведены оттуда, и пашенные крестьяне, вступавшіе самовольно въ казацкое званіе, были обращены въ прежнее состояніе; московское правительство считало Великое Литовское Княжество уже своимъ завоеваннымъ достояніемъ, размѣстило своихъ воеводъ по городамъ и приписало къ нимъ повѣты. Находили, что Быховъ принадлежалъ къ оршанскому, а Чаусы къ могилевскому повѣтамъ, и слѣдовательно, этими городами должны начальствовать воеводы, помѣщенные въ Оршѣ и Могилевѣ. Полковникъ казацкій долженъ выйти прочь, и въ Литвѣ не слѣдуетъ быть казачеству.

Приходилось радѣ безропотно согласиться и на это требованіе, а оно также сильно щекотало казацкій патріотизмъ и внушало опасеніе за будущее: если московское правительство теперь, по своей волѣ, уничтожало казачество въ одномъ изъ краевъ, гдѣ казачество уже завелось, то могло впослѣдствіи уничтожить его и въ другихъ мѣстахъ, и такъ постепенно обрѣзывать территорію, какую казачество успѣло занять во время войнъ съ По-

ляками. Бояринъ давалъ знать, что правительство не хочетъ слишкомъ сильнаго расширенія казачества и признаетъ его вреднымъ для гражданскаго порядка. Бояринъ жаловался, что изъ сосѣднихъ краевъ Великороссіи, изъ уѣздовъ: брянскаго, карачевскаго, рыльскаго, путивльскаго, крестьяне, живущіе въ имѣніяхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, и холопы, бѣгаютъ въ Малороссію, потомъ приходятъ оттуда на прежнее жительство толпами, подговариваютъ къ побѣгу съ собой другихъ крестьянъ и холоповъ, и нерѣдко отмщаютъ своимъ господамъ, если прежде были ими недовольны: набѣгаютъ на ихъ домы—сожигаютъ ихъ, убиваютъ хозяевъ и ихъ семейства; иногда они запирали господъ въ домахъ, закапывали дома со всѣхъ сторонъ землею, и такъ оставляли жильцовъ умирать взаперти голодною смертію. Ясно было, что казачество, которое возникло изъ возстанія простаго народа противъ владѣльцевъ, было искушеніемъ для сосѣдняго великороссійскаго простонародья.

«О всѣхъ тѣхъ людяхъ, — отвѣчалъ Выговскій, — мы сдѣлаемъ розыскъ, и всякій полковникъ и урядникъ подвергнется наказанію, если не будетъ поступать согласно нашему приказанію».

«Великому государю учинилось вѣдомо,—сказалъ бояринъ,— что въ Запорожское Войско не однажды пріѣзжалъ старецъ Данило, родомъ изъ французской Земли; но онъ на самомъ дѣлѣ не старецъ, и теперь уже скинулъ съ себя черенеческое платье, и ходитъ въ мірскомъ, — онъ пріѣзжалъ сюда отъ шведскаго короля лазутчикомъ и чинитъ ссору въ Запорожскомъ Войскѣ; а потому, какъ только онъ пріѣдетъ, вели, гетманъ, задержать его и отписать объ немъ его царскому величеству».

Гетманъ отвѣчалъ на это:

«Мы и прежде не слушали никакихъ сплетней и теперь не станемъ слушать. Если же этотъ Данило станетъ дѣлать что нибудь противное у насъ, мы его самого отошлемъ къ его царскому величеству».

Бояринъ, какъ органъ московской власти, выражалъ и теперь, какъ дѣлалось прежде, неудовольствіе со стороны этой

власти за склонность къ дружелюбному отношенію къ Шведамъ; съ выговоромъ замѣчалъ, что до сихъ поръ не послано отъ казаковъ посольства къ шведскому королю съ объявленіемъ ему непріязни, въ случаѣ если онъ не исполнитъ требованій царя и не примирится съ нимъ, по желанію послѣдняго. Выговскій долженъ былъ обѣщать отправить такой отзывъ къ шведскому королю, съ которымъ втайнѣ велъ мирныя сношенія. Въ отношеніи Поляковъ, бояринъ объявилъ, что война будетъ неизбѣжна, потому что Поляки уклоняются отъ исполненія виленскаго договора 1656 года,—не думаютъ собирать сейма и разсуждать на немъ объ избраніи на королевство московскаго государя. Бояринъ приказывалъ казацкому войску быть на готовѣ къ выступленію на войну, когда придетъ указъ изъ Москвы о началѣ военныхъ дѣйствій.

«Мы, — отвѣчалъ гетманъ, — готовы идти на польскаго короля и велѣли написать универсалы, чтобы разослать казакамъ, когда будетъ нужно; желаемъ сложить наши головы за достояніе его царскаго величества и противъ шведскаго короля, и противъ каждаго царскаго непріятеля пойдемъ покорно, по царскому приказанію».

Наконецъ, бояринъ замѣтилъ слѣдующее:

«Въ прошлыхъ годахъ покойный гетманъ Хмельницкій подписывался въ своихъ листахъ отъ казаковъ къ царю — *вѣчными* подданными его царскаго величества, а ты, Иванъ, въ листѣ своемъ къ великому государю подписался — *вольными* подданными; такъ тебѣ не годилось писать, и впредь вамъ подписываться просто — *вѣчными* подданными царскаго величества, а не *вольными*. Да еще ты писалъ листъ къ крымскому хану и не подписался въ немъ подданнымъ царскаго величества, а въ грамотахъ къ крымскому хану и къ султану Калгѣ пишутъ васъ отъ великаго государя царскими подданными и приказываютъ посланникамъ говорить, чтобъ ханъ шертовалъ на томъ, чтобы не ходить на васъ, запорожскихъ казаковъ и не чинить вамъ никакого лиха, потому-что вы подданные царскіе; а еслибъ

васъ царскими подданными не писать въ грамотахъ къ крымскому хану, то на насъ бы давно война была».

Отвѣта на это замѣчаніе не дошло до насъ; трудно было что-нибудь и отвѣчать на него.

Въ соборной церкви святыхъ апостолъ произнесъ гетманъ присягу, — по выраженію того времени, — его царскому величеству прямить и добра хотѣть. Выговскій увернулся отъ немедленной поѣздки въ Москву, и бояринъ изъ своихъ рукъ далъ ему булаву, бунчукъ и царскую грамоту на гетманское достоинство. Украинскій лѣтописецъ говоритъ, что Выговскій расположилъ къ себѣ боярина угощеніями и подарками. Съ своей стороны, бояринъ щедрою рукою раздавалъ царскіе дары, состоявшіе въ соболяхъ и рубляхъ, и Выговскому, и всѣмъ старшинамъ, и духовенству, и многимъ простымъ казакамъ, съ кѣмъ только приходилось ему имѣть сношеніе [1]. 18 февраля уѣхалъ бояринъ съ своею свитою изъ Переяславля.

VI.

Во все продолженіе времени, когда бояринъ находился въ Переяславлѣ, Пушкарь со своими дейнеками стоялъ въ Гадячѣ; власть его расширялась на побережьѣ Псла. Съ нимъ были: весь полтавскій полкъ и толпа изъ миргородскаго полка, изъ чигиринскаго и другихъ. Предводитель хотѣлъ-было идти прямо на Переяславль, но остановился: тамъ былъ царскій бояринъ, пріѣхавшій рѣшить дѣло о Выговскомъ. Нападать теперь на

---

[1] Тогда полковниками, по свѣдѣніямъ изъ посольскихъ дѣлъ, были слѣдующія лица: миргородскій — Лѣсницкій, черниговскій — Іоанникій Силичъ, корсунскій — Тимофей Аникіевъ (?), каневскій — Иванъ Стародубъ, бѣлоцерковскій — Яковъ Люторенко, переяславскій — Иванъ Кульбака, ирклѣевскій — Матвѣй Нацкѣевъ (?), уманьскій — Михайло Ханенко, паволочскій — Михайло Суличичъ, нѣжинскій — Григорій Гуляницкій, кіевскій — Павелъ Яненко-Хмельницкій; но и сверхъ того упоминается наказный кіевскій — Василій Дворецкій.

Переяславль показалось бы бунтомъ противъ царской власти. Притомъ разнесся слухъ, что Выговскій опять посылаетъ войско на полтавскій полкъ; Полтавцы боялись, если они отойдутъ далеко на западъ и оставятъ за собою свои мѣста, то противники разрушатъ ихъ беззащитныя жилища. Пушкарь стоялъ въ Гадячѣ, посылалъ къ Хитрово въ Переяславль и просилъ собрать великорусскую ра ьи приходить къ нему на Лубны: онъ увѣрялъ, будто Выговскій намѣренъ напасть врасплохъ на Великороссіянъ. Онъ отправилъ снова казака, по имени Яковенка, гонцемъ въ Москву съ доносомъ, писалъ сверхъ того угрожающія вѣсти путивльскому воеводѣ. Выговскій, — увѣрялъ онъ всѣхъ, — помирился тайно съ Ляхами и съ Ордою, идетъ противъ нашего войска на украинскіе наши города, хочетъ взять ихъ, опустошить огнемъ и разрушить всю Украину, а потомъ идти на рать его царскаго виличества. Онъ прибавлялъ, будто получилъ отъ Юрія Хмельницкаго извѣщеніе, что Выговскій измѣняетъ царю. Съ своей стороны, Григорій Лѣсницкій, письмомъ къ путивльскому воеводѣ, указывалъ на Пушкаря, какъ на измѣнника царю; увѣрялъ, что онъ желаетъ разоренія православной Россіи и производитъ смуту, къ искорененію святой вѣры, на радость окрестнымъ непріятелямъ: Татарамъ, Ляхамъ, Волохамъ, Мултянамъ, Венграмъ, которые всегда угрожаютъ набѣжать на Украину и разорить ее. Тогда, какъ Пушкарь, обвиняя Выговскаго въ измѣнѣ, ссылался на свидѣтельство Юрія Хмельницкаго, Лѣсницкій, воспитатель Юрія, изъявлялъ готовность ѣхать съ Юріемъ въ Москву за гетмана Выговскаго, если послѣднему нельзя будетъ оставить Украины безъ главы.

Хитрово, который былъ посланъ утишить безпокойство утвержденіемъ Выговскаго, возвращаясь назадъ, видѣлся съ Пушкаремъ и уговаривалъ его оставить вражду и пребывать въ повиновеніи у гетмана. Онъ въ то же время увѣрялъ въ царской милости и Пушкаря, одарилъ его, какъ и всѣхъ чиновниковъ, подарками и деньгами, и вообще оказывалъ къ нему знаки расположенія. Пушкарь старался какъ можно болѣе очернить своего врага гетмана и увѣрялъ, что онъ измѣнникъ и недо-

стоинъ милостей царя. Бояринъ терпѣливо выслушалъ эти увѣренія, и, все-таки, приказалъ ему оставить возмущеніе.

«Побачите, — сказалъ Пушкарь, — який огонь зъ сего разгоритця»!

Полтавскій полковникъ не оставилъ своей вражды, и продолжалъ писать доносы. Московское правительство хвалило его за вѣрность, — въ которой онъ увѣрялъ, ласкало, но не давало ему перевѣса.

Прибыли къ нему посланники: стольникъ Иванъ Олфимовъ и дворянинъ Никифоръ Волковъ. Они привезли Пушкарю приказаніе оставаться въ покоѣ и не нападать на гетмана.

«Не я нападаю на Выговскаго, — отвѣчалъ Пушкарь: — а Выговскій нападаетъ на меня, — хочетъ принудить меня не мѣшать его замысламъ; но я, вѣрноподданный его царскаго величества, не хочу нарушать своей присяги; я замѣчаю изъ поступковъ Выговскаго недоброжелательство, а потому отдѣлился отъ его властолюбія и прошу, какъ себѣ, такъ и всѣмъ вѣрноподданнымъ — царскаго заступленія и покровительства [1])».

Съ такимъ отвѣтомъ гонцы отправились обратно въ Москву. Пушкарь продолжалъ посылать въ Москву доносъ за доносомъ и въ то же время возстановлялъ народъ противъ гетмана.

Гетманъ былъ поставленъ въ неловкое положеніе. Онъ видѣлъ, что московское правительство, настроенное Пушкаремъ и Запорожцами, не благоволитъ къ нему, хотя и признаетъ его начальникомъ края; Пушкарь и Запорожцы, высказывая желаніе подчинить малороссійскій край тѣснѣйшей зависимости отъ Московіи, естественно, должны были въ Москвѣ нравиться больше, чѣмъ Выговскій и старшина и вообще партія, стоявшая за мѣстное самоуправленіе.

Требованіе ѣхать въ Москву не нравилось гетману. Въ ожиданіи его пріѣзда, правительство не приступало ни къ какимъ измѣненіямъ: не вводило воеводъ, не посылало войска. Онъ понималъ, что если поѣдетъ въ Москву, то долженъ будетъ

---

[1]) Лѣтоп. повѣсть о Малорос., II, 4.

согласиться на всякія условія, какія ему предложатъ. Мысль отторгнуться отъ Московіи и сойтись съ Польшею стала теперь тверже въ головѣ его. Онъ выжидалъ только, чѣмъ кончатся дѣла Польши съ Швеціею, и откладывалъ свою поѣздку подъ благовидными предлогами. Хитрово писалъ къ нему безпрестанно и торопилъ ѣхать. Въ Путивлѣ готовили ему подводы и провожатыхъ. Онъ отговаривался въ письмѣ своемъ тѣмъ, что нельзя ему покинуть Украины въ смутныхъ обстоятельствахъ. «Хотя— писалъ онъ отъ 18 марта къ отцу своему, съ увѣренностію, что это письмо покажется воеводѣ — окольничій его царскаго величества часто ко мнѣ пишетъ, но поѣздка моя замедляется, и я остаюсь въ раздумьи болѣе отъ того, что меня со всѣхъ сторонъ извѣщаютъ: польскій король со шведскимъ помирился и оба государя хотятъ вмѣстѣ идти на великаго государя; полки подходятъ къ Межибожью; съ другой стороны, великая литовская рать подвигается, а тутъ у насъ дома отъ Татаръ добра не надѣяться, — стоятъ ужъ на Кисиляхъ съ ханскою великою ратью». Заднѣпровскіе полковники: брацлавскій, уманьскій, корсунскій и другіе собрались въ Чигиринѣ и представили, что гетману не слѣдуетъ ѣхать. «Ума не приберу, какъ мнѣ и быть, — писалъ онъ въ Кіевъ, — куда мнѣ повернуться не знаю».

Въ Москву поѣхалъ Лѣсницкій, — онъ оставилъ полковническій урядъ; мѣсто его заступилъ избранный полковникъ Стефанъ Довгаль. Это былъ недоброжелатель Поляковъ, сторонникъ Пушкаря. Онъ 7 апрѣля писалъ къ путивльскимъ воеводамъ для доставленія сообщаемаго извѣстія въ Москву: «Извѣщаемъ вашимъ милостямъ, что никогда Иванъ Выговскій къ его пресвѣтлому величеству ѣхать на сталицу не думаетъ; вездѣ пословъ своихъ поразсылалъ: къ Туркамъ, къ крымскому хану, и письма Татарамъ и Ляхамъ послалъ»!

Не надѣясь выиграть въ Москвѣ, потому-что противники его предлагали больше, чѣмъ онъ съ своею партіею могъ предложить, Выговскій искалъ помощи у Татаръ. Первое его посольство въ Крымъ было неудачно. Запорожцы утопили посла и

письмо отослали къ царю. Второе—достигло Крыма. Перекопскій бей извѣстилъ гетмана, что и ханъ соглашается оказать ему помощь. Въ половинѣ апрѣля донесли Выговскому, что обѣщанные Татары пришли въ Украину. Гетманъ, въ сопровожденіи старшинъ, полковниковъ и сотниковъ, отправился на встрѣчу желаннымъ союзникамъ на берегъ Ирклѣя. Прибылъ старинный пріятель казаковъ, побѣдитель при Батогѣ — Карабей съ ордою, которая — по сказанію одного современника — простиралась до сорока тысячъ, а сверхъ-того находилось пятьдесятъ тысячъ, по извѣстіямъ самого Выговскаго, съ султаномъ Нураддиномъ у Полтавы.

Оба предводителя выѣхали другъ къ другу, и, послѣ привѣтствій, уѣхали въ уединенное мѣсто и тамъ около двухъ часовъ разговаривали между собою. Потомъ они вмѣстѣ пріѣхали въ казацкій лагерь и тамъ, предъ собраніемъ чиновниковъ, утвержденъ былъ дружественный союзъ между казаками и крымскимъ ханомъ. Татары и казаки обязывались помогать одни другимъ и идти всюду, гдѣ бы ни предстояла опасность кому-нибудь изъ союзниковъ. Казаки цѣловали крестъ. Потомъ отправлялась веселая пирушка съ пушечной пальбой; Татары не уступали союзникамъ въ употребленіи напитковъ. Вечеромъ Карабей уѣхалъ въ свой лагерь и двое казацкихъ чиновниковъ сопровождали его: они отобрали отъ Татаръ присягу, или шерть, по ихъ закону [1]).

Въ слѣдующую ночь если вѣрить, Коховскому Выговскій чуть-было не лишился жизни. Тайный разговоръ его съ Карабеемъ возбуждалъ подозрѣніе. Въ тотъ же день пріѣхалъ въ лагерь Джеджалы. Природный Татаринъ, онъ во время бесѣды услышалъ такія двусмысленности въ разговорѣ Выговскаго съ Карабеемъ, которыхъ не поняли другіе, но молчалъ и пилъ за здоровье Карабея. Выговскій, по обыкновенію своему, прикинулся пьянымъ и, послѣ ухода Карабея, легъ спать въ своемъ шатрѣ. Джеджалы, самъ пьяный, подкрался къ шатру гетмана

---

[1]) Лѣтопись Самов., 20.

и пустилъ въ него копье: онъ думалъ, что убилъ Выговскаго, и выскочивши, кричалъ: «Лежитъ собака, що казацькую кровь Ляхамъ да Татарамъ продае! У чорта теперь гроші лічитимешъ»! Но гетманъ былъ живъ, и, понявши, что противъ него существуетъ заговоръ, убѣжалъ въ татарскій обозъ [1]).

Неизвѣстно, какъ расплатился Джеджалы за эту выходку, но съ тѣхъ поръ имя этого сподвижника Хмельницкаго не упоминается въ исторіи. Уже онъ ирклѣевскимъ полковникомъ не былъ и прежде, еще, во время послѣдней переяславской рады, при бояринѣ Хитрово, вмѣсто него полковницкій урядъ занимало другое лицо, какой-то Матвѣй Пацкѣевъ (Пацько?). Дружелюбныя сношенія Выговскаго съ Ордою напугали народъ, настроенный и безъ того противъ гетмана его недоброжелателями. Паволочскій полковникъ Суличичъ извѣщалъ кіевскаго воеводу о соединеніи гетмана съ крымскимъ ханомъ, о сношеніи съ Ляхами. Кіевскій полковникъ Павелъ Яненко-Хмельницкій, наказный кіевскій полковникъ Дворецкій, кіевскіе мѣщане, духовенство и самъ митрополитъ показывали знаки негодованія, хотя неискренно, потому-что сами принадлежали къ партіи Выговскаго. Пріѣзжавшіе съ разныхъ сторонъ въ Кіевъ Украинцы кричали: «уже Татары пришли къ гетману; скоро и Ляхи придутъ, начнутъ враги церкви Божіи разорять, людей нашихъ въ полонъ погонятъ». Нѣкоторые письменно изъявили Бутурлину желаніе, чтобы государь прислалъ свое войско на помощь Пушкарю и оборонилъ бы Украину, — иначе Ляхи съ Татарами бросятся и на порубежныя московскія области. Съ другой стороны, Бутурлинъ получалъ письма въ противномъ духѣ: излагались жалобы, что Москали стоятъ больше за гетмана, старшину, а не за все Войско; въ одномъ такомъ письмѣ было сказано: «Пушкарь никакой услуги не учинилъ царю, развѣ то за услугу считать, что вырѣзалъ царскихъ людей надъ Донцомъ (фактъ неизвѣстный), и теперь пожогъ загородные дворы, а его люди грабятъ: однако, онъ становится праведенъ съ своею

1) Hist. panow. Jana Kazim. I, 339. Ann. Pol. Clim. II, 274.

злобою, а мы съ правдою мѣста не находимъ; онъ сродниковъ нашихъ и казаковъ много побилъ, и женъ и дѣтей ихъ помучилъ, а у васъ чистъ». Бутурлинъ послалъ поскорѣй гонцовъ въ Москву просить войска, извѣщалъ, что Украина въ опасности: Поляки уже пришли, Татары принимаютъ угрожающее положеніе, внутри края неурядица. Въ Москвѣ пришли въ нерѣшительность. Въ мартѣ пріѣзжалъ въ Москву протопопъ Максимъ Филимоновъ, по порученію гетмана, какъ говорится въ современныхъ московскихъ дѣлахъ. Онъ просилъ, отъ имени гетмана и всего Войска Запорожскаго, устроить безъ отволоки межеваніе и провести определенный рубежъ между малороссійскими городами и польскими владѣніями. Вмѣстѣ съ тѣмъ Максимъ изъявлялъ желаніе, чтобъ въ знатнѣйшихъ украинскихъ городахъ были царскіе воеводы съ московскими ратными людьми. Понятно, что этотъ человѣкъ, старавшійся всѣми силами поддѣлаться къ московскому правительству, постарался на словахъ еще болѣе, чѣмъ въ своихъ письмахъ, очернить гетмана, старшину и вообще казацкихъ значныхъ людей и наговорить много любезнаго для Москвы. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля пріѣхалъ въ столицу Лѣсницкій посланцомъ отъ гетмана и всего Войска Запорожскаго, за нимъ вслѣдъ прибыли и другіе гонцы — Бережецкій и Богунъ съ дополнительною просьбою объ усмиреніи мятежниковъ. Малороссіяне объясняли, что Татары призваны по крайней необходимости, и если бы они не пришли, то мятежники убили бы гетмана и разорили бы весь край. Предложенія, которыя тогда дѣлалъ Лѣсницкій, сообразовались съ тѣмъ, чего только могло желать московское правительство. Видно, что, желая вооружить московское правительство противъ Пушкаря, Выговскій и его партія рѣшились прельстить Москалей такими же предложеніями, какія дѣлалъ Пушкарь: Лѣсницкій, отъ имени гетмана и всего Запорожскаго Войска, просилъ коммисаровъ для приведенія въ строгій порядокъ реестра, чтобъ казаковъ было не болѣе опредѣленнаго числа — шестидесяти тысячъ; чтобъ, такимъ образомъ, отбить у мужиковъ охоту самовольно дѣлаться казаками, ибо отъ этого происходятъ

смуты и бунты; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагалъ послать въ украинскіе города воеводъ и указывалъ на шесть городовъ, гдѣ удобно пребывать воеводамъ: Бѣлую Церковь, Корсунь, Нѣжинъ, Черниговъ, Полтаву и Миргородъ: «объ этомъ, — говорилъ Лѣсницкій,—и гетманъ, и Запорожское Войско бьютъ челомъ пренизко; только тѣмъ и можетъ усмириться бунтъ; но хотя бы великій государь пожелалъ и въ другіе города помѣстить воеводъ, тѣмъ лучше будетъ для Войска: смирнѣе станетъ. Вотъ и теперь Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, уѣзжая, оставилъ немного ратныхъ людей, а бунту стало меньше».

Правительство приняло благосклонно посольство и назначило коммисаромъ для реестрованія казаковъ боярина Василья Борисовича Шереметева; онъ опредѣлялся въ Кіевъ на воеводство и долженъ былъ вести перепись по полкамъ, начиная съ тѣхъ полковъ, которые размѣщаются по близости къ польскимъ границамъ. Въ подтвержденіе извѣстій о неистовствахъ Пушкаря, Лѣсницкій привезъ просьбу отъ Юрія Хмельницкаго. Юрій жаловался, что пушкаревцы разорили его имѣнія, ограбили его людей, нѣкоторыхъ варварски замучили, другихъ взяли въ неволю, и просилъ приказать освободить задержанныхъ.

Несмотря на расположеніе, которое въ Москвѣ оказывали Выговскому и его посланцамъ, ихъ поступки уже казались подозрительными. На Лѣсницкаго еще въ октябрѣ доносилъ путивльскому воеводѣ боярину Зюзину селитреный уговорщикъ, миргородскій мѣщанинъ. Михайло Каленикъ, что миргородскій полковникъ распускалъ вѣсти, будто царь хочетъ прислать своего ближняго боярина Трубецкаго и воеводъ съ ратными людьми за тѣмъ, чтобъ въ малороссійской землѣ уничтожить волю, завести разныя подати, уменьшить число казаковъ до десяти тысячъ, а остальныхъ повернуть въ мѣщане, тѣхъ же, которые не захотятъ быть въ мѣщанахъ, обратить въ драгуны и солдаты, и по этой причинѣ, гетманъ и старшина хотятъ отступить отъ царя. Такой доносъ подтверждался и наговорами протопопа Максима и извѣстіями изъ Кіева; Бутурлинъ описывалъ, что дѣлалось на корсунской радѣ, извѣщалъ, что тамъ произносились непри-

стойныя рѣчи, и всѣ укрѣпились стоять за гетмана и за свои прежнія вольности, и для этой цѣли заключили договоръ съ шведскимъ королемъ, чтобъ за одно стоять противъ кого бы то ни было, если казацкимъ вольностямъ будутъ угрожать. Въ Москвѣ знали и были недовольны, что у гетмана живетъ Немиричъ: объ немъ доносили, что онъ подговариваетъ Выговскаго на всякое дурно. Чтобъ извѣдать подлинно, что дѣлается на Украйнѣ, посланъ былъ въ апрѣлѣ къ гетману стольникъ Иванъ Опухтинъ. Онъ ѣхалъ къ гетману съ благовиднымъ предлогомъ: онъ везъ отвѣтъ на просьбу, переданную протопопомъ Максимомъ о размежеваніи и назначеніи границъ съ Польшею. Гетману поручалось выбрать достойныхъ людей и послать на съѣздъ, который предполагался въ Вильнѣ между русскими и польскими коммисарами. Такъ какъ еще при Богданѣ Хмельницкомъ въ Малороссіи произвело сильное раздраженіе то обстоятельство, что въ 1656 году не допустили казацкихъ пословъ, къ совѣщаніямъ, то на этотъ разъ давалось положительное увѣреніе, что казацкимъ посламъ не будетъ заказа входить въ съѣзжіе шатры и вмѣстѣ съ тѣмъ была сдѣлана такая оговорка: а что напередъ сего присылалъ прежній гетманъ Богданъ Хмельницкій на съѣздъ посланцевъ своихъ, и тѣ его посланцы были люди незнающіе, царскіе послы имали ихъ на съѣздъ съ собою, а они едва пріѣзживали упився, дѣла никакого не знали, а все ходили за пьянствомъ и по шинкаркамъ. Ясно, что Москва сознавала свой промахъ и старалась оправиться.

Но то былъ болѣе предлогъ; Опухтинъ собственно посланъ для наблюденія и для этого взялъ съ собою пять человѣкъ путивльцевъ для посылокъ и дознанія; самъ онъ долженъ былъ оставаться при гетманѣ узнать всю подноготную, повѣрить справедливы ли слухи о смутахъ въ Украинѣ и о нетвердости гетмана и сообразно тому, что узнаетъ, говорить съ гетманомъ.

1 мая, прибывши въ Чигиринъ, Опухтинъ засталъ гетмана въ кругу полковой старшины Чигиринскаго полка съ полковни-

комъ Карпомъ Трушенкомъ. Прослушавъ царскую грамоту, Выговскій сказалъ:

У насъ въ войскѣ междоусобіе: Полтавскій полковникъ собралъ самовольцевъ, призвалъ къ себѣ кошеваго атамана Барабаша съ Запорожцами—людей бьютъ, города и села жгутъ, я просилъ у царскаго величества милости, много разъ писалъ, чтобъ государь велѣлъ сократить самовольцевъ, но государь меня не пожаловалъ, а ему, полтавскому полковнику, даны грамоты, а онъ къ нимъ всякую ложь прилагаетъ. Онъ послалъ въ Переяславль и въ разныя города письма, чтобъ всѣ казаки шли къ нему на службу, по указу царскаго величества, идти войною на гетмана Выговскаго и начальныхъ людей, убивать ихъ или хватать и отсылать къ царю, а его царское величество велитъ ихъ ссылать въ Сибирь. Мартынъ называетъ меня Ляхомъ и измѣнникомъ, пишетъ, что государь далъ ему въ помочь разныхъ людей своихъ сорокъ тысячъ, пушки и знамена. Я посылалъ къ нему посланцевъ, а онъ ихъ побилъ. Я все ждалъ отъ государя указа, а указа нѣтъ, теперь ждать нельзя болѣе; я потому призвалъ Татаръ, орду Карабея сорокъ тысячъ и съ ними пойду укрощать мятежниковъ.

Не вели, гетманъ, ходить Татарамъ за Днѣпръ, сказалъ Опухтинъ—и самъ не ходи, а ожидай указа отъ великаго государя; государь прикажетъ укротить самовольцевъ. Государь, по вашему прошенію, указалъ быть въ черкасскихъ городахъ воеводамъ, а Пушкарю не посылалъ ни войска, ни знаменъ, ни пушекъ: это Мартынъ затѣваетъ; государь хочетъ, чтобъ не было междоусобія и въ своихъ грамотахъ пишетъ, чтобъ всѣ жили въ любви и совѣтѣ, а у тебя гетмана въ послушаніи. А Татары какіе доброхоты христіанамъ? гдѣ ни бываютъ, то разоряютъ.

Ты говорилъ гетману, что Пушкарю не присылали въ полкъ ни знаменъ, ни пушекъ, ни ратныхъ людей, а вотъ Мартынъ и Барабашъ пишутъ въ разные города и села, чтобъ шли, по указу царскаго величества, на гетмана Выговскаго и начальныхъ людей, а кто не пойдетъ, тѣмъ угрожаютъ плѣномъ, огнемъ и мечемъ. Пишутъ, что изъ Бѣлагорода прислано ратныхъ людей

сорокъ тысячъ. Гетманъ этимъ письмамъ вѣритъ. Ты гетману правды не сказалъ. Завтра гетманъ выступаетъ на Пушкаря и Барабаша, а тебѣ не велитъ посылать никого къ Пушкарю и самому тебѣ здѣсь оставаться въ Чигиринѣ.

Опухтинъ еще разъ завѣрялъ, что письма Пушкаря и Барабаша затѣйныя. Но это ни къ чему не послужило. Гетманъ выступилъ на другой день, а Опухтину велѣно было не выходить изъ двора, его берегла стража.

Но черезъ два дни Опухтинъ получилъ отъ гетмана письмо, гдѣ, между прочимъ, говорилось: «не думай, другъ мой, чтобъ я царскому величеству и его людямъ желалъ чего нибудь противнаго; своевольцы покушаются на мою жизнь, мучатъ людей, убиваютъ дѣтей и женщинъ, грабятъ имущество и прикрываются царскими грамотами и ратью, которая стоитъ въ Бѣлгородѣ; будто бы его царское величество послалъ ему ратныхъ людей проливать христіанскую кровь. Мы этому не вѣримъ: это одна неслава на его царское величество, я же всегда остаюсь вѣрнымъ слугою и подданнымъ царскимъ. Не кручинься другъ мой, я бы радъ былъ тебя отпустить, да трудно, пока не укрощу своеволія, а какъ дастъ Богъ укрощу, тотчасъ же тебя, друга моего, отправлю». Послѣ того приходили къ нему Павелъ Тетеря и братъ Выговскій, Данило, оставленный въ качествѣ наказнаго гетмана: оба они утѣшали царскаго гонца; самъ гетманъ еще разъ прислалъ ему любезное письмо; но, тѣмъ не менѣе, Опухтина съ его людьми не выпускали изъ подъ стражи и не дозволяли имѣть ни съ кѣмъ сношеній.

Но къ Выговскому на пути прибылъ новый царскій посланецъ, стольникъ Петръ Скуратовъ: его послали надзирать за поступками гетмана. Скуратовъ встрѣтилъ гетмана, когда тотъ, идя къ Полтавѣ, остановился съ войскомъ подъ Голтвою. Гетманъ, не видавшись съ посланцемъ, оставилъ его въ Голтвѣ и велѣлъ ждать, пока самъ не кончитъ дѣла съ Пушкаремъ. Это дѣлалось подъ тѣмъ предлогомъ, что бы царскій посланецъ не подвергался опасности; но Скуратовъ объявилъ напрямки, что присланъ государемъ провѣдывать вѣстей; что ему велѣно

быть при гетманѣ и разузнавать, нѣтъ ли еще какой смуты въ Войскѣ; въ послушаніи ли у гетмана полковники и всѣ казацкіе чиновники. Онъ требовалъ настоятельно, чтобы Выговскій взялъ его съ собою. Вслѣдъ за тѣмъ, недождавшись отвѣта, Скуратовъ поѣхалъ прямо къ казацкому обозу и далъ знать, что прибылъ съ царскими милостивыми грамотами. Гетманъ поневолѣ долженъ быть принять его, но уже плохо скрывалъ свою досаду.

Посланца ввели въ обозъ и помѣстили близко гетманскаго шатра; явился казакъ и объявилъ, что гетманъ зоветъ его идти пѣшкомъ въ свой шатеръ, потому что недалеко; посолъ заупрямился: ходить пѣшкомъ вообще для знатнаго человѣка считалось несообразнымъ съ его достоинствомъ. Ему начали сѣдлать коня; какъ увидѣлъ это вводившій посланца въ обозъ Самойло Выговскій, родственникъ гетмана, то сейчасъ далъ знать, и отъ гетмана привели лошадь. Около шатра казацкаго предводителя встрѣтили посла полковники. Самъ гетманъ выступилъ нѣсколько шаговъ изъ шатра. Посолъ проговорилъ передъ нимъ заученную рѣчь, написанную до слова въ «наказѣ», и подалъ царскія грамоты. Ихъ было двѣ. Подавая грамоты, отъ имени царя, онъ спросилъ о здоровьѣ гетмана и полковниковъ. И гетманъ и полковники поклонились низко въ знакъ благодарности. Одну грамоту гетманъ прочелъ про себя. Въ этой грамотѣ извѣщали его о скоромъ прибытіи въ украинскіе города воеводъ съ ратными людьми. Гетману непонравилась эта грамота; онъ не читалъ ея вслухъ, но и не изъявлялъ неудовольствія, пока дѣло съ врагомъ еще не кончилось. Другую грамоту Выговскій велѣлъ читать вслухъ писарю своему, Грушѣ. Едва только Груша окончилъ въ грамотѣ длинный царскій титулъ и приступилъ къ дѣлу, Выговскій сѣлъ на свою походную постель и приглашалъ сѣсть гостя. Но Скуратовъ сказалъ: «Достоитъ царскаго величества грамоту слушать всю со всякою подобающею честію, а не сидя.—«Все у васъ высоко»,—сказалъ гетманъ, и прослушалъ грамоту стоя. Эта грамота извѣщала, что Пушкарю посланы убѣжденія прекратить бунтъ и

пребывать въ согласіи съ гетманомъ и старшинами. Взявъ ее у Груши, Выговскій пробѣжалъ самъ и сказалъ:

«Этой грамотою не унять Пушкаря, взять бы его самого, да голову ему отрубить, или прислать въ Войско Запорожское живаго».

— «Такая грамота,—объяснялъ Скуратовъ,—отправлена къ полтавскому полковнику со стольникомъ Алфимьевымъ, и въ Запорожье тоже послано, и уже два раза; и со мною присланъ тебѣ, гетману, списокъ для вѣдома, а мнѣ велѣно при гетманѣ побыть».

Выговскій заговорилъ сердито: «Давно бы слѣдовало вора поймать и прислать въ Войско, какъ я и писалъ уже много разъ его царскому величеству,—можно было укротить Пушкаря еще до пасхи; а если не изволятъ его смирить, то я самъ съ нимъ управлюсь: можно было до сихъ поръ его усмирить; цѣлы были бы православные христіане, которые отъ него безвинно побиты; а я все терпѣлъ, все ждалъ указа его царскаго величества. Иначе еще зимою я смирилъ бы Пушкаря огнемъ и мечомъ. Я не домогался булавы, — хотѣлъ жить въ покоѣ, но Богданъ Матвѣевичъ Хитрово обѣщалъ мнѣ взять Пушкаря и привести ко мнѣ; да нетолько не привелъ, но пуще ободрилъ его,—надарилъ ему соболей и отпустилъ, и къ Барабашу написалъ. Барабашъ теперь съ Пушкаремъ. Мы присягали его царскому величеству на томъ, чтобъ никакихъ правъ нашихъ не нарушать; и въ пунктахъ написано, что государь вольность намъ обѣщаетъ паче того, какъ было при польскихъ короляхъ, а по нашимъ правиламъ слѣдуетъ такъ: ни къ полковнику, ни къ кому иному не должно посылать грамотъ мимо гетмана. Одинъ гетманъ чинитъ во всемъ расправу; а вы всѣхъ въ гетманы произвели; понадавали Пушкарю и Барабашу грамоты, а отъ такихъ грамотъ и бунты начались. А какъ мы присягали царю, въ ту пору Пушкаря и не было, — все это сдѣлалъ покойникъ Богданъ Хмельницкій; да я другихъ статей, кромѣ нашихъ, никто не видалъ. Не слѣдовало было того начинать. Теперь Пушкарь пишетъ, будто ему позволено взять на четыре года на всякаго казака по десяти талеровъ на годъ,

а на сотниковъ побольше; будто бы мы завладѣли шестьюдесятью тысячами талеровъ, а этого и не бывало! Не впервые къ нему такія грамоты посылаются, да Пушкарь ихъ не слушаетъ вовсе».

«Это уже въ послѣдній разъ! — сказалъ Скуратовъ: — подожди, панъ гетманъ, что сдѣлаетъ Пушкарь. Если онъ теперь не учинитъ по государевой грамотѣ, тогда своевольство ему отъ его царскаго величества даромъ не пройдетъ, а я останусь и буду ждать».

«Ты, стольникъ,—сказалъ гетманъ,—пріѣхалъ провѣдывать, а провѣдывать тутъ нечего: все ясно; вѣстей про непріятеля нѣтъ; я иду на Пушкаря и смирю его огнемъ и мечомъ. Куда бы онъ ни убѣжалъ, я его тамъ найду и стану доставать; хоть бы онъ ушелъ и въ царскіе города, такъ я и туда пойду, и кто за него станетъ, тому самому отъ меня достанется, а государева указа долго ждать. Я передъ Пушкаремъ не виноватъ; не я началъ—онъ собрался съ самовольниками и пришелъ подъ Чигиринъ-Дуброву. Я съ нимъ хочу биться не за гетманство, а за свою жизнь. Дожидаюсь рады; я булаву покину, а самъ пойду къ Волохамъ, или Сербамъ, или къ Мультянамъ,—вездѣ мнѣ рады будутъ. Великій государь насъ прежде жаловалъ, а теперь вѣритъ ворамъ, которые государю не служивали,—на степи царскихъ людей убивали, казну царскую грабили: тѣхъ государь жалуетъ, принимаетъ ихъ посланцевъ, деньги и соболей имъ отпускаетъ, а этихъ бунтовщиковъ надобно было бы прислать въ Войско Запорожское».

Выговскій съ досадою разстался съ царскимъ посланцемъ; его очень огорчало то, что посланецъ открыто возвѣщалъ, что пріѣхалъ смотрѣть за нимъ. Въ тотъ же день сошелся съ нимъ Самойло Выговскій и говорилъ:

«Въ Войскѣ Запорожскомъ большое сомнительство: думаютъ, что царь потакаетъ Пушкарю; самъ Пушкарь толкуетъ, что во всемъ Войскѣ были царскіе воеводы; кричатъ они, что не замолчатъ до тѣхъ поръ, пока воеводъ не пришлютъ. А при короляхъ польскихъ было подобное: назначили полковниковъ изъ

Ляховъ, и при каждомъ изъ нихъ было человѣкъ по десяти Ляховъ; за то сдѣлалось возмущеніе: и полковниковъ и Ляховъ побили».

Здѣсь, очевидно, былъ намекъ на положеніе Скуратова; его предостерегали,—хотѣли, чтобы онъ самъ побоялся оставаться при гетманѣ.

17-го мая пригласилъ Выговскій московскаго посланца обѣдать въ свой шатеръ. Гетманъ уважительно поднялъ чашу за здоровье государя, но потомъ заговорилъ еще рѣзче, чѣмъ прежде:

«Обычай, видно, у васъ таковъ, чтобъ все дѣлать по своей волѣ. Отчего бунты начались?... Все отъ вашихъ посланцевъ; вотъ также и при короляхъ польскихъ было: какъ начали *ломать* наши вольности, такъ и бунты стали. Вотъ и теперь въ Колантаевѣ задержаны наши казаки и Сербы, и терпятъ муку такую, что и невольникамъ подобной не бываетъ! Что же, развѣ не вѣдаетъ этого его царское величество? Я готовъ поклясться, что ему хорошо это извѣстно. Михайла Стрынджу зачѣмъ отпустили изъ Путивля? Подержали-подержали, да и выпустили, а его бы въ Войско—вотъ бы и бунты унялись!

«Не дѣломъ клянешься, панъ гетманъ, — сказалъ Скуратовъ:—великому государю неизвѣстно, что твои казаки и Сербы задержаны. Это сдѣлалось безъ государева указа, и какъ только твои посланцы пожаловались—сейчасъ велѣно было задержанныхъ выпустить и воеводу перемѣнить; а Михайло Стрынджа и его товарищи изъ Путивля ушли, а не отпущены».

Стольникъ старался опровергнуть жалобы Выговскаго, а гетманъ оставался на своемъ.

«Тебѣ нельзя идти со мною,—говорилъ Выговскій: — оставайся въ Голтвѣ, пока я покончу съ Пушкаремъ. Ждать нельзя: къ Пушкареву совѣту много черни пристаетъ и кое кто изъ полковой старшины противъ меня; оставайся въ Голтвѣ, — я пойду и буду тебя извѣщать».

VII.

Въ то время возвратился изъ Москвы Лѣсницкій и извѣщалъ, что царь принялъ его отлично; а Пушкаренкова посланца Искру велѣлъ задержать въ Москвѣ. Прибылъ къ Выговскому новый царскій посланецъ, стольникъ Василій Петровичъ Кикинъ. Онъ пытался примирить обѣ стороны. Выговскій присягнулъ, что не будетъ мстить никому изъ противниковъ, если они покорятся, и прежде, чѣмъ приступилъ къ Полтавѣ, отправилъ еще разъ послѣднее увѣщаніе къ Полтавцамъ и хотѣлъ этимъ показать передъ царскимъ посланцемъ, что онъ не прочь исполнить миролюбивую царскую волю, да не хочетъ Пушкарь. Гетманъ желалъ добраго здоровья старшинѣ, черни полтавскаго полка и всѣмъ Запорожцамъ, находящимся при Пушкарѣ. «Мы не знаемъ до сихъ поръ,—писалъ гетманъ,—съ какого повода Запорожцы вышли изъ Запорожья, пришли до Кременчуга и другихъ городовъ, чинятъ похвалки на Войско наше, обѣщаются грабить пожитки наши и убивать насъ. Только и слышно о безпрестанныхъ убійствахъ; мы долго терпѣли, но теперь должны защищать жизнь свою и идемъ на васъ вовсе не для пролитія крови, какъ завѣряютъ васъ старшины ваши, а для усмиренія своевольства. Ваши старшины достали себѣ какія-то грамоты, возмущаютъ, и обманываютъ васъ, простыхъ людей; у насъ теперь есть списокъ съ грамоты, что прислалъ государь къ Пушкарю съ дворяниномъ Никифоромъ Хрисанѳовичемъ Волковымъ; пришлите двухъ своихъ товарищей прочитать ее, — увѣритесь, что царское величество не соизволяетъ никакому своевольству, а повелѣваетъ вамъ, такъ какъ и намъ, жить между собою въ любви и соединеніи; изъ того правду нашу можете понять, что царское величество милостиво и ласково принялъ и отпустилъ посланцевъ нашихъ: Прокопія Бережецкаго, Ивана Богуна и миргородскаго полковника Григорія

Лѣсницкаго, съ почестью отпустилъ, а Искру съ товарищами за неправду велѣлъ задержать въ столицѣ. Что не хотимъ пролить крови, можете видѣть изъ того, что мы задержали своевольныхъ и непослушныхъ людей, и не убивали никого, а хранимъ ихъ. Самъ Барабашъ—свидѣтель нашей кротости и разсудительности. Хотя онъ и много дурнаго надѣлалъ, однако, мы не лишили его маетностей, какъ онъ лжетъ на насъ, а напротивъ, хлѣбомъ и деньгами дали ему вспоможеніе; такъ и никому изъ васъ не хотимъ мстить; оставьте только ваши затѣи и не слушайте старшихъ своихъ, которые ложно вамъ пишутъ, будто бы отъ царя прислана за четыре года заплата у Войска, а мы будто, удержали ее себѣ, и вамъ не даемъ; старшины ваши полковые у себя въ рукахъ имѣли за тѣ годы винныя и табачныя аренды и всѣ доходы полтавскаго полка, а мы ничѣмъ не корыстовались, и теперь вамъ ничего возвращать не можемъ: когда не хотите терпѣть никакого зла, такъ присылайте скорѣе товарищей; а если этого не сдѣлаете, то уже послѣ вамъ времени не будетъ, потому что война начинается».

Товарищи не прибыли съ покорностью. Говорили, что Пушкарь готовъ былъ помириться, но Запорожцы удержали его, къ нимъ пристали и полтавскіе казаки, по наущенію Довгаля. Произошла первая стычка пушкаревцевъ съ гетманскими людьми, неудачная для первыхъ: гетманцы отняли два знамени и литавры, и Выговскій всѣмъ обозомъ подвинулся къ Полтавѣ.

Скуратовъ оставался въ Голтвѣ. «Не кручинься, прошу твою милость, — написалъ къ нему Выговскій съ похода, — что ты оставленъ въ Голтвѣ; ибо какъ вѣрить врагамъ царскаго величества? Я оберегаю тебя, чтобъ ты не попалъ въ ихъ руки. Я послалъ увѣщательное посланіе къ бунтовщикамъ: не знаю, что изъ того выйдетъ; но если покорятся, то все будетъ имъ прощено: я не такъ скоръ на кровопролитіе, какъ Пушкарь, и если мы помиримся, то сейчасъ же извѣщу тебя и отпущу къ его царскому величеству.

Скуратовъ остался на нѣсколько дней, прислушивался къ народному говору и замѣчалъ полное раздвоеніе: одни хвалили

Выговскаго, другіе Пушкаря, но вообще простой народъ, чернь, явно склонялась на сторону послѣдняго. Простые казаки бѣгали толпами изъ войска Выговскаго. Казаки мѣстечка Голтвы, въ виду царскаго посла, упрямились и не хотѣли идти съ Выговскимъ на Пушкаря; гетманъ только тѣмъ и принудилъ ихъ, что обѣщалъ сжечь и раззорить мѣстечко, если они не послушаютъ. «Куда я ни ѣхалъ, —писалъ Скуратовъ въ Москву,— съ кѣмъ только ни говорилъ, казаки на этой сторонѣ Днѣпра желаютъ, чтобъ государь прислалъ въ города своихъ воеводъ и ратныхъ людей; но заднѣпровскіе не того желаютъ: «Пушкарь,— говорятъ они, — хочетъ, чтобъ были въ Украинѣ государевы воеводы: никогда этого у насъ не будетъ, мы не допустимъ!»

Въ послѣднихъ числахъ мая, Выговскій размѣстилъ Орду въ ущельѣ въ Сокольемъ-Байракѣ; потомъ съ казаками и Нѣмцами пошелъ ближе къ Полтавѣ, оставилъ Нѣмцевъ въ долинѣ Полузорі, а самъ съ казаками и съ многочисленнымъ обозомъ отправился еще далѣе, и, приблизившись къ самой Полтавѣ, растянулъ свой обозъ, въ виду города, между селеніями Жуками и Рябцами на полугорѣ, такъ что возы бросались въ глаза.

Пушкарь не рѣшался было выходить и предпочиталъ засѣсть въ Полтавѣ и отражать непріятеля; но дейнеки взбунтовались: кричали, что войска у Выговскаго очень мало, — укоряли предводителя своего въ трусости и требовали, чтобъ онъ велъ ихъ на непріятеля. Голоту соблазняли возы въ обозѣ Выговскаго,—голота не предвидѣла, что Выговскій разсчитывалъ именно на это желаніе овладѣть возами и для того выставилъ ихъ на показъ.

1-го іюня, на разсвѣтѣ, Пушкарь вышелъ изъ Полтавы. Войско Выговскаго тотчасъ же разбѣжалось во всѣ стороны. Голота бросилась на возы: тамъ были бочки съ горілкою: «тутъ,—говоритъ лѣтопись,—они не надѣялись конца своему счастію!»

Того только и хотѣлъ Выговскій. Онъ прибѣжалъ въ долину Полузорі, двинулъ впередъ Нѣмцевъ, а самъ побѣжалъ въ Сокольи-Байраки за Ордою.

Нѣмцы исполнили свое порученіе худо. Дейнеки отколотили имъ бока дубинами и прогнали, а сами опять принялись за горілку и перепились мертвецки.

Тогда Выговскій и Кара-бей ударили на нихъ съ Татарами. Барабашъ заранѣе отступилъ и ушелъ съ своими Запорожцами. Пьяная голота не въ силахъ была нетолько защищаться, но даже двигать руками и ногами, и вся погибла подъ татарскими саблями.

Пушкарь держался до послѣдней минуты: умолялъ, заклиналъ, грозилъ.... все было напрасно: негдѣ было взять столько воды, чтобъ протрезвить несчастное войско! Наконецъ, какой-то казакъ, желая прислужиться Выговскому, умертвилъ полтавскаго полковника, отрубилъ мертвому голову и принесъ къ ногамъ побѣдителя.

Выговскій вошелъ въ Полтаву; половина города была тогда же раззорена и сожжена. Полтава,—по замѣчанію лѣтописца,—удаленная отъ войны впродолженіи сорока девяти лѣтъ, со всѣмъ окрестнымъ краемъ находилась въ цвѣтущемъ состояніи, а послѣ посѣщенія Выговскимъ, не скоро оправилась. Татары разсѣялись по окрестностямъ, жгли селенія, умерщвляли людей, насиловали женщинъ. Такъ продолжалось четыре дня, пока, наконецъ, Войско не взволновалось: казаки стали укорять Выговскаго за позволеніе Ордѣ разорять *отечество*. Кикинъ припоминалъ ему данную клятву. Тогда Выговскій сказалъ, что охотники могутъ остановить своеволіе Крымцевъ. Хотя Татаръ было много, но такъ какъ они разбились на отряды или загоны, то казаки отбирали у нихъ и плѣнниковъ, и награбленную добычу; и Татары, оказавшіе Выговскому помощь, возвратились ни съ чѣмъ. Выговскій не боялся раздражить ихъ, потому что всегда могъ передъ ханомъ сложить вину на своевольныхъ казаковъ. Пробывъ нѣсколько дней въ Полтавѣ, гетманъ вновь организовалъ полтавскій полкъ и назначилъ надъ нимъ полковникомъ Филона Горкушу [1]).

---

[1]) О битвѣ съ Пушкаремъ—Лѣт. Величка, стр. 329—333; Самов., стр. 30.

*

Въ то же время Гуляницкій усмирилъ волненіе въ Лубнахъ. Хотя лубенскій полковникъ Швецъ держалъ сторону Выговскаго, но простые казаки и посполитые пристали къ Пушкарю, и Швецъ, поневолѣ, долженъ былъ исполнить общую волю. Когда Гуляницкій подошелъ къ Лубнамъ, жители заперлись,—Швецъ убѣжалъ. Городъ былъ взятъ приступомъ. Народъ въ безпамятствѣ бѣжалъ, спасаясь отъ враждебной партіи; множество потонуло въ Сулѣ. Миргородскаго наказнаго полковника Довгаля сами Миргородцы, опасаясь участи Лубенъ, схватили и арестовали; выбрали другаго—Козла, и объявили себя за Выговскаго. Оттуда Гуляницкій пошелъ къ Гадячу и также взялъ его. Мятежная голота бросала свои рогатины и дубины и просила пощады, втайнѣ оплакивая своего защитника. Нѣкоторые еще собирались въ отряды и напрасно искали счастія. Такъ сотникъ полтавскаго полка Михайло Зеленскій и какой-то Дзюкъ собрали полторы тысячи гультаевъ, преимущественно изъ работниковъ на винокурняхъ, и напали на Глуховъ. Они объявляли, что у нихъ есть царскій указъ, который повелѣваетъ имъ убить сотника, войта и знатныхъ людей въ Глуховѣ и ограбить ихъ достояніе. Они показывали какую-то писанную бумагу, завернутую въ лубокъ. Глуховцы имъ не повѣрили и вступили съ ними въ бой. Сто пятьдесятъ человѣкъ пало въ битвѣ. Зеленскій съ четырьмя товарищами попался въ плѣнъ и былъ разстрѣленъ. Дзюкъ съ остальными убѣжалъ въ Великороссію, но былъ схваченъ въ Путивлѣ.

VIII.

Гетманъ хотѣлъ отпустить Скуратова, но посланникъ, исполняя наказъ, оставался при немъ и объявилъ, что будетъ сопровождать его назадъ въ Чигиринъ. Это непонравилось Выговскому. Когда обозъ двинулся назадъ и дошелъ до мѣстечка Манжелика, явился къ гетману казакъ-бѣлоцерковецъ съ письмомъ отъ бѣлоцерковскаго полковника: полковникъ извѣщалъ

его, что въ его городъ пріѣхалъ изъ Москвы воевода, и за нимъ вслѣдъ будутъ наѣзжать по городамъ воеводы, какъ прежде было сказано. Между тѣмъ гетманъ, хотя и далъ согласіе на воеводъ боярину Хитрово, но, разумѣется, притворно; онъ тогда долженъ былъ согласиться: дѣло шло о томъ, быть ли ему самому избраннымъ, или нѣтъ. Поэтому-то, онъ отложилъ это дѣло до пріѣзда своего въ Москву. Теперь, побѣдивъ своего главнаго непріятеля, Выговскій рѣшился не удерживать болѣе затаеннаго нерасположенія къ Москалямъ, и заговорилъ съ посломъ язвительно и рѣзко:

«Видишь ли, твоя милость: пріѣхали воеводы — пріѣхали опять заводить бунты. Бѣлоцерковскій полковникъ пишетъ, что Бутурлинъ изъ Кіева извѣстилъ его: воевода въ Бѣлую-Церковь назначенъ, а я еще въ Кіевѣ говорилъ: «пиши, пиши, Андрей Васильевичъ, да самъ берегись».

«Не за-дѣло, панъ гетманъ, сердитуешь»,—замѣтилъ ему Скуратовъ:—ты самъ писалъ къ великому государю, чтобъ въ государевыхъ черкасскихъ городахъ были воеводы!»

«Нѣтъ,—сказалъ гетманъ,—я этого никогда не просилъ; я писалъ къ великому государю, чтобъ мнѣ прислали тысячу человѣкъ драгуновъ, да тысячу человѣкъ солдатъ—усмирить бунтовщиковъ, да на Москвѣ смѣются надъ моими письмами. Павелъ Тетеря и Ѳедоръ все мнѣ разсказали. Посланцевъ моихъ задерживаютъ въ Москвѣ, а Ковалевскій говорилъ, что ему сказывалъ Артамонъ Матвѣевъ, будто великій государь не хочетъ чтобъ я былъ гетманомъ. Вамъ, видно, надобно гетмана по вашей волѣ, — такого гетмана, чтобъ взять его за хохолъ, да и водить, какъ угодно!»

— «Если,—возразилъ Скуратовъ,—тебѣ нужны были ратные царскіе люди, отчего же ты не взялъ ихъ у окольничаго и воеводы князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго? Да и съ окольничимъ Богданомъ Матвѣевичемъ Хитрово были ратные люди: ты могъ взять у него. Неправду говорятъ тебѣ твои посланцы, будто ихъ задерживаютъ: сами они мѣшкаютъ по своимъ дѣламъ, да отговариваются,—хотятъ себя чѣмъ нибудь

оправдать. Поѣзжай, панъ гетманъ, въ Москву: самъ увидишь къ себѣ царскую милость. Ковалевскій лгалъ тебѣ, что ему Артамонъ говорилъ,—Ковалевскій хотѣлъ тебѣ прислужиться. Артамонъ не станетъ такихъ рѣчей говорить. Еслибъ великій государь не хотѣлъ тебя имѣть гетманомъ, такъ не послалъ бы къ тебѣ и грамотъ на подтвержденіе гетманства; великому государю извѣстно, что ты вѣрнѣе многихъ въ Запорожскомъ Войскѣ.

«Мы,—говорилъ Выговскій,—воеводъ не просили у государя; я не знаю о воеводахъ».

— «Какъ же, панъ гетманъ,—возразилъ Скуратовъ:—ты не вѣдаешь, когда со мною же доставлена тебѣ великаго государя грамота и въ этой грамотѣ извѣщали тебя, что скоро отпущены будутъ воеводы и ратные люди? Сказано было, чтобъ ты написалъ во всѣ государевы города и велѣлъ принимать воеводъ и ратныхъ людей честно, и давать имъ дворы и всякое споможенье. Ты взялъ эту грамоту, прочелъ ее и ни слова мнѣ тогда не говорилъ про воеводъ. Воеводы и ратные люди ѣдутъ сюда для вашего же обереганья и защиты!»

«Я никогда,—говорилъ Выговскій съ возрастающею досадою,—не просилъ, чтобъ въ Бѣлую-Церковь присылали воеводу. Я не писалъ объ этомъ къ государю. Воевода какъ пріѣхалъ такъ, пусть, и ѣдетъ. Я не велю ему ничего давать. Если ужь пришлось пріѣзжать сюда воеводамъ государевымъ, такъ они ко мнѣ, къ гетману, должны были пріѣхать, а потомъ уже разъѣхаться по малороссійскимъ городамъ, куда я самъ ихъ назначу; а какъ же они, минуя меня, гетмана, по городамъ ѣдутъ? Это все для одной смуты. Не надобны намъ воеводы и царскіе ратные люди! Вонъ, въ Кіевѣ не первый годъ государевы люди съ нашими людьми кіями бьются, а какъ пришлось управляться съ самовольниками, такъ я и безъ государевыхъ воеводъ и ратныхъ людей управился. А государевы люди гдѣ были? Съ Пушкаремъ! Какъ былъ бой съ мятежниками, такъ наши Нѣмцы взяли у нихъ московскій барабанъ!»

«Да я же самъ, — возражалъ Скуратовъ, — былъ съ тобою

вмѣстѣ на бою противъ Пушкаря подъ Полтавою и не видалъ государевыхъ людей, а только казаковъ тамъ видалъ. Хоть бы одного убитаго Москаля изъ нашихъ украинныхъ городовъ ты мнѣ тогда показалъ! А что сказываешь, панъ гетманъ, про барабанъ, такъ это вовсе и не барабанъ, а бубенъ: такіе у насъ бываютъ у медвѣдниковъ. А хоть бы и въ самомъ дѣлѣ настоящій барабанъ былъ, такъ чтожь тутъ такое? Малороссіяне ѣздятъ въ царствующій градъ Москву и въ разные города, пріѣзжаютъ и покупаютъ что имъ надобно. Заказу на то никогда нѣтъ. Людей же царскихъ не было съ Пушкаремъ ни одного человѣка».

«А зачѣмъ же украинные воеводы,—говоритъ Выговскій,—моихъ измѣнниковъ и своевольниковъ у себя укрываютъ? и теперь ихъ довольно въ Зміевѣ и въ Колонтаевѣ: воеводы ихъ держатъ и не выдаютъ мнѣ. Наши бездѣльники надѣлаютъ здѣсь дурна, да и бѣгутъ въ московскіе города, а тамъ ихъ укрываютъ! А отъ насъ требуютъ, чтобъ мы государевыхъ злодѣевъ отдавали! Теперь я объявляю вамъ: не стану отдавать вашихъ злодѣевъ, что къ намъ прибѣгаютъ изъ московскихъ городовъ; воеводъ къ себѣ не пущу въ города. Какъ государевы воеводы съ нами поступаютъ, такъ и мы съ ними будемъ поступать. Государь только тѣшитъ меня, а его воеводы бунты противъ меня поджигаютъ; въ Москвѣ ничего не допросишься. Теперь я вижу, что подъ польскимъ королемъ намъ хорошо было: къ нему доступъ прямой, и говорить можно все, о чемъ нужно, и рѣшеніе сейчасъ скажутъ».

«Ты, гетманъ, говоришь,—при короляхъ польскихъ вамъ было хорошо: только вспоминаючи объ этомъ слѣдовало бы вамъ плакать. Тогда всѣ благочестивые христіане были у Ляховъ въ порабощеніи и терпѣли всякія насилія и принужденія къ латинской вѣрѣ, и между вами уніатство множилось. А какъ вы стали въ подданствѣ у великаго государя, такъ теперь и благочестивая вѣра множится на хвалу милостивому Богу и вамъ на безсмертную славу, и милостію царскою вы отъ непріятелей оборонены; надобно вамъ милость царскую къ себѣ

знать, и не говорить такихъ высокихъ рѣчей. Негоже говорить, что тебѣ воеводы ненадобны и не станешь выдавать царскихъ измѣнниковъ: это ты чинишься царскому указу непослушенъ».

«Я.—сказалъ Выговскій,—радъ служить вѣрно царскому величеству, а воеводы и ратные люди мнѣ ненадобны:—отъ нихъ только бунты начнутся».

Тогдашній тонъ рѣчи гетмана былъ до крайности страненъ, послѣ того какъ Лѣсницкій въ Москвѣ именемъ гетмана и всего Войска просилъ присылки воеводъ. Лѣсницкій самъ предлагалъ сдѣлать перепись въ казацкомъ Войскѣ; теперь старшины были этимъ очень недовольны.

«Ненадобно, ненадобно воеводъ!—кричалъ Богунъ:—женъ и дѣтей нашихъ пріѣхали переписывать! Да и ты, стольникъ, ѣдешь къ намъ въ Чигиринъ, кажется, воеводою: ну, смотри, нездорово будетъ!»

Оскорбленный посолъ просилъ Выговскаго унять Богуна. «Перестань! — сказалъ послѣднему гетманъ: — это не теперешняя рѣчь!»

Скуратовъ попробовалъ было напомнить гетману, что онъ обѣщался ѣхать въ Москву, и теперь, кажется, пришла пора, когда бунты усмирены. Гетманъ отвѣчалъ: «Нельзя мнѣ ѣхать къ великому государю ударить ему челомъ: бунтовъ въ Войскѣ новыхъ опасаюсь».

17-го іюня прибылъ Скуратовъ съ гетманомъ въ Чигиринъ, и видѣлъ каждый день возрастающую къ себѣ холодность и даже презрѣніе. Предъ его глазами пріѣзжалъ крымскій посолъ подвигать Выговскаго воевать вмѣстѣ области Ракочія, и Выговскій отправилъ къ хану посольство; вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ польскій гонецъ Стрѣлковскій и извѣстилъ, что скоро пріѣдетъ знакомый казакамъ, посолъ Янъ Беневскій. Скуратовъ четыре раза посылалъ къ гетману просить свиданія, но гетманъ не допускалъ его къ себѣ и приказалъ ему сказать, что ему нечего дѣлать въ Чигиринѣ. Гетманъ вѣжливѣе обращался съ Опухтинымъ, потому что послѣдній, хотя въ сущности и пріѣхалъ на-

блюдать за нимъ, но, по крайней мѣрѣ, имѣлъ благовидный предметъ своего пріѣзда — насчетъ выбора людей въ порубежную коммиссію. По прибытіи въ Чигиринъ, Выговскій позвалъ его 26 іюля къ себѣ и говорилъ:

Полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкарь да Запорожскій атаманъ Барабашъ учинили было въ Войскѣ Запорожскомъ междоусобіе, бунтъ и убійства. Но Богъ не потерпѣлъ этого и смирилъ ихъ такою же казнью, какую они чинили другимъ: одни убиты, а другіе съ Барабашемъ ушли; ихъ много; мнѣ извѣстно, что они убѣжали въ украинные города его царскаго величества; пусть великій государь меня пожалуетъ: прикажетъ самовольцевъ, какія объявятся, прислать въ войско, да также прислать сюда и пушкаревыхъ посланцевъ Искру съ товарищами. Пусть тоже великій государь покажетъ мнѣ милость: изъ малороссійскихъ городовъ казаки и мѣщане убѣгаютъ въ украинные города его царскаго величества, а иные селятся вновь на государевой землѣ, да оттуда приходятъ въ малороссійскіе города и производятъ здѣсь бунты и междоусобія; съ Мартыномъ Пушкаремъ было много такихъ; надѣлавши здѣсь зла, они убѣгаютъ въ украинные города и слободы, а наши города и села становятся пусты. Пусть государь велитъ объ этомъ учинить свой указъ, чтобъ кого нибудь на границу прислать, и я для того же пріѣду на границу, гдѣ указано будетъ. Въ томъ пусть великій государь на меня не прогнѣвается, что ты съ Никифоромъ Волковымъ задержаны такъ долго въ Чигиринѣ; нельзя было скоро сдѣлать выбора на Коммиссіи, и потому, нельзя было тебя отпустить, а Никифора Волкова нельзя было отпустить гонцомъ къ государю оттого, что кошевой атаманъ Барабашъ со своевольниками убили бы его на дорогѣ вмѣстѣ съ моими провожатыми. Теперь же мы выбрали на коммиссію Павла Тетерю и бывшаго кіевскаго полковника Антона Жданевича.

Опухтинъ представилъ, что носятся слухи, будто Поляки хотятъ выбрать въ короли Леопольда венгерскаго и чешскаго, и это поведетъ къ войнѣ съ царемъ; поэтому, великій государь велитъ гетману быть на готовѣ съ войскомъ и сообразить на

какіе польскіе города удобнѣе будетъ наступать войною. На это гетманъ увѣрялъ, что въ Польшѣ выбора короля не будетъ, что это ему вполнѣ извѣстно, а что касается до войны, то онъ объ этомъ разсуждалъ съ старшиною и всѣ приговорили, что, въ случаѣ войны, слѣдуетъ идти прямо на Варшаву.

По указу великаго государя,—сказалъ, между прочимъ, Опухтинъ,—велѣно тебѣ Татаръ отпустить, а я слышалъ здѣсь, въ Чигиринѣ, что крымскій ханъ вышелъ и ты хочешь съ нимъ идти войною на венгерскаго короля и для этого присланъ къ тебѣ Мустафа-ага. Турскій султанъ,—сказалъ Выговскій,—велѣлъ крымскому хану послать ко мнѣ пословъ, чтобъ я далъ людей своихъ на венгерскаго короля Ракочу, а если не дамъ, то, управившись съ Ракочею, пойдутъ войною на малороссійскіе города, такъ я, подумавши, далъ имъ вольныхъ людей; кто захочетъ идти, тотъ пусть идетъ, а самъ я безъ указу его царскаго величества не пойду и войска не пошлю неволею: стану на границы, чтобъ Татары не учинили какого нибудь дурна черкасскимъ городамъ.

Великій государь, — возразилъ Опухтинъ, — велитъ войску Запорожскому быть готовымъ на польскаго короля, на службу его величества и ожидать указа, а на венгерскаго короля идти людямъ не давать воли; угрозъ турскаго султана и крымскаго хана бояться нечего. За помощію Божіею Войско Запорожское подъ державою великаго государя, и онъ, великій государь его царское величество, васъ отъ тѣхъ непріятелей оборонитъ.

Это замѣчаніе не понравилось гетману; Выговскій ничего не отвѣчалъ на него, и потомъ сказалъ: ты можешь взять листъ и ѣхать изъ Чигирина. 23 іюня онъ былъ отпущенъ. Напрощаньи, Выговскій изъявилъ сожалѣніе, что не получилъ благословенія отъ патріарха; а гонецъ замѣтилъ ему, что онъ обѣщалъ быть въ Москвѣ видѣть царскія очи, и когда пріѣдетъ, тогда получитъ благословеніе отъ патріарха.

Между тѣмъ, прибылъ въ Кіевъ новый воевода, бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ съ 1159 человѣкъ драгуновъ и съ 413 стрѣльцовъ. Бутурлинъ простился съ Украиною, гдѣ

его полюбили: онъ умѣлъ какъ-то ладить съ народомъ, и хотя и при немъ ратные люди часто спорили и дрались съ туземцами, но онъ не потакалъ имъ. Бояринъ Шереметевъ пріѣхалъ въ Украину съ понятіями своенароднаго превосходства силы,— съ высокомѣріемъ. Число недоброжелателей увеличилось....

«Василій Борисовичъ,—говорилъ Выговскій одному игумену, который передавалъ его слова боярину Ртищеву; — не только сажаетъ мѣщанъ всякихъ въ тюрьму, но обижаетъ казаковъ и духовныхъ: похваляется отбирать церковныя имущества, и, въ-добавокъ, меня знать не хочетъ, ни во что почитаетъ и самъ гетманомъ именуется».

Подозрительный, онъ началъ видѣть измѣну; не нравился ему и Великой Россіи вольный духъ Украинцевъ; сталъ онъ поступать съ ними, какъ привыченъ былъ въ Великой Россіи; выставлялъ свою власть, говорилъ, что онъ старше гетмана. Еще онъ и осмотрѣться хорошенько не успѣлъ, а уже вызвалъ всеобщее недоброжелательство.

У гетмана возникла ссора и съ Ромодановскимъ. Уже послѣ пораженія Пушкаря, Ромодановскій вступилъ въ Украину и расположился въ прилуцкомъ полку; Барабашъ находился у него; съ нимъ были нѣкоторые другіе подвижники пушкаревой партіи: Довгаль, Семенъ писарь (онъ находился подъ видомъ арестованнаго, а въ самомъ дѣлѣ на волѣ). Выговскій почелъ эти поступки за явное противодѣйствіе себѣ; Выговскій жаловался, что Ромодановскій, пришедши въ Украину, не ссылается съ нимъ, съ главою страны. Ромодановскій, почитая себя старше гетмана, обвинялъ Выговскаго, что гетманъ къ нему не являлся. Гетманъ говорилъ, что Ромодановскій похваляется схватить его и притащить къ себѣ: «нельзя жить иначе, какъ окруживъ себя Татарами»:—говорилъ гемтанъ. Выговскій писалъ къ царю и жаловался, что къ нему отъ царя не присылаютъ отвѣта. «Побѣдивъ Пушкаря,—говорилъ онъ,—я сейчасъ же написалъ съ дьякомъ Василіемъ Петровичемъ Кикинымъ, а мнѣ ничего не сказали; или жалобы мои не доходятъ, или что-то другое тутъ дѣлается—не знаю и не приберу ума: по указу ли цар-

скому дѣлаютъ мнѣ обиды Шереметевъ и Ромодановскій, или нѣтъ». По просьбѣ Выговскаго о выводѣ войскъ, Ромодановскому велѣно было выступить, — онъ оставилъ часть войска въ городахъ; у ратныхъ людей съ жителями начались ссоры и драки: гетманъ потворствовалъ народному нерасположенію, какъ только случалось этому чувству прорываться противъ Москалей. Когда миргородскій полковникъ Козелъ извѣстилъ его, что въ Гадячѣ стали великорусскіе ратные люди, Выговскій позволилъ ему выгонять ихъ силою и биться съ ними какъ съ непріятелями. По обычаю, пограничные воеводы отправляли своихъ людей въ Украину провѣдывать вѣстей; прежде такіе молодцы ѣздили безопасно, а теперь ихъ стали ловить и сажать въ тюрьмы. Украинскіе молодцы Сѣверской Земли шайками стали набѣгать на пограничныя великорусскія села Сѣвскаго уѣзда, грабить и жечь...

IX.

Въ Польшѣ, къ 10-му іюля, собирался сеймъ. «Въ настоящее время, — писалъ король въ оповѣстительномъ универсалѣ,—для насъ нѣтъ ничего желаннѣе примиренія съ московскимъ государемъ и соединенія польской державы съ московскою. Виленская коммиссія можетъ достаточно служить доказательствомъ нашего расположенія къ этому. Мы созываемъ генеральный сеймъ всѣхъ чиновъ Королoвства Польскаго, преимущественно съ цѣлью утвержденія дружественной связи съ народомъ московскимъ и соединенія обѣихъ державъ, дабы вѣчный миръ, связь и союзъ непоколебимаго единства образовался между Поляками и Москвитянами—двумя сосѣдними народами, происходящими отъ одного источника славянской крови и мало различными между собою по вѣрѣ, языку и нравамъ. Поручаю чинамъ королевства размышлять о средствахъ такого соединенія, дабы народъ московскій, соединенный съ польскимъ, получилъ право старинной польской вольности и свободнаго избранія государей [1])».

---

[1]) Ann. Pol. Cl. II, 295, Hist. pan. Jan. Kaz., I, 345.

Казацкій гетманъ и старшины послали изъ Украины депутатовъ на этотъ сеймъ, какъ будто для того, чтобъ заключить заранѣе съ Польшею союзъ, обезпечивающій Украину; чтобы впослѣдствіи, когда Московія и Польша соединятся, и Украина могла бы вступить въ это соединенное государство съ своими правами. Посломъ въ Варшавѣ былъ обозный Тимофей Носачъ съ товарищами. Выговскій въ то время приказалъ всѣмъ казакамъ быть въ вооруженіи.

Между тѣмъ, изъ Варшавы донесли царю его послы, что, въ противность договору съ Хмельницкимъ, казацкіе послы прибыли въ Варшаву, и для поддержанія царской чести, они не хотѣли вступать ни въ какіе переговоры съ Поляками, пока не вышлютъ казацкихъ депутатовъ; паны принуждены были удалить казаковъ на предмѣстіе [1]). Чрезъ нѣсколько времени царь получилъ новое донесеніе отъ пословъ о совершенномъ нежеланіи Поляковъ избирать царя на престолъ; послы приписывали эту перемѣну вліянію казаковъ.

Въ самомъ же дѣлѣ, когда Тимофей Носачъ былъ допущенъ къ королю, то требовалъ, отъ имени всей Украины, чтобы Польша, согласно данному обѣщанію, даровала корону Алексѣю Михайловичу, а права Украины обезпечила на будущее время особымъ съ нею трактатомъ. Носачъ выражалъ свои требованія съ жаромъ и даже грубо. Паны отвѣчали, что присланы будутъ особые коммисиры для заключенія договора съ Украиною [2]). Депутаты сейма, обнадеженные возможностью присоединить Украину къ Польшѣ, прервали, подъ предлогомъ повальныхъ болѣзней, засѣданія и ограничились единственно тѣмъ, что обѣщали московскимъ посламъ назначить коммиссію для разсужденія: на какихъ началахъ могутъ обѣ державы приступить къ соединенію [3]). Царскіе послы поняли, что Поляки только хотятъ протянуть время.

---

[1]) Hist. pan. Jan. Kaz. 347.
[2]) Hist. ab, exc., VI- IV, 416.
[3]) Dzieje pan. Jan. Kaz., I, 95

Поляки дѣятельно хлопотали, чтобъ преклонить Выговскаго и всю Украину къ соединенію съ Польшею. Хитрый Беневскій безпрестанно переписывался съ гетманомъ, со старшинами [1]), держалъ въ Чигиринѣ агента, львовскаго мѣщанина Грека Ѳеодосія Томкевича, который вкрался въ довѣренность къ Полякамъ и казакамъ, безпрестанно ѣздилъ изъ Украины въ Польшу и обратно, и служилъ посредникомъ между казацкимъ правительствомъ и Беневскимъ [2]). Сначала Выговскій, повидимому, подавалъ Полякамъ такую же невѣрную надежду, какъ и покойный Хмельницкій. Послѣ избранія его, король послалъ къ нему поздравленіе; Выговскій благодарилъ, но не показывалъ охоты къ возобновленію подданства Польшѣ [3]). Гнѣзненскій архіепископъ написалъ ему, что вольному народу съ вольнымъ удобно соединиться. Выговскій въ отвѣтѣ своемъ соглашался,—съ такимъ, однако, замѣчаніемъ: «по Божіему устроенію, ни одинъ изъ нашихъ союзниковъ не оказалъ такого благородства, какъ царь московскій, не лишающій насъ милости [4])». Онъ казался стоекъ и твердъ въ сношеніяхъ съ Поляками, не хотѣлъ уступать Пинска, отдавшагося Хмельницкому, и грозилъ войною, когда Поляки выгнали оттуда казацкій гарнизонъ [5]).

Мало по малу все измѣнялось. Весною неутомимый Беневскій писалъ, что надежды его оправдываются; что казаки не уживаются съ Москвою и приписывалъ это своимъ трудамъ [6]). Къ сожалѣнію, неизвѣстны всѣ продѣлки, какія употреблялъ этотъ ловкій дипломатъ, чтобъ внушать Выговскому и казацкимъ старшинамъ ненависть къ московскому правительству. Знаемъ только, что Поляки разсылали по Украинѣ воззванія и писали разнымъ лицамъ письма, гдѣ пытались напугать стар-

---

[1]) Пам. кіев. комм. III, 3, 161, 181, 190, 191, 202, 203, 204, 244, 248, 251, 270, 211.

[2]) Ibid., 217, 219, 220—227.

[3]) Ibid., 166—169.

[4]) Ibid., 173.

[5]) Ibid., 362, 193, 212.

[6]) Ibid., 221.

шинъ разными опасностями, грозящими изъ Москвы. Несомнѣнно, что наклонность къ соединенію съ Польшею усиливалась вмѣстѣ съ тѣми недоразумѣніями, какія возникали съ Москвою.

Въ половинѣ іюня Выговскій отправилъ къ Беневскому Тетерю, самаго ревностнаго приверженца Поляковъ; писалъ, что отрекается отъ союза съ царемъ и, въ случаѣ надобности, готовъ съ Татарами идти на царя [1]). Что касается до Беневскаго, то этотъ видимый благопріятель Украины, расточавшій казакамъ самыя мирныя, самыя лестныя обѣщанія, въ письмѣ своемъ коронному гетману изъяснялъ, что необходимость заставляетъ вести переговоры, но, конечно, лучше было бы, еслибъ можно привести казаковъ во власть Польши оружіемъ, безъ всякихъ трактатовъ [2]).

Новыя сборища остатковъ партіи Пушкаря и Барабаша зашевелились на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Враги Выговскаго искали содѣйствія у Ромодановскаго и у пограничныхъ украинныхъ воеводъ; между тѣмъ, гетманская политика склонялась къ рѣшительному союзу съ Польшею, и Выговскому надобно было опасаться, что какъ скоро въ Москвѣ узнаютъ объ этомъ, такъ сейчасъ войско двинется въ Малороссію. Гетману нужно было поговорить о важномъ дѣлѣ съ народомъ на генеральной радѣ. Гетманъ, въ августѣ, разослалъ по всѣмъ полкамъ приказанія, чтобъ всѣ были въ сборѣ, въ вооруженіи и готовились въ походъ. Между тѣмъ, московское правительство, хотя знало о волненіи умовъ въ Украинѣ, но приписывало его проискамъ Поляковъ и показывало прежнюю довѣренность къ гетману. Изъ Москвы посланъ былъ къ Выговскому новый посланецъ, подъячій Яковъ Портомоинъ съ подарками и милостивымъ царскимъ словомъ. Онъ прибылъ въ Чигиринъ 9-го августа. Въ царской грамотѣ, поднесенной Выговскому, объявлялась ему похвала за вѣрность, предостерегали гетмана и казаковъ не вѣрить

---

[1]) Пам. Кіев. комм. III, стр. 270, 276.
[2]) Ibid., 239.

прелестнымъ письмамъ, которыя разсылаютъ Поляки по Украинѣ и въ нихъ клевещутъ на московскихъ бояръ и воеводъ, желая произвести ссору.

Но подъячій увидѣлъ, что вѣтеръ уже сильно перемѣнился. На его дружелюбныя рѣчи гетманъ отвѣчалъ, что онъ радъ служить государю, потомъ выразился въ такихъ словахъ:

«Изъ разныхъ мѣстъ пишутъ мнѣ полковники, и сотники, и эсаулы, что воевода Василій Борисовичъ Шереметевъ и князь Ромодановскій присылаются къ намъ въ Малороссію для того, чтобъ меня известь. Въ разныхъ мѣстахъ по Украинѣ ратные люди полку князя Ромодановскаго убивали нашихъ людей, чинили грабежи и разоренія; самъ князь Ромодановскій принялъ къ себѣ въ полкъ Барабаша, и Лукаша, и иныхъ враговъ моихъ. Когда я просилъ помощи противъ Пушкаря, государь не послалъ мнѣ, а какъ я управился съ Пушкаремъ самъ, такъ тогда и войска пришли, для того, чтобъ укрѣплять своевольниковъ, да новые бунты заводить! Я не хочу ждать, пока ратные люди придутъ на насъ войною. Иду самъ за Днѣпръ со всѣмъ казацкимъ войскомъ и съ Татарами! Буду отъискивать и казнить мятежниковъ; а если государевы ратные люди вздумаютъ заступаться за нихъ, или сдѣлаютъ какой нибудь задоръ въ нашемъ малороссійскомъ краѣ, то я молчать не стану; и буду биться съ государевыми войсками, если они станутъ укрывать мятежниковъ; и въ Кіевъ пошлю брата своего Данила съ войскомъ и съ Татарами: велю выгнать оттуда боярина Шереметева и разорить городъ, который былъ состроенъ по указу его царскаго величества».

Объ этомъ,—возразилъ ему посланецъ, — тебѣ гетману, и мыслить нельзя, нетокмо что говорить: бояринъ Шереметевъ и окольничій князь Ромодановскій посыланы были по твоему челобитью. Нечего тебѣ вѣрить письмамъ твоихъ полковниковъ, и сотниковъ, и эсауловъ. По государеву указу, ратнымъ людямъ учиненъ заказъ, чтобъ они никакихъ задоровъ не дѣлали и никого не обижали, и если бъ что такое сдѣлалось, такъ тебѣ бы, гетману, объ этомъ писать къ великому государю, и

его царское величество велѣлъ бы съискать, и про то учинить свой указъ по сыску; а когда ты собралъ войско, да призвалъ Татаръ, такъ это значитъ: ты преступаешь священную заповѣдь и нарушаешь крестное цѣлованіе.

«Много я писалъ,—отвѣчалъ Выговскій, и пословъ своихъ не разъ посылалъ, а теперь только и осталось мнѣ, что идти съ войскомъ да съ Татарами».

Въ это время, какъ бы на обличеніе гетмана, бояринъ Шереметевъ прислалъ гонца съ письмомъ приглашать Выговскаго на свиданіе.

«Ужъ не одинъ разъ ко мнѣ пишетъ бояринъ, — сказалъ Выговскій, — о томъ, чтобъ намъ сойтись, да времени нѣтъ. Вотъ какъ полки соберутся, тогда и разговоръ у насъ будетъ».

Царскаго посланца отпустили на квартиру. Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ другой гонецъ изъ Москвы, Ѳедоръ Тюлюбаевъ, спрашивать: что значитъ, что Войско Запорожское вооружается и противъ кого?

11-го августа гетманъ выѣхалъ изъ Чигирина. Къ Портомоину явилось шесть человѣкъ съ ружьями и объявили, что гетманъ послалъ ихъ держать стражу у двора московскаго посланца. Вслѣдъ затѣмъ привели на тотъ же дворъ Тюлюбаева и помѣстили, вмѣстѣ съ Портомоинымъ, подъ карауломъ. Но караулъ былъ не крѣпокъ. Вѣроятно, гонцы имѣли возможность переговариваться съ приходящими, получать и передавать вѣсти. 30-го августа, по приказанію гетмана, присланному въ Чигиринъ, явились на дворѣ, гдѣ сидѣли гонцы, мѣщанскій эсаулъ и два бурмистра съ отрядомъ казаковъ, взяли обоихъ посланцовъ и съ ними провожатыхъ изъ Путивля, обобрали у нихъ платье и лошадей, повели въ гетманскій дворъ, заковали въ кандалы и приставили стражу. «И терпѣли мы,—доносилъ Портомоинъ,—и голодъ, и всякую нужу, а корма намъ давали мало. Три недѣли сидѣли мы въ кандалахъ, потомъ насъ расковали и развели по дворамъ, и сидѣли мы тамъ подъ карауломъ, какъ прежде».

Между тѣмъ, въ началѣ августа, Ромодановскій препроводилъ Барабаша подъ стражею въ Кіевъ къ Шереметеву—какъ послѣ объяснили—для того, чтобъ предать его войсковому суду. Московское правительство считало его виновнымъ и не хотѣло предоставить его безъ войсковаго суда мести Выговскаго. На дорогѣ, уже недалеко отъ Кіева, въ мѣстечкѣ Гоголевѣ, когда сотенный отрядъ, провожавшій Барабаша, сталъ на ночлегъ, вдругъ напалъ на него казацкій отрядъ черкесскаго полка, подъ начальствомъ черкасскаго полковника Джулзя. Нѣсколько дѣтей боярскихъ были побиты, другіе ограблены, нѣкоторые разбѣжались; самъ начальникъ конвоя Левшинъ попался въ плѣнъ съ Барабашемъ. Ихъ посадили на телѣги и умчали въ Переяславль. Выговскій велѣлъ Барабаша везти за Днѣпръ въ обозѣ, чтобы предать суду казацкой рады.

Около этого времени, какъ разсказывали, случилось будто бы слѣдующее происшествіе:

Говорили, будто по Днѣпру плылъ гонецъ изъ Москвы съ грамотою къ кіевскому воеводѣ Шереметеву. Казаки схватили его и привели къ Выговскому.

На казацкой радѣ прочитана была перехваченная грамота. Въ ней—по увѣренію современныхъ польскихъ лѣтописцевъ—было написано, что Выговскій и старшины хотятъ измѣнить царю, и предписывалось Шереметеву тайно схватить неблагонамѣреннаго гетмана съ соумышленниками и подъ стражею отправить въ Москву. Это, безъ сомнѣнія, выдумка, и если Выговскому попалось въ руки что нибудь подобное, то скорѣе это было произведеніе интриги. Грамота была подложная.

«Это еще не все,—говорилъ казакамъ гетманъ:—перебѣжчики изъ московскаго войска сказывали, что царь хочетъ послать на насъ свои силы и истребить все казачество, оставить всего на все только десять тысячъ».

Раздались крики негодованія.

«Чего ще маемо ждати? Ходімо до громади и до оборони самихъ себе и старшини, присягаймо единъ другому лягти, рятуючи панівъ полковниківъ и старшину».

Выговскій воспламенялъ такой духъ, выкативши казакамъ нѣсколько бочекъ горілки [1]).

Выговскій потянулся съ войскомъ къ восточнымъ предѣламъ малороссійскаго лѣвобережнаго края. А, между тѣмъ, разсылались универсалы по всей Украинѣ возбуждать народъ къ возстанію противъ Москалей.

Настроенные противъ Москалей казаки стали вездѣ задерживать, грабить и оскорблять Великороссіянъ, гдѣ только встрѣчали въ своей Землѣ. Тогда между казаками были молодцы, что безъ всякаго повода готовы были пограбить и посвоевольничать надъ человѣкомъ; и теперь, конечно, такіе люди были рады случаю, когда своевольство ихъ не только могло пройти даромъ, а еще допускалось. Не было ни прохода, ни проѣзда: «и твоихъ государевыхъ проѣзжихъ всякихъ чиновъ людей по дорогамъ Черкасы побиваютъ, а иныхъ задерживаютъ и отсылаютъ къ гетману Ивану Выговскому», — доносили въ Москву пограничные воеводы.

Братъ гетмана, Данило, по порученію гетмана, покусился взять Кіевъ; съ нимъ были полки бѣлоцерковскій съ полковникомъ Иваномъ Кравченкомъ, паволоцкій съ знаменитымъ богатыремъ временъ Хмельницкаго Иваномъ Богуномъ, брацлавскій съ Иваномъ Сербиномъ и поднѣстрянскій съ Остапомъ Гоголемъ. Имъ не удалось подступить къ городу такъ, чтобъ Москали не узнали объ этомъ прежде. 16 августа казаки и Татары напали на московскихъ солдатъ и драгунъ, которые были посланы въ лѣсъ для острожнаго и воловаго дѣла. Нѣкоторые изъ послѣднихъ были убиты, а другіе, раненые, прибѣжали въ Кіевъ съ извѣстіемъ, что на городъ идетъ ратная сила. Шереметевъ съ товарищами имѣлъ время приготовиться къ оборонѣ. Кіевскій полковникъ Яненко обѣщалъ подъ присягою быть вѣрнымъ царю. Кіевскіе мѣщане изъявляли передъ Шереметевымъ свою вѣрность и просили, чтобъ имъ позволили войти въ городъ, когда подойдутъ казаки. Они, по видимому, не ладили съ ка-

---

[1]) Hist. panow. Jan. Kaz. I, 358. Ann. Pol. Cl. II, 308.

законами кіевскаго полка и говорили, что казаки хотѣли, чтобъ они копали валъ на Щековицѣ, но они не послушали ихъ.

Чрезъ нѣсколько дней полки бѣлоцерковскій, брацлавскій и поднѣстрянскій прибыли къ Кіеву и стали за двѣ версты отъ города за рѣкою Лыбедью. Московскіе подъѣздчики извѣстили объ этомъ воеводъ. Шереметевъ послалъ Михайла Свищова спросить, что значитъ это прибытіе.

Мы—отвѣчалъ Свищову Кравченко — пришли по приказанію гетмана Выговскаго; съ нами еще Татаръ нѣтъ; но скоро придетъ Данило Выговскій, а съ нимъ и Татары будутъ.

Вслѣдъ за тѣмъ пришелъ Богунъ съ своимъ полкомъ, а за нимъ, 23 августа, и Данило Выговскій съ казаками, левенцами и Татарами; всѣхъ войскъ у него, по извѣстіямъ московскихъ воеводъ, было до двадцати тысячъ.

Тотчасъ кіевскіе мѣщане показали себя иными и вмѣсто того, чтобъ идти въ городъ, стали переправляться на днѣпровскіе острова. Когда Шереметевъ послалъ къ нимъ спросить, — что это значитъ, они отвѣчали, что повинуются гетману Выговскому. Шереметевъ еще прежде требовалъ отъ нихъ пушекъ, которыя передали городу еще при Хмельницкомъ послѣ дрижипольской битвы князья Куракинъ и Волконскій; мѣщане отвѣчали, что у нихъ нѣтъ ихъ, а потомъ отдали эти пушки кіевскому полковнику. Кіевскіе мѣщане не терпѣли Москалей, потому что имѣли, болѣе чѣмъ другіе Малороссы частыя столкновенія съ ратными людьми и желали, чтобъ этихъ гостей отъ нихъ выгнали.

Кіевскій полковникъ, увидя проходъ своихъ товарищей, зашелъ посадъ и сталъ вести приступъ изъ Киселева Городка (съ Киселевки). Данило Выговскій съ прочими полковниками и Татарами нападалъ на городъ отъ Золотыхъ Воротъ.

На обоихъ пунктахъ не посчастливилось Украинцамъ. Стрѣлецкій голова Иванъ Зубовъ сдѣлалъ смѣлую вылазку и выбилъ Яненка изъ Киселева Городка. Главное московское войско, находившееся въ Кіевѣ, отбило казаковъ и Татаръ отъ Золотыхъ Воротъ.

Тогда Выговскій и полковники ушли къ Печерскому мона-

стырю, стали тамъ обозомъ, а ночью на 24 августа стали копать шанцы въ двухъ мѣстахъ противъ Печерскихъ Воротъ. Съ другой стороны Яненко опять сдѣлалъ нападеніе отъ Щековицы, гдѣ у него былъ обозъ, противъ землянаго новаго вала на сѣверной сторонѣ.

И въ этотъ день не посчастливилось Украинцамъ.

Шереметевъ послалъ конныхъ и пѣшихъ (пѣшіе были подъ начальствомъ иноземца Фанстедена), выбили ихъ изъ шанцевъ, взяли нѣсколько знаменъ, много плѣнныхъ, бунчукъ, войсковую печать и пушки. Много бѣглецовъ потонуло въ Днѣпрѣ. Самъ Выговскій, раненый, едва спасся и уплылъ на лодкѣ по Днѣпру.

Яненко былъ отраженъ отъ вала княземъ Юріемъ Борятинскимъ, товарищемъ Шереметева, потерялъ знамя, былъ сбитъ съ лошади, и ушелъ въ свой обозъ на Щековицѣ; но посланные стрѣльцы и солдаты достигли до этого обоза и разгромили его; разогнанные казаки бѣжали во всѣ стороны и многіе утонули въ Почайнѣ.

Побѣдителямъ досталось сорокъ восемь знаменъ, двѣнадцать пушекъ (изъ нихъ три желѣзныхъ, а прочія мѣдныя) двѣнадцать затинныхъ пищалей и три бочки пушечнаго пороха.

Сто пятьдесятъ два человѣка плѣнныхъ стали просить пощады. Мы по неволѣ шли на бой — говорили они, — пусть великій государь насъ пожалуетъ, не велитъ казнить; мы будемъ служить вѣрно и свою братью станемъ приводить на то, чтобъ гетмана не слушали; мы, вмѣстѣ съ чернью, перебьемъ старшину, которая насъ приводила насильно на бой.

Ихъ отпустили, обязавши присягою исполнить то, что обѣщали, и присовокупили имъ такое нравоученіе: —скажите всѣмъ: кто послушаетъ гетмана Выговскаго и будетъ подходить къ Кіеву и другимъ городамъ, на тѣхъ великій государь пошлетъ ратныхъ людей и велитъ побить ихъ и женъ, и дѣтей ихъ, и домы ихъ разорить.

Царь Алексѣй Михайловичъ похвалилъ своихъ воеводъ за то, что они милостиво обошлись съ плѣнными. Мѣщанъ снова привели къ присягѣ.

Выговскій жаловался, что послѣ того Шереметевъ началъ розыскивать, мучить, рубить головы — по подозрѣнію, и вообще преслѣдовать непокорный духъ. Отецъ Выговскаго, Евстафій, пріятель Бутурлина, съ семействомъ убѣжалъ въ Чигиринъ. Шереметевъ сжегъ Борисполь, близъ Кіева, гдѣ, какъ узналъ, собиралось мятежное ополченіе.

Когда, такимъ-образомъ, разыгралось неудачное покушеніе отнять столицу южнорусскаго края у Москалей, Выговскій пошелъ къ Гадячу, подъ предлогомъ преслѣдовать и карать мятежниковъ и своевольниковъ, которые въ этихъ мѣстахъ снова воскрешали пушкаревскую партію, — съ нимъ были Татары и польскій отрядъ. Съ нимъ ѣхали польскіе послы Беневскій и Евлашевскій съ инструкціею для заключенія союза. Немиричъ былъ устроителемъ согласія.

X.

Когда войско достигло мѣстечка Камышни, 31 августа прибылъ новый царскій гонецъ, дьякъ Василій Михайловичъ Кикинъ, уже бывавшій прежде у Хмельницкаго и у Выговскаго. Въ Москвѣ узнали уже о вооруженіи, о похвалкахъ на великороссійскія войска, и новый гонецъ ѣхалъ уже не такъ, какъ злополучный Портомоинъ съ милостивымъ словомъ, а съ выговоромъ и съ упреками.

Первая встрѣча показывала новому послу, какъ идутъ дѣла у казаковъ. Къ нему явился Полякъ и объявилъ, что будетъ у него приставомъ. Но, тѣмъ не менѣе, соблюдены были всѣ почести. Когда посолъ ѣхалъ къ гетману на свиданіе, выстроена была пѣхота и стрѣляла на-честь; Кикинъ замѣтилъ послѣ, что пѣхота была плохо и худо одѣта. Высланный къ нему отрядъ чигиринскаго полка въ двѣсти человѣкъ сошелъ съ лошадей; всѣ кланялись, а полковникъ говорилъ привѣтствіе. Другая встрѣча ожидала его далѣе: ее отправлялъ Ковалевскій. Когда

посолъ приблизился къ шатру гетмана, — на третью встрѣчу къ нему вышелъ Немиричъ: присутствіе такого лица и участі въ дѣлахъ не обѣщало хорошаго.

Гетманъ изъ Камышни перешелъ въ Липовую-Долину, и тамъ принялъ посла торжественно, въ шатрѣ, окруженный полковниками, сидѣвшими около своего предводителя кругомъ. Дьякъ подалъ увѣщательную грамоту, и Выговскій пригласилъ его сѣсть возлѣ себя. Несмотря на неудовольствіе, которое и было поводомъ посольства, дьякъ отъ имени государя спросилъ гетмана о здоровьѣ.

Дошло до переговоровъ о дѣлахъ.

Посланникъ спросилъ отъ имени царя: «на какого непріятеля собрались вы съ такими силами казацкими и татарскими?

Гетманъ ропталъ, что, послѣ усмиренія Пушкаря, его приверженцы нашли покровительство у Ромодановскаго.

«Барабашъ, — говорилъ Выговскій, — именуетъ себя гетманомъ, при живомъ гетманѣ, окольничій Ромодановскій величаетъ себя великимъ княземъ, а бояринъ Шереметевъ погубилъ безвинно много православныхъ душъ и пожегъ христіанскія церкви. Бояринъ Василій Борисовичъ меня зазывалъ къ себѣ, чтобъ погубить; это я зналъ, и не поѣхалъ къ нему, а послалъ на разговоръ брата своего Данила и въ предостереженіе далъ ему нѣсколько полковъ, именно для того, чтобъ бояринъ не учинилъ какого-нибудь зла. Такъ и сталось. Бояринъ нежданно напалъ ратью; и Данила, и многихъ казаковъ, и мѣщанъ побили. Глупъ мой Данило, не умѣлъ отдѣлать ихъ! За то я пошлю на боярина войско, и со всѣми его людьми прахомъ выкину изъ Кіева»!

«Какъ же, — говорилъ дьякъ, — ты, гетманъ, это говоришь, не боясь страшнаго владыки херувимскаго? Своими устами читалъ ты присягу на Евангеліи и цѣловалъ крестъ быть до смерти вѣрнымъ царскому величеству и никакого лиха не замышлять, а теперь поджидаешь Татаръ, идешь на помазанника и своего благодѣтеля, который васъ денежною казною надѣлялъ такъ щедро, что не можно и вмѣстить, и воинству своему повелѣвалъ

кровь свою проливать за васъ! Блюдитесь же, чтобъ вамъ не навести на себя, за преступленія, праведнаго Божія наказанія! Вотъ то, что мнѣ прилучилось слышать о Кіевѣ — это примѣръ, что Богъ свыше зритъ на неправду и мститъ за нее»!

«Мы отъ руки его царскаго величества не отступили, — сказалъ гетманъ, — а воеводы его, Ромодановскій да Шереметевъ, много намъ зла надѣлали: и права наши поломали, и церкви Божіи пожгли, иноковъ, и инокинь, и христіанскія души невинно погубили! Мы за то будемъ имъ мстить и управляться съ ними, пока насъ самихъ станетъ. Какъ и при короляхъ польскихъ мы за свои права стояли, такъ и теперь будемъ стоять!».

Дьякъ замѣтилъ: «Это не дѣло подданныхъ — управляться между собою самимъ, воздвигать междоусобную брань и проливать кровь. Василій Борисовичъ Шереметевъ и князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій — люди честные и великородные; не годится ихъ такъ безчестити, а еслибъ что отъ нихъ и было, то можно послать бить челомъ государю нашему и ожидать его указа; а того и помыслить страшно, чтобъ, собравшись съ врагами креста Христова, нападать на людей его царскаго величества и воздавать зломъ за добро, на радость латинщикамъ и бусурманамъ! А лучше вамъ, вспомня свое обѣщаніе предъ Евангеліемъ, отстать отъ злыхъ дѣлъ и неправдъ, распустить войска свои и отпустить Татаръ, впредъ съ ними не ссылаться и не чинить соединенія».

«Этого и въ мысли нашей нѣтъ,—сказалъ гетманъ,—чтобъ не управясь съ непріятелемъ, да разойтись по домамъ и Татаръ отпустить; нетокмо Татаръ — и Турокъ, и Ляховъ сюда притянемъ»!

«Такъ если вы задоръ учините, — сказалъ дьякъ, — то его царское величество пошлетъ на васъ многія свои пѣшія и конныя силы, и будетъ раззоренье самимъ отъ себя»!

«Мы писали уже къ его царскому величеству, а государь не показалъ намъ своей милости, — не изволилъ прислать намъ бунтовщиковъ, и окольничему Ромодановскому за его неправды

никакого указа не далъ; такъ мы, посовѣтовавшись съ старшиною, идемъ на бунтовщиковъ и на тѣхъ кто стоитъ за нихъ»!

«Князь Ромодановскій отправилъ уже Барабаша въ Кіевъ, чтобъ отдать его на войсковой судъ».

«Барабашъ уже въ моихъ рукахъ»! — сказалъ Выговскій.

«Зрадлива Москва, — сказалъ черкасскій полковникъ Джулай: — дала Левшину наказную память, чтобъ Барабаша везли съ великимъ береженьемъ: это значитъ, чтобъ мы его не отбили, да не взяли»!

«Не годилось бы вамъ дѣлать такія грубости и Барабаша отбивать: и безъ боя отдали бы его тебѣ; а написано въ наказѣ: *везти съ береженьемъ* — не отъ васъ, а отъ такихъ своевольниковъ, какъ самъ Барабашъ. Вы жалуетесь, что воеводы вашихъ бунтовщиковъ укрываютъ, а нѣжинскій полковникъ зачѣмъ это держитъ у себя вора, у котораго за воровство уши порѣзаны? Онъ-то его на всякое дурно подводитъ. Вамъ бы прислать его къ его царскому величеству, да и впередъ не принимать такихъ воровъ».

«Съ чего это взяли? — сказалъ Гуляницкій: — у меня такого московскаго бѣглаго человѣка нѣтъ и не бывало»!

Еще принялся дьякъ истощать свое краснорѣчіе, убѣждая оставить непріязненныя дѣйствія. Но гетманъ повторилъ то же, что прежде говорилъ.

«Не враги мы царскому величеству; а боярамъ, которые насъ отъ царской милости отлучаютъ, будемъ мстить! Довольно. Въ другой день потолкуемъ, а мы пока со старшиной посовѣтуемся».

Тѣмъ и кончилось это интересное свиданіе. На другой день, 3 сентября, пришелъ къ дьяку Немиричъ и сказалъ:

«Гетмана извѣстили, что Шереметевъ послалъ своихъ Москалей жечь и разорять города и мѣстечки: въ Борисполѣ всѣхъ людей побили; прямо на Переяславъ отправилъ воевода полковника Корсака; мучатъ православныхъ христіанъ разными муками. Пошли къ нему, чтобъ онъ перестать такъ поступать».

«Я не смѣю, — сказалъ дьякъ, — писать къ нему: онъ

бояринъ и воевода и намѣстникъ бѣлозерскій, человѣкъ честный; за это мнѣ быть у его царскаго величества въ опалѣ».

Затѣмъ дьякъ началъ просить отпуска.

Нѣсколько дней послѣ того пробылъ дьякъ безъ дѣла, и вотъ приходитъ къ нему эсаулъ Ковалевскій.

«Хотѣлъ бы, — говорилъ онъ, — гетманъ и всѣ старшины отправить пословъ своихъ къ царю, да не смѣетъ никто ѣхать— боятся гнѣва царскаго, задержанія и ссылки».

Дьякъ сказалъ:

«Великій государь нашъ щедръ и милостивъ. Поѣзжай, Иванъ, ты безъ сумнѣнія, а старшину разговори, чтобъ войной не ходили на царскіе украинные говода».

Тогда Ковалевскій, сторонникъ Выговскаго, хотѣлъ поддѣлаться къ царскому послу и началъ наговаривать на своего предводителя.

«Правду скажу: и я, и многіе изъ насъ не чинили бы этого, да гетманъ страшитъ насъ смертью и муками; да и всѣ казаки въ Запорожскомъ Войскѣ видятъ, что гетманъ великое разоренье дѣлаетъ: видятъ, да терпятъ, — боятся татарской сабли».

4 сентября, царскаго посла пригласили въ шатеръ къ Немиричу. Тамъ сидѣлъ гетманъ и нѣсколько полковниковъ. За день передъ тѣмъ привезли въ обозѣ скованнаго Барабаша По извѣстіямъ, сообщеннымъ предъ тѣмъ тайно послу отъ одного казака, Барабашъ подъ пыткою сказалъ, что онъ гетманомъ назывался по своей охотѣ, а вовсе не по наущенію Ромодановскаго, и ему никакахъ грамотъ не присылано отъ царя. Но теперь гетмана послу сказалъ такъ:

«Открылось намъ вотъ что: какъ мы съ войскомъ и съ крымскими Татарами пошли на бунтовщиковъ и злочинцевъ нашихъ, то царское величество, услыша объ этомъ, приказалъ бунтовщика Барабаша послать въ Кіевъ — будто бы отдавать его въ Войско Запорожское на войсковыя права, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобъ гетманъ пріѣхалъ въ Кіевъ, и тутъ бы Шереметевъ гетмана схватилъ. Барабашъ такъ говоритъ; можешь его спросить. Да еще видно немилосердіе къ намъ царскаго величества:

перебѣжчики изъ московскаго войска говорили намъ, что сами слушали царскую грамоту, присланную къ Ромодановскому, — велѣно чинить промыселъ надъ гетманомъ и старшиною: всѣхъ переловить и побить».

«Какъ это вы Бога не боитесь!.. выдумываете такую неправду на его царское величество, когда великій государь прислалъ меня къ вамъ съ своею милостью? Яшка Барабашъ говоритъ воровски, затѣваетъ съ досады, чѣмъ бы гетмана отъ милости государевой отлучить; и простой человѣкъ разсудитъ: какое ужь добро говорить вору и измѣннику, на смерть осужденному! Незачѣмъ мнѣ видѣть Барабаша: съ такимъ воромъ мнѣ и говорить не годится».

Послѣ того Немиричъ пригласилъ посла къ гетману на обѣдъ.

Когда обѣдали, Барабашъ стоялъ у полы шатра, прикованный къ пушкѣ.

«Что́ дѣлается въ Бѣлгородѣ? — спрашивалъ его Выговскій, пируя съ гостьми: — много ли ратныхъ людей въ Бѣлгородѣ»?

«Багато людей», — отвѣчалъ Барабашъ.

«Это Барабашъ на ссору наговариваетъ, — замѣтилъ дьякъ: — въ Бѣлгородѣ людей не много».

Гетманъ пилъ чашу государеву. Пили гости. Барабашъ стоялъ на поруганіе предъ гостьми въ злополучномъ видѣ.

5 сентября опять позвали дьяка къ гетману:

«Говоришь ты, гетманъ, — сказалъ дьякъ, — что царскаго величества воевода Ромодановскій и ратные люди, будучи въ Запорожскомъ Войскѣ, казакамъ и крестьянамъ учинили обиды и насильства, и разореніе; а мнѣ случилось видѣть твой листъ къ Богдану Матвѣевичу Хитрово: ты просилъ его бить челомъ государю, чтобъ его царское величество приказалъ Ромодановскому съ ратными людьми выступить изъ черкасскихъ городовъ только потому, что своевольство у васъ укрѣпилось, и утруждать войска нечего. Тамъ ты не писалъ о насильствахъ и разореньяхъ, а теперь говоришь мимо истинной правды, будто тебѣ дѣлаются отъ нихъ насильства и обиды! Всклядывать напраслину и затѣвать неправду отъ Бога грѣхъ, и отъ людей стыдно»!

Гетманъ на это отвѣчалъ:

«Когда я писалъ письмо къ Богдану Матвѣевичу Хитрово, мнѣ не было подлинно извѣстно о тѣхъ невыносимыхъ несправедливостяхъ, какія дѣлали войска; а какъ мнѣ стало вѣдомо про всѣ насилія и грабежи, и разоренія, и убійства, тогда я, посовѣтовавшись съ старшиною, призвалъ Татаръ и пошелъ на отмщеніе своихъ обидъ, и буду биться, пока насъ всѣхъ станетъ»!

Дьякъ началъ расточать прежнія убѣжденія, напоминалъ о присягѣ, о единовѣріи, о царской милости, и просилъ, по-крайней-мѣрѣ, удержаться отъ непріятельскихъ дѣйствій, пока придетъ царскій указъ.

Гетманъ отвѣчалъ:

«Неудобно намъ съ большимъ войскомъ стоять на мѣстѣ. У насъ не заготовлено припасовъ, — войско будетъ дѣлать тягости мѣщанамъ и пашеннымъ крестьянамъ».

Дьякъ снова началъ убѣждать и стращалъ казаковъ гнѣвомъ Божіимъ. Послѣ долгаго упорства, гетманъ, наконецъ, сказалъ:

«Хорошо, я напишу съ тобою къ его царскому величеству и буду ожидать царскаго указу отъ сего числа три недѣли и четыре дня».

«Такъ скоро? Я за дебелостью своею не поспѣю!» — сказалъ дьякъ.

«Болѣе четырехъ недѣль мы ждать не будемъ, — сказалъ гетманъ: — и послѣ четырехъ недѣль начнемъ биться съ княземъ Ромодановскимъ и съ измѣнниками своими, которые поселились въ новыхъ городахъ. Да еще вотъ что — какъ листъ мой гетманскій придетъ къ государю, такъ принимаетъ его посольскій думный дьякъ Алмазъ Ивановъ, а государю кажетъ не подлинные листы, а списки съ нихъ; самъ думный дьякъ Алмазъ Ивановъ недоброхотенъ ни мнѣ, ни Войску Запорожскому, и я думаю, что онъ къ великому государю взноситъ несходные съ подлинными листами списки. Я самъ, какъ былъ писаремъ при Богданѣ Хмельницкомъ, то бывало — кто мнѣ нѣдругъ, и о чемъ-нибудь пишетъ гетману, такъ я читаю гетману не то, что писано, нарочно, чтобъ гетмана разсердить на того, кто пи-

шетъ. Пусть его царское величество пожалуетъ гетмана и все Войско Запорожское: не велитъ вѣдать листовъ нашихъ думному дьяку Алмазу Иванову, а поручитъ кому-нибудь другому изъ ближнихъ людей; да чтобъ государь велѣлъ предъ собою читать подлинные мои листы, а не списки».

«Думный дьякъ Алмазъ Ивановъ, — объяснялъ Кикинъ, — по милости его царскаго величества, человѣкъ честный, навычный книжному ученью и многимъ философскимъ наукамъ; ему вручены и повѣрены отъ государя всѣ грамоты отъ разныхъ христіанскихъ и бусурманскихъ государствъ; не для чего ему быть къ тебѣ и къ Запорожью недоброхотнымъ и негодится тебѣ такъ безчестить думнаго палатнаго человѣка его царскаго величества».

«Мнѣ мои посланцы сказывали», — говорилъ Выговскій.

«Посланцы твои, — сказалъ дьякъ, — пьяницы и баламуты, — на ссору тебѣ говорятъ, не хотя видѣть тебя въ милости у его царскаго величества. Будь надеженъ на милость великаго государя нашего, не прельщайся на злохитрыя прелести и не вѣрь ссорнымъ и смутнымъ рѣчамъ».

Съ этимъ словомъ дьякъ вышелъ отъ гетмана.

По приходѣ въ свой шатеръ, явился къ нему войсковой Өедоръ Лобода съ чигиринскимъ казакомъ Коробкою. Онъ былъ ему знакомъ издавна по прежнимъ его поѣздкамъ въ Малороссію.

«Гетманъ, — сказалъ Лобода, — положилъ тебя отпустить, а полковники, корсунскій Краховецкій, да черкасскій Джулай, да Павелъ Тетеря приговариваютъ тебя отдать Татарамъ, а Татары докучаютъ объ этомъ безпрестанно: но гетманъ отговаривается, сказываетъ, что отправитъ тебя въ Чигиринъ на работу — дѣлать городъ. Всей измѣнѣ у насъ заводчикъ Павелъ Тетеря: онъ все нынѣшнее лѣто проживалъ въ Корцѣ съ Ляхами и съ ними сговоривался, какъ бы освободиться изъ-подъ власти царскаго величества».

На другой день явился Немиричъ и потребовалъ Кикина къ гетману на отпускъ. Гетманъ отдалъ ему свое письмо къ госу-

дарю и изъявилъ желаніе, чтобъ государь умилосердился и оказалъ справедливость.

«О справедливости, — сказалъ дьякъ, — бей челомъ государю чрезъ своихъ посланцевъ, а войско распусти по домамъ и Татаръ отпусти».

«Войска я не распущу и Татаръ не отпущу, а буду ожидать указа царскаго величества отъ настоящаго дня четыре недѣли».

Посолъ поклонился и вышелъ. Въ тотъ же день пріѣхалъ сотенный отрядъ, и выпроводилъ его не на прямую дорогу, а въ Миргородъ. Подозрительно это казалось и давало достовѣрность тому, что говорилъ Лобода, но посла увѣряли, что это дѣлается для предостереженія отъ Татаръ.

XI.

Между-тѣмъ произошло слѣдующее: 6-го сентября (18 н. с.), подъ Гадячемъ собрана была рада. Посреди очищеннаго мѣста (майдана) сидѣли старшины, полковники, въ своихъ праздничныхъ нарядахъ, каждый съ своимъ знакомъ. Выговскій, съ булавою въ рукахъ, ввелъ въ собраніе польскихъ коммисаровъ — Беневскаго и Евлашевскаго.

«Войско Запорожское, — сказалъ Выговскій коммисарамъ, — изъявляетъ желаніе вѣчнаго мира и соединенія съ Рѣчью-Посполитою, если только услышитъ отъ господъ коммисаровъ милостивое слово его королевскаго величества».

Коммисары поклонились. Беневскій началъ говорить:

«Высочайшее существо, по волѣ своей возвышающее и уничтожающее царства, укоренило въ сердцѣ каждаго изъ насъ врожденную любовь къ отечеству, такъ-что, гдѣ бы кто ни скитался, а всегда хочется ему домой воротиться. Вотъ, я думаю, теперь такъ сдѣлалось съ Запорожскимъ Войскомъ, когда оно именемъ своимъ и своего гетмана обратилось къ его величеству королю Іоанну-Казимиру съ желаніемъ вѣрнаго подданства, и проситъ

его покровительства себѣ и всему русскому народу. Это хорошо вы дѣлаете, паны-молодцы: дай Богъ, чтобъ изъ этого вышло счастье для общаго нашего отечества. Вотъ уже десять лѣтъ какъ, словно двѣ матери за одного ребенка, спорятъ за Украину два народа: Поляки и Москали. Поляки называютъ ее своею собственностію, своимъ порожденіемъ и членомъ, а Москали, пользуясь вашею храбростію и вашимъ оружіемъ, хотятъ завладѣть чужимъ. Трудно намъ удержать одному кому-нибудь за собою одно нераздѣлимое тѣло; мы хотимъ разрубить или разодрать его пополамъ и присвоить себѣ по половинѣ: оттого гибнетъ край вашъ, пустѣютъ поля; сѣетъ Москаль ненависть между вами и нами на плодородныхъ поляхъ Украины, утучняетъ ихъ кровью христіанскою, а врагъ душъ человѣческихъ, чортъ проклятый, нарочно насъ къ тому подзадориваетъ для погибели нашей...... Истинно скажу вамъ, паны-молодцы: Божьею благодатію такъ сталось, что мы, сами себя ударивши въ грудь, познали грѣхи наши и отпустили другъ-другу наши вины. Самъ Богъ открылъ вамъ глаза на то, чтобъ сбросить ярмо неволи и возвратиться къ старинной свободѣ. Съ какою отеческою любовію, съ какою радостію наияснѣйшій король услышалъ о прибытіи вашихъ пословъ — этому и я былъ свидѣтель, и они сами то же вамъ скажутъ. Теперь насъ присылаетъ къ вамъ цѣлая Рѣчь-Посполитая, — проситъ она васъ, паны-молодцы, соединиться съ нами, чтобъ вмѣстѣ спасать отечество, вмѣстѣ славы добывать, вмѣстѣ миромъ утѣшаться. Вы теперь попробовали и польскаго и московскаго правленія, отвѣдали и свободы и неволи; говорили: не хороши Поляки; а теперь навѣрное скажете: Москаль еще хуже! Что приманило народъ русскій подъ ярмо московское?... Вѣра? Неправда: у васъ вѣра греческая, а у Москаля — вѣра московская! Правду сказать, Москали такъ вѣрятъ, какъ царь имъ прикажетъ! [1]) Четырехъ патріарховъ

[1]) Нѣтъ необходимости распространяться въ опроверженіяхъ противъ фальшиваго взгляда, умышленно составленнаго, въ этой рѣчи Беневскаго, подъ вліяніемъ національной злобы. Историческое знаніе

святые отцы установили, а царь сдѣлалъ пятаго и самъ надъ нимъ старшинствуетъ; чего соборы вселенскіе не смѣли сдѣлать, то сдѣлалъ царь! Вы своихъ духовныхъ уважаете, а Москаль распоряжается какъ хочетъ духовнымъ управленіемъ: митрополитовъ отрѣшаетъ, какъ съ Никономъ недавно поступилъ; священниковъ и монаховъ въ неволю беретъ, какъ недавно поступилъ съ отцемъ Ипатіемъ; достояніе алтарей и храмовъ забираетъ на свои нужды. Это такъ поступаютъ въ духовныхъ дѣлахъ, а въ мірскихъ что дѣлается?... того подъ польскимъ владычествомъ вы и не слыхали. Всѣ доходы съ Украйны царь беретъ на себя; установили новыя пошлины, учредили кабаки, бѣдному казаку нельзя ужь водки, меда или пива выпить, а про вино ужь и не вспоминаютъ! Но до чего, паны-молодцы, дошла московская жадность? Велятъ вамъ носить московскіе зипуны и обуваться въ московскіе лапти! Вотъ неслыханное тиранство! Чего послѣ этого ждать? Прежде вы сами старшинъ себѣ выбирали, а теперь Москаль вамъ даетъ кого хочетъ; а кто вамъ угоденъ, а ему не нравится, того — прикажетъ извести. И теперь уже вы живете у нихъ въ презрѣніи; они васъ чуть за людей считаютъ, готовы у васъ языки отрѣзать, чтобъ вы не говорили, и глаза вамъ выколоть, чтобъ не смотрѣли..... да и держатъ васъ здѣсь только до тѣхъ поръ, пока насъ, Поляковъ, вашею же кровью, завоюютъ, а послѣ переселятъ васъ за Бѣлоозеро, а Украину заселятъ своими московскими холопами! Такъ вотъ, пока есть время, нечего медлить: спасайте себя, — соединяйтесь съ нами: будемъ спасать общую отчизну! И возвратится къ намъ и зацвѣтетъ у насъ свобода; и будутъ красоваться храмы святынею, города богатыми рынками; и народъ

у насъ развито на столько, что всѣмъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, какъ о единствѣ греческой и русской Церкви въ XVII вѣкѣ, такъ и о неизмѣнности ея древнихъ уставовъ и постановленій. Какъ можно было сказать, что цари установили патріаршество вопреки церковному порядку, когда оно было установлено согласіемъ другихъ патріарховъ?

украинскій заживетъ въ довольствѣ, спокойно, весело; будетъ земледѣлецъ ухаживать за своею нивою, пасѣчникъ за своими бортями; ремесленникъ за своимъ ремесломъ; убійства, грабежи, несправедливости будутъ наказываться безъ пощады. Никого не станутъ принуждать къ рабству: строгій законъ не допуститъ панамъ своевольствовать надъ подданными. У насъ теперь общее дѣло — мы васъ, а вы насъ отъ бѣды избавимъ; и Богъ будетъ съ нами, а чортъ шею сломитъ! Чего еще медлить? Отчизна взываетъ къ вамъ: «я васъ родила, а не Москаль; я васъ вскормила, взлелѣяла — опомнитель, будьте истинными дѣтьми моими, а не выродками!»

— «А що! — вскричалъ Выговскій: — «чи сподобалась вамъ, панове молодці, рация его милости пана комисара?»

«Гараздъ говорить!» закричали казаки [1]).

Выговскій поклонился коммиссарамъ и въ кудрявой рѣчи изъявилъ отъ имени всего Запорожскаго Войска благодарность за вниманіе короля.

Послѣ взаимныхъ комплиментовъ и обычныхъ церемоній, гетманъ отобралъ изъ каждаго полка коммиссаровъ для заключенія трактата съ польскими коммиссарами. Тогда были сочинены и написаны статьи, извѣстныя подъ названіемъ *гадячскихъ*. Онѣ касаются четырехъ предметовъ: государственнаго значенія Украины, внутренняго порядка, вѣры и просвѣщенія.

Украина, — т. е. Земли, заключавшія тогдашнія воеводства: черниговское, кіевское и брацлавское (нынѣшнія губерніи: полтавскую, черниговскую, кіевскую, восточную часть волынской и южную половину подольской), — объявлялась вольною и независимою страною, соединенною съ Польшею подъ именемъ Великаго Княжества Русскаго, на правахъ Великаго Княжества Литовскаго, такъ что Рѣчь Посполитая должна была образовать союзъ равныхъ между собою и одинаково свободныхъ респуб-

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I, 311—415. Hist. pan. Jan. Kazim., I, 360—386.

ликъ—Польской, Литовской и Русской, подъ управленіемъ короля, избраннаго тремя соединенными народами. Всѣ три народа должны были общими усиліями завладѣть берегами Чернаго моря и открыть по немъ свободную навигацію; всѣ три народа должны помогать другъ другу въ войнахъ, не исключая войны съ Москвою, въ случаѣ, если царь московскій откажется воротить принадлежавшія Рѣчи-Посполитой земли. Если же бы Москва соединилась съ Польшею, договоръ о цѣлости Великаго Княжества Русскаго, со всѣмъ его устройствомъ, долженъ былъ сдѣлаться кореннымъ закономъ, и тогда Царство Московское вошло бы въ этотъ союзъ славянскихъ народовъ, какъ четвертое соединенное государство. Великое Княжество Русское отказывалось отъ всякаго особаго сношенія съ иностранными державами.

Внутри Великаго Княжества Русскаго все должно было носить видъ самобытнаго государства. Верховная законодательная власть должна истекать изъ національнаго собранія депутатовъ, избранныхъ жителями трехъ воеводствъ, вошедшихъ въ Великое Княжество Русское; исполнительная—должна находиться въ рукахъ гетмана, избраннаго пожизненно вольными голосами сословій и утвержденнаго королемъ. Гетманъ вмѣстѣ былъ верховнымъ сенаторомъ трехъ воеводствъ и гражданскимъ правителемъ Великаго Княжества Русскаго. Великое Княжество Русское должно имѣть свой верховный трибуналъ, куда будутъ поступать для рѣшенія дѣла изъ низшихъ судебныхъ инстанцій и производиться на русскомъ языкѣ;—свое государственное казначейство, куда единственно могли поступать всѣ доходы и поборы съ украинскаго народа и обращаться единственно на потребности Великаго Княжества Русскаго;—своихъ государственныхъ сановниковъ или министровъ, канцлеровъ, маршаловъ, подскарбіевъ (министровъ финансовъ) и другихъ, какіе окажутся нужными, свою монету и свое войско, которое должно будетъ состоять изъ тридцати тысячъ и болѣе (по усмотрѣнію) казаковъ и десяти тысячъ регулярнаго войска; какъ то, такъ и другое должно состоять подъ командою русскаго гетмана, и никакое другое войско не могло быть вводимо въ княжество безъ дозволенія рус-

скаго правительства, а еслибъ представилась для этого крайняя необходимость, то оно должно состоять подъ командою гетмана. Въ договорѣ не было написано правильныхъ условій относительно правъ владѣльцевъ на тѣхъ, которые будутъ жить на ихъ земляхъ, кромѣ того что воспрещалось владѣльцамъ держать подлѣ себя надворныя команды. Въ числѣ статей относительно внутренняго порядка возникающаго Великаго Княжества замѣчательно то, что гетманъ во всякое время могъ представлять королю казаковъ для возведенія ихъ въ шляхетское достоинство, съ условіемъ, чтобы изъ каждаго полка число кандидатовъ не превышало ста человѣкъ. Изъ этого видно, что у составителей договора было намѣреніе возвысить все казацкое сословіе и уравнить его съ шляхетскимъ, но постепенно. Это возведеніе, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, могло коснуться современемъ и посполъства, ибо казаки пополнялись изъ посполитыхъ. По мѣрѣ того, какъ казаки будутъ получать дворянское достоинство, на ихъ мѣста будутъ поступать въ казаки изъ посполитыхъ.

Относительно вѣры положено было унію, какъ вѣру, произведшую раздоръ, совершенно уничтожить, не только въ краѣ, который входилъ въ новое государство, но и въ остальныхъ соединенныхъ республикахъ, польской и литовской; такъ-что въ Рѣчи-Посполитой должны быть двѣ господствующія вѣры: греко-каѳолическая и римско-католическая. Духовенство восточной вѣры оставалось съ правами своей юрисдикціи, имѣнія его были неприкосновенны; всѣ церкви, отобранныя католиками и уніатами, возвращались православнымъ; повсюду дозволялось строить новые храмы, монастыри, духовныя школы и богадѣльни, прекращалось всякое стѣсненіе вѣроисповѣданія, и въ знакъ почести митрополитъ и пять православныхъ епископовъ: луцкій, львовскій, перемышльскій, хелмскій и мстиславскій — должны были занять мѣста въ сенатѣ наравнѣ съ римскими епископами.

Составители договора не позабыли просвѣщенія. Положено было въ Великомъ Княжествѣ Русскомъ завести двѣ академіи

съ университетскими правами: первая была кіевская коллегія, долженствовавшая сдѣлаться университетомъ; вторую слѣдовало основать въ другомъ мѣстѣ, какое признается удобнымъ. Профессора и студенты должны будутъ отрекаться отъ всякой ереси и не принадлежать къ протестантскимъ сектамъ — аріанской, лютеранской и кальвинской. Кромѣ этихъ двухъ академій должны быть учреждены училища въ разныхъ мѣстахъ Великаго Княжества Русскаго, смотря по потребности, безъ ограниченія ихъ числомъ. Позволялось каждому, кому угодно, вездѣ заводить типографіи: объявлялось совершенно вольное книгопечатаніе, даже и относительно вѣры можно было писать всякія возраженія и мнѣнія безпрепятственно.

При составленіи договора уничтоженіе уніи было щекотливымъ вопросомъ. Въ тайной инструкціи, данной посламъ, поручалось имъ сколько возможно отстаивать унію и меньше давать силы православному побужденію противъ нея. Послы должны были обходить вопросъ объ уніи, указывать казакамъ, что это дѣло можетъ разсматриваться только на всеобщемъ съѣздѣ духовенства, и что этотъ съѣздъ непремѣнно состоится по волѣ короля и за ручательствомъ Рѣчи-Посполитой. Такъ-какъ вмѣстѣ съ вопросомъ объ уніи связывалась отдача церковныхъ имѣній, то коммиссарамъ въ тайной инструкціи предписывалось всѣми силами стараться не отдавать имѣній, перешедшихъ въ уніатскія руки, и только въ крайнемъ случаѣ позволялось согласиться на отдачу такихъ имѣній, которыя, по ясному праву, окажутся принадлежащими дизунитамъ; а какъ-скоро возникъ бы споръ о принадлежности имѣній уніатамъ, либо дизунитамъ, тогда такія имѣнія должны оставаться въ рукахъ дѣйствительно владѣющихъ ими въ настоящее время. Коммисары должны были доказывать, что несправедливо будетъ, не выслушавъ голоса той стороны, которая уже пользуется имѣніями, отнимать у нея то, что̀ она давно привыкла считать своимъ достояніемъ. Очевидно, здѣсь скрывалась цѣль — никогда не отдавать требуемыхъ имѣній: сторонѣ, владѣющей такимъ имѣніемъ, стоило только подать просьбу въ судъ, дѣло затянется, и православная

сторона, съ своимъ правомъ на возвратъ своего имѣнія, никогда бы его не получила въ самомъ дѣлѣ. Условіе — оставлять имѣнія въ рукахъ настоящихъ владѣльцевъ, если они станутъ защищать свое владѣніе судебнымъ порядкомъ, поворачивало весь вопросъ въ пользу уніатской стороны; это было даже высказано въ тайной инструкціи такимъ выраженіемъ: проволочка времени можетъ помочь намъ. Коммиссары никакъ не должны были соглашаться на совершенное уничтоженіе уніи; даже уступать православнымъ право признавать собственностью своей церкви духовныя имѣнія и отыскивать ихъ коммиссары могли не иначе, какъ съ условіемъ, что казаки отъ себя пошлютъ посольство къ папѣ и станутъ просить его содѣйствовать къ утвержденію всеобщаго религіознаго согласія въ Рѣчи-Посполитой. Послы должны были дѣйствовать какъ можно хитрѣе съ казаками (utendum est artificiis) [1]. Но унія была такъ ненавистна, что едва коммиссары заговорили объ этомъ предметѣ, тотчасъ увидали, что нѣтъ никакой возможности согласиться съ Русскими, какъ пожертвовавъ уніею. И они взяли на свою отвѣтственность это важное дѣло.

При чтеніи договора на радѣ, вѣроятно собранной изъ немногихъ, ибо простые казаки по большей части не знали ничего о томъ, что происходило,—по извѣстію современника,—поднялись возраженія и требованія чрезвычайно-разнообразныя и до того запутанныя, что казаки сами не понимали чего хотѣли, такъ-что одинъ и тотъ же предъявлялъ требованіе, а чрезъ нѣсколько минутъ измѣнялъ свое мнѣніе и требовалъ противнаго. Только одно требованіе было ясно и упорно высказываемо: Русскіе хотѣли расширить объемъ своего княжества и присоединить къ нему воеводства: волынское, подольское, русское, бельзское (т. е. остальныя части нынѣшнихъ губерній: волынской и подольской), и Червоную-Русь,— страны, гдѣ народъ говорилъ южнорусскимъ языкомъ и гдѣ правили прежде русскіе князья. Коммиссары спорили упорно; дѣло начало-было расходиться, но

---

[1]) См. Gradus ad action. И. Публ. Библ., польск. рукоп. № 15.

Выговскій и его приверженцы кое-какъ успокоили волненіе. По извѣстію современниковъ, всѣхъ болѣе оказалъ тогда вліяніе Тетеря. Его простонародныя выходки,—говоритъ современный писатель,—болѣе подѣйствовали на казаковъ, чѣмъ философскіе аргументы другихъ [1]).

«Эй!—кричалъ онъ весело: —*згодімося, панове молодці, зъ Ляхами—більшъ будемо мати; покірливе телятко дві мàтері ссеть!*»

Старшины начали вторить этому замѣчанію, и толпа, указывая пальцами на Тетерю, закричала:

«*Оттòй всю правду сказàвъ! Згода! згода! згода!*»

Коммиссары, отпраздновавши мировую съ казаками ѣдою и питьемъ, уѣхали къ королю съ радостною вѣстью объ успѣхѣ, обдаренные старшинами, и долго слышали они за собою пушечную пальбу, «возвѣщавшую, говоритъ современникъ,—примиреніе съ Поляками, какъ еще недавно она возвѣщала о непримиримой къ нимъ ненависти». Выговскій увѣрялъ казаковъ, что по этому договору они будутъ произведены въ шляхетство (дворянство) [2]).

На возвратномъ пути послы встрѣтились съ Кикинымъ, который ѣхалъ на Лохвицу, чтобъ повернуть другимъ путемъ назадъ къ московской границѣ. Пословъ провожали Тетеря и асаулъ Ковалевскій, недавно еще передъ Кикинымъ поносившій поступки гетмана, а теперь отправившійся вмѣстѣ съ Тетерею, котораго обвинялъ въ предательствѣ, посломъ къ польскому королю съ засвидѣтельствованіемъ ему покорности. Сошедшись съ однимъ шляхтичемъ, Москаль всѣми силами хотѣлъ допытаться,

---

[1]) См. Гадячск. Комп., Ист. Малор. Марк. III, 159. 172. — Ann. Polon. Cl. II, 316—317.—Лѣт. Малор.—Hist. ad exc. Vlad. IV, 419.— Лѣт. Велич. I, 335—337.—Hist. pan. Jan. Kaz. I, 361—365.—Кр. опис. о коз. мал. нар., 83—89. — Лѣт. пов. о Мал. Рос., II, 7. — Jerl. II, 17—30. Списки въ дѣлахъ Архива Иностр. Дѣлъ, и въ Архивѣ синодскомъ.

[2]) Ann. Pol. Cl., II, 317—318. —Hict. pan. Jan. Kaz., 365. — Wojna dom., ч. II, 273.

отъ кого и съ чѣмъ пріѣзжало посольство это, но шляхтичъ увѣрялъ его, что самъ ничего не знаетъ.

Выговскій двинулся къ границамъ, вошелъ въ московскіе предѣлы, сталъ подъ городомъ Каменнымъ и отправилъ къ воеводамъ требованіе, чтобъ ему выдали бунтовщиковъ, которые скрываются въ пограничныхъ московскихъ городахъ. У путивльскаго воеводы онъ домогался возвращенія своихъ враговъ, братьевъ Залогъ и показывалъ видъ, что стоитъ, дожидаясь возвращенія Кикина изъ Москвы, который долженъ былъ привезти рѣшительный отвѣтъ. Въ случаѣ неудовлетворенія, гетманъ грозилъ нападать на великорусскіе города и вести войну. Нѣкоторые изъ его приближенныхъ совѣтовали ему не медля идти войною прямо на Бѣлгородъ, а оттуда на Путивль; но большинство было противъ этого, въ особенности послѣ первыхъ неудачныхъ попытокъ: въ концѣ сентября казаки напали было на городки Каменное и Олешню, но великорусскіе ратные люди отразили ихъ съ урономъ. Изъ Глухова партіи казаковъ наскакивали на великорусскія сосѣднія деревни, но были также отбиты.

Между тѣмъ Татары, скучая ожиданіемъ войны, разсыпались по малороссійскимъ селеніямъ, грабили и брали въ плѣнъ людей и гоняли ихъ въ Крымъ. Поднялись жалобы.

«Что же мы здѣсь стоимъ! — кричали казаки въ обозѣ: — дома у насъ Татары женъ уводятъ»!

И казаки стали толпами расходиться назадъ. Гетманъ не могъ удержать волненія, созвалъ къ себѣ мурзъ и говорилъ имъ:

«Мы призвали васъ усмирить бунтовщиковъ, а не для того, чтобъ невинныхъ убивать и загонять въ плѣнъ. Если вы будете такъ поступать съ нашими, то вамъ не отойдти отъ насъ въ добромъ здоровьи».

Чтобъ не навлечь на себя возстанія, гетманъ отступилъ къ Веприку въ предѣлы Малороссіи; онъ былъ принужденъ дозволить казакамъ бить Татаръ, если тѣ будутъ своевольничать. Тогда Татары стали уходить и пошли за рѣку Псёлъ; казаки гонялись за ними,—съ каждымъ днемъ обозъ пустѣлъ. Воевать съ Великороссіянами не было охоты въ массѣ; а между тѣмъ

нападенія нѣкоторыхъ шаекъ на Каменное и Олешню вызвали то, что Великороссіяне, собравшись шайками, вторгнулись въ Украину, стали жечь селенія и бить Малороссіянъ. Вдобавокъ, Сербы, бывшіе также въ войскѣ Выговскаго, дозволяли себѣ надъ Малороссіянами всякаго рода своевольства и неистовства. Казаки, слыша, что и Татары, и Москали, и Сербы распоряжаются у нихъ дома, когда сами они въ чужой землѣ, бѣжали изъ табора безъ удержу. Полковники стали роптать на гетмана и другъ на друга. Даже тѣ, которые были сильными недругами московскаго владычества, и тѣ поднялись на гетмана. Гуляницкій упрекалъ его, зачѣмъ онъ вошелъ прежде времени въ царскую землю и раздражаетъ Москалей.

«Да не ты ли первый пуще другихъ меня на эту войну поджигалъ?» говорилъ ему гетманъ.

Въ радѣ сдѣлалась ссора и безладица; толковали и такъ и иначе; осмотрѣлись, что сдѣлали кличъ къ войнѣ слишкомъ торопливо и неразсудительно. Царскаго посланника не было обратно. Выговскій надѣялся, что испугаетъ московское правительство рѣшительными выходками; ожидалъ, что тотъ же дьякъ Кикинъ опять пріѣдетъ съ рѣчами, пріятными для казацкаго самолюбія, и уже приказывалъ приготовлять встрѣчу желанному послу. Но наступалъ октябрь, приближались осенніе дожди, — время неудобное для походовъ въ чужой землѣ. Великоруссы, которые безпрестанно ѣздили отъ путивльскихъ воеводъ въ казацкій обозъ и обратно, пугали казаковъ тѣмъ, что въ Сѣвскѣ собирается большое войско. Гетманъ, побуждаемый всеобщимъ ропотомъ, долженъ былъ возвратиться, не дождавшись посла и не показавши Москалямъ силы своего оружія.

8-го октября гетманъ написалъ письмо къ путивльскому воеводѣ князю Григорію Долгорукову изъ табора подъ Богачкою, за пятнадцать верстъ отъ Днѣпра.

«Всегда я служилъ его царскому величеству вѣрно, и теперь ничего злаго не замышляю, и хоть мы съ войскомъ своимъ двинулись, а вовсе не думаемъ наступать на городы его царскаго величества: я только хотѣлъ усмирить домашнее своевольство, и теперь, усми-

ривъ его, мы возвращаемся домой, надѣясь на милость его царскаго величества, уповая, что онъ, православный государь, не допуститъ проливаться христіанской крови. Только то насъ удивляетъ, что бояринъ Шереметевъ поступаетъ по непріятельски съ Малою Россіею,—посылаетъ на казаковъ своихъ ратныхъ людей, а тѣ, обнадеживаемые царскою милостью, убиваютъ и въ неволю берутъ людей по нашимъ городамъ и деревнямъ».

Долгорукій въ письмѣ своемъ упрекалъ его въ томъ, что онъ задерживалъ Портомоина и Тюлюбаева и посадилъ ихъ въ тюрьму. Выговскій отвѣчалъ: «Все это несправедливый извѣтъ на меня сложили,—я ихъ не задерживалъ, а они сами по своей волѣ остались: боятся проѣзду отъ своевольниковъ; въ тюрьму никто ихъ не сажалъ: они ходили и ходятъ себѣ на волѣ; а какъ я въ Чигиринъ пріѣду, тотчасъ и отпущу ихъ съ честію къ его царскому величеству».

Казацкое войско отступило.

XII.

Вмѣсто царскаго посла, ожидаемаго Выговскимъ съ милостивымъ словомъ и съ удовлетвореніемъ его требованій, явилась грозная царская печатная грамота отъ 24-го сентября; она была направлена ко всѣмъ Малороссіянамъ, но преимущественно къ казакамъ полтавскаго полка, какъ къ прежнимъ противникамъ Выговскаго. Въ ней были исчислены преступленія Выговскаго противъ царя; не одобрялось то, что онъ нападалъ на Пушкаря съ Татарами, не дождавшись великороссійскихъ войскъ, тогда какъ самъ же онъ просилъ прислать войска; признавались явною измѣною противъ царской власти его поступки: задержаніе Портомоина и Тюлюбаева, нападеніе на Кіевъ, послѣднее объявленіе Кикину о рѣшимости идти съ оружіемъ на Ромодановскаго и выдумка, будто бы у московскаго правительства есть намѣреніе побить всю старшину и уничтожить казаковъ. Царь оправды-

валъ свое правительство въ томъ, что Пушкарю не было подано помочи: оно должно же было довѣрять гетману, избранному народомъ. Въ заключеніе гетманъ объявлялся измѣнникомъ и клятвопреступникомъ, и Малороссіяне призывались къ соединенію съ великорусскими воеводами и ратными людьми—къ совмѣстному дѣйствію противъ Выговскаго для сверженія его и для избранія новаго гетмана.

Быстро ожила придушенная пушкаревская партія. Полтава провозгласила полковникомъ Пушкарева сына, Кирика; въ другіе полки изъ Полтавы расходились увѣщанія — отторгнуться отъ власти гетмана; явились на волѣ Донецъ и Довгаль и другіе, которыхъ прежде московское правительство держало подъ стражею, какъ мятежниковъ, а теперь считало защитниками правой стороны. Товарищъ и другъ Пушкаря, Искра, задержанный въ последнее время въ Москвѣ, какъ его посланецъ, былъ знакомъ московскимъ боярамъ еще прежде, при Хмельницкомъ; теперь его не только отпустили съ честію, но подали ему надежду сдѣлаться гетманомъ. Онъ прибылъ въ полтавскій полкъ; около него составилась партія и провозгласила его гетманомъ. Искра разослалъ универсалы и требовалъ себѣ покорности. Своевольства, которыя терпѣлъ народъ въ последнее время, когда войско пребывало въ восточной Украинѣ, озлобили народъ еще пуще противъ гетмана. Кличъ новаго предводителя находилъ себѣ отзывъ въ массѣ. Разогнанные голики стали собираться: опять составили полкъ *дейнековъ*, готовыхъ служить воеводамъ въ надеждѣ грабежа и своевольства.

Гетманъ пріѣхалъ въ Чигиринъ. За нимъ привезли Барабаша въ оковахъ; Выговскій не казнилъ его, — онъ какъ-будто утѣшался его страданіями и униженіемъ. Узнавъ о томъ, что́ дѣлалось по слѣдамъ его въ полтавскомъ полку, онъ написалъ 17 октября путивльскому воеводѣ, выхвалялъ свою умѣренность, какую онъ показалъ недавно, отступивши назадъ отъ границъ московскихъ; представлялъ, что, не дождавшись дьяка Василья Михайлова, подозрѣваетъ, что этотъ дьякъ оговорилъ его передъ царемъ, и упрекалъ правительство, зачѣмъ оно допускаетъ ка-

кому-то Искрѣ называться гетманомъ. Задержанныхъ посланцевъ онъ не сталъ болѣе удерживать: 18 октября Портомоинъ былъ освобожденъ изъ-подъ стражи и призванъ къ гетману. Выговскій вручилъ ему листъ къ царю Алексѣю Михайловичу. Въ этомъ листѣ гетманъ жаловался, что царь выдалъ противъ него печатную грамоту, гдѣ объявилъ его измѣнникомъ, гдѣ будто бы обвинялъ его въ намѣреніи вводить латинскую вѣру (этого въ грамотѣ и нѣтъ); онъ увѣрялъ въ своей вѣрности царю, просилъ не посылать войскъ. Гетманъ сказалъ Портомоину:

«Мнѣ теперь подлинно стало извѣстно, что тѣ бунтовщики, которые посланы были въ Москву отъ Пушкаря и Барабаша, пожалованы государевымъ жалованьемъ, — ихъ подѣлали и гетманами, и полковниками, и дали имъ знамена, литавры, трубы, и съ честію отпустили ихъ изъ Москвы на свободу. Бояре и воеводы готовятся на меня идти съ ратными людьми, по наговору пушкаревыхъ и барабашевыхъ пословъ, за то, что будто я съ Войскомъ и съ Татарами ходилъ на украинные города великаго государя; а я ходилъ вовсе не для раззоренія государевыхъ городовъ, но для усмиренія своевольниковъ, и не сдѣлалъ ничего дурнаго государевымъ людямъ. Какъ прежде я служилъ вѣрно великому государю, такъ и теперь вѣрно служу ему. Пусть же государь окажетъ намъ всѣмъ государскую милость, — пусть не посылаетъ бояръ и воеводъ своихъ съ ратными людьми войною на насъ, — пусть пришлетъ къ намъ по договору своихъ ближнихъ людей, чтобы мы съ ними постановили статьи; если государь не дозволитъ этого учинить и пошлетъ на насъ ратныхъ людей, то мы будемъ стоять противъ нихъ и станемъ съ ними биться, и будутъ помогать намъ польскіе, шведскіе, волошскіе ратные люди, и крымскіе Татары придутъ, а турскій султанъ давно уже пишетъ ко мнѣ о соединеніи и даетъ ратныхъ людей на помощь. Повсюду, гдѣ только можно найдти ратныхъ людей, нарочно разошлю своихъ станичниковъ, чтобы ко мнѣ собирались поскорѣе. Теперь, однако, еще не стану воевать и пошлю къ государю своихъ пословъ».

«Я сидѣлъ въ неволѣ, — сказалъ Портомоинъ, — и мнѣ

ничего неизвѣстно; а что ты, гетманъ, говоришь, все это я передамъ его царскому величеству».

«Вслѣдъ за тобою, — продолжалъ Выговскій, — я отпущу и Тюлюбаева и всѣхъ прочихъ московскихъ людей, задержанныхъ здѣсь, а самъ пойду подъ Кіевъ, — Кіева добывать!.. на разговоръ подъ Кіевъ пойду»! прибавилъ онъ, засмѣявшись.

Провожаемый такими угрозами, выѣхалъ Портомоинъ изъ Чигирина, но во время дороги скоро испыталъ, что эти угрозы на самомъ дѣлѣ не очень страшны. Народъ говорилъ ему:

«Какъ гетманъ ходилъ съ войскомъ на границу, тогда много селъ и городовъ раззорили казаки, а Татары увели много полону въ Крымъ. Теперь, говорятъ, еще царскіе воеводы придутъ насъ раззорять; но мы съ государевыми ратными людьми биться не станемъ: за одно съ ними пойдемъ противъ гетмана».

Дѣйствительно, Выговскій намѣревался сдѣлать другое покушеніе на Кіевъ. Когда онъ возвратился въ Чигиринъ, то узналъ о непріязненныхъ для него поступкахъ Шереметева: отрядъ ратныхъ людей, по приказанію кіевскаго воеводы, отправился на Бѣлую-Церковь; бѣлоцерковскіе казаки вступили съ ними въ бой и были разбиты; самъ полковникъ взятъ въ плѣнъ. Въ Кіевѣ совершено было нѣсколько казней. Гетманъ, распустивъ своихъ полковниковъ, приказалъ имъ собирать полковыя рады и уговорить казаковъ добывать Кіевъ. Но на этихъ радахъ чернь не показывала большой охоты, и нѣкоторые полковники извѣстили гетмана, что вообще, какъ они замѣтили, на своихъ надежда слаба: остается надѣяться на крымскаго хана, да на его Татаръ. Въ Путивлѣ и пограничныхъ городахъ сильно тревожились; разнеслись слухи, что гетманъ приступилъ къ Кіеву; Шереметевъ былъ отрѣзанъ, невозможно было достать вѣстей, всюду были перехвачены пути; появится какой-нибудь Москаль въ Украинѣ, — его тотчасъ задержатъ или даже убьютъ. Изъ Путивля какой-то молодецъ Малороссіянинъ взялся провезти въ Кіевъ записку, зашивши ее въ рубаху: это показываетъ, какъ опасно и трудно было тогда проѣзжать чрезъ край нескончаемыхъ мятежей и безпокойствъ. Молодецъ не воротился. Другой

вмѣсто его, нежданно для путивльскихъ воеводъ, явился вѣстовщикомъ изъ Кіева: это былъ племянникъ нѣжинскаго протопопа Максима Филимонова, ревностнаго сторонника Москвы. Узнавши, что на Шереметева собирается новая гроза, протопопъ составилъ для племянника проѣзжую память, укрѣпилъ ее гетманскою печатью, снятою съ какой-то гетманской грамоты, и съ этимъ фальшивымъ документомъ отправилъ его будто бы въ Чигиринъ. Онъ ѣхалъ черезъ Кіевъ какъ-бы проѣздомъ, видѣлся съ Шереметевымъ, взялъ отъ него письмо къ Ромодановскому, и такимъ же образомъ пробрался чрезъ Малороссію въ Путивль. Оттуда воевода благополучно доставилъ его въ Москву, и это заставило правительство послать скорѣе Ромодановскаго въ Украину.

Выговскій готовился къ рѣшительнымъ непріязненнымъ дѣйствіямъ, а все-еще продолжалъ увѣрять московское правительство въ своей вѣрности и желаніи признавать царя своимъ государемъ. Письма за письмами посылались въ Москву; главнымъ виновникомъ зла признавался Шереметевъ: обвинялся онъ въ томъ, что раззоряетъ украинскія села и деревни, губитъ народъ, кровь проливаетъ. Старикъ Евстафій, отецъ гетмана, писалъ къ пріятелю своему Бутурлину (съ которымъ такъ подружился въ Кіевѣ, что даже называлъ его нареченнымъ сыномъ), что еслибъ Бутурлинъ оставался воеводою, то и никакихъ смутъ не было бы: все приписывалось поступкамъ Шереметева, да Ромодановскаго. «Сынъ мой — выражался онъ, — какъ присягалъ, такъ и сохранить свою присягу хочетъ и остаться неизмѣннымъ подданнымъ и слугою его царскаго величества; не былъ онъ измѣнникомъ и не будетъ. Но панъ Шереметевъ и панъ Ромодановскій не обращаютъ вниманія на его заслуги; они хотѣли его убить, — намъ сообщили это извѣстіе ваши же милости Москали; потому-то сынъ мой и братъ вашей милости долженъ поневолѣ промышлять, какъ охранить свою жизнь. Шереметевъ святые монастыри ни во что обратилъ, иноки, выгнанные, скитаются по чужимъ городамъ и по пустынямъ, слугѣ

вашей милости, Левку, велѣлъ Шереметевъ голову срубить, а меня принудилъ бѣжать изъ Кіева въ Чигиринъ».

Въ одно и то же время, Выговскій, съ одной стороны, чрезъ полковниковъ возбуждалъ казаковъ на Кіевъ и посылалъ Гуляницкаго съ полками отражать войска, если они выйдутъ; съ другой стороны писалъ универсалы народу, гдѣ запрещалъ оказывать непріязнь къ великорусскимъ войскамъ. Съ московской стороны стали обращаться съ ними подобнымъ же оружіемъ. Выговскій получилъ грамоту, гдѣ было сказано, что если онъ перестанетъ проливать кровь, то ему простятся всѣ вины и будутъ его держать въ милости, со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ. Въ то же время данъ былъ указъ Ромодановскому войдти въ Малороссію, а путивльскіе воеводы по царскому повелѣнію приказали стряпчему Григорію Касогову идти съ отрядомъ на помощь полтавской партіи, вооружившейся противъ гетмана.

XIII.

Въ началѣ ноября, Ромодановскій вступилъ въ Малороссію съ войскомъ и распустилъ въ народѣ пространный универсалъ: въ немъ [1]) исчислялись преступленія Выговскаго, какъ и въ прежней грамотѣ, данной полтавскому полку, опровергались клеветы, распущенныя имъ и его сторонниками, будто царь хочетъ уничтожить казачество, затрогивались интересы и народа: указывалось, что, по статьямъ гетмана Хмельницкаго, изъ доходовъ, собираемыхъ въ Малороссіи, слѣдовало давать жалованье казакамъ, а Выговскій не давалъ его и присвоивалъ доходы, платилъ изъ нихъ иноземному войску, которое держалъ такимъ образомъ на счетъ малороссійскаго народа, для его же отягощенія. Малороссійскій народъ приглашался содѣйствовать великороссійскому войску и доставлять ему продовольствіе. По

---

[1]) Собр. Госуд. Грамотъ, IV, № 13.

смыслу этихъ статей, какъ-бы цѣлому народу отдавалось на судъ недоразумѣніе, возникшее между московскимъ правительствомъ и гетманомъ.

Съ своей стороны и Выговскій распустилъ въ народѣ универсалъ въ полтавскій полкъ, убѣждалъ казаковъ оставаться ему покорными и стоять противъ непріятеля, то-есть великорусскихъ войскъ: «а въ противномъ случаѣ, — выражался онъ, — намъ ничего инаго не приведется учинить, какъ, освидѣтельствовавшись милостивымъ Богомъ, со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ объявить вашу злобу всему свѣту».

Пришествіе Ромодановскаго было сигналомъ для пушкаренковой партіи. Она ожила. По приказу Ромодановскаго, къ войску его начала собираться разогнанная голота, почуявшая грабежъ; опять составился полкъ дейнековъ. Полковники Иванъ Донецъ и Степанъ Довгаль начальствовали Малороссіянами; имъ придали московскихъ ратныхъ людей. Взяли Голтву. Казаки и мѣщане присягнули въ вѣрности царю. Потомъ Довгаль разбилъ миргородцевъ подъ Сорочинцами. За тѣмъ 23 октября дейнеки ворвались въ Миргородъ и ограбили его такъ, что жители, — по извѣстію лѣтописца, — остались совершенно голыми. На другой день Ромодановскій вошелъ въ Миргородъ. Степанъ Довгаль сдѣлался опять полковникомъ. Оттуда ополченіе двинулось къ Лубнамъ. Швець не въ состояніи былъ защищаться, — собралъ казаковъ и заранѣе вышелъ; состоятельные люди съ своими пожитками бѣжали во всѣ стороны.

Дейнѣки, забѣжавши впередъ въ Лубны, раззорили и сожгли ихъ. Напрасно Ромодановскій, желая спасти городъ, посылалъ ратныхъ московскихъ людей выгнать ихъ. Дейнѣки были ужасно злы противъ Лубенцевъ. Они, — говорили дейнеки, — лубенскіе казаки пуще всѣхъ насъ раззоряли, домы наши пожгли, женъ и дѣтей нашихъ татарамъ отдали; въ прошломъ году запорожскихъ казаковъ три тысячи перебили. Ограбили Мгарскій монастырь, гдѣ нашли деньги, замурованныя въ стѣнѣ, — по обычаю того времени: князь Ромодановскій едва удержалъ толпу отъ конечнаго раззоренія обители. Изъ Лубенъ ополченіе двину-

лось далѣе, раззорило Чорнухи, Горошинъ, Пирятинъ; подъ Варвою имѣло незначительную стычку съ Гуляницкимъ. Въ Переяславль былъ посланъ жилецъ Хметевскій и колоитаевскій сотникъ Котляренко уговаривать казакокъ и чернь отстать отъ Выговскаго. Потомъ князь расположился съ войскомъ подъ Лохвицею на зимнія квартиры. Дейнѣки бродили по лѣвобережной Украинѣ, грабили зажиточныхъ, сожигали ихъ домы...

Лохвицкій лагерь князя Ромодановскаго наполнялся и великорусскими ратными людьми, и казаками. Прибыли князь Куракинъ, князь Семенъ Пожарскій и Львовъ. Чѣмъ болѣе вѣсть о договорѣ съ Польшею разносилась въ народѣ, тѣмъ охотнѣе простаки, отвращаясь отъ мысли побрататься съ Ляхами, бѣжали къ великороссійскому войску. Къ Ромодановскому явился генеральный судья Безпалый, недавно назначенный въ эту должность. Князь собралъ горсть вѣрныхъ царю казаковъ и предложилъ избрать гетмана; они выбрали Безпалаго [1]. Новый гетманъ утвердилъ свое пребываніе въ Ромнѣ. Вмѣстѣ съ нимъ назначенъ генеральнымъ эсауломъ Воронокъ [2]. Вѣроятно, тогда же были избраны новые полковники, вмѣсто отпавшихъ отъ царя приверженцевъ Выговскаго: вмѣсто Швеца избранъ былъ Терещенко [3]; у полтавцевъ былъ на полковничьемъ урядѣ Кирикъ Пушкаренко. Въ Украинѣ образовалось два управленія и два гетмана. Но не хотѣлъ сложить съ себя достоинства и третій,—Искра, бунчуковый товарищъ полтавскаго полка. Онъ писалъ въ Москву, ссылался на то, что ему указали гетманское достоинство еще въ Москвѣ, увѣрялъ, что народъ стоитъ за него. Правительство не нашлось сдѣлать ничего лучше, какъ поручить самому Ромодановскому утвердить, по своему усмотрѣнію, кого-нибудь изъ двухъ. Искра явился въ Гадячъ, называлъ себя гетманомъ, собиралъ около себя поспольство, и готовился свергнуть и Выговскаго, и Безпалаго. По зову Ромодانов-

[1]) Лѣт. Велич. I, 339—340.
[2]) Лѣт. пов. о Мал. Рос. II, 9.
[3]) Лѣт. Велич. I, 405.

скаго, 1-го декабря онъ отправился къ Лохвицѣ, и «такъ,—говоритъ лѣтописецъ, — былъ упоенъ мыслью о предстоявшемъ гетманствѣ, что не побоялся идти въ сопровожденіи незначительнаго отряда, хотя по всей лѣвобережной Украинѣ отряды партіи Выговскаго сражались съ *дейнеками*. За семь верстъ отъ Лохвицы, на Искру напали чигиринскіе казаки подъ начальствомъ Скоробогатенка. Искра напрасно просилъ помощи у князя чрезъ гонцовъ. Ромодановскій отговаривался ночнымъ временемъ и послалъ отрядъ тогда уже, когда этотъ отрядъ могъ увидѣть одни трупы. «Угасла искра, готовая блеснуть!» говорили Украинцы. Ромодановскій избавился отъ необходимости выбирать одного изъ двухъ [1]). Но въ концѣ января, какъ кажется, Ромодановскаго не было уже въ Лохвицѣ: является тамъ главнымъ начальникомъ одинъ князь Θедоръ Куракинъ.

Такими стычками ограничивались военныя дѣйствія. Выговскій долго не трогался. Онъ не довѣрялъ своимъ казакамъ, видѣлъ повсемѣстное колебаніе и надѣялся на помощь отъ Крыма и Польши, а между тѣмъ составлялъ наемную дружину изъ Сербовъ, Волоховъ, Нѣмцевъ и Поляковъ: послѣднихъ пришло къ нему три тысячи подъ начальствомъ Юрія Потоцкаго и Яблоновскаго да два драгунскихъ полка подъ командой Лончинскаго [2]). Съ одной стороны онъ выжидалъ, какъ приняты будутъ въ Варшавѣ статьи, постановленныя имъ съ Беневскимъ, съ другой заискивалъ расположеніе хана, но въ то же время показывалъ желаніе оставаться вѣрнымъ царю и отправилъ въ Москву посломъ бѣлоцерковскаго полковника, Кравченка.

Въ Москвѣ приняли Кравченка очень ласково, какъ вдругъ въ концѣ декабря пришла вѣсть, что Скоробогатко уничтожилъ Искру, а переясловскій полковникъ Тимоѳей Цыцура нападалъ на великорусскихъ ратныхъ людей. Это сочтено было вѣроломствомъ, такъ какъ Выговскій прежде объявилъ воеводамъ, что посылаетъ къ царю посольство, и на этомъ основаніи, считая

---

[1]) Лѣт. Велич. I, 363—364.

[2]) Hist. pan. Jan. Kaz. II, 22—Ann. Pol. Clim. II, 377.

войну пріостановленною, воеводы выпустили изъ осады въ Варвѣ Гуляницкаго. Положеніе Кравченка въ Москвѣ было затруднительное: его стали было считать шпіономъ, однако Кравченко упросилъ, чтобъ ему дозволили послать гонцовъ съ письмами къ гетману и полковникамъ. Вмѣстѣ съ двумя Малоруссами, сотникомъ и атаманомъ бѣлоцерковскаго полка, отправленъ былъ въ Малороссію отъ царя посланцемъ маіоръ Григорій Васильевичъ Булгаковъ съ подъячимъ Фирсомъ Байбаковымъ. Ему поручалось узнать подлинно состояніе дѣлъ въ Малороссіи, желаютъ ли казаки, чтобъ у нихъ оставался гетманомъ Выговскій или хотятъ его перемѣнить, какъ онъ искренно ли хочетъ принести повинную или думаетъ водиться съ Поляками, Крымцами и другими иноземцами, какъ велики его силы и пр. Булгаковъ долженъ былъ вручить ему грамоту не иначе, какъ при старшинахъ, и ни въ какомъ случаѣ не отдавать ее на единѣ. Байбакова слѣдовало отпустить заранѣе съ вѣстями.

Царь, дѣлая Выговскому выговоръ за нарушеніе перемирія, назначалъ въ теченіи зимы въ Переяславлѣ раду. Для этой цѣли будетъ присланъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой. Вмѣстѣ съ нимъ на этой радѣ должны присутствовать Ромодановскій и Шереметевъ. Эта рада должна будетъ отыскать и наказать виновниковъ смутъ и установить порядокъ. Само собою разумѣется, что ни гетману, ни его сообщникамъ не могла быть по вкусу эта рада: она была бы собрана подъ вліяніемъ и гнетомъ бояръ и не была бы благосклонна къ тѣмъ, которые показывали охоты болѣе стоять за свои вольности, чѣмъ угождать Москвѣ, при томъ же у Выговскаго и старшинъ было много враговъ: они бы заговорили тогда громко и съ успѣхомъ. Понятно, что Булгакова ожидалъ не слишкомъ любезный пріемъ.

Уже на дорогѣ въ Конотопѣ онъ испыталъ непріятности. Онъ отправилъ сотника къ Гуляницкому извѣстить, что самъ онъ поѣдетъ къ гетману, а Байбаковъ уѣдетъ назадъ, и потому, какъ себѣ, такъ и Байбакову, просилъ провожатыхъ. Гуляницкій принялъ грубо сотника и объявилъ, что не дастъ Байбакову провожатыхъ. «Коли они оба посланы къ гетману, такъ пусть оба

и ѣдутъ, у меня нѣтъ приказа одного отпускать къ гетману, а другаго назадъ». Онъ также и Булгакову не хотѣлъ давать провожатыхъ на Кіевъ, какъ желалъ Булгаковъ.

Булгаковъ и Байбаковъ пошли сами къ Гуляницкому. Подтвердивъ тоже, что сказалъ сотнику, нѣжинскій полковникъ сказалъ: государь вашъ посылаетъ къ намъ, какъ будто мира хочетъ, а въ тоже время безпрестанно присылаетъ войска да подущаетъ своевольниковъ. Турки и Жиды лучше васъ; у Турка намъ лучше было бы, чѣмъ у Москалей.

Посланцы стали было оправдываться. Гуляницкій обругалъ ихъ матерною бранью и, между прочимъ, пригрозилъ Москалю Шведами! Ни гдѣ того не повелось, — сказалъ Булгаковъ, — чтобъ пословъ и посланниковъ невинно бранить.

Они уѣхали и 8-го января прибыли въ Переяславль: на дворѣ, гдѣ они пристали, тотчасъ появились драгуны въ нѣмецкомъ платьѣ и стали на караулѣ у дверей и у оконъ. Имъ объявили, что къ гетману ихъ не пустятъ, а будутъ они ждать его здѣсь, что въ городѣ первое лицо Немиричъ и проситъ ихъ къ себѣ обѣдать.

Немиричъ, человѣкъ европейскій, принялъ ихъ вѣжливо и пилъ съ ними за здоровье государя, что очень понравилось московскимъ гонцамъ. Еще болѣе они были довольны, когда увидали за столомъ плѣнныхъ земляковъ, бывшихъ воеводами, и узнали, что Немиричъ часто ихъ ласкаетъ и угощаетъ, да и вообще другимъ плѣннымъ посылаетъ хорошее кушанье. Они не утерпѣли, чтобъ не поблагодарить его и не обнадежить царскою милостью, которой Немиричъ никогда не искалъ. Но вѣжливость не помѣшала Немиричу потребовать отъ нихъ письма, которыя посылалъ Кравченко, и когда они отговаривались, что должны ихъ отдать тѣмъ, къ которымъ они написаны, Немиричъ послалъ къ нимъ асаула и приказалъ отнять у нихъ эти письма насильно.

10-го января прибылъ гетманъ, встрѣченный Немиричемъ съ большимъ почетомъ, съ пушечною пальбою. 13-го числа явились къ нему царскіе посланцы; они прошли посреди вооруженныхъ

рядовъ мушкетеровъ, одѣтыхъ по нѣмецки, и нашли Выговскаго въ свѣтлицѣ вмѣстѣ съ обознымъ, судьями и есаулами, и тамъ вручили ему грамоту отъ царя, проговоривъ обычныя формальности.

Когда грамота была прочтена вслухъ, Выговскій сказалъ:

Въ царской грамотѣ писано, чтобъ радѣ быть въ Переяславлѣ при ближнемъ бояринѣ князѣ Алексѣѣ Никитичѣ Трубецкомъ, при Василіѣ Борисовичѣ Шереметевѣ, да при окольничьемъ Григоріѣ Григорьевичѣ Ромодановскомъ и товарищи. Нѣтъ, мнѣ трудно съѣзжаться съ боярами. Знаю какой у нихъ умыселъ: хотятъ поймать гетмана и голову ему отсѣчь или языкъ вырѣзать, какъ сдѣлали кіевскимъ старцамъ. Лучше быть не то что въ подданствѣ, а даже въ полону у Турка, чѣмъ въ подданствѣ у Москалей. На Цибульникѣ или на Солоницѣ, пожалуй, съѣдемся. А посланниковъ моихъ за что бранили и разстрѣлять хотѣли въ Москвѣ? Чѣмъ посланники виноваты. Вотъ я надъ вами то-же сдѣлаю... прикажу васъ разстрѣлять. Вотъ еще въ грамотѣ пишется—тѣхъ карать, кто всему злу причиною: да и безъ рады можно знать, что всему причиною Шереметевъ да Ромодановскій. Зачѣмъ Василій Борисовичъ изъ Кіева съ ратными людьми прочь не выступаетъ, а Григорій Григорьевичъ за чѣмъ изъ черкасскихъ городовъ за рубежъ не уходитъ? Сверхъ того еще недавно приходилъ князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Куракинъ и много мѣстъ раззорилъ, и пришелъ въ Лохвицу на помочъ, а съ нимъ сложились своевольники, которыхъ бы всѣхъ казнить слѣдовало. Меня называютъ клятвопреступникомъ: нѣтъ, я не клятвопреступникъ; я ничего такого не сдѣлалъ: я присягалъ государю на томъ, чтобъ мнѣ быть въ подданствѣ, а не на томъ, чтобы быть въ городахъ нашихъ московскимъ воеводамъ, и чтобъ Москалямъ надъ нами пановать. Никогда этого не будетъ. Я теперь иду на войну, но не противъ государевыхъ ратныхъ людей, а противъ своевольниковъ, а кто за нихъ будетъ стоять, я и съ тѣми буду биться. Эти письма, что писалъ Кравченко, писаны по неволѣ; боясь смерти, писалъ онъ такъ, какъ велѣно было писать; и вы тоже будете дѣлать, когда я васъ заставлю.

Я служилъ государю вѣрно, еще когда былъ писаремъ—уговаривалъ гетмана Хмельницкаго и всю Малую Россію подвелъ подъ высокую руку его царскаго величества; а меня теперь называютъ измѣнникомъ и клятвопреступникомъ и безпрестанно даютъ своевольникамъ печатныя и писанныя грамоты, и велятъ имъ вчинать бунты. Вотъ что пишетъ бояринъ Василій Васильевичъ Шереметевъ. Принесите и прочтите тотъ листъ, который онъ написалъ ко всей черни и ко всему войску Запорожскому.

Прочитали грамоту Шереметева. Въ ней говорилось, что Выговскій забылъ страхъ Божій, отдаетъ Малую Россію Полякамъ, что Поляки хотятъ Малороссіянъ убивать, раззорять, поработить въ неволю, по прежнему владѣть Украиною, искоренить православную вѣру. Грамота оканчивалась словами: и вамъ бы памятуя свои присяги, къ Полякамъ не приставать и въ черкасскихъ городахъ жить имъ не давать и учинить вамъ надъ Поляки тожъ, какъ и напередъ сего вы Полякамъ учинили, сослився съ нами, а мы по вашей ссылкѣ помогать вамъ и за васъ стоять готовы.

Булгаковъ говорилъ на все это, что государь указалъ быть радѣ для усмиренія междоусобій и кровопролитія, а не для того, чтобъ гетмана поймать; что Кравченка никто не думалъ разстрѣлять, и ему въ Москвѣ нѣтъ никакого оскорбленія, что бояринъ Шереметевъ прибылъ въ Кіевъ по царскому указу, по челобитью казацкихъ посланцевъ, и если это имъ досадно, то они должны были просить государя смѣнить его, а не ходить на него войною, и что если Куракинъ прибылъ подъ Лохвицу, то это потому что Черкасы въ правдѣ не устояли, — а что будто своевольникамъ давались печатныя и писанныя грамоты завислыми печатьми, про то они не знаютъ.

Но всякія рѣчи и доводы были напрасны. Бывшая тамъ старшина говорила въ такомъ же духѣ, какъ гетманъ, и посланцы поняли, что отъ нихъ, какъ они выражались, обращенья не будетъ.

По возвращеніи въ свой дворъ, посланцы вели тайную бесѣду съ однимъ изъ караульныхъ драгуновъ. Всѣ эти драгуны у гет-

мана, объяснилъ онъ, не Нѣмцы, а Ляхи и поляшенные казаки. Когда драгуну дали подарокъ, онъ сообщилъ посланцамъ, что Выговскій собирается съ Ляхами и Нѣмцами выгнать Ромодановскаго и отнять Кіевъ отъ Шереметева, что у него теперь Ляховъ тысячи три, а скоро будетъ тридцать тысячъ; но какъ только явится большое царское войско, всѣ драгуны, кромѣ Ляховъ, отъ него отступятъ; и у него такая мысль, чтобъ, забравши съ собою сокровища Хмельницкаго, въ случаѣ опасности, бѣжать въ Польшу, и Юрась Хмельницкій про его умыселъ знаетъ.

Посланцамъ объявили, что гетманъ идетъ на войну подъ Лохвицу и велитъ вести ихъ съ собою, а отпуститъ изъ табора. Имъ оставалось покориться, и 16 числа ихъ повезли изъ Переяславля на подводахъ.

Когда они достигли села Бѣлоусовки, за тридцать верстъ отъ Лохвицы, приставъ объявилъ имъ, что гетманъ ихъ отпускаетъ, а грамоту его къ государю они получатъ въ дорогѣ на томъ станѣ, гдѣ придется имъ ночевать первый разъ.

Мы,—говорилъ Булгаковъ, —отдали великаго государя грамоту самому гетману, такъ пригоже было и гетману дать намъ листъ самому; нигдѣ того не водится, чтобъ листы присылались на станъ; вѣрно насъ отсылаютъ въ Чигиринъ, а не къ великому государю.

Приставъ побожился, что они поѣдутъ обратно въ Москву. Вамъ, сказалъ онъ,—у гетмана быть нельзя, потому что теперь къ нему пріѣзжаютъ мурзы и говорятъ съ нимъ о всякихъ дѣлахъ, да и ляшскій посолъ Беньовскій теперь у него; такъ вамъ тамъ быть не пригоже.

Они получили грамоту и подъ вооруженнымъ отрядомъ воротились опять черезъ Переяславль. Въ Переяславлѣ они имѣли случай услышать какъ относятся къ Москвѣ нѣкоторые духовные; кіевскій протопопъ, пришедши къ нимъ, выговаривалъ имъ, что государь присылаетъ пословъ какъ будто бы для мира, а бояринъ Шереметевъ дѣйствуетъ по непріятельски. Такихъ пословъ какъ вы, — сказалъ онъ, — слѣдовало бы изрубить.

Но за то въ Нѣжинѣ, и ѣдучи къ Выговскому и возвращаясь

отъ Выговскаго посланцы видѣлись съ Максимомъ Филимоновымъ, который увѣрялъ ихъ въ своей преданности царю, говорилъ, что отъ Выговскаго нельзя ожидать ничего, и просилъ удержать своего сына въ Москвѣ, а между тѣмъ онъ въ Украинѣ уже распускаетъ слухъ, что онъ пропалъ безъ вѣсти.

Грамота, присланная къ царю отъ гетмана, была написана съ рѣзкимъ заявленіемъ расторженія. Выговскій упрекалъ царя въ томъ, что онъ, гетманъ, много разъ слезно просилъ объ усмиреніи своевольниковъ, но не получая желаемаго, принужденъ былъ самъ ихъ усмирять, что когда уже все утихло, вступилъ въ Украину Ромодановскій и возбудилъ своевольниковъ снова раззорять и мучить людей, что гетманъ много разъ, желая избѣжать кровопролитія, писалъ къ царю, но не получалъ милостиваго царскаго слова, а между тѣмъ на казаковъ стали наступать Поляки, приглашать Турокъ и отговаривать Татаръ отъ союза съ казаками. «Видя такіе опалы—гласила въ концѣ эта грамота—мы рѣшились возвратиться къ прежнему нашему государю польскому королю, оградивъ свободу православной вѣры и восточныхъ церквей, но съ тѣмъ уговоромъ, чтобъ съ вашимъ величествомъ послѣдовало примиреніе. Не изволь, ваше царское величество, класть на насъ гнѣвъ за это, но какъ христіанскій царь, предотврати пролитіе христіанской крови; а если ваше царское величество будешь насылать на насъ свои рати, то прольется кровь и непріятель христіанской вѣры воспріиметъ радость. Объ этомъ пространнѣе скажетъ Григорій Булгаковъ, а мы желаемъ многолѣтняго царствованія вашему церскому величеству».

Выговскій рѣшился выступить на войну, но не противъ Великороссіянъ, а противъ Запорожцевъ: Запорожская Сѣчь объявляла себя рѣшительно противъ намѣреній гетмана. Запорожцы,—по словамъ современника,—ненавидѣли Выговскаго еще сильнѣе послѣ того, какъ онъ побратался съ Татарами и, слѣдовательно, не могъ одобрять обычныхъ запорожскихъ набѣговъ на татарскія поля и Черное море [1]),

---

[1]) Пам. Кіев. Ком., т. III. 223.

Запорожцы послали на помощь царскому войску сильный отрядъ подъ начальствомъ Силки. Силка явился въ Зиньковъ и началъ возбуждать восточную Украину противъ гетмана. Противъ этого-то отряда пошелъ Выговскій, стараясь не допустить до соединенія съ лохвицкимъ войскомъ какъ его, такъ и отряды, которые составлялись въ близкихъ мѣстечкахъ. Чтобъ Ромодановскій не ударилъ ему въ тылъ, гетманъ послалъ Немирича безпокоить его.

Немиричъ, 29-го января, подошелъ къ Лохвицѣ. Московское войско вышло противъ него, но начальники московской конницы были люди, — по увѣренію лѣтописца, — неопытные и не могли устоять противъ Немирича. Московитяне заперлись въ Лохвицѣ, и Немиричъ безпокоилъ и удерживалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока Выговскій расправился съ ихъ союзниками.

4-го февраля Выговскій осадилъ Миргородъ и послалъ въ городъ убѣжденіе отстать отъ Москвы и стоять вмѣстѣ за отечество, обѣщая никому не мстить. Миргородскій протопопъ, по имени Филиппъ, сталъ говорить за Выговскаго и такъ подѣйствовалъ своими рѣчами, что не только убѣдилъ миргородскихъ казаковъ, но и самъ Степанъ Довгаль склонился. Своевольство и грабежи, которые позволили себѣ великорусскіе ратные люди въ городѣ, раздражали Миргородцевъ; они отворили ворота и признали власть гетмана. Заклятый врагъ его, котораго взять онъ домогался такъ упорно, вмѣстѣ съ другими коноводами противной партіи, явился къ Выговскому, былъ имъ принятъ дружелюбно и повелъ вмѣстѣ съ ними своихъ казаковъ далѣе. Великорусскіе ратные люди, находившіеся въ Миргородѣ, были отпущены къ своимъ. Выговскій сталъ обращаться кротко вездѣ, гдѣ слушали его убѣжденій; мѣстечки и села, одно за другимъ, сдавались ему и переходили на его сторону. Великорусскіе воеводы боялись за самого Безпалаго, чтобъ и онъ не отказался отъ своего гетманства и не передался Выговскому. Куракинъ изъ Лохвицы поспѣшилъ послать въ Роменъ отрядъ ратныхъ пѣшихъ людей для защиты этого пункта новаго казацкаго управленія. Въ самомъ дѣлѣ, ставъ подъ Зинь-

ковымъ, Выговскій посылалъ къ Безпалому увѣщанія—отстать отъ Москвы и соединиться для общаго дѣла. Прочнаго и надежнаго не было ничего въ народномъ убѣжденіи: сдавшись легко на убѣжденія Выговскаго, Малороссіяне потомъ говорили великорусскимъ ратнымъ людямъ: «Пусть только придетъ сильное царское войско; мы будетъ помогать вамъ противъ Выговскаго». Зиньковъ упорствовалъ противъ гетмана; тамъ засѣли Запорожцы съ своимъ атаманомъ Силкою и впродолженіе четырехъ недѣль отражали Выговскаго [1]). Выговскій сталъ подъ Зиньковымъ.

Хотя грамота Выговскаго царю, присланная съ Булгаковымъ, показывала уже окончательное расторженіе, но въ Москвѣ хотѣли помириться съ гетманомъ, по крайней мѣрѣ, до поры до времени. Главное начальство поручено было боярину князю Алексѣю Никитичу Трубецкому. Сборное мѣсто назначено было въ Сѣвскѣ, куда бояринъ прибылъ 30-го января.

13-го февраля, Трубецкому доставленъ тайный наказъ, гдѣ ему поручалось устроить съ Выговскимъ мировую, а вслѣдъ за тѣмъ онъ получилъ восемнадцать экземпляровъ царской грамоты, возбуждающей Малороссіянъ противъ измѣнника и клятвопреступника Выговскаго, и по царскому приказанію, 18-го февраля послалъ Безпалому снаряды и ратныхъ людей на помощь. Въ тайномъ наказѣ Трубецкому, отъ 13-го февраля, предписывалось сойтись съ Выговскимъ и назначить раду въ Переяславлѣ, съ тѣмъ, чтобъ на этой радѣ были всѣ полковники и чернь, и эта рада должна была рѣшить споры. До собранія рады, бояринъ уполномочивался сдѣлать Выговскому широкія уступки,—если окажется надобность. Бояринъ долженъ былъ снестись съ Выговскимъ, и, прежде всего, по обоюдному согласію съ нимъ, Трубецкому слѣдовало развести своихъ ратныхъ людей, а Выговскому отпустить отъ себя Татаръ. Для предупрежденія, со стороны Выговскаго, недовѣрія, съ обѣихъ сторонъ слѣдовало учинить вѣру. Бояринъ, съѣхавшись съ Выговскимъ, именемъ

[1]) Лѣтоп. Велич. I, 365.

царя объявить ему забвеніе всего прошлаго, а гетманъ покажетъ ему статьи, постановленныя съ Поляками. Бояринъ согласится даровать гетману и всему казацкому войску такія же права и привилегіи, какія сулили казакамъ Поляки. Должно думать, содержаніе гадячскаго договора тогда еще было не вполнѣ извѣстно въ Москвѣ, ибо въ наказѣ дѣлается оговорка, что согласиться на подобный договоръ съ царемъ можно тогда только, когда въ этомъ договорѣ не окажется *высокихъ и затѣйныхъ статей,* которыя *не къ чести государева имени.* Московское правительство знало однако хорошо, какія выгоды вымогалъ отъ Поляковъ, по гадячскому договору, Выговскій лично себѣ и старшинѣ; оно понимало, что главные поводы склоненія къ Польшѣ заключаются въ личныхъ видахъ старшинъ, и потому щедро расточало дары свои. Гетману обѣщали дать прибавку на булаву; соглашались сдѣлать его кіевскимъ воеводою; его родственникамъ, пріятелямъ и вообще полковникамъ и всей старшинѣ рѣшали дать каштелянства и староства; обѣщали удалить Шереметева и не вводить ратныхъ людей въ Украину, а гетманъ долженъ будетъ оставаться въ подданствѣ и прервать союзъ съ Татарами. Всѣ такія обѣщанія, конечно, могли имѣть силу тогда только, когда на радѣ, которую Трубецкой созоветъ въ Переяславлѣ, народъ признаетъ гетманомъ Выговскаго; но если произойдетъ иначе, то Трубецкой долженъ былъ вручить булаву тому лицу, кого выберутъ чигиринское староство, какъ принадлежность гетманскаго уряда слѣдовало отдать и новому гетману

20-го февраля прибылъ изъ Москвы въ Сѣвскъ подъячій Старковъ, съ предложеніями къ Выговскому, и тотчасъ былъ отправленъ въ зиньковскій лагерь. Вслѣдъ за нимъ, Трубецкой съ войскомъ подвинулся ближе къ предѣламъ Украины и 1-го марта прибылъ въ Путивль. Съ тѣхъ поръ три недѣли шли переговоры, которыхъ подробности, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны. Трубецкой писалъ дружелюбныя письма къ Выговскому и уговаривался, какъ уладить мировую, но разсылалъ къ

народу воззванія—стоять крѣпко противъ измѣнника *Ивашки* и не склоняться на его прелестныя письма.

24-го марта пріѣхалъ отъ Выговскаго Старковъ съ извѣстіемъ, что Выговскій проситъ Трубецкаго съѣхаться съ нимъ для переговоровъ за десять верстъ отъ Ромна, но въ письмѣ къ Трубецкому не написано было ничего о такомъ свиданіи.

Отпустивъ Старкова въ Москву, Трубецкой, 26-го марта, отслужилъ молебенъ *грозному и страшному* Спасу, и двинулся со всѣмъ войскомъ въ Украину. Онъ написалъ въ Лохвицу къ Куракину, а въ Роменъ къ Безпалому, чтобъ сходились къ нему. 30-го марта явился Безпалый съ своими полковниками и эсаулами. Трубецкой объявилъ казакамъ, что пришелъ не для войны, а для усмиренія междоусобій и кровопролитія; обнадеживалъ ихъ царскою милостію, и приказывалъ писать въ города и мѣстечки, которые поддались увѣщаніямъ Выговскаго, чтобъ жители раскаялись и, по прежнему, обратились подъ самодержавную царскую руку. «Учини, гетманъ, крѣпкій законъ, подъ смертною казнію, своимъ полковникамъ и эсауламъ и всѣмъ казакамъ,—говорилъ Безпалому Трубецкой,—чтобъ они не дѣлали ничего дурного въ государевыхъ черкасскихъ городахъ: не били людей, не брали ихъ въ полонъ, не грабили и ничѣмъ не обижали, и не дѣлали бы имъ никакихъ насилій и раззореній, а государевымъ ратнымъ людямъ отъ меня заказано то же подъ смертною казнію». Безпалый обѣщалъ, и былъ отпущенъ въ Роменъ снова.

Наступилъ апрѣль. Отъ Выговскаго не было извѣстія. Приведенные въ великорусскій лагерь языки извѣщали, что гетманъ отступилъ отъ Зѣнькова и уѣхалъ въ Чигиринъ; а между тѣмъ Гуляницкій съ казаками и Татарами прибылъ въ Конотопъ и оттуда разсылалъ партіи, которыя нападали на великорусскія села около Путивля, Рыльска и Сѣвска, раззоряли ихъ, убивали и брали въ плѣнъ людей.

Пріѣхалъ изъ Москвы Кравченко. Трубецкой, призвавъ его къ себѣ, изложилъ ему поведеніе Выговскаго, и сказалъ:

«Скажи гетману и всѣмъ казакамъ, чтобъ они отстали отъ

своихъ неправдъ и остались подъ рукою великаго государя, по прежнему, безъ всякаго сомнѣнія; а если они не придутъ въ сознаніе и не станутъ бить челомъ государю о своихъ винахъ, то я иду съ ратными людьми, и что надъ ними учинится, то будетъ имъ не отъ меня, а отъ самихъ себя».

Кравченко поклялся, что будетъ уговаривать гетмана и полковниковъ.

«Мы,—сказалъ онъ,—посланы къ тебѣ, государю, отъ всей черни съ рады, и будемъ по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ выславлять премногую милость и жалованье великаго государя.

Въ концѣ марта Выговскій возвратился въ Чигиринъ. Наступила пасха. По тогдашнему обычаю, на праздникъ пасхи полковники и другіе чиновники съѣзжались къ гетману съ поздравленіемъ. Выговскій, пользуясь этимъ случаемъ, созвалъ ихъ на раду.

Выговскій не довѣрялъ московскимъ предложеніямъ: въ нихъ полагалось условіемъ — собрать раду. Выговскій опасался, что на этой радѣ стечется много недоброжелателей,—выберутъ другого гетмана, и бояринъ, который будетъ рѣшителемъ дѣла, нарушитъ всѣ данныя ему обѣщанія. Притомъ же московское правительство очевидно ему не довѣряло, и, предлагая мировую, дѣйствовало противъ него и соединялось съ его врагами. Онъ представилъ полковникамъ грозящую всѣмъ имъ бѣду; увѣрилъ, что Москали ихъ обманываютъ, и по общему приговору разослалъ по Украинѣ универсалъ. Гетманъ извѣщалъ въ немъ украинскій народъ о причинахъ, которыя побуждаютъ его призывать народъ къ оружію противъ московскихъ войскъ; онъ доказывалъ, что царскіе коммисары на виленской коммиссіи 1656 года постановили отдать Украину подъ польское владычество, какъ-только царь получитъ польскую корону; поэтому гетманъ и старшины разсудили, что гораздо лучше соединиться съ Польшею на правахъ вольной націи, чѣмъ быть отданными въ неволю. «Другая причина, — писалъ Выговскій, — побуждающая насъ отложиться отъ державы россійской, есть та, что мы освѣдомились несомнѣнно, что его царское величество прислалъ кня-

зю Григорью Григорьевичу Ромодановскому свою высокую грамоту, повелѣвающую истребить гетмана со всею старшиною, уничтожить всѣ права и вольности наши, оставить казаковъ только десять тысячъ, а весь остальной народъ украинскій сдѣлать вѣчными крестьянами и невольниками» [1]).

Этотъ универсалъ на первыхъ порахъ перепугалъ Украинцевъ на правой сторонѣ Днѣпра [2]); на лѣвой только переяславскій, прилуцкій, нѣжинскій и черниговскій полки держались Выговскаго [3]).

Между тѣмъ Трубецкой 10-го апрѣля въ Константиновскомъ соборѣ отслужилъ молебенъ «грозному и страшному Спасу» и двинулся на Конотопъ; въ то же время написалъ къ Безпалому въ Роменъ и въ Лохвицу къ Куракину, чтобъ съ обѣихъ сторонъ сходились къ нему для соединенія. 13-го апрѣля, на дорогѣ, присталъ къ нему Безпалый съ своими казаками; 16-го они достигли Конотопа, прогнали отрядъ, наблюдавшій за путемъ; 21-го явился къ нему князь Ѳедоръ Куракинъ съ Пожарскимъ и Львовымъ и со всѣмъ войскомъ, стоявшимъ въ Лохвицѣ. Малороссійскій лѣтописецъ пишетъ, что прилуцкій полковникъ Дорошенко хотѣлъ загородить Москвитянамъ дорогу, но товарищъ Ромодановскаго, отважный князь Семенъ Ивановичъ Пожарскій, поразилъ его подъ Срибнымъ. «Дорошенко,— говоритъ лѣтописецъ,—словно заяцъ бѣжалъ по болотамъ, спасаясь отъ гибели, а князь Пожарскій приказалъ перерѣзать всѣхъ жителей мѣстечка Срибного» [4]).

Въ конотопскомъ замкѣ было два полковника,—нѣжинскій и черниговскій, съ своими полками, всего до четырехъ тысячъ человѣкъ. Прежде приступа, Трубецкой написалъ къ Гуляницкому письмо, извѣщалъ, что присланъ для успокоенія междоусобій и для прекращенія кровопролитія; убѣждалъ вспомнить еди-

---

1) Лѣт. Велич. I, 366—397.
2) Ibid. 367.
3) Лѣт. Сам. 31.—Лѣт. Велич. I, 367, 372.
4) Лѣт. Велич. I, 372.

ную православную вѣру и царскую милость, отстать отъ неправдъ, бить челомъ въ винахъ своихъ и выслать добрыхъ и знатныхъ людей для переговоровъ.

Вмѣсто отвѣта изъ города раздались выстрѣлы изъ пушекъ и ружей.

«Мы сѣли на-смерть! — закричали казаки: — не сдадимъ города!»

Тогда Трубецкой приказалъ стрѣлять по городу и въ городъ.

Соединенное великорусское войско принялось осаждать Гуляницкаго. Съ 21-го апрѣля до 29-го іюня длилась эта осада; многочисленное великорусское войско подъ командою Трубецкаго осаждало четыре тысячи Нѣжинцевъ и Черниговцевъ—и не взяло ихъ. Замокъ былъ окруженъ глубокимъ рвомъ и высокимъ валомъ. Нѣсколько дней, безъумолку, гремѣли пушки, летали гранаты въ городъ, ратные люди рыли подкопы; 28-го апрѣля, передъ разсвѣтомъ, отпѣвши молебенъ, все войско полѣзло на приступъ. Все было напрасно: не зажигался замокъ отъ гранатъ, перерваны были подкопы; Московскіе люди успѣли было взобраться на стѣны, но, отбитые съ урономъ, возвратились съ приступа; и осажденные съ высокихъ валовъ отвѣчали осаждающимъ ядрами и картечью такъ мѣтко, что нанесли имъ гораздо болѣе вреда, чѣмъ сами претерпѣли. Московскіе стрѣльцы и пушкари только даромъ тратили «государево зелье», какъ называли они порохъ. Трубецкой задумалъ иной родъ войны: онъ хотѣлъ засыпать ровъ, окружавшій замокъ, но казаки частыми выстрѣлами прерывали работу, дѣлали смѣлыя вылазки, спускались въ ровъ и уносили землю, накиданную туда Великороссіянами, на свой валъ: такимъ образомъ, ровъ оставался такъ же глубокъ, какъ и прежде, а валъ дѣлался выше, и казацкія ядра поражали осаждающихъ еще удачнѣе. Прошло нѣсколько недѣль [1]). Наскучивъ осадою, Трубецкой послалъ Ромодановскаго и Скуратова къ Борзнѣ. 12-го мая Московскіе люди напали на

[1]) Лѣт. Самов. 31.—Ист. Мал. Росс. II, 36—37.

Борзну. Начальствовавшій борзенскими казаками, Василій Золотаренко, шуринъ Богдана Хмельницкаго, былъ разбитъ; Борзна была взята и сожжена; много жителей истреблено,—женъ и дѣтей казацкихъ привели плѣнными подъ Конотопъ и отправили въ Великороссію. 21-го мая, по тайному письму неизмѣннаго благопріятеля московской стороны, протопопа Филимонова, Ромодановскій, Куракинъ и казаки, подъ начальствомъ Безпалаго, двинулись къ Нѣжину. Нѣжинцы сдѣлали вылазку; Великороссіяне прогнали ихъ въ городъ, но на другой сторонѣ стояло большое войско, состоявшее изъ Сербовъ, Поляковъ, Татаръ; Великороссіяне пошли на нихъ, произошелъ бой,— Татары отступили; въ плѣнъ попался казацкій предводитель Скоробогатенко, наказный гетманъ. Однако князь боялся преслѣдовать Татаръ, предполагая, что они нарочно заманиваютъ его за собою въ погоню, чтобъ навести на большое войско, и воротился къ Трубецкому вести осаду [1]).

Не зная, гдѣ Выговскій и что съ нимъ дѣлается, Трубецкой 4-го іюня рѣшился еще разъ попытаться прекратить кровопролитіе мирными средствами. Онъ отправилъ донскихъ казаковъ съ письмомъ отыскивать его: по прежнему бояринъ предлагалъ мятежному гетману миръ и просилъ прислать теперь знатныхъ людей для разговора. До 27-го іюня не было ни слуха, ни духа о Выговскомъ.

Выговскій не помогалъ Гуляницкому, потому что дожидался хана; казаковъ, державшихся его партіи, было только шестнадцать тысячъ. Махметъ-Гирей явился не ранѣе 24-го іюня, съ тридцатью тысячами ордынцевъ [2]). Первое свиданіе его съ гетманомъ было на Крупичъ-полѣ. Союзники утвердили свою дружбу взаимною торжественною присягою: гетманъ съ старшинами присягнулъ отъ лица всей Украины,—полковники присягали за свои полки, сотники за свои сотни; потомъ ханъ, султаны и мурзы присягали по своему закону—не отступать отъ казаковъ

2) Лѣт. Самов., 31.
1) Ann. Polon, Clim. II, 377.

и помогать противъ Московитянъ, пока не изгонятъ изъ Украины московскихъ войскъ [1]). У Выговскаго, сверхъ того, было нѣсколько тысячъ наемныхъ войскъ — Сербовъ, Волоховъ, но преимущественно—Поляковъ [2]).

Соединенное казацкое и татарское войско выступило къ Конотопу. Подъ Шаповаловкою встрѣтился съ ними московскій отрядъ, посланный для взятія языковъ. Произошло сраженіе; Великоруссы были разбиты на-голову, и этотъ первый успѣхъ ободрилъ казаковъ [3]).

Въ числѣ плѣнниковъ былъ Силка, храбрый защитникъ Зиньковa, котораго Выговскій приказалъ приковать къ пушкѣ [4]).

Плѣнники высказали положеніе войска подъ Конотопомъ и прибавили, что полководцы вовсе не дожидаются прихода непріятелей. Въ самомъ дѣлѣ, воеводы не имѣли никакого свѣдѣнія о томъ, что непріятель былъ такъ близко отъ нихъ [5]).

Союзникамъ оставалось до Конотопа пятнадцать верстъ; тутъ надобно было переправляться чрезъ болотистую рѣку Сосновку. Выговскій осмотрѣлъ мѣстность: она показалась ему такова, что сраженіе, данное на ней, могло кончиться совершеннымъ пораженіемъ одного изъ враждебныхъ войскъ. Казаки могли надѣяться на побѣду, потому что у нихъ было время устроить свое войско выгоднымъ образомъ; надобно было только заманить Московитянъ.

Выговскій расположилъ свое казацкое войско на широкомъ лугу, въ закрытомъ мѣстѣ [6]), и отдалъ начальство надъ войскомъ Стефану Гуляницкому, брату осажденнаго въ Конотопѣ, а самъ, отобравъ себѣ небольшой отрядъ, пригласилъ съ собой

---

1) Лѣт. Самов. 31.—Лѣт. Малор.

2) Ann. Polon. Clim. II, 377.—Лѣт. Сам. 32.—Лѣт. Велич. I, 373—Лѣт. пов. о Мал. Рос. II, 20.—Ист. Мал. Росс. II, 38.

3) Лѣт. Велич. I, 373.

4) Лѣт. Самов. 31.—Лѣт. Малор.

5) Gründliche und wahrhaftige Relation von dem glüklichen Siege, etc.

6) Лѣт. Велич. I, 373.

султана Нураддина и переправился на другую сторону рѣки Сосновки, съ намѣреніемъ напасть въ тылъ на осаждающихъ, потомъ побѣжать, заманить за собою московскихъ людей и навести ихъ на оставшееся казацкое войско; ханъ съ Ордою отправился вправо на урочище Торговицу, верстъ за десять, съ цѣлью ударить въ другой разъ въ тылъ непріятелю, когда Выговскому удастся его вывести [1]).

27-го іюня, во вторникъ, Выговскій переправился черезъ рѣку и внезапно ударилъ въ тылъ осаждавшимъ конотопскій замокъ. Неожиданное появленіе непріятеля смѣшало Великороссіянъ: въ тревогѣ, они побѣжали, и казаки захватили много лошадей у конницы, которая въ попыхахъ не успѣла вскочить на нихъ во-время. Но въ нѣсколько часовъ московскіе люди поправились, — воеводы замѣтили, что у Выговскаго войска, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ меньше, чѣмъ у нихъ. Пожарскій ударилъ на казаковъ, — они повернули назадъ и убѣжали за Сосновку.

Настала ночь. Нѣсколько казаковъ было взято въ плѣнъ, другіе добровольно явились служить царю.

«Неужели у Выговскаго всего-на-все столько войска, сколько было здѣсь?»—спросилъ ихъ Пожарскій.

«Нѣтъ,—отвѣчали казаки,—не гонись, князь, за нимъ: онъ нарочно заманиваетъ васъ въ засаду. Съ нимъ много казаковъ, и самъ ханъ съ Ордою, а съ ханомъ славные воины: султаны Нураддинъ и Калга̀, мурзы Дзяма̀нъ-Сайда̀къ и Шури-бей.

«Давай ханишку!—закричалъ Пожарскій:—давай Нураддина, давай Калгу, давай Дзяма̀нъ-Сайда̀ка! Всѣхъ ихъ боденыхъ матерей вырубимъ и выплѣнимъ!

Напрасно Трубецкой останавливалъ Пожарскаго. Отважный князь не послушался. «Онъ, — говоритъ лѣтописецъ, — слишкомъ вѣрилъ въ свою непобѣдимость послѣ удачи подъ Срибнымъ». 28-го іюня рано, Пожарскій съ тридцатью тысячами переправился за Сосновку [2]). Другая половина войска, подъ на-

[1]) Лѣт. Самов. 32.

[2]) Лѣт. Велич. I, 374.

чальствомъ Трубецкаго, оставалась подъ Конотопомъ; при ней былъ Безпалый съ казаками [1]).

Перешедши черезъ Сосновку, московскіе люди ставили батареи, устраивались въ боевой порядокъ. Выговскій не препятствовалъ имъ. Но въ то время, когда Великоруссы приписывали это бездѣйствіе казаковъ трусости, пять тысячъ Украинцевъ, подъ командой Степана Гуляницкаго, рыли извилинами ровъ по направленію къ широкому мосту, по которому прошло московское войско. Какъ-только они отвели свои работы близко къ московскому войску и могли быть имъ замѣчены, Выговскій сдѣлалъ нападеніе, но послѣ первыхъ отвѣтныхъ выстрѣловъ побѣжалъ. Пожарскій, увѣренный, что казаки трусятъ передъ его доблестью, бросился за ними. Выговскій отступилъ еще далѣе... Все московское войско снялось съ своей позиціи, съ жаромъ преслѣдовало казаковъ и удалилось на значительное разстояніе отъ моста.

Тѣмъ временемъ казаки, быстро копавшіе ровъ, очутились въ тылу московскаго войска, бросились на мостъ, изрубили его и остатками его запрудили мелководную рѣку: вода начала разливаться по вязкому лугу. Это неожиданное явленіе подало Гуляницкому мысль нетолько преградить московскимъ людямъ обратный путь чрезъ Сосновку, но затруднить имъ ходъ по лугу. По его приказанію, казаки разсѣялись по болоту: одни косили траву и камышъ, другіе рубили тальникъ и лозу, и бросали въ воду. Въ нѣсколько минутъ рѣка была запружена, и вода разливалась во всѣ стороны.

Увидѣвши позади себя казаковъ, Великоруссы перестали гнаться за Выговскимъ и обратились назадъ; тогда въ свою очередь погнались за ними бѣжавшіе казаки, и вдругъ московскіе люди были оглушены страшнымъ крикомъ и свистомъ: Орда съ ханомъ и воинственными мурзами порывисто летѣла прямо на лѣвое крыло московскаго войска. Московскіе люди хотѣли удержать напоръ, но Выговскій съ казаками и наемнымъ войскомъ уда-

---

[1]) Ист. Мал. Рос. 38.

рилъ на нихъ съ правой стороны. Московскіе люди, стѣсненные съ боковъ, подались назадъ...

Но назадъ имъ не было ходу; вода, разлившись по лугу, превратила его въ болото; не двигались московскія пушки; погрязли по брюхо московскія лошади; московскіе люди пустились было бѣжать пѣшкомъ, но идти было также невозможно [1]). «Развѣ тотъ могъ убѣжать, — говоритъ лѣтописецъ, — у кого были крылатые кони» [2]).

Напрасно рвался изо всѣхъ силъ Пожарскій, напрасно хотѣлъ выбраться на сухое мѣсто [3]): тридцать тысячъ вѣрныхъ царю Русскихъ погибло въ этотъ ужасный день. Татары не жалѣли ихъ, потому-что съ простыхъ нельзя было надѣяться окупа; а казаки были ожесточены противъ этого войска, которое, по увѣренію Выговскаго и старшинъ, приходило будто бы для того, чтобы уничтожить ихъ права и обращать ихъ самихъ въ невольниковъ.

Пожарскій былъ схваченъ и приведенъ къ Выговскому. Князь рѣзко началъ говорить ему за измѣну царю, и Выговскій отослалъ его къ хану.

Повелитель правовѣрныхъ сказалъ ему чрезъ толмача:

«Ты слишкомъ безразсуденъ, князь, и легкомысленъ; ты осмѣлился не страшиться нашихъ великихъ силъ, и теперь достойно наказанъ, ибо чрезъ твое легкомысліе погибло столько храбраго и невиннаго московскаго войска!»

Князь Пожарскій, — говоритъ лѣтописецъ, — не посмотрѣлъ, что былъ въ плѣну, но въ отвѣтъ на ханское замѣчаніе угостилъ ханскую мать эпитетомъ, неупотребительнымъ въ печатномъ словѣ, и плюнулъ хану въ глаза. Разъяренный ханъ приказалъ отрубить ему голову предъ своими глазами. «Отозвалось ему, — говоритъ украинскій лѣтописецъ, — истребле-

---

[1]) Ann. Pol. Cl. II, 380-381.—Лѣт. Велич. I, 375. Hist. pan. Jan Kaz. II, 24.

[2]) Лѣс. Велич. I, 375.

[3]) Hist. pan. Jan. Kaz. II, 25.

ніе невинныхъ жителей Срибного» [1]). Вмѣстѣ съ нимъ ханъ въ ярости приказалъ изрубить и другихъ знатныхъ плѣнниковъ; въ числѣ ихъ былъ сынъ знаменитаго Прокопья Ляпунова, Левъ, двое Бутурлиныхъ и нѣсколько полковниковъ. Пожарскій явилъ себя настоящимъ великорусскимъ народнымъ молодцомъ. Народная память оцѣнила это и передала его подвигъ потомству въ пѣснѣ [2]).

29 іюня вышелъ Гуляницкій съ своими Нѣжинцами и Черниговцами изъ двѣнадцати-недѣльнаго заключенія. Въ отрядѣ его оставалось тогда только двѣ тысячи пятьсотъ человѣкъ [3]).

2 іюля князь Трубецкой сталъ отступать, переправился черезъ рѣку съ большими неудобствами; многіе утонули во время переправы.

---

[1]) Лѣт. Велич. I, 375.

[2]) За рѣкою, переправою, за деревнею Сосновкою,
Подъ Конотопомъ подъ городомъ, подъ стѣною бѣлокаменной,
На лугахъ, лугахъ зеленыхъ,
Тутъ стоятъ полки царскіе,
Все полки государевы,
Да и роты были дворянскія.
А издалеча, изъ чиста поля,
Изъ того ли изъ раздолья широкаго,
Кабы черные вороны табуномъ табунилися, —
Собирались, съѣзжались Калмыки со Башкирцами,
Напущалися Татарове на полки государевы;
Они спрашиваютъ Татарове
Изъ полковъ государевыхъ себѣ супротивника.
А изъ полку государева сопротивника
Не выбрали ни изъ стрѣльцовъ, ни изъ солдатъ молодцовъ.
Втапоры выѣзжалъ Пожарскій князь, —
Князь Семенъ Романовичъ,
Онъ бояринъ большой словетъ, Пожарской князь, —
Выѣзжалъ онъ на вылазку
Сопротивъ Татарина и злодѣя наѣздника:
А Татаринъ у себя держалъ въ рукахъ копье острое,
А славной Пожарской князь
Одну саблю острую во рученькѣ правыя.
Какъ два ясные соколы въ чистомъ полѣ слеталися,
А съѣзжались въ чистомъ полѣ

[3]) Лѣт. Самов., 32.

Побѣдители погнались за нимъ, но Трубецкой окопался и отразилъ напоръ непріятеля; самъ Выговскій былъ въ опасности: осколокъ ядра ранилъ его лошадь и задѣлъ кафтанъ [1]). Трубецкой дошелъ до рѣки Семи, въ десяти верстахъ отъ Путивля; но далѣе не могъ обороняться, и ушелъ къ Путивлю. Выговскій отказывался преслѣдовать войско московское на московской землѣ. Напрасно Поляки, служившіе у Выговскаго на жалованьѣ, изъ мести за Гонсѣвскаго, только-что передъ тѣмъ, въ мирное время, схваченнаго Хованскимъ въ Вильнѣ, упрашивали его; напрасно ханъ убѣждалъ гетмана [2]): Выговскій показывалъ видъ, что поднялъ оружіе только для того, чтобы изгнать изъ Украины московское войско, причиняющее бѣдствія народу и раззореніе краю, а вовсе не намѣренъ вести войны съ царемъ и великорусскимъ народомъ. «Вѣроятно, — замѣчаетъ польскій историкъ, — «онъ боялся, чтобъ казаки не отпали отъ него, если онъ выйдетъ изъ Украины» [3]).

Пожарской бояринъ съ Татариномъ.
Помогай Богъ князю Семену Романовичу Пожарскому —
Своей саблей острою онъ отводилъ остро копье татарское,
И срубилъ ему голову что Татарину наѣзднику,
А завыли злы Татарове поганые:
Убилъ у нихъ наѣздника, что ни славнаго Татарина.
А злы Татарове крымскіе, они злы, да лукавые,
Подстрѣлили добра коня у Семена Пожарскаго,
Падаетъ окорачь его доброй конь.
Возкричитъ Пожарской князь во полки государевы:
«А и вы солдаты новобранные, вы стрѣльцы государевы!
Подведите мнѣ добра коня, увезите Пожарскаго;
Увезите во полки государевы».
Злы Татарове крымскіе, они злы да лукавые,
А металися грудою, полонили князя Пожарскаго,
Увезли его во свои степи крымскія
Къ своему хану крымскому — деревенской шишиморѣ.
Его сталъ онъ допрашивать:
«А и гой еси, Пожарской князь,
Князь Семенъ Романовичъ!

[1]) Gründl. Relation.
[2]) Hisr. pan. Jana Kaz. I, 26 — Ann. Polon. Clim. II, 381.
[3]) Dzieje pan. Jana Kaz. I, 196.

Выговскій отступилъ къ Гадячу [1]) и отослалъ къ Іоанну-Казимиру взятое у Москвитянъ большое знамя, барабаны и пушки [2]); малороссійскихъ плѣнныхъ по царскому указу воеводамъ велѣно было оставлять у тѣхъ ратныхъ великорусскихъ людей, которые ихъ возьмутъ въ плѣнъ. Только тѣхъ, которыхъ захватили въ Борзнѣ 30 чел. съ семьями, выдали на обмѣнъ шестидесяти-шести московскихъ ратныхъ людей, по предложенію сотника Петра Забѣлы, котораго жена была въ числѣ захваченныхъ Борзнянъ. Выговскій, въ теченіе трехъ недѣль не могъ взять Гадяча, который защищалъ храбрый полковникъ Павелъ Охраменко. Ханъ съ ордою удалился въ Крымъ, но нѣсколько татарскихъ загоновъ разсыпались по московской землѣ. Разомъ съ ними пустились и охочіе казаки. Такъ какъ въ пограничныхъ московскихъ земляхъ населеніе было малороссійское, то воеводы боялись, чтобъ оно не взбунтовалось по призыву своихъ соотечественниковъ; переселенцы хотя и нашли себѣ пріютъ на при-

---

Послужи ты мнѣ вѣрою, да ты вѣрою-правдою,
Заочью неизмѣною;
Еще какъ ты царю служилъ, да царю своему бѣлому,
А и такъ-то ты мнѣ служи, самому хану крымскому, —
Я вѣдь буду тебя жаловать златомъ и серебромъ
Да и женки прелестными, и душами красными дѣвицами».
Отвѣчаетъ Пожарской князь самому хану крымскому:
«А и гой еси крымской ханъ — деревенской шишимора!
Я бы радъ тебѣ служить, самому хану крымскому,
Кабы не скованы мои рѣзвы ноги,
Да не связаны бѣлы руки во чембуры шелковые,
Кабы мнѣ сабелька острая!
Послужилъ бы тебѣ вѣрою на твоей буйной головѣ,
Я срубилъ бы тебѣ буйну голову!»
Вскричитъ тутъ крымской ханъ — деревенской шишимора:
«А и вы, Татары поганые!
Увезите Пожарскаго на горы высокія, срубите ему голову,
Изрубите его бѣло тѣло во части во мелкія,
Разбросайте Пожарскаго по далече чисту полю».
Кабы черные вороны закричали, загайкали, —
Ухватили Татарове князя Семена Пожарскаго.

[1]) Лѣт. Самов. 32.

[2]) Полн. Собр. Зак. I, 488, — Ист. Мал. Рос. II, 38.

вольныхъ украинныхъ степяхъ московскаго государства, но не любили Москалей. Въ этихъ видахъ князь Трубецкой отправилъ и Выговскому гонцовъ съ грамотою, въ которой предлагалъ устроить мировую и съ этою цѣлію, прекративъ войну, прислать людей для переговоровъ. Трубецкой объявилъ, что московское войско приходило подъ Конотопъ совсѣмъ не для военныхъ дѣйствій, а для разговора и усмиренія домоваго кровопролитія. Гетманъ отвѣчалъ, что онъ радъ помириться и предлагалъ выслать съ обѣихъ сторонъ уполномоченныхъ по три или четыре человѣка въ Батуринъ.

«А что вы пишете, что подъ Конотопъ не войною приводили — писалъ Выговскій — но для разговору и усмиренія домоваго междоусобія, то какая ваша правда? Кто видалъ, чтобъ съ такими великими силами и съ такимъ великимъ народомъ на разговоръ кто смѣлъ приходить? Лучше Богу, который вѣсть сердца людскія, вину принести и вызнати, что вы на искоре-

---

Повезли его Татарове они на гору высокую,
Сказнили Татарове князя Семена Пожарскаго, —
Отрубили буйну голову,
Изсѣкли бѣло тѣло во части во мелкія,
Разбросали Пожарскаго по далече чисту полю;
Они сами уѣхали къ самому хану крымскому.
Они день, другой нейдутъ, никто не провѣдаетъ.
А изъ полку было государевы казаки двое выбрались,
Эти двое казаки молодцы,
Они на гору пѣшкомъ пошли,
И взошли ту-то на гору высокую,
И увидѣли тѣ молодцы: — то вѣдь тѣло Пожарскаго:
Голова его по себѣ лежитъ, руки, ноги разбросаны,
А его бѣло тѣло во части изрублено
И разбросано по раздолью широкому,
Эти казаки молодцы его тѣло собрали
Да въ одно мѣсто складывали;
Они сняли съ себя липовый лубъ,
Да и тутъ положили его,
Увязали липовый лубъ накрѣпко,
Понесли его, Пожарскаго, къ Конотопу ко городу.
Въ Конотопѣ городѣ пригодился тамъ епископъ быть.
Собиралъ онъ, епископъ, поповъ и дьяконовъ

неніе наше съ великими ратьми пришли. Но какъ Богъ неправдивымъ не помогаетъ, то лучше больше не имѣть такихъ умысловъ!»—Прощаясь съ гонцами, которыхъ хотя и приглашалъ обѣдать, но держалъ подъ стражею, Выговскій сказалъ: Ханъ пошелъ съ ордою въ московскіе города и дойдетъ до Москвы.

Выговскій отступилъ отъ Гадяча въ Чигиринъ и задумывалъ выгнать Шереметева изъ Кіева, а между тѣмъ продолжалъ сноситься съ Трубецкимъ. Послѣдній, получивъ его грамоту изъ подъ Гадяча, посылалъ къ нему и предлагалъ отправить посольство къ царю. Выговскій, не отказываясь, по видимому, отъ примиренія, всѣми средствами старался вооружить народъ противъ Москалей. Его союзникъ ханъ посылалъ къ Малороссіянамъ грамоту, увѣщевающую отступить отъ Москалей, обѣщалъ свою помощь, покровительство и заступничество предъ Выговскимъ, котораго назвалъ своимъ братомъ, ханскій визирь Шефергази также писалъ и совѣтовалъ послушаться крымскаго повелителя. Такого рода писанія, обращенныя къ полтавскому полку, перехвачены были и доставлены въ Москву Безпалымъ, вмѣстѣ съ воззваніемъ отъ войсковой старшины, писаннымъ къ Кирику Пушкаренку и всѣмъ казакамъ его полка. Должно быть, однако, такія увѣщанія доходили до Кирика и возъимѣли свое дѣйствіе. По крайней мѣрѣ вслѣдъ затѣмъ Кирикъ былъ лишенъ полковничьяго уряда и посаженъ казаками подъ стражу, а вмѣсто него выбранъ полковникомъ Өедоръ Жученко. Съ одной стороны

И церковныихъ причетниковъ,
И тѣмъ казакамъ, удалымъ молодцамъ,
Приказалъ обмыть тѣло Пожарскаго.
И склали его тѣло бѣло въ домовище дубовое,
И покрыли тою крышкою бѣлодубовою;
А и тутъ люди дивовалися,
Что его тѣло въ мѣсто сросталося.
Отпѣвавши надлежащее погребеніе,
Бѣло тѣло его погребли во сыру землю,
И пропѣли пѣтье вѣчное
Тому князю Пожарскому *)

*) Древн. стих., собр. Киршею Даниловымъ.

успѣхи Выговскаго подавали надежду на торжество его партіи, съ другой своевольства московскихъ ратныхъ людей, возбуждали въ народѣ раздраженіе противъ Москалей. Но рѣшительный и жестокій Шереметевъ навелъ страхъ на окрестности Кіева. По его приказанію, товарищи его, князь Юрій Борятинскій и Чаадаевъ, сожгли и истребили до тла мѣстечка Гоголевъ, Воронковъ, Триполье, Стайки, Макаровъ, Горностай-поле и много другихъ мѣстечекъ, селъ и хуторовъ: всѣ жители безъ различія были умерщвляемы; Малороссіяне увидали, что Москаль силенъ и страшенъ, и стали склоняться къ покорности.

XIV.

Въ Варшавѣ весною былъ сеймъ. Собранные чины Рѣчи-Посполитой разсуждали о своихъ дѣлахъ и съ нетерпѣніемъ ожидали казаковъ. Явились наконецъ и послы отъ новосозданнаго Великаго Княжества Русскаго. Изъ генеральныхъ старшинъ прибыли Носачъ и Груша, полковникъ Лѣсницкій, опять начальствовавшій миргородскимъ полкомъ; отъ полковъ были присланы по два сотника; сверхъ-того была съ ними толпа знатныхъ казаковъ, — всего человѣкъ до двухъ-сотъ. Юрій Немиричъ, посолъ отъ Кіева, и Прокопъ Верещака — отъ Чернигова, были на челѣ посольства.

Въ день, назначенный для торжественнаго ихъ пріема въ сенатской залѣ, сидѣлъ король посреди сенаторовъ. Вошли русскіе послы; впереди шелъ Немиричъ, и, остановясь, произнесъ рѣчь, въ которой, послѣ риторическаго приступа, говорилъ такъ:

«Мы являемся въ настоящій день предъ престоломъ его королевскаго величества, предъ собраніемъ всей Рѣчи-Посполитой, послами свѣтлѣйшаго и благороднѣйшаго гетмана всего Войска Запорожскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлаго русскаго народа, признать предъ лицомъ цѣлаго міра, передъ грядущими вѣками, его величество повелителемъ свободныхъ народовъ Рѣчь-Посполитую и корону польскую — нашею отчизною и ма-

терью. Держава вашего величества во всемъ свѣтѣ славится свободою и подобна царству Божію, гдѣ какъ огненнымъ духамъ, такъ и человѣческому роду, даются божескіе и человѣческіе законы, съ сохраненіемъ ихъ свободной воли безъ малѣйшаго нарушенія, на всѣ времена отъ сотворенія міра. Пусть другія государства и державы славятся своимъ теплымъ климатомъ, стеченіемъ земныхъ богатствъ, избыткомъ золота, драгоцѣнныхъ перловъ и камней, роскошью жизни; пусть красуются передъ цѣлымъ свѣтомъ, подобно дорогимъ камнямъ, оправленнымъ въ золотые перстни: ихъ народы не знаютъ истинной свободы; забывая, что одарены отъ Бога свободною волею, они живутъ какъ-будто въ золотой клѣткѣ, и должны оставаться рабами чужаго произвола и желанія. Въ цѣломъ свѣтѣ нельзя найдти такой свободы, какъ въ польской коронѣ. Эта неоцѣнимая, несравненная свобода и ничто другое — привлекаетъ насъ теперь къ соединенію съ вами: мы рождены свободными, въ свободѣ воспитались и свободно обращаемся къ равной свободѣ. За нее, за честь достоинства вашего величества, за благосостояніе всеобщаго отечества, готовы положить жизнь нашу. На ней да созиждется наше неразрывное единство, какъ и на сходствѣ религіи, жизни и правъ нашихъ народовъ; свобода и братское равенство да будетъ основою нашего соединенія для потомковъ нашихъ! Государства поддерживаются тѣми же средствами, какими создаются (nam regna qnibus mediis fundantur, iisdem et retinentur). Быть можетъ, всесильная рука устрояла наше соединеніе для того, чтобъ другіе народы послѣдовали нашему примѣру, преклонились предъ вашимъ величествомъ, обняли и облобызали этотъ драгоцѣнный талантъ и клейнодъ польской короны. Да возрастаетъ Рѣчь-Посполитая великою и могущественною державою, Божіимъ благословеніемъ, счастливымъ царствованіемъ и попеченіемъ вашего величества и благоустройствомъ соединенныхъ земель. Съ нашимъ подданствомъ приносимъ мы вашему величеству, королю и государю, наши просьбы и желанія, въ которыхъ мы не могли быть удовлетворены посредствомъ коммиссаровъ; только королевское величество и Рѣчь-По

сполитая могутъ дать этому дѣлу совѣтъ, окончательно рѣшить возникшіе вопросы, успокоить озабоченные умы вѣрныхъ подданныхъ его величества, и кроткою королевскою десницею привлечь ихъ всецѣло къ себѣ въ объятія.

«Мы не надѣемся, чтобъ нашелся кто нибудь въ Рѣчи-Посполитой, кто бы сталъ смотрѣть на насъ съ завистью и недоброжелательствомъ: благородныя души свободны отъ этого порока, а низкія обыкли скрывать свои постыдныя побужденія!»

Собраніе наградило оратора рукоплесканіемъ. Онъ остановился на минуту, потомъ продолжалъ:

«Вотъ блудный сынъ возвращается къ своему отцу... Да приметъ его отецъ поцѣлуемъ мира и благословенія! Да возложитъ золотой перстень на палецъ его, да облечетъ его въ нарядныя одежды, да заколетъ упитаннаго тельца и да возвеселится съ нимъ на зависть другимъ! Обрѣтается потерянная драхма, возвращается овца къ пастырю, обрѣтшему ее: да возложитъ онъ ее на рамена свои и понесетъ, и возрадуется великою радостію! Не тысячи,—милліоны душъ стремятся къ подданству его величеству и всей Рѣчи-Посполитой! Радуйся, наияснѣйшій король! Твоимъ счастіемъ, вѣрностію и трудомъ совершилось это дѣло! Радуйся, наияснѣйшая королева, прилагавшая свою заботу объ этомъ дѣлѣ! Примите эту богатую землю, этотъ плодоносный Египетъ, текущій млекомъ и медомъ, обильный пшеницею и всѣми земными плодами, эту отчизну воинственнаго и древлеславнаго на морѣ и на сушѣ народа Русскаго! Радостно восклицаемъ отъ полноты души: vivat feliciter serenissimus rex Johannes Casimirus! vivat respublica Polona!»

Эта рѣчь показалась очень мудрою. Оратору отвѣчали:

«Наияснѣйшему королю и всей Рѣчи-Посполитой невыразимо пріятно видѣть васъ, нѣкогда свирѣпыхъ мятежниковъ, нынѣ вѣрныхъ подданныхъ отечества. Благо вамъ, что вы измѣнили старую ненависть къ Польшѣ и желаніе погубить насъ на искреннее расположеніе къ матери вашей — отчизнѣ, и желаете снова вступить съ нами въ соединеніе, отъ котораго оторвали васъ старшины».

Поданы были пункты, и послы были допущены къ рукѣ королевской.

Цѣлый мѣсяцъ потомъ происходили пренія о гадячскомъ договорѣ, и всеобщій восторгъ уступилъ мѣсто ропоту и между сенаторами, и между послами. Въ статьяхъ, представленныхъ казацкими послами, возобновлялись требованія, которыя приводили въ недоумѣніе и коммиссаровъ въ Гадячѣ, и были оставлены не совсѣмъ рѣшенными. Требовалось полное уничтоженіе уніи во всей Рѣчи-Посполитой на всемъ прастранствѣ, гдѣ только существуетъ русскій языкъ (póki język narodu Ruskiego zasięga in genere et in specie): всѣ церкви, монастыри и всѣ заведенія, состоявшія подъ церковнымъ вѣдомствомъ, какъ школы, госпитали, и всѣ имѣнія, если когда-либо они принадлежали къ православной Церкви и захвачены уніатами, или езуитами, должны быть возвращены, и при этомъ католической или уніатской сторонѣ не предоставлять права, поднявъ споръ о ихъ принадлежности, удерживать ихъ до рѣшенія суда въ своемъ владѣніи. Для этого слѣдовало назначить коммиссію, составленную изъ депутатовъ трехъ соединенныхъ земель—Польши, Литвы и Руси, а великій инстигаторъ Русскаго Княжества отберетъ все требуемое и отдастъ православной Церкви; а потомъ долженъ быть созванъ въ Брацлавѣ сеймъ, и на немъ представлено будетъ донесеніе объ этомъ дѣлѣ. Уніаты и езуиты, коль-скоро станутъ противиться или звать православныхъ къ суду за оскорбленіе святыхъ таинъ, какъ это дѣлалось прежде, и составляло обычный предлогъ сдѣлать придирку къ православнымъ, уже за одно упорство и подачу такого позыва должны подвергаться инфаміи (безчестію) и наказанію. Равнымъ образомъ за утайку отъ коммиссаровъ чего бы то ни было, что будетъ слѣдовать къ возвращенію православной Церкви, инстигаторъ Великаго Княжества Русскаго имѣлъ право звать виновныхъ къ надлежащему суду и требовать наказанія — какъ за нарушеніе правъ личныхъ и по имуществу, присвоенныхъ народу, исповѣдующему греческую вѣру — наказанія, положеннаго вообще за сопротивленіе сеймовымъ и трибунальскимъ опредѣленіямъ

(ratione bonorum et personarum et omninm injuriarum ludzi religii greckiéj nie unickiej pro poena contra convulsores decretorum tam comitialinm iako tribunalitium sancita). Казачество энергически объявляло, что оно твердо рѣшилось не уступать никому всего, что считаетъ церковнымъ достояніемъ на Руси и въ Литвѣ; уніатамъ не слѣдовало позволять быть ни архіепископами, ни епископами, ни игуменами, ни архимандритами, ни священниками; езуитамъ не дозволять пребывать въ Великомъ Княжествѣ Русскомъ. Казаки просили расширенія Великаго Княжества Русскаго и присоединенія къ нему воеводствъ Волынскаго, Подольскаго и Русскаго. Всѣ староства въ русской Земли должны быть присоединены къ воеводствамъ и каштелянствамъ русскимъ; а такъ какъ воеводами и каштелянами могли быть только лица греческаго исповѣданія, то тѣмъ самымъ у католиковъ отнималось право на коронныя имѣнія внутри Русскаго Княжества. Чтобъ вознаградить потери пановъ католическаго вѣроисповѣданія, имѣвшихъ имѣнія въ Руси, Русскіе просили давать этимъ панамъ первыя вакантныя мѣста въ польскомъ королевствѣ, а ихъ прежнія имѣнія должны быть отданы туземцамъ. Въ самомъ Великомъ Княжествѣ Русскомъ хотѣли полнаго равенства шляхетскаго сословія, чтобы князья не присвоивали себѣ преимуществъ. Казаки просили полной вольности не только въ Великомъ Княжествѣ Русскомъ, но и Польшѣ и Литвѣ. Гетманъ и старшины хлопотали и о себѣ: гетманъ просилъ себѣ судебной власти надъ всѣмъ рыцарствомъ въ Украинѣ, съ правомъ не являться лично ни въ какой судъ ни по какой жалобѣ, а старшины домогались сугубой награды, ссылаясь на то, что имъ обѣщалъ царь Московскій. Разныя лица прислали на сеймъ просьбы, и депутаты должны были ходатайствовать за нихъ [1]).

«Договоръ этотъ,—говорили сенаторы,—нарушаетъ коренные уставы государства въ духовномъ и мірскомъ отношеніи. Въ духовномъ—потому что мы должны противъ совѣсти признать равенство восточной вѣры съ римскою, сами должны ху-

---

[1]) Акты Кіев. Комм. III, 315—328.

лить унію—соединеніе съ нашею собственною религіею. Въ политическомъ отношеніи гадячскій договоръ разрываетъ старинный договоръ Казимира съ Русскою Землею, уничтожаетъ старое устройство, вводитъ новое: Русь, давняя провинція Рѣчи-Посполитой, договаривается съ нею какъ будто чужая страна; мы должны допустить изгнаніе изъ Руси стариннаго дворянства, для того, чтобъ водворить новое; должны терпѣть холоповъ въ самомъ сенатѣ. Очевидно, что русское княжество, котораго они домогаются, будетъ совершенно независимое государство, только по имени соединенное съ Рѣчью-Посполитою. Этого мало: можемъ ли мы надѣяться, чтобъ гетманъ украинскій могъ быть вѣрнымъ слугою короля и Рѣчи-Посполитой, когда онъ будетъ облеченъ почти царской властью и имѣть въ распоряженіи нѣсколько десятковъ тысячъ войска? Конечно, онъ будетъ повиноваться до тѣхъ поръ, пока захочетъ; а не захочетъ,—будетъ сопротивляться».

Противъ этихъ доводовъ возражали такимъ-образомъ:

«Намъ необходимъ миръ. У насъ трое непріятелей. Дѣла ихъ перепутались. Казаки хотятъ мириться съ нами потихоньку отъ Москвы; Москва разсорилась съ Шведомъ. Теперь самъ Господь Богъ подаетъ намъ способы: казаки безъ принужденія нашего сами къ намъ возвращаются; они увидѣли, что ихъ свобода безъ нашей, какъ наша безъ ихъ свободы, несостоятельна. Если же мы соединимся, то не только возвратимъ отечеству его блескъ, но и силу. Будемъ съ ними договариваться искренно. Не надобно соблазняться тѣмъ, что они желаютъ самобытности, хотятъ своего правительства; конечно, намъ не желательно разлагаться на народы, но такой союзъ съ казаками не разорветъ Рѣчи-Посполитой. Этотъ союзъ будетъ точно такой, какой уже существуетъ съ Литвою. Пусть народъ надъ народомъ не имѣетъ преимущества: чрезъ то и сохранится наше государство; напротивъ, предпочтеніе ведетъ къ смутамъ. Часто подъ видомъ свободы угнетаютъ другихъ, и оттого возникаютъ междоусобія. Равенство безъ всякаго предпочтенія однихъ другимъ есть душа свободы. Не нужно намъ никакихъ чужеземныхъ гарантій на-

шего союза съ казаками. Чужеземные государи, хотя бы самые честнѣйшіе, всегда будутъ проводить свою пользу и возмущать наше государство; чужеземцы насъ не сохранятъ. Лучшая гарантія будетъ—взаимная любовь и довѣріе, безъ всякаго предпочтенія одной изъ сторонъ. Мы будемъ охранять свободу Украины или Руси и ея народа, а казаки—насъ. Свобода казаковъ не можетъ быть безопасна безъ связи съ нами. Опытъ уже научилъ ихъ. — — — А когда мы будемъ соединены безъ всякихъ внѣшнихъ посредствъ, тогда наша сила будетъ несокрушима. Миръ съ казаками не долженъ насъ ссорить съ Москвою. Напротивъ, соединимся съ казаками съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы послѣ того помириться и съ Москвою. Вѣдь и казаки намѣрены быть въ соединеніи съ Москвою, чтобъ потомъ взаимными силами обратиться къ какому-нибудь великому предпріятію. Надобно представить московскому правительству, что примиреніе съ казаками ему не во вредъ; надобно съ кротостію доказывать ему, что христіанскимъ государствамъ не слѣдуетъ пріобрѣтать оружіемъ то, что можно пріобрѣсть путемъ согласія. Мы не отрекаемся отъ договора о наслѣдствѣ; мы знаемъ, что отъ этого будетъ великая польза всему христіанству. При томъ же мы—народы одного племени, и мало различны по языку. Будемъ договариваться прямо, не вымышлять никакихъ невозможныхъ условій; обезпечимъ будущимъ королямъ изъ московскаго Дома неприкосновенность религіи; обезпечимъ свободу какъ нашу, такъ и Украины, и право избранія государей, хотя только для предостереженія. Москва не станетъ продолжать войны; она и безъ оружія все пріобрѣтетъ честно и мирно, съ выгодою для своего и нашего народа. Согласіе наше съ казаками покажетъ Москалю нашу силу и побудитъ согласиться на условія. Вѣдь шведскій король дѣлаетъ намъ теперь гордыя предложенія — признать его наслѣдникомъ; но если съ кѣмъ-нибудь мириться на условіяхъ наслѣдства, такъ ужъ лучше съ Москвою. Предложеніе московскому государю остановитъ войну и позволитъ намъ раздѣлаться съ Шведами; Шведы должны будутъ помириться; ибо увидятъ иначе свою

гибель. Но еслибъ Москва стала посягать на нашу свободу, то, соединившись съ казаками, мы всегда можемъ взаимными силами охранить ее и воздать за оскорбленіе».

Другихъ оскорбляло раздаваніе шляхетскаго званія казакамъ. «Умноженіе новыхъ дворянъ унизитъ достоинство стараго дворянства», говорили они. «Получившіе благодѣяніе будутъ сильнѣе благодѣтелей. Какому благородному сердцу не больно будетъ, когда старинныя почести польской націи будутъ раздаваться презрѣннымъ холопамъ? Дворянское достоинство, эта награда доблестямъ, потеряетъ свою цѣнность, какъ алмазъ въ кучѣ навоза. Несчастенъ нашъ вѣкъ, когда мы принуждены платить почестями за преступленія и награждать злодѣянія! Да и кому дается дворянское званіе? Тѣмъ, которые не умѣютъ цѣнить его высокаго достоинства; тѣмъ, которые дворянскія грамоты почитаютъ дѣтскими игрушками! Были примѣры, что по случаю потери шляхетской чести за преступленіе, казаки въ насмѣшку спрашивали: «а дозволено ли ѣсть и пить потерявшимъ дворянское достоинство?» Вотъ какъ они понимаютъ дворянское достоинство! Да и можемъ ли мы расположить къ себѣ этимъ казаковъ? Казаки всѣ равны между собою; если мы возведемъ въ дворянское достоинство только нѣкоторыхъ, то раздражимъ остальныхъ, которые не получатъ этого званія, столь для нихъ ненавистнаго. И, правду сказать, мы болѣе вооружимъ противъ себя огромную толпу, чѣмъ возбудимъ благодарность въ тѣхъ, которыхъ допустимъ въ благородное сословіе. Да если давать казакамъ дворянство, то давать всѣмъ, а не кому-нибудь, чтобы всѣхъ, а не малую часть, преклонить въ Рѣчи-Посполитой. Но кто же согласится на такое униженіе, чтобъ кивотъ Рѣчи-Посполитой, хранимый отъ вѣковъ, какъ величайшее сокровище, отдать на приманку черни? Нѣтъ! если казаки хотятъ соединиться, пусть идутъ къ намъ добровольно, безкорыстно, а не такъ, какъ плотоядныя животныя, которыхъ надобно приманивать пищею!»

Другіе были противнаго мнѣнія. «Достоинство дворянское,— говорили они,—болѣе имѣетъ цѣны, когда пріобрѣтается доб-

лестями, чѣмъ когда получается чрезъ наслѣдство; когда оно — даръ признательности за службу отечеству, а не награда за лежаніе въ колыбели. Кто своими предками тщеславится, тотъ хвалится чужимъ, а не своимъ: пусть же онъ своими дѣлами покажетъ, что достоинъ званія, которое носитъ! Иначе закопченныя изображенія предковъ, висящія по стѣнамъ его дома, его фамильные гербы, все — ничто, если онъ даетъ свое имя единственно быкамъ, которыхъ стадами отправляетъ изъ своего имѣнія на продажу. Въ прошедшія войны много погибло шляхетства: надобно замѣнить убитыхъ: чѣмъ давать шляхетство за деньги, гораздо справедливѣе даровать его казакамъ въ награду за возвращеніе ихъ къ отечеству и за присоединеніе Украины къ Рѣчи-Посполитой, и черезъ то мы утвердимъ въ нихъ любовь къ общему отечеству. Намъ слѣдуетъ даровать какъ-можно болѣе свободы казакамъ, чтобъ расположить ихъ къ себѣ. — Нечего бояться образованія Княжества Русскаго: сохраняя свое правильное устройство, подобное Великому Княжеству Литовскому, оно всегда останется частью Рѣчи-Посполитой. Что же касается до прежнихъ мятежей, которые казаки поднимали противъ насъ, то надобно все приписать Божію наказанію надъ нами и все покрыть полною амнистіею».

Тогда нѣкоторые съ большимъ жаромъ говорили за казаковъ. «Вотъ,—говорили они,— сбывается предреченіе Стефана Баторія, который говорилъ, что изъ этихъ удальцовъ-казаковъ современемъ образуется вольная Рѣчь-Посполитая. Казаки никому не кланялись, не выпрашивали шляхетства черезъ поклоны придворнымъ, а добываютъ его мужественнымъ сердцемъ и саблею! Что за бѣда, что они были мужики, а теперь шляхтичи? Вѣдь и Македоняне были грубые холопы, и Римляне возникли изъ пастуховъ; и Турки изъ разбойниковъ, и наши Поляки прежде не были шляхтичи, а пріобрѣли шляхетское достоинство кровью и отвагою» [1]. При этомъ шляхтичи въ утѣшеніе себѣ приводили на память пѣсенку, сочиненную въ Англіи въ XIV

[1]) Лѣтоп. Малор.—Лѣт. Велич. I, 337—338.

вѣкѣ и потомъ распространившуюся въ Польшѣ: «когда Адамъ копалъ землю, а Ева пряла, никто никому не служилъ, никто никого не называлъ холопомъ» [1]).

Были даже такія, полныя сознанія, рѣчи:

«Не казаки нарушили союзъ, а мы. Гордость наша виновата. Мы съ ними обращались безчеловѣчно. Мы не только унижали ихъ предъ собою, но предъ человѣчествомъ. Мы не только лишали ихъ правъ, которыя были ихъ достояніемъ, но отнимали у нихъ естественныя права. Вотъ господь Богъ и показалъ намъ, что и они люди, какъ и другіе, и достойно покаралъ наше высокомѣріе. Они болѣе заслуживаютъ нашего уваженія, чѣмъ тѣ, которые раболѣпно отдаются королю и чужому государству, не думая расширить свою свободу. Казаки упорно предпочитаютъ лучше погибнуть и исчезнуть, чѣмъ торжествовать безъ свободы. Мы ниже ихъ: они сражались съ нами за свободу, а мы—за безсильное господство!»

Требованіе уничтоженія уніи въ томъ видѣ, какъ хотѣли казаки, не нашло поборниковъ даже между самыми отъявленными защитниками вѣротерпимости и полной свободы совѣсти. Одобряя прежнее обращеніе Поляковъ съ протестантскимъ ученіемъ, когда предоставлялась полная гражданская свобода всѣмъ, независимо отъ вѣрованія, либеральные послы говорили:

«Все это относится до еретиковъ, — не относится до Руси. Греческіе обряды, различные отъ римскихъ, не противны религіи, коль-скоро догматы вѣры правильны и неизмѣнны. Но уничтоженіе уніи будетъ уже насиліе нашей собственной совѣсти. Унія есть та же католическая вѣра, только съ своими обрядами: какъ же намъ осуждать религію, которую сами исповѣдуемъ? Это было бы крайнее неблагоразуміе, зло и настоящая ересь, это значитъ признавать приговоръ беззаконія надъ собою. Уничтожить унію есть дѣло несовмѣстное съ совѣстью, и нѣтъ ни-

---

1) Hist. pan. Jana Kaz. II, 28.

Jak Ewa kądziel przędla, Adam ziemię kopał,
Nikt nikomu nie służyl, ani kogo chłopał.

какого способа поставить его такъ, чтобы наша совѣсть осталась спокойна. Конечно, никакъ не слѣдуетъ присоединять греческаго обряда къ римскому; пусть патріархъ, какъ и прежде, правитъ русской Церковью, лишь бы догматы вѣры были неизмѣнны; а зависимость приговоровъ отъ единаго главы не выдумана римскою гордостью, какъ нѣкоторые говорятъ: это благоразуміе, установленное отъ самого Бога. Нельзя назвать Вселенскою Церковью ту, которая зависитъ отъ произвола свѣтскихъ властей. Слѣдуетъ существовать соборамъ, а рѣшеніе и зависимость исходятъ отъ одного лица: иначе церковь распадается на различныя ученія. Впрочемъ, этотъ вопросъ слѣдуетъ предоставить богословамъ на ихъ конференціи [1]).

Среди разнородныхъ толковъ и споровъ на сеймѣ, возвысилъ тогда предъ сенаторами свой голосъ Казимиръ Беневскій, котораго тогда сильно порицали за гадячскій договоръ.

«Казаковъ, — говорилъ онъ, — такое множество и такъ они сильны, что надобно радоваться, если они, на какихъ бы то ни было условіяхъ, присоединяются къ Рѣчи-Посполитой; раздражать ихъ въ настоящее время, какъ дѣлали мы прежде, будетъ величайшимъ безуміемъ; вы сами знаете, въ какомъ теперь состояніи Рѣчь-Посполитая: съ одной стороны намъ угрожаютъ Шведы, съ другой—Москали; въ нашемъ положеніи противиться требованіямъ казаковъ значило бы самимъ отвергать помощь, когда она намъ добровольно предлагается. Надобно сначала ласкать казаковъ, а современемъ, когда они обживутся съ нами, чины Рѣчи-Посполитой могутъ измѣнить все на старый ладъ. Что-жь такое уничтоженіе уніи? Неужели вы думаете, что казаки большіе богословы и апостолы? Мы теперь должны согласиться для вида на уничтоженіе уніи, чтобъ ихъ приманить этимъ; а потомъ... объявится свобода греческаго вѣроисповѣданія, отдадутся благочестивымъ церкви и имѣнія, отобранныя уніатами—это ихъ успокоитъ; потомъ мы создадимъ законъ, что каждый можетъ вѣрить какъ ему угодно,— вотъ и унія останется

1) Польск. ркп. И. П. Б., отд. II, № 15.

въ цѣлости. Отдѣленіе Руси въ видѣ особаго княжества будетъ тоже не долго: казаки, которые теперь думаютъ объ этомъ,— перемрутъ, а наслѣдники ихъ не такъ горячо будутъ дорожить этимъ, мало-по-малу все приметъ прежній видъ».

Пренія успокоились отъ убѣжденій человѣка, который самъ заключилъ трактатъ и самъ теперь представляетъ въ будущемъ надежду нарушить его. Сдѣлали нѣкоторыя смягченія по вопросу объ уничтоженіи уніи, отвергли присоединеніе остальныхъ воеводствъ къ Великому Княжеству Русскому, и отправились къ Выговскому. Мы не знаемъ этихъ измѣненій, ни вообще относительно вопроса объ уніи; они касались, вѣроятно, только подробностей, ибо статья уничтоженія осталась въ договорѣ. Король самъ писалъ очень любезное письмо къ гетману. Тотъ послалъ свое согласіе, 8-го мая отправивъ къ королю гонца, и приказавъ ему ѣхать скоро, днемъ и ночью. Гетманъ просилъ какъ можно скорѣе утвердить договоръ и прислалъ обратно казацкихъ пословъ для спокойствія края.

Обѣ Избы утверждали договоръ въ полной увѣренности, что это дѣлается для приманки русскаго народа: представители Рѣчи-Посполитой утѣшали себя тѣмъ, что будутъ имѣть возможность нарушить его.

XV.

По утвержденіи договора на сеймѣ, назначили день торжественной присяги. Это событіе происходило 22-го мая въ сенаторской Избѣ, посреди всѣхъ собранныхъ духовныхъ и свѣтскихъ членовъ сената и всѣхъ пословъ Рѣчи-Посполитой, приготовленъ былъ великолѣпный тронъ. Собрались члены засѣданія; въ одиннадцатомъ часу утра явился король и сѣлъ на тронъ. Тогда позвали пословъ Великаго Княжества русскаго. Они взошли въ парадной процессіи и стали въ рядъ. Коронный канцлеръ, во имя короля и Рѣчи-Посполитой, проговорилъ краснословженную рѣчь: объявилъ казакамъ и русскому народу со-

вершенное прощеніе и примиреніе, и извѣщалъ, что его величество король соизволилъ утвердить гадячскій договоръ, заключенный Беневскимъ 16-го сентября 1658 года. По окончаніи этой рѣчи, примасъ королевства, гнѣзненскій архіепископъ, всталъ съ своего мѣста и подалъ королю написанную присягу. Положа два пальца на Евангеліе, Іоаннъ-Казиміръ проговорилъ ее слѣдующимъ образомъ:

«Я, Іоаннъ-Казиміръ, милостію Божіею король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, кіевскій, жмудскій, волынскій, лифляндскій, смоленскій, черниговскій, шведскій, готскій и вандальскій наслѣдственный король, присягаю Господу Богу всемогущему, въ Троицѣ святой сущему, единому, предъ святымъ его Евангеліемъ въ томъ, что я принимаю и утверждаю договоръ, заключенный отъ имени нашего и отъ имени всей Рѣчи-Посполитой, съ Войскомъ Запорожскимъ, и обѣщаю сохранять и исполнять, и оберегать этотъ договоръ, ни въ чемъ его не уменьшая, но всячески предохраняя отъ какого бы то ни было измѣненія. Никакія привилегіи, древнія и новыя, никакія сеймовыя конституціи, какъ прошлыя, такъ и будущія, никакія уловки и толкованія никогда во вѣки не будутъ вредить этому договору и всѣмъ пунктамъ его, заключающимъ права и преимущества греческой религіи Великаго Княжества Русскаго и народной свободы. Я и наслѣдники мои обязываемся королевскою присягою хранить этотъ договоръ ненарушимо и неприкосновенно на вѣчные вѣки и оказывать справедливость жителямъ Великаго Княжества Русскаго безъ всякой проволочки и лицепріятія по ихъ правамъ и обычаямъ; и еслибъ я, сохрани Боже, нарушилъ эту мою присягу, то народъ русскій не долженъ мнѣ оказывать никакой покорности: такимъ поступкомъ я увольняю его отъ должнаго повиновенія и вѣрности, причемъ обѣщаюсь не требовать и ни отъ кого не принимать разрѣшенія этой моей присяги. Да поможетъ мнѣ Господь Богъ и святое его Евангеліе. Аминь».

За королемъ присягали отъ лица всего римско-католическаго духовенства архіепископъ гнѣзненскій — примасъ духовенства

въ Королевствѣ Польскомъ, и епископъ виленскій—главное духовное лицо въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Архіепископу гнѣзненскому читалъ присягу канцлеръ. «Клянусь,—гласила присяга,—что ни я, ни преемники мои не станемъ нарушать ни въ чемъ Гадячской Коммиссіи и не будемъ допускать къ нарушенію оной ни его королевское величество, ни кого бы то ни было въ Королевствѣ Польскомъ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, ни явными, ни тайными средствами, ни протестаціями, ни клятвами, ни порицаніями».

Присягнули гетманы коронный и литовскій за все Войско. «Обѣщаемся,—говорили они,—не нарушать Гадячской Коммиссіи и не допускать къ нарушенію ни совѣтомъ нашимъ, ни войскомъ, и если бы кто хотѣлъ ее нарушить, того мы обязываемся укротить войскомъ нашимъ».

Присягнули канцлеры и подканцлеры Польши и Великаго Княжества Литовскаго. «Обязываемся,—говорили они,—никакихъ грамотъ, указовъ, привилегій, завѣщаній, противъ Гадячской Коммиссіи, заключенной съ Войскомъ Запорожскимъ и со всѣмъ народомъ русскимъ, не выпускать и не дозволять выпускать изъ нашихъ канцелярій».

Присягнулъ Янъ Гнѣнскій, маршалъ посольской Избы, отъ лица всѣхъ представителей Рѣчи посполитой. «Мы и наслѣдники наши,—говорилъ онъ,—обязываемся и присягаемъ хранить Гадячскую Коммиссію, заключенную именемъ короля и всей Рѣчи Посполитой съ Войскомъ Запорожскимъ и со всѣмъ народомъ русскимъ, ни въ чемъ ее не нарушать и всегда препятствовать нарушать оную; равнымъ образомъ не требовать ни отъ кого и не принимать разрѣшенія нашей присяги».

По окончаніи присяги всѣхъ чиновъ Рѣчи-Посполитой, слѣдовала присяга со стороны представителей Великаго Княжества Русскаго. Кіевскій митрополитъ принесъ евангеліе, окованное золотомъ, и распятіе, и положилъ на столѣ. Начальные люди изъ казацкихъ пословъ произносили присягу сначала по одиночкѣ, поднявъ вверхъ пальцы, и по окончаніи рѣчи цѣловали Евангеліе, потомъ, по два человѣка разомъ, присягали—атама-

ны, эсаулы и сотники; а наконецъ, когда эта церемонія показалась слишкомъ длинною, всѣ остальные стали на колѣни и подняли вверхъ два пальца. Генеральный писарь Груша читалъ за всѣхъ присягу и, по окончаніи, всѣ поцѣловали Евангеліе и крестъ.

Присяга русскихъ пословъ была такова:

«Мы, послы русской націи, отъ имени ея присягаемъ Богу всемогущему, во святой Троицѣ сущему, въ томъ, что отъ сихъ поръ мы пребудемъ вѣрны его величеству государю своему Іоанну Казимиру, королю польскому и шведскому и великому князю литовскому, и его законнымъ наслѣдникамъ и польской рѣчи посполитой, обѣщаемъ во всякое время охранять ихъ своимъ тѣломъ, кровію, жизнью и имуществомъ противъ всякаго врага, при всякомъ случаѣ; открекаемся отъ всякихъ союзовъ, прежде нами заключенныхъ съ иными, и отъ сношенія съ чужими государствами, особливо съ царемъ московскимъ; обѣщаемъ не принимать и не посылать посланниковъ и ни съ кѣмъ не переписываться безъ вѣдома его величества или наслѣдниковъ его и всей Рѣчи Посполитой; въ случаѣ безкоролевья, участвовать въ избраніи королей купно со всею Рѣчью Посполитой; не начинать бунтовъ, но укрощать всякое малѣйшее покушеніе къ онымъ, коль скоро оно сдѣлается намъ извѣстнымъ; во всемъ сообразоваться съ волею его величества и Рѣчи Посполитой, и споспѣшествовать всему, что къ пользѣ его величества и цѣлой короны польской служить можетъ. Если же, сохрани Богъ, кто нибудь изъ насъ дерзко станетъ дѣйствовать вопреки сему, то мы свидѣтельствуемъ предъ Богомъ, что насъ никто отъ этого грѣха разрѣшить не можетъ, ни патріархъ, ни митрополитъ, ни другое какое либо лицо».

Въ другомъ экземплярѣ, подробнѣйшемъ и, вѣроятно, написанномъ уже послѣ обряда, конецъ этой присяги таковъ: «Если же мы, съ гетманомъ и со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ, кромѣ бунтовщиковъ, которыхъ обѣщаемся истреблять, окажемся противнымъ Гадячской Коммиссіи, то теряемъ всѣ права и вольности, намъ данныя».

По окончаніи присяги, послы были допущены къ королевской рукѣ, и все собраніе торжественнымъ шествіемъ отправилось въ церковь св. Іоанна, гдѣ отправлено было благодарственное богослуженіе. Едва только хоръ кончилъ «Te Deum laudamus», какъ въ то же мгновеніе пошелъ дождь. «Этотъ дождь,—говоритъ современникъ, — былъ теплый и плодотворный дождь, и вслѣдъ за нимъ послѣдовала прекрасная, свѣжая погода. Поляки принимали это явленіе за счастливое преобразованіе; какъ этотъ дождь приноситъ свѣжесть и плодородіе, такъ возстановленный миръ да обогатитъ благословеніемъ и даруетъ процвѣтаніе Рѣчи Посполитой!»

Послѣ того знатнѣйшіе сановники приглашали пословъ Великаго Княжества Русскаго на пиршества, принимали ихъ съ знаками любви и уваженія; казаки показывали большую привязанность къ королю и Рѣчи Посполитой. «Мы теперь желаемъ одного,—говорили они, — чтобъ насъ послали противъ Москалей и Шведовъ, чтобы доказать, какъ охотно готовы мы принесть свою жизнь за его величество. Въ случаѣ, если Шведъ откажется заключить честный миръ, мы съ большими силами вторгнемся въ Ливонію, даже въ сердце самой Швеціи, чтобъ возвратить нашему государю права, данныя ему Богомъ и справедливостью». Они дѣйствительно отправили Грека Ѳеодосія въ Швецію съ извѣстіемъ, отъ имени всей русской націи, что русская нація заключила съ королемъ и Рѣчью Посполитой вѣчный миръ, и поэтому нетолько должны прекратиться всѣ прежніе договоры съ Швеціею, но если шведскій король не вознаградитъ польскаго короля за всѣ потери, которыя нанесъ ему во время войны, то они вторгнутся въ Швецію и въ принадлежащія ей земли [1]).

Такъ совершилось это громкое и—безплодное дѣло. Король и чины Рѣчи Посполитой произносили свою страшную присягу въ полной увѣренности, что измѣнятъ ей. Казаки, не смотря на

---

1) Umständliche Relation.—Присяги при спискахъ гадячскаго договора.

свои увѣренія, мало въ сущности подавали надежды: если они за пять лѣтъ передъ тѣмъ присягали королю, то и послѣдняя присяга ихъ могла подвергнуться участи первой. Прибывшіе казаки произведены были въ шляхтичи, но навѣрно не всѣ, такъ о Носачѣ послѣ говорено было, что онъ остался неудовольствованъ въ то время, когда давали дворянство слугамъ Выговскаго [1]). Тогда же Поляки съ неудовольствіемъ замѣтили, какъ одинъ какой-то весельчакъ, изъ произведенныхъ въ шляхтичи, спросилъ своего товарища:

«А что, братъ, не сдѣлалась ли тѣнь моя больше, когда я сталъ дворяниномъ» [2])?

Обласканные, они возвратились въ свое Великое Княжество Русское, и Великое Княжество Русское пало при самомъ своемъ основаніи.

XVI.

Мы уже видѣли, какъ много было враговъ у Выговскаго и его партіи, и какъ удобно могли они найдти опору въ народной массѣ. Гадячскій трактатъ грозилъ Украинѣ утвержденіемъ шляхетскаго порядка, ненавистнаго черни. То, чего народъ такъ боялся, теперь совершалось. Еще смыслъ новозаключеннаго союза съ Польшею не былъ вполнѣ извѣстенъ народной массѣ; но для народа было уже достаточно того, что Украина соединялась съ Польшею: это соединеніе, въ какой бы формѣ оно ни являлось, было ненавистно при слишкомъ свѣжихъ воспоминаніяхъ о прошедшемъ.

По возвращеніи изъ Варшавы, Немиричъ принялъ начальство надъ *затяжнымъ* войскомъ, и разставилъ его въ Нѣжинѣ, Черниговѣ, Борзнѣ и другихъ мѣстахъ. *Консистенція* (квартированіе) затяжнаго войска всегда была самымъ тя-

---

[1]) Пам. Кіев. комм., III, 3; 427.

[2]) Ann. Pol. Cl. II, 394.

гостнымъ для народа обстоятельствомъ и одною изъ важнѣйшихъ причинъ ненависти къ польскому владычеству. Народъ, не зная и не понимая сущности договора съ Польшею, видѣлъ въ этомъ появленіи войска въ Украинѣ возвращеніе къ старымъ временамъ. Обѣщанія воли и всякихъ благъ, даваемыя Выговскимъ и его сторонниками, оказывались обманчивыми; самъ онъ и его приверженцы стали измѣнниками и ляхскими слугами для тѣхъ, которые на время были обольщены увѣщаніями и дѣлами, а между тѣмъ, варварскія опустошенія околицы Кіева—Шереметевымъ, дѣйствовали на народъ страхомъ: малороссіяне увидѣли, что имъ приходится бороться съ сильнымъ и суровымъ врагомъ, защищая такое дѣло, которое не принесетъ народу ничего, кромѣ той неволи, отъ которой онъ освободился съ такими тяжелыми усиліями. Такимъ смятеніемъ воспользовались враги Выговскаго и честолюбцы, увидавшіе въ его низверженіи возможность подняться самимъ. Протопопъ Филимоновъ усилилъ свою работу. Въ Нѣжинѣ присталъ къ нему Василій Золотаренко, шуринъ Богдана Хмельницкаго. Онъ надѣялся сдѣлаться гетманомъ. Въ Москвѣ, не зная хорошо что́ дѣлается въ Украинѣ, опасались-было, чтобъ казаки и Татары не ворвались въ средину государства; вышелъ царскій указъ Трубецкому двинуться въ Сѣвскъ и разставить войска по линіи между Сѣвскомъ и Путивлемъ. Уже войска готовы были отступать отъ предѣловъ Малороссіи, какъ 19-го августа явился изъ Нѣжина казакъ, съ письмомъ къ Трубецкому отъ Филимонова и Золотаренка: они приглашали въ Малороссію великорусское войско. Трубецкой, хотя благодарилъ ихъ, но не довѣрялъ имъ вполнѣ и не рѣшился отправлять въ Малороссію войскъ, прежде чѣмъ не удостовѣрится, что партія, желающая этого, дѣйствуетъ искренно и довольно сильна. Онъ требовалъ, чтобъ для удостовѣренія ему прислали довѣренныхъ. Въ концѣ августа явились къ Трубецкому мѣщане и привезли новыя увѣренія въ преданности Москвѣ и приглашенія отъ Филимонова и Золотаренка. Кромѣ ихъ писалъ о томъ же протопопъ, по имени Симеонъ. Въ Переяславлѣ, полковнику Тимоѳею Цыцурѣ при-

шла тоже мысль достичь гетманства услугами московскому правительству. Съ нимъ въ соумышленіе вошелъ другой шуринъ Хмельницкаго, Якимъ Сомко. Въ августѣ онъ написалъ къ Трубецкому и чрезъ посредство гадячскаго полковника предлагалъ свои услуги. Трубецкой похвалялъ его за вѣрность и побуждалъ перебить въ Переяславлѣ измѣнниковъ московскаго царя, совѣтниковъ Выговскаго и всѣхъ вообще Ляховъ и Нѣмцевъ, какіе находятся въ затяжномъ гетманскомъ войскѣ. Тимоѳей Цыцура исполнилъ желанія Трубецкаго прежде чѣмъ имѣлъ возможность получить его порученіе. 19-го августа онъ началъ приглашать къ себѣ знатныхъ казаковъ по одиночкѣ, склонялъ ихъ принять сторону Москалей и пригласить князя Трубецкаго съ войскомъ; кто отвергалъ предложеніе, того Цыцура приказывалъ связывать и убивать. Такъ погибли братья Сулимы—Стефанъ и Северинъ; послѣдній, по современному извѣстію, былъ застрѣленъ изъ трехъ пищалей; былъ убитъ вліятельный казакъ Иванъ Забуйскій или Забусскій (быть можетъ тотъ, котораго нѣкогда польскій король назначалъ гетманомъ вмѣсто Богдана Хмельницкаго), Ѳедоръ Лобода былъ скованъ и оставленъ на войсковый судъ. Такимъ или другимъ образомъ погибло сто пятьдесятъ человѣкъ драгуновъ и казаковъ, погибли находившіеся тамъ поляки, кромѣ ротмистра Душинскаго и шляхтича Саладына, которыхъ Цыцура послѣ отослалъ въ Кіевъ; рота затяжныхъ Сербовъ, служившихъ у Выговскаго, была истреблена на переправѣ черезъ Днѣпръ, а предводитель ея сербъ Дмитрій Мигай былъ схваченъ живымъ и отправленъ къ Шереметеву. Цыцура освободилъ плѣнныхъ великоруссовъ, взятыхъ съ подполковникомъ Александровымъ, и кромѣ того двѣсти десять ратныхъ людей, взятыхъ въ Ромнѣ и доставленныхъ въ Переяславль. Они были очевидцами происходившей бойни, по крайней мѣрѣ, какъ вѣроятно, отчасти. Раздавъ московскимъ людямъ оружіе, онъ оставилъ ихъ въ Переяславлѣ для обереженія отъ Выговскаго. Двое гонцовъ отъ Цыцуры побѣжали въ разныя стороны съ извѣстіемъ, одинъ къ Трубецкому, другой къ Шереметеву. Шереметевъ тотчасъ послалъ въ Переяславль маіора

Василія Лаговчина привести къ присягѣ полковую старшину, казаковъ и мѣщанъ. 24 августа вмѣстѣ съ переяславцами принялъ присягу въ Переяславлѣ, прибывшій туда, черниговскій полковникъ Іоанникій Силичъ съ четырмя сотниками и двумя эсаулами своего полка.

1-го сентября присланы были изъ Переяславля отъ Цыцуры казаки въ Нѣжинъ. Въ городѣ стояли затяжные жолнеры; полковника Гуляницкаго не было въ городѣ. Золотаренко, вмѣсто его начальствовавшій въ Нѣжинѣ, оставилъ ворота безъ стражи; казаки вошли ночью, и крикнули — *бийте Ляхівъ!* Посполитые пристали къ казакамъ, и втеченіе одного часа перебили всѣхъ жолнеровъ, безъ разбора: пять *хоругвей* ихъ погибло, — говоритъ современникъ; никого не щадило поспольство, потому-что не хотѣло давать *стацiи* (содержанія) жолнерамъ. По примѣру Нѣжина, и въ другихъ сосѣднихъ городахъ и мѣстечкахъ начали избивать жолнѣровъ. Ихъ *рейментаръ* — Немиричъ, бѣжалъ; казаки поймали его за Кобизчею, близъ села Свѣдовца, и изрубили въ куски. Протопопъ Филимоновъ отправился къ Трубецкому самъ. Съ нимъ поѣхали отъ нѣжинскаго полка три сотника и обозный, а отъ города Нѣжина бурмистръ, повезли просьбу о царскомъ прощеніи и изъявили готовность быть подъ самодержавной рукою государя въ вѣчномъ подданствѣ. Въ одинъ и тотъ же день явились къ Трубецкому съ повинною головою послы казаки изъ Батурина, изъ Глухова и изъ Новгорода-Сѣверскаго. Когда Трубецкой ласкалъ ихъ и обнадеживалъ царскою милостью, Золотаренко далъ знать въ другую сторону — въ Кіевъ: отъ Шереметева пріѣхали двое жильцовъ и привели къ вѣрѣ самого Золотаренка, мѣщанъ города Нѣжина и казацкихъ атамановъ. Кіевскій полковникъ Якименко стоявшій съ своимъ полкомъ въ Острѣ, также передался на сторону Московскую, перебилъ Поляковъ и Нѣмцевъ, которые находились въ Острѣ, а нѣсколькихъ человѣкъ изъ нихъ прислалъ Шереметеву. По извѣстіямъ, сообщеннымъ послѣднимъ въ Москву, тогда было казаковъ истреблено въ разныхъ окрестныхъ городахъ до трехъ тысячъ человѣкъ драгуновъ, По-

ляковъ, Нѣмцевъ и казаковъ, стоявшихъ за дѣло Выговскаго. 6 сентября пріѣхали къ Трубецкому посланцы изъ Прилукъ отъ тамошняго полковника Лазаря Горличенка и отъ всего прилуцкаго полка, съ повинною и съ готовностію служить вѣрно московскому царю. Трубецкой сейчасъ отправилъ привесть къ вѣрѣ весь прилуцкій полкъ. 7 сентября черниговскій полковникъ Іоанникій Силичъ прислалъ депутацію съ повинною отъ всего черниговскаго полка. Трубецкой послалъ и туда, и въ Роменъ, и въ Лохвицу, и въ Миргородъ, московскихъ людей для привода къ вѣрѣ тамошнихъ жителей. Царскіе воеводы, недавно еще хотѣвшіе уходить отъ границъ Малороссіи, теперь увидали, что все неожиданно измѣнилось, и Трубецкой отправилъ впередъ Андрея Васильевича Бутурлина занять Нѣжинъ, а вслѣдъ за нимъ и самъ двинулся туда же съ войскомъ. Золотаренко съ Филимоновымъ побѣжали впередъ и встрѣчали царскаго воеводу за пять верстъ отъ Нѣжина съ толпою казаковъ и мѣщанъ. Трубецкой ѣхалъ прямо къ соборной церкви и вошелъ въ нее. Здѣсь Филимоновъ отслужилъ молебенъ о здравіи государя. Трубецкой объявилъ всѣмъ Нѣжинцамъ, что царь будетъ къ нимъ милостивъ и оставитъ ненарушимо ихъ права. Золотаренко отъ имени всего города и всего полка обѣщалъ пребывать неотступно въ подданствѣ государя и подъ его самодержавною высокою рукою. Въ знакъ радости и торжества, приказали было стрѣлять изъ всего наряда, какой тогда находился въ городѣ. Трубецкой, чтобъ не отягощать жителей постоемъ, расположилъ свое войско обозомъ за городомъ. Между тѣмъ Юрію Хмельницкому внушали притязанія искать гетманства, какъ своего права, давно уже дарованнаго ему народомъ на радѣ. По волѣ ли самого Юрія, или можетъ быть отъ его имени, поѣхалъ въ Запорожье бывшій слуга Богдана Хмельницкаго Иванъ Мартыновичъ Бруховецкій. Храбрый Сірко, бывшій кальницкій полковникъ, тогда проживавшій въ Сѣчѣ и имѣвшій между Запорожцами большой вѣсъ и значеніе, принялъ сторону молодаго Юрія. Вся Сѣчь провозгласила его гетманомъ. Сірко съ запорожцами шелъ на городъ, призывая подъ свое знамя дорогимъ име-

немъ Хмельницкаго. Это имя сразу расположило множество казаковъ въ его пользу. Юрій явился въ войско.

Выговскій, услышавъ о возмущеніи, убѣжалъ изъ Чигирина, — по собственнымъ словамъ его, — верхомъ, въ одной *сукманкѣ* [1]), и назначилъ раду подъ Германовкою [2]). Юрій Хмельницкій прибылъ туда же. По видимому между нимъ и Выговскимъ еще не было явной вражды и соперничества. Цыцурѣ было не по вкусу распространившееся между казаками желаніе избрать гетманомъ Юрія; Цыцура чувствовалъ, что черезъ это ускользала изъ рукъ его гетманская булава, которой онъ добивался. Цыцура чернилъ въ это время Юрія передъ Шереметевымъ. Юрій — писалъ онъ — *того же надхненя лихого духу лядского, туды-жъ хилиться*, и сообщалъ, что онъ писалъ къ Юрію увѣщательное письмо, но, вмѣсто отвѣта, отъ него получилъ отвѣтъ отъ Выговскаго, въ которомъ послѣдній писалъ, что Хмельницкій сынъ знаменитаго отца хотя и молодъ, но имѣетъ умъ, лучше чѣмъ иной старый, и не захочетъ проливать христіанской крови, а потому и остается съ Выговскимъ въ таборѣ. Шереметевъ могъ вполнѣ повѣрить донесеніямъ Цыцуры, послѣ того, какъ съ своей стороны писалъ къ Юрію увѣщанія, но не получалъ отвѣта.

Выговскій и Юрій стояли въ таборѣ подъ Германовкою нѣсколько дней, ожидая сбора Войска на раду. Еще не успѣли собраться всѣ полки — рада произошла 11 сентября. Онъ приказалъ Верещакѣ и Сулимѣ читать передъ собраніемъ Гадячскій договоръ, и собирался объяснить выгоды, какія получитъ отъ этого отечество, и разсѣять возникшіе толки. Но въ собраніи поднялся шумъ и крикъ. Обвиняли гетмана за раззоренье мѣстечекъ и селъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, за жестокія казни надъ своими врагами; нѣкоторые говорили, что гетманъ продаетъ Украину крымскому хану и хочетъ возстановить Астраханское Царство; укоряли его, что онъ оклеветалъ московскаго

---

[1]) Пам. Кіевск. Комм. Ш, 325.
[2]) Пам. Кіевск. Комм. Ш, 377.

государя и взвелъ на него такіе умыслы, о которыхъ царь и не думалъ [1]). Многихъ пугала возрастающая власть Выговскаго, который, изъ избраннаго и зависящаго отъ собранія предводителя, дѣлался воеводою и княземъ русскимъ [2]). Его возвышеніе вооружало противъ него и старшинъ, прежнихъ соучастниковъ его замысловъ: однихъ — по зависти, другихъ — по причинѣ личнаго его высокомѣрія и вражды; такимъ-образомъ онъ раздражилъ Носача, который былъ хуже другихъ вознагражденъ на сеймѣ; раздражилъ Ковалевскаго, умышляя тайно на жизнь его въ Чигиринѣ [3]). Но болѣе всего вооружились противъ Гадячскаго договора казаки, не попавшіе въ дворянство и завидовавшіе тѣмъ, которые получили его [4]). Они были увѣрены прежде, что Гадячскій договоръ дастъ имъ всѣмъ шляхетское право, но потомъ увидѣли, что только немногимъ оно досталось, по произволу гетмана, и для того, чтобъ властвовать надъ остальными. Рада превратилась въ неистовую междоусобную драку. Верещака и Сулима были изрублены въ куски; самъ Выговскій избѣжалъ смерти оттого, что его закрыло наемное войско — польскій отрядъ въ тысячу человѣкъ, убѣжавшихъ вмѣстѣ съ нимъ изъ разъяреннаго собранія. «И бѣжалъ онъ, — говорилъ украинскій лѣтописецъ, — какъ бѣжитъ обожженный изъ пожара».

XVII.

Нѣкоторые пріятели совѣтовали Выговскому бѣжать въ степь къ хану. Посланникъ турецкій предъ тѣмъ только пріѣзжалъ къ нему, съ готовностью, отъ имени Порты, защищать его и толковалъ, что Турція давно уже имѣетъ право на Украину, потому что одиннадцать лѣтъ охраняетъ ее своимъ оружіемъ отъ

---

[1]) Лѣт. Малоросс.
[2]) Пам. Кіевск. Комм. Ш, 425.
[3]) Пам. Кіевск. Комм. Ш, 3, 430.
[4]) Hist. pan. Jana Kaz. II, 483, 102.

разныхъ непріятелей. Выговскій отвергъ это предложеніе, не смотря па то, что жена его находилась въ Чигиринѣ, и вмѣстѣ съ Андреемъ Потоцкимъ отправился въ Бѣлую-Церковь.

Толпа казаковъ послѣдовала за нимъ и недалеко отъ Бѣлой-Церкви, во Взиньи, собралась снова рада. На этой радѣ Выговскій былъ отрѣшенъ отъ гетманства и гетманомъ провозглашенъ Юрій Хмельницкій. Къ Выговскому явились посланцы и требовали, чтобъ онъ пріѣхалъ на раду и торжественно сложилъ булаву. Выговскій не поѣхалъ. Тогда снова явились къ нему каневскій полковникъ Лизогубъ и миргородскій Лѣсницкій и требовали, чтобы Выговскій, если самъ не хочетъ ѣхать, то прислалъ бунчукъ и булаву. При этомъ они обратились къ начальнику вспомогательныхъ польскихъ войскъ, Андрею Потоцкому, просили его склонить гетмана и увѣряли, что Войско Запорожское желаетъ оставаться въ вѣрности и подданствѣ короля. Выговскій еще сопротивлялся, но разсудилъ, что противъ воли цѣлаго казачества нельзя удерживаться, и сказалъ: «Я отдаю бунчукъ, но съ тѣмъ условіемъ, что Войско Запорожское останется въ непоколебимой вѣрности королю».

Полковники обѣщали.

Выговскій вручилъ булаву и бунчукъ брату своему, Данилу, и вмѣстѣ съ послами отправилъ его на раду.

Андрей Потоцкій послалъ съ ними польскаго полковника, Корчевскаго, съ тремя пунктами: во-первыхъ, чтобъ казаки дали присягу въ вѣрности королю, чтобъ ввели дворянство въ имѣнія и выпустили жену Выговскаго и другихъ людей, находящихся въ Чигиринѣ, для чего дали бы заложниковъ въ вѣрности.

На дорогѣ эти послы встрѣтили казацкое войско. Казаки грозили силою схватить Выговскаго, показывали длинное обвиненіе, написанное на радѣ, и требовали, чтобъ Поляки его оставили. «Каждый изъ насъ, — отвѣчалъ Корчевскій, — лучше радъ — и не разъ, а нѣсколько разъ — готовъ умереть, нежели постыдно оставить усерднаго слугу короля».

Но казаки успокоились, когда узнали, что Выговскій добро-

вольно отказывается отъ гетманства. Бунчукъ и булава положены были на радѣ.

Казаки радостными окликами провозгласили Юрія Хмельницкаго гетманомъ.

Взявши булаву, Юрій спросилъ: «кого желаете признать государемъ,—польскаго короля, или московскаго царя?»

Старшины и простые казаки закричали, что они желаютъ короля. Но на этой радѣ было немногочисленное собраніе: чрезъ нѣсколько дней оказалось, что большинство было вовсе не на сторонѣ короля.

«Благодарю васъ за вѣрность»,— сказалъ Корчевскій, и подалъ имъ другіе два пункта.

На выпускъ жены Выговскаго казаки согласились. Что же касается до требованія ввести шляхту въ имѣнія, то они,—говоритъ Андрей Потоцкій въ своемъ донесеніи,—отложили разсужденіе объ этомъ на дальнѣйшее время, а исполненіе будетъ развѣ въ день судный.

По окончаніи рады, обозный Носачъ, полковники Гуляницкій и Дорошенко прибыли въ Бѣлую Церковь и дали Выговскому подписку гетмана и всѣхъ старшинъ въ томъ, что они доставятъ ему жену и Поляковъ изъ Чигирина [1]).

Такъ окончилось гетманство Выговскаго; съ нимъ кончилось и Великое Княжество Русское. И Украинцы и Поляки были не въ состояніи: первые — понять этотъ плодъ созданія головъ, стоявшихъ не въ уровнѣ съ народомъ, вторые — съ честію и прямотою сохранить данное слово.

Эти междоусобныя смуты разстроили Украину нравственно и физически. «Сила казаковъ ослабѣла въ буряхъ междоусобныхъ»,—писалъ Выговскій къ королю [2]): «громаднѣйшіе полки,—полтавскій, гдѣ было сорокъ тысячъ населенія, миргородскій, гдѣ было тридцать тысячъ, прилуцкій и ирклѣевскій, погибли въ конецъ; города и села заростаютъ крапивою». «Здѣсь

1) Пам. Кіевск. Ком. III, 3, 378—382.
2) Пам. Кіевск. Ком. III, 3, 405.

страшное вавилонское столпотвореніе,—говоритъ Полякъ-современникъ, описывая междоусобія при Выговскомъ [1]:—мѣстечко воюетъ противъ мѣстечка, сынъ грабитъ отца, отецъ сына. Цѣль ихъ, чтобъ не быть ни подъ властію короля, ни подъ властію царя; и они думаютъ этого достигнуть, ссоря сосѣдей и стращая короля—царемъ, а царя—королемъ. Благоразумнѣйшіе молятъ Бога, чтобъ кто-нибудь — король ли, царь ли — скорѣе забралъ ихъ въ крѣпкія руки, и не допускалъ безумной черни своевольничать».

1860.

---

[1]) Пам. Кіевск. Ком. III, 3, 302, 300.

БУНТЪ

СТЕНЬКИ РАЗИНА.

БУНТЪ
СТЕНЬКИ РАЗИНА

I.

Русскую исторію обыкновенно дѣлятъ на періоды; но не во всѣхъ отношеніяхъ выражаютъ этимъ то что хотятъ. Для отдѣленія одного періода отъ другаго берутъ внѣшнія событія, которыя хотя имѣли важное вліяніе на судьбу народа, но не уничтожали сразу стараго порядка и не вводили сразу новаго. Постепенно упадало старое, постепенно возрастало новое. Татарское завоеваніе иначе направило дѣятельность удѣльныхъ князей, произвело перемѣны въ связи городовъ и земель, дало другіе размѣры народнымъ свойствамъ; но и долго послѣ Татаръ оставалось больше слѣдовъ до-татарскаго времени, чѣмъ перемѣнъ. Государствованіе Іоанна III было то время, когда единодержавіе взяло перевѣсъ надъ удѣльностью; но эта эпоха не изгладила признаковъ жизни, свойственныхъ удѣльному міру. Дѣленіе на принятые періоды годится для школьнаго изученія событій былевой исторіи; исторія бытовая, исторія народной жизни требуетъ такихъ граней, которыя бы опредѣляли коренныя отличія, принимаемыя страною и жителями, и заключали въ себѣ главные уклады политической, общественной и духов-

ной жизни народа. Такихъ укладовъ русская исторія до Петра Великаго представляетъ два: удѣльно-вѣчевой и единодержавный. Невозможно отыскать такое время, когда между ними провелась раздѣлительная черта. Когда удѣльность господствовала надъ всѣмъ составомъ Руси, сѣмена единодержавія пытались пустить отростки и, напротивъ, когда единовластіе достигло полной силы, отжившія начала удѣльности, воскресая, оказывали признаки сопротивленія.

Картина удѣльно-вѣчевой Руси является наблюдателю въ такомъ видѣ: все дробится, все идетъ къ тому, чтобъ каждый городъ и даже каждое село образовывало самостоятельное цѣлое; и между тѣмъ, однако, существуетъ федеративная связь этихъ частей, безъ опредѣленныхъ учрежденій для поддержки согласія между ними, основанная болѣе на всеобщемъ чувствѣ и сознаніи единства Русской Земли и Русскаго народа; управленіе посредствомъ цѣлаго рода князей, изъ которыхъ ни одинъ, однако, не имѣетъ значенія государя; народоправленіе, выражаемое формою вѣчъ,—формою, которая въ однихъ мѣстахъ созрѣла, въ другихъ не созрѣла, смотря по обстоятельствамъ; перевѣсъ обычая надъ постановленіемъ, побужденія надъ закономъ, личной свободы надъ повинностью, общинности надъ единичностью власти, воли живаго народа надъ учрежденіемъ; вольница, движеніе, броженіе, кочеванье и потому безладица и непрочность.

Напротивъ, признаки единодержавія были таковы: всѣ народные интересы сосредоточиваются въ одномъ лицѣ, которое становится апотеозомъ страны и народа, и потому личность его пріобрѣтаетъ святое значеніе; исчезаетъ бытіе отдѣльныхъ частей, уничтожается народоправленіе,—все стремится къ единообразію; преобразованіе обычая въ постановленіе, сознанія въ букву закона, перевѣсъ повинности надъ личною свободою, старѣйшинства надъ общинностью, стремленіе къ осѣдлости, установкѣ и покою.

Въ борьбѣ этихъ двухъ укладовъ русскаго быта: удѣльно вѣчеваго и единодержавнаго — вся подноготная нашего стараго дѣеписанія. **Начала** единодержавія со всѣми исчисленными приз-

паками постепенно развивались въ періодъ татарскаго господства, но и въ болѣе отдаленное время ихъ уже существованіе княжескаго достоинства показываетъ единодержавіе зародышъ хотя въ слабой степени. Съ XIV вѣка, утвердившись на московской почвѣ, оно вступило въ явную борьбу съ старымъ противникомъ, истощеннымъ отъ внутреннихъ надрывовъ и устарѣвшимъ отъ лѣтъ и бѣдъ, шагъ за шагомъ брало надъ нимъ верхъ и торжествовало свой перевѣсъ освобожденіемъ страны отъ иноплеменнаго господства и созданіемъ монархическаго государства съ зачатками политическаго могущества. Побѣда достигла высшей степени при Іоаннѣ IV; но этотъ борецъ-побѣдитель, празднуя свое преобладаніе надъ врагомъ и кознями князей и бояръ, претендентовъ удѣльности, и бойнею въ Новѣгородѣ, еще вспоминавшемъ о своемъ вѣчѣ, — въ то же время подавалъ избитому, истерзанному врагу руки на мировую учрежденіемъ общинныхъ властей, самоуправою посадовъ и уѣздовъ, созваніемъ земской думы, по видимому вступавшей въ права всѣхъ вѣчъ вмѣстѣ, уже не для какого нибудь города или Земли, а для цѣлой Русской державы, и наконецъ своимъ духовнымъ завѣщаніемъ, гдѣ онъ сыну Ѳедору давалъ независимый удѣлъ. Хорошо, что у Іоанна остался только одинъ сынъ: еслибъ ихъ было нѣсколько, у насъ бы воскресла удѣльность. Оживающій врагъ избралъ тогда на югѣ Россіи уголокъ, гдѣ могъ, оправившись, не только давать отпоръ своему торжествующему сопернику, но и вторгаться въ завоеванные имъ предѣлы. Старое удѣльно-вѣчевое начало Руси облеклось теперь въ новый образъ, — то было казачество. Въ лицѣ Ермака оно показало Грозному, чего можно ожидать отъ него. Между тѣмъ по смерти Грознаго явился въ Москвѣ новый борецъ единодержавія — Борисъ Годуновъ. Онъ нанесъ старому врагу новыя раны введеніемъ кабаковъ и крѣпостнаго права. Зато и старый врагъ отмстилъ этому борцу: онъ низпровергъ его тронъ; ворвавшись въ Россію въ образѣ казачества, покрылъ ее развалинами и кровью, повелъ Русь до ограниченнаго избранія Владислава, до попытки соединенія съ Польшею, до полугодичнаго правленія

посредствомъ земскаго собора... Далѣе идти онъ не могъ: у него не хватало силъ, когда дѣло шло объ устойкѣ на завоеванномъ полѣ; единодержавіе опять взяло надъ нимъ верхъ избраніемъ Михаила Ѳедоровича, но принуждено было купить свое торжество значительными уступками старому врагу, который показывалъ громко, что онъ еще не при послѣднемъ издыханіи, а долженъ признать себя побѣжденнымъ только отъ неумѣнья продолжать войну. Вражда между ними, однако, была на смерть и не могла окончиться какими нибудь взаимными уступками. Едва торжествующая теперь сторона укрѣпилась, какъ тотчасъ же начала уничтожать всѣ уступки, данныя во время тяжкой битвы; она вытѣсняла вліяніе противника и усиленіемъ власти воеводъ, составленіемъ Уложенія, и строжайшимъ укрѣпленіемъ крестьянъ, и образованіемъ регулярнаго войска. Старый врагъ между тѣмъ, казалось, болѣе и болѣе молодѣлъ въ своей казацкой одеждѣ. Нѣсколько разъ соперники подавали другъ другу руку, сохраняя въ душѣ злобу, бросали одинъ другому ласковыя увѣренія, думая какъ бы уничтожить одинъ другаго съ корнемъ и заводомъ; наконецъ, улучивъ удобное время, побѣжденный столько разъ старикъ отважился на открытый бой. Сталъ у него борецъ Стенька Разинъ.

II.

Казачество тогда возникало, когда удѣльная стихія падала подъ торжествомъ единодержавія; оно было противодѣйствіемъ стараго новому. Ряды казачества наполнялись недовольными новымъ составомъ, тѣми кто не уживался въ обществѣ, для кого не по натурѣ были его узы. Русскій міръ былъ уже раздѣленъ на два государства — Москву и Литву; въ обѣихъ половинахъ явилось казачество. Тогда какъ въ Южной Руси заложилось славное Запорожье и разлило изъ себя духъ казачества по всей Украинѣ, одинакія событія произвели наплывъ народа съ сѣве-

ра на Донъ. Украина подала помощь этому обществу и населяла берега Дона своими дѣтьми. Какъ ни темна первая исторія донскаго казачества, но что малороссійская народность участвовала въ его закладкѣ и воспитаніи—это лучше всякихъ историческихъ памятниковъ доказываетъ нынѣшній языкъ донскихъ казаковъ: среднее нарѣчіе между малороссійскимъ и великорусскимъ языками. Отсюда казачество охватило берега Волги, Терека, Яика и проникло въ далекую Сибирь.

До эпохи самозванцевъ, казачество, повидимому, готовилось образовать отдѣльное общество въ русскихъ южныхъ краяхъ и хотѣло только укрыться съ своею независимостью отъ сѣвернаго единовластія; но вмѣшавшись въ дѣла Москвы въ началѣ XVII вѣка, оно вошло въ неразрывную связь съ нею и уже не ограничивалось тѣмъ, чтобъ засѣсть съ своими началами въ южныхъ степяхъ, а стремилось распространить эти начала по всей Землѣ Московскаго Государства.

Съ этого времени повсюду являются казаки. Правительство, желая установить это броженіе, допустило существованіе казачества внутри державы въ видѣ особаго военнаго сословія, наравнѣ съ стрѣльцами, пушкарями и воротниками. Оно употреблялось преимущественно тамъ, гдѣ нужно легкое наѣздническое военное дѣйствіе, въ особенности для передачи вѣстей отъ одного города до другаго и для конвоевъ. Другіе, которые въ смутныя времена начала XVII вѣка составляли казацкія шайки, были обращаемы въ тягловыя сословія, въ посадскіе, въ крестьяне, отдаваемы владѣльцамъ, отъ которыхъ убѣжали, — словомъ, возвращаемы къ тому гражданскому званію, въ какомъ были прежде и они сами, и отцы ихъ. Отвѣдавъ вольницы временъ самозванцевъ, многіе уже не уживались на родинѣ, бѣгали, шатались, составляли шайки, называли себя казаками и передавали эти привычки слѣдующему за собою поколѣнію. Такимъ образомъ казаки въ глазахъ правительства раздѣлялись на вѣрныхъ или признанныхъ властью, и воровскихъ, самозванныхъ казаковъ. Вольный тихій Донъ былъ центромъ казачества. Долго независимый, въ царствованіе Михаила Ѳедоровича онъ

признал власть московскаго царя. Въ 1634 году казаки присягнули на вѣрность и обѣщали не нарушать порядка своими разбоями и нападеніями на сосѣдей [1]). Обѣщаніе сохранялось плохо. Казаки продолжали свои набѣги и своевольства, и на Дону постоянно было двѣ партіи въ отношеніи русскаго правительства: вѣрные, хотѣвшіе согласить свою вольность съ повиновеніемъ верховной московской власти, и воровскіе, которые хотѣли дѣйствовать свободно и считать Донъ независимымъ и самоуправнымъ. Число воровскихъ было значительнѣе, потому что малѣйшее неудовольствіе обращало въ ихъ ряды и тѣхъ, которые при другихъ обстоятельствахъ были вѣрными.

Первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича были заняты борьбою съ воровскими казаками, какъ назывались шайки бродягъ, нехотѣвшія повиноваться властямъ. Ужасны были эти люди. Въ 1615 году, разсыпавшись по всей Московской Руси, и въ особенности около Волги, близъ Углича, Кинешмы, у Пошехонья, около Новгорода, въ Сѣверской Землѣ и украинныхъ городахъ, они грабили города и села и дѣлали надъ народомъ безчеловѣчныя истязанія. Ихъ ожесточеніе, при обычной тогдашней грубости нравовъ, становится понятнѣе, когда примемъ во вниманіе, что эти шайки были составлены изъ людей, оставившихъ свои прежнія повинности и теперь возвращаемыхъ къ нимъ снова насильно. Не желаніе какого-нибудь новаго порядка вещей увлекало эти толпы и внушало имъ ненависть къ прежнему житью, а охота шататься и быть тамъ, гдѣ показалось. Иной былъ прежде монастырскій, а жилъ теперь въ дворянскомъ имѣніи — его отыскивали и возвращали въ монастырское [2]). Другой былъ холопъ, убѣжалъ отъ своего господина и отдался иному господину въ холопы, а его хотѣли воротить къ прежнему [3]). Имъ хотѣлось свободно переходить отъ одного существующаго положенія къ другому существующему; новаго, свое-

[1]) «Времен. И. М. О. Ист. и Др.», IV. Смѣсь, 54.
[2]) «Акты Арх. Экспед.», 82, 303.
[3]) Улож., гл. XX, § 56.

образнаго они не могли выдумать кромѣ казацкаго, которое, съ извѣстной точки зрѣнія, было то же, что разбойничье. Въ первые годы Михаила Ѳедоровича, князь Лыковъ разбивалъ такія шайки нѣсколько разъ: подъ Балахною, подъ Симоновымъ монастыремъ, куда они пришли какъ-будто съ повинною, а въ самомъ дѣлѣ для буйства; потомъ на рѣкѣ Калужѣ, гдѣ былъ повѣшенъ знаменитый атаманъ Боловня, и откуда множество его товарищей отправлено въ тюрьму. Преслѣдуемые и поражаемые, одни сдавались на милость правительства, а другіе удалялись изъ жилыхъ мѣстъ въ низовья Волги, и одна изъ такихъ шаекъ, подъ начальствомъ Калбака, установилась близъ Каспійскаго моря и наносила страхъ плававшимъ по немъ судамъ.

На берегахъ Волги существовало тогда казачество какъ отдѣльное общество. Исторія его неизвѣстна. Мы знаемъ о существованіи волжскихъ казаковъ въ смутныя времена: они поддерживали Заруцкаго. Во время войны Поляковъ съ Турками подъ Хотиномъ, когда Запорожцы оказали столь дѣятельное участіе, пришло двадцать тысячъ волжскихъ казаковъ на помощь христіанамъ противъ невѣрныхъ. Они явились поздно, когда было дѣло уже кончено, но ихъ намѣреніе не осталось безъ награды [1]). Королевичъ Владиславъ отпустилъ ихъ съ подарками. Это извѣстіе, передаваемое южно-русскими лѣтописцами, важно: открывая значительность народонаселенія въ Волжскомъ краѣ, оно указываетъ на связь, существующую между всѣми вообще казаками; когда малороссійскіе казаки пошли помогать Польшѣ, сочувствіе къ дѣлу отозвалось въ такомъ отдаленномъ краю, какъ низовые берега Волги. Когда Олеарій плылъ по Волгѣ съ голштинскимъ посольствомъ, по берегамъ Волги, отъ устья Камы внизъ, блуждали казаки и были страхомъ для пловцовъ, потому что нападали на суда. Впрочемъ, то были не одни жившіе по Волгѣ: тамъ шатались для разбоевъ и съ Дона, и съ Яика, и со всѣхъ странъ русскаго міра. Волга, главный торговый путь, привлекала ихъ удальство. Въ 1621 г.

[1]) «Лѣтоп. Сам. Величка», 1 прилож.. стр. 24.

они ограбили караванъ судовъ, и это подало поводъ къ основанію города Чернаго-Яра. Въ 1654 году казаки напали на нижнеяицкій учугъ, принадлежавшій гостю Гурьеву, его раззорили и переманили въ свои ряды рабочихъ [1]): въ простонародіи было къ нимъ сочувствіе. Волга, на всемъ ея неизмѣримомъ протяженіи, была поприщемъ воровскихъ казаковъ. Ихъ дѣянія воспѣвались въ пѣсняхъ; къ нимъ относятся разнообразныя преданія; ихъ образъ въ народномъ воображеніи сохраняется съ марами (курганами) и городищами, усѣвающими приволжскія степи. Воровскіе казаки не были въ глазахъ простонародья простыми разбойниками, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова; они нападали на суда, на людей, грабили ихъ, убивали, но, по обширному кругу, въ которомъ хотѣла выразиться ихъ дѣятельность, названіе разбойниковъ для нихъ недостаточно. Сами они говорятъ въ своихъ пѣсняхъ: «мы не воры, не разбойники — мы удалые добры молодцы». Это были люди, выскочившіе изъ круга гражданскаго быта, невошедшіе въ другой и несознавшіе опредѣленной цѣли. Народъ сочувствовалъ удалымъ молодцамъ, хотя часто терпѣлъ отъ нихъ; самыя поэтическія великорусскія пѣсни — тѣ, гдѣ воспѣваются ихъ подвиги; въ воображеніи народномъ удалый добрый молодецъ остался идеаломъ силы и мужской красоты, какъ герой Греціи, рыцарь Запада, юнакъ Сербіи. Слово «удалый молодецъ» значило у насъ героя, а между тѣмъ оно смѣшалось съ значеніемъ разбойниковъ.

Итакъ, въ половинѣ XVII вѣка казачество охватывало болѣе чѣмъ пол-Руси, а народное недовольство гражданскимъ порядкомъ давало ему пищу и силы: въ казачествѣ воскресали старыя полу-угасшія стихіи вѣчевой вольницы: въ немъ старорусскій міръ оканчивалъ свою борьбу съ единодержавіемъ. Когда власть хотѣла подчинить казаковъ порядку и закону, воровское казачество хотѣло разлить по всей Руси противодѣйствіе ей. Уже для него было недовольно укрываться въ отдаленіи степей: оно хотѣло поглотить весь русскій народъ. Но само по себѣ, оно было

---

[1]) Доп. V 225.

не новымъ началомъ жизни, а запоздалымъ, отцвѣтшимъ; оно было страшнымъ на столько, чтобъ задержать русскій народъ, сбить его на время на старую дорогу, но безсильно и безсмысленно, чтобы проложить ему новый путь. Въ немъ не было созидательныхъ началъ, не было и духовныхъ силъ для отысканія удачныхъ способовъ дѣйствія. Оно не могло произвести ничего, кромѣ эпохи Стеньки Разина — кровавой, громкой, блестящей, приведшей въ ужасъ и ожиданіе, — по словамъ современника, — нетолько Московское Государство, но и всю Европу [1]), и безплодной, какъ метеоръ, много-обѣщающій незнакомому съ тайнами природы и никогда неисполняющій этого обѣщанія.

III.

Весь порядокъ тогдашней Руси, управленіе, отношеніе сословій, права ихъ, финансовый бытъ — все давало казачеству пищу въ движеніи народнаго недовольства, и вся половина XVII вѣка была приготовленіемъ эпохи Стеньки Разина.

Устройство отношеній между землевладѣльцами и работниками, и между господами и слугами, было въ числѣ причинъ, способствовавшихъ успѣхамъ возмущенія. До 1592 года крестьяне были люди вольные и по праву, въ опредѣленный годичный срокъ, переходили съ земли одного господина на землю другаго. Въ этотъ годъ, какъ должно думать, судя по смыслу другихъ позднѣйшихъ указовъ, Борисъ укрѣпилъ ихъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они тогда жили. Строгость этой мѣры была ослаблена послѣдующими распоряженіями самого Бориса. Въ 1597 году изданъ указъ, предоставлявшій владѣльцамъ право отыскивать своихъ крестьянъ тогда только, когда они убѣжали отъ нихъ ни ра-

---

[1]) Stenko Razinus cosacus Donicus perduellis praeside Conrado Samuele Schurzfleishio, 13.

нѣе пяти лѣтъ [1]). По указамъ 1601 и 1602 годовъ прикрѣпленіе крестьянъ къ землямъ удержалось только въ имѣніяхъ патріаршихъ, митрополичьихъ, владычнихъ, монастырскихъ, бояръ, дьяковъ и большихъ дворянъ, и приказныхъ людей, а въ имѣніяхъ дѣтей боярскихъ, жильцовъ, иноземцевъ, дворовыхъ царскихъ людей, подъячихъ всѣхъ приказовъ, стрѣлецкихъ, сотенныхъ и казачьихъ головъ, у переводчиковъ и толмачей Посольскаго Приказа, патріаршихъ и властелинскихъ приказныхъ людей оставленъ вольный переходъ крестьянамъ [2]). Ясно, что это постановленіе, оставлявшее свободу крестьянъ у мелкихъ, незначительныхъ владѣльцевъ и дѣлавшее ихъ крѣпкими въ имѣніяхъ знатныхъ и большихъ господъ, клонилось не къ прекращенію шатаній, какъ обыкновенно думаютъ, а къ тому, чтобъ угодить сильнымъ, на которыхъ опереться искала власть Бориса, начинавшаго собою новую династію. Съ тѣхъ поръ бояре и вообще господа постоянно старались о сохраненіи и дальнѣйшемъ утвержденіи такого гражданскаго порядка. При избраніи Владислава, бояре, распоряжаясь дѣлами государства, выговаривали впередъ условіе, *чтобъ на Руси промежъ себя крестьянамъ выходу не быти* [3]). Въ смутное время крестьяне всѣхъ вѣдомствъ наполняли толпы казаковъ, и переходили отъ одного владѣльца къ другому, обманывая всѣхъ равно. По возстановленіи порядка, бояре, имѣвшіе сильное вліяніе на дѣла государства, при непрочности новой власти, поспѣшили сохранить законъ Бориса и постановили обращать бѣглецовъ на прежнія мѣста жительства и вообще оставить тотъ порядокъ дѣлъ, какой введенъ Борисомъ при Ѳедорѣ Іоанновичѣ. Съ тѣхъ поръ крѣпостное право становилось тверже-и-тверже. Сначала срокъ для нахожденія бѣглыхъ холоповъ и крестьянъ и возвращенія ихъ на прежнее мѣсто положенъ пятилѣтній, но въ 1637 году онъ предположенъ на девять лѣтъ, въ 1641 году на десять лѣтъ.

---

[1]) «Истор. смут. врем.», I, прилож. 1.

[2]) «А. А. Э.», II, 75. «Ист. см. врем.», I, прилож. 1.

[3]) «Истор. смутн. врем.», I, прилож. 97.

Ограниченіе права возврата крестьянъ годами удерживало отчасти старый порядокъ дѣлъ, какой былъ до 1592 года, потому что крестьяне уходили отъ одного владѣльца къ другому и выжидали исхода срочныхъ лѣтъ, чтобъ потомъ быть безопаснымъ отъ притязанія прежняго господина. Въ 1645 году [1]) дворяне и дѣти боярскіе жаловались, что въ то время, когда они находились въ военной службѣ, крестьяне ихъ уходили къ инымъ владѣльцамъ и особенно къ боярамъ, окольничимъ и въ монастырскія имѣнія. Это понятно, потому что у богатыхъ владѣльцевъ, имѣвшихъ больше средствъ, крестьяне подвергались меньшимъ повинностямъ, чѣмъ у бѣдныхъ. Бѣднымъ тяжело было судиться съ богатыми. Такимъ образомъ, большія села увеличивались, а мелкія деревушки пустѣли. Въ 1647 году постановлено не возвращать бѣглыхъ только въ такомъ случаѣ, если они прожили внѣ мѣстъ, гдѣ записаны, болѣ пятнадцати лѣтъ [2]). Въ 1649 году уничтоженъ срокъ для поимки бѣглыхъ [3]). «Уложеніе» окончательно сдѣлало крестьянъ крѣпкими землѣ [4]). Оно не только прекратило сроки, не только установило твердое правило на будущее время, что *никому за себя крестьянъ не принимать*, но еще обратило его и на прежніе годы. Такимъ образомъ, руководствуясь писцовыми книгами, составленными послѣ пожара 1625 года, и всѣхъ крестьянъ, записанныхъ передъ тѣмъ въ писцовыхъ книгахъ, велѣно отдавать съ ихъ семействами безъ урочныхъ лѣтъ прежнимъ владѣльцамъ, за которыми они числились. Крестьянство распространилось не только на тѣхъ, которые значились въ писцовыхъ книгахъ, какъ хозяева, но и на ихъ дѣтей, родственниковъ [5]), которые жили съ ними не въ раздѣлѣ и до того времени считались гулящими людьми.

---

[1]) «Акты Арх. Эксп.», IV, 24.
[2]) «Дополн. къ Акт. Истор. III, 116.
[3]) «Акт. Истор.», IV, 17.
[4]) «Улож.», гл. XI, § 3.
[5]) «Улож.», гл. XI, § 28, ibib. § 1.

Званіе крестьянина было отлично отъ званія холопа; но мало-по-малу значеніе ихъ сливалось, и во второй половинѣ XVII вѣка различіе между ними состояло не столько въ ихъ правахъ, сколько въ способахъ пріобрѣтенія господиномъ правъ своихъ. Холопами въ обширномъ смыслѣ назывались всѣ тѣ, которые были обязаны какою-нибудь службою другому лицу. Въ этомъ отношеніи и бояре и князья писались царскими холопами. Въ тѣсномъ смыслѣ холопами, или людьми, назывались вообще рабы: или плѣнные, или вошедшіе въ это званіе по долговымъ обязательствамъ, или родившіеся отъ рабовъ. Въ Руси издавна было въ обычаѣ отдавать себя въ залогъ за занятыя деньги, или продаваться за извѣстную сумму. Иные продавали себя съ дѣтьми и со всѣмъ потомствомъ и давали на себя вѣчную кабалу по записямъ. Тогдашнія понятія считали справедливымъ предоставить отцу право распоряжаться судьбою тѣхъ существъ, которыя онъ произвелъ на свѣтъ. Иные же продавали себя на срокъ и давали записи, называемыя закладною кабалою. Сверхъ того, люди отдавались въ холопство заимодавцамъ по суду, когда они не могли заплатить суммы, слѣдуемой имъ. Кабала служила владѣльцу для предъявленія его правъ на раба. Въ 1597 году установлено, чтобъ всякій, кто служилъ у хозяина безъ всякой кабалы полгода, дѣлался полнымъ его холопомъ или человѣкомъ [1]). Большія злоупотребленія были послѣдствіемъ этого закона. Вольные люди, жившіе въ услуженіи, бѣгали отъ господъ, когда господа по такому закону хотѣли закабалить ихъ себѣ въ вѣчное рабство: богатые обманомъ и насиліемъ порабощали бѣдняка; другіе господа сами ссылали отъ себя слугъ, съ тѣмъ, чтобъ придраться къ тѣмъ, къ кому они пристанутъ. И, въ самомъ дѣлѣ, когда слуги для пропитанія находили себѣ пріютъ у иныхъ господъ, прежніе ихъ господа грозили послѣднимъ судомъ, домогались не только возврата слугъ, но еще и мнимыхъ убытковъ и пени за передержку. При самозванцѣ этотъ стѣснительный законъ уничтоженъ: по прежнему было

---

[1]) «Ист. Государ. Рос.», т. X.

постановлено считать холопомъ только того, кто давалъ на себя письменный актъ; искъ господина на холопа приносился не голословно, а на основанiи предъявленной кабалы [1]). При Шуйскомъ принято правиломъ считать холопомъ только по письменнымъ актамъ; но тотъ, кто служилъ болѣе пяти лѣтъ у господина безкабально, дѣлался его вѣчнымъ холопомъ и безъ акта [2]). Въ смутное время множество холоповъ разбѣжалось и пошло въ казаки; съ возстановленiемъ власти, правительство сначала хотѣло и холоповъ, какъ другiя сословiя, обратить къ прежнимъ обязанностямъ, но должно было сдѣлать уступку, дозволивъ тѣмъ, которые пошли въ казаки, оставаться къ казачествѣ [3]). Иногда являлось стремленiе ограничить холопство, по-крайней-мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ государства, такъ напримѣръ, въ одной грамотѣ 1646 года уфимскому воеводѣ приказано наблюдать, чтобъ никто не отдавалъ себя въ залогъ по крѣпостямъ: на эти мѣры правительство вынуждалось потому, что многiе тяглые и ясачные шли въ холопы и уклонялись отъ государственныхъ повинностей [4]). Также въ 1665 году въ поволжскихъ областяхъ запрещалось отдаваться въ кабалу и принимать въ залогъ людей [5]). Въ царствованiе Михаила и Алексѣя постоянно и всюду тяглыхъ и дворцовыхъ возвращали на свои мѣста, и всякая сдѣлка, заключенная ими объ отдачѣ себѣ въ холопство, уничтожалась. По «Уложенiю», полнымъ холопомъ назывался тотъ, кто отдавался въ рабство навсегда; дѣти, рожденные уже въ рабскомъ состоянiи, дѣлались также собственностью господина [6]). Иное дѣло кабальные холопы, то-есть обязанные служить временно по взаимному условiю, или присужденные въ холопство за долги до обработки долга [7]): вообще наблюдалось

[1]) «Ист. Госуд. Рос.». т. X, прим. 39.
[2]) «Акт. Истор.», II, 117.
[3]) «Акт. Истор.» III, 90.
[4]) «Акт. Истор.» III, 371.
[5]) «Акт. Истор.» IV, 346.
[6]) «Улож.» XX, § 61.
[7]) Улож. XX, § 45.

правиломъ, чтобъ кабальные дѣлались свободны по смерти господина [1]). Хотя холопство зависѣло отъ даннаго на себя письменнаго акта, но если человѣкъ служилъ у господина три мѣсяца безкабально, то безъ всякаго акта господинъ имѣлъ законное право требовать его закрѣпленія [2]). Это простиралось и на потомство холопа, если холопъ былъ кабальный и закабалилъ себя на срокъ, а его дѣти безкабально служили тому господину; на этомъ одномъ основаніи господинъ имѣлъ право требовать закрѣпленія дѣтей, и они дѣлались его рабами, хотя бы отецъ ихъ и они сами этому противились [3]). Тѣмъ не менѣе, тотъ же человѣкъ, если онъ служилъ у господина и гораздо большій срокъ, безкабально, не дѣлался поэтому одному холопомъ, если господинъ того не требовалъ [4]). Въ началѣ XVII вѣка всѣ имѣли право держать полныхъ холоповъ [5]). Но послѣ «Уложенія» [6]) это право не давалось священнослужителямъ и церковнослужителямъ (исключая протопоповъ), боярскимъ людямъ, а также и посадскимъ [7]). Послѣдніе могли брать кабалы не болѣе, какъ на пять лѣтъ [8]).

Осталось много свидѣтельствъ, что холопы и крестьяне по смыслу права различались между собою [9]). Крестьяне отдавали себя на кабалу господамъ своимъ, которые иногда и неволили ихъ къ тому [10]). «Уложеніе» [11]) запрещаетъ господамъ брать кабалы на своихъ крестьянъ. Когда бывали такіе случаи, то значитъ положеніе холоповъ было иное, чѣмъ крестьянъ, и правительство не хотѣло смѣшивать эти сословія. Въ 1646 г., при

---

[1]) Улож. XX, § 18.
[2]) Ibid. § 16.
[3]) Ibid. § 30.
[4]) Ibid. § 18.
[5]) «Акт. Истор.» II, 57.
[6]) Улож. гл. XX, § 104.
[7]) Котошихинъ, 89.
[8]) Тамъ же 95.
[9]) «Акт. Арх. Экспед.» III, 303.
[10]) «Акт. Истор.» II, 96.
[11]) Гл. XX, § 113.

переписи, велѣно строго отличать крестьянскіе дворы отъ людскихъ [1]). Многіе добровольно отдавались за денежную ссуду въ крестьяне, наподобіе того, какъ отдавались въ холопы, и давали на себя записи; но такая запись отличалась отъ кабальной [2]); тогда какъ актъ о холопствѣ предъявлялся въ Холопьемъ приказѣ, вольный человѣкъ, желавши отдаться въ крестьяне, приводился въ Помѣстный приказъ [3]). Владѣлецъ не могъ переводить своихъ крестьянъ изъ помѣстій въ отчины [4]). Владѣльческіе крестьяне имѣли право покупать и продавать по актамъ свои недвижимыя имущества; изъ купчихъ на такой предметъ не видно, чтобы право частнаго владѣнія крестьянъ юридически зависѣло отъ ихъ господъ [5]). Обязанности крестьянъ опредѣлялись вытями, записанными въ писцовыхъ книгахъ, то-есть участками земли, съ которыхъ они должны были работать господину и платить хлѣбный и денежный оброкъ, — эти выти относились только къ хозяевамъ; до «Уложенія», дѣти, братья, племянники и подсосѣдники, жившіе съ хозяиномъ нераздѣльно, были люди гулящіе [6]), и могли измѣнять образъ жизни, вѣроятно при условіяхъ, теперь еще не вполнѣ разъясненныхъ наукою. Все это показываетъ, что крестьяне составляли отдѣльное сословіе отъ холоповъ.

Но крестьянинъ, какъ и холопъ, былъ преданъ произволу владѣльца. Мы не знаемъ никакихъ обезпеченій, которыя бы ограждали какъ того, такъ и другаго отъ этого произвола. Только въ монастырскихъ имѣніяхъ являются слѣды такого обезпеченія; напримѣръ, нѣкоторые монастыри не могли облагать своихъ крестьянъ болѣе положеннаго, а должны были испрашивать особеннаго позволенія челобитными, если предстояла

---

[1]) «Акт. Арх. Экспед.» IV, 25.
[2]) «Оп. гор. Шуи» 405.
[3]) «Акт. Арх. Эксп.» IV, 26.
[4]) Улож. гл. XI, § 30.
[5]) «Оп. гор. Шуи» 307.
[6]) «Акт. Арх. Эксп.» III, 32.

надобность умножить поборы или увеличить повинности [1]). Что же касается до частныхъ, такъ называемыхъ въ обширномъ смыслѣ, по языку того времени, боярскихъ, также архіерейскихъ имѣній, то хотя Котошихинъ и говоритъ, что за неправильное наложеніе поборовъ, по возникшему челобитью, отбиралось имѣніе [2]), но такіе случаи были дѣломъ произвола власти, а не закона; въ граматахъ на владѣнія обыкновенно говорилось, что крестьяне обязаны слушать господъ своихъ во всемъ; пахать на нихъ пашню и платить оброкъ, чѣмъ господинъ изоброчитъ, и не видно ни правилъ, которыя бы ограничивали въ этомъ случаѣ произвольное управленіе владѣльца, ни законовъ, которые бы стояли на стражѣ за крестьянъ. Подобный произволъ существовалъ даже и до прикрѣпленія крестьянъ, какъ видно изъ граматъ тогдашняго времени [3]). Послѣ «Уложенія», въ купчихъ крѣпостяхъ владѣлецъ продавалъ своихъ крестьянъ съ женами и дѣтьми и съ племянниками и со всѣми ихъ крестьянскими животами (имуществомъ).

Въ записяхъ на крестьянство писалось, что отдающій себя въ крестьянское званіе дозволялъ продать себя и заложить. Изъ актовъ второй половины XVII вѣка видно, что владѣльцы вотчинныхъ крестьянъ своихъ, наравнѣ съ людьми, отдавали дочерямъ въ приданое безъ земли [4]). Если владѣльцу запрещалось переводить своихъ крестьянъ изъ помѣстья въ вотчину, то это установлено не для огражденія крестьянъ, а для соблюденія государственныхъ интересовъ, чтобы не лишались народонаселенія помѣстья, которыя собственно были имѣнія государственныя, только данныя временно въ пользованіе помѣщику; зато инымъ способомъ владѣлецъ могъ передвигать своихъ крестьянъ какъ угодно. Такимъ образомъ, хотя выше показано, что существовало различіе между холопами и крестьянами, но,

---

[1]) «Акт. гор. Шуи» 192.
[2]) Котоших. 119.
[3]) «Акт. отн. къ юрид. быту» 74, Допол. VI, 80.
[4]) «Акт. отн. къ юрид. быту» 415, 602, 483.

по ихъ положенію, несравненно болѣе между ними сходства. Какъ тѣ, такъ и другіе не были ограждены отъ произвола господъ.

Если крестьянину, дозволялось на владѣльцевъ приносить жалобы, какъ вообще въ то время всѣмъ на своихъ властей, то на дѣлѣ всегда скорѣе могъ быть оправданъ владѣлецъ, чѣмъ крестьянинъ. Уже въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, Флетчеръ замѣтилъ, что дворянинъ, убившій крестьянина, особенно собственнаго, рѣдко отвѣчаетъ [1]). Это происходило не только отъ злоупотребленія судей: самые законы не давали никакого ручательства подвластнымъ въ ихъ тяжбахъ съ господами. При царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ бояре приговорили: если господа будутъ представлять къ суду своихъ крестьянъ и обвинять ихъ въ преступленіяхъ,—крестьянъ подвергать пыткамъ не по обыску, какъ дѣлалось съ лицами другихъ сословій, а по одному слову владѣльцевъ. Этотъ законъ соблюдался и при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ [2]). Подобно тому же, по «Уложенію», холопъ, котораго господинъ не кормилъ, могъ явиться въ Холопій приказъ и требовать свободы, но получалъ ее тогда, когда жалоба его оказывалась справедливою, а оно признавалась справедливою только въ такомъ случаѣ, если господинъ сознавался въ томъ, и, напротивъ, одного отрицательнаго слова было достаточно, чтобъ опровергнуть жалобу холопа [3]). Въ случаѣ, если владѣлецъ убьетъ въ дракѣ крестьянина другаго владѣльца, послѣдній бралъ изъ имѣнія убійцы лучшаго крестьянина съ женою и дѣтьми, вовсе безъ спроса о желаніи послѣднихъ идти къ другому господину [4]), слѣдовательно въ этомъ отношеніи законодательство смотрѣло на крестьянина совершенно какъ на собственность. Владѣлецъ бралъ за убитаго своего крестьянина другаго, такого же, почти такъ же, какъ-бы имѣлъ право взять за убитаго быка другую такую же скотину. Дворянинъ, или

[1]) Стр. 51, изд. 1591 г.
[2]) «Акт. Истор.» III, 247.
[3]) Гл. XX, § 41, 42.
[4]) «Акт. Истор.» III, 303. Улож. гл. XXI, § 71.

сынъ боярскій, могъ, вмѣсто того чтобъ самому подвергаться правежу, посылать на истязаніе своихъ людей [1]. Въ случаѣ если дворянинъ, или сынъ боярскій, медлилъ явиться въ срокъ на службу, — брали его людей и крестьянъ, и держали въ тюрьмѣ, пока господинъ явится [2]. Когда, по случаю непріятельскаго вторженія, загоняли людей въ осаду въ городъ, и какая-нибудь помѣщица не слушалась и не являлась, вмѣсто нея наказывали ея людей и крестьянъ. Самъ господинъ имѣлъ возможность наказывать какъ хотѣлъ своего подвластнаго. Безъ всякаго суда и слѣдствія виновнаго призывали; онъ самъ скидалъ съ себя платье и ложился на брюхо; двое садились ему на голову, двое на ноги и били прутьями иногда до того, что у него разсѣдалась кожа [3]. Наконецъ тягость крѣпостнаго состоянія увеличивалась еще тѣмъ, что иногда сами люди и крестьяне, по приказанію своего господина, нападали на людей и крестьянъ другаго, бывшаго съ нимъ во враждѣ, и, такимъ образомъ, изъ угожденія къ своимъ господамъ, люди и крестьяне били и грабили другъ друга [4]. Много было причинъ къ побѣгамъ...

Неудовлетворительное состояніе владѣльческихъ людей и крестьянъ не было, однако, несноснѣе состоянія посадскихъ и черныхъ волостей; послѣднее бывало нерѣдко тяжелѣе, и оттого тяглые бѣгали изъ своихъ общинъ и отдавались въ крестьяне и холопы частнымъ владѣльцамъ [5], а правительство постоянно возвращало ихъ на свои мѣста [6]. Посады и черносошныя села были обременены безчисленными повинностями. Они платили царскую дань, полоняночныя деньги (для выкупа плѣнныхъ), четвертныя, пищальныя; отбывали множество повинностей или натурою, или давали за то деньги — напримѣръ, возили къ се-

[1]) «Акт. Истор.» III, 307.
[2]) «П. С. З.» I, 507.
[3]) Olear. 273.
[4]) «Акт. гор. Шуи» 51.
[5]) «Акт. Арх. Эксп.» III, 144 — 145.
[6]) «Акт. Арх. Эксп.» II, 103, IV, 47. «Собр. Госуд. Грам.» 209.

литрянымъ заводамъ дрова или золу, или платили ямчужныя; участвовали въ постройкѣ городовъ по *развытью*, то-есть по назначенію для каждаго посада или волости столько и столько сдѣлать городской стѣны или насыпать вала, или же платили за то городовыя; ставили на ямы охотниковъ и давали имъ содержаніе, или платили ямскія; доставляли цѣловальниковъ и сторожей къ тюрьмамъ и давали имъ подможныя деньги на содержаніе; выбирали цѣловальниковъ къ разнымъ казеннымъ дѣламъ и давали тоже подможныя; мостили мосты по дорогамъ; давали подможныя разнымъ мастерамъ, выбираемымъ изъ нихъ же; давали натурою или деньгами стрѣлецкій хлѣбъ и обязаны были возить его къ мѣсту назначенія; возили царскихъ гонцовъ и всякихъ служилыхъ людей; строили дворы воеводамъ; давали деньги въ приказную избу на свѣчи, бумагу и чернила; во время войны поставляли даточныхъ людей въ войско и содержали ихъ; нерѣдко, при какихъ нибудь казенныхъ постройкахъ, должны были отправлять рабочихъ, отрывая ихъ отъ обычныхъ промышленныхъ и земледѣльческихъ занятій, и кормить ихъ. Сверхъ-того, всѣ ихъ промыслы и занятія были обложены множествомъ разнообразныхъ пошлинъ [1]). Общинное устройство, по которому все это требовалось не съ каждаго лица, а съ цѣлой общины, увеличивало тягость повинностей. Всѣ повинности и поборы отправлялись по сохамъ. Сохи были составляемы по писцовымъ книгамъ и отъ одной переписи до другой оставались по закону въ томъ видѣ, въ какомъ составлены, тогда какъ на самомъ дѣлѣ уклонялись отъ перваго вида, такъ что число дворовъ и людей то умножалось, то уменьшалось, а единица сохи оставалась въ томъ же видѣ, и повинности взимались однѣ и тѣ же. Правительство знать не хотѣло, сколько отбываетъ каждый членъ общины въ особенности, а предоставляло развытье (раскладку) цѣлымъ общинамъ. Въ иныхъ мѣстахъ общины пустѣли отъ побѣговъ или перехода ихъ членовъ, въ другихъ

---

[1]) «Акт. Истор.» III, 51, 180, 41, 119; V, 76. Доп. III, 122; IV, 55. «Русск. Вѣстн.» 1840 г. 6 — 65.

увеличивались отъ прилива народонаселенія; въ однѣхъ, по разнымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, средства къ благосостоянію умножались, въ другихъ — истощались; а естественно, гдѣ число дворовъ было менѣе и гдѣ средства были недостаточнѣе, повинности становились тяжелѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ дворовъ и средствъ было болѣе. Между тѣмъ за преступленія члена отвѣчала цѣлая община — пенею [1]). Неисполненіе тяжелыхъ повинностей наказывалось строго, и при этомъ часто не обращалось вниманія на причины: напримѣръ, въ 1624 году, за медленность въ сборѣ стрѣлецкаго хлѣба, велѣно приводить виновныхъ въ города и передъ съѣзжею избою каждый день до вечера бить нещадно батогами, пока выправятъ съ нихъ хлѣбъ [2]). Въ 1618 году бѣлозерскій воевода, получившій выговоръ за небреженіе къ собранію поборовъ съ посадскихъ людей, *правилъ нещадно и побивалъ на смерть:* посадскіе разбѣжались и самый городъ, лишенный народонаселенія въ посадѣ, подвергался опасностямъ [3]). Управленіе, притомъ, было часто очень сложное; напримѣръ, какая нибудь община имѣла по грамотѣ право платить поборы исключительно въ какой нибудь приказъ, независимо отъ воеводъ, а между тѣмъ воеводы сбирали съ членовъ ея то же самое — и за неисправность били ихъ на правежѣ [4]). Отягощеніе сошныхъ крестьянъ въ XVII вѣкѣ было столь велико, и сборы съ нихъ такъ огромны, что они были принуждены занимать деньги за большіе проценты, разорялись до остатка и, спасаясь отъ правежей, разбѣгались [5]). Нерѣдко способъ отправленія повинностей и злоупотребленія при этомъ были причинами побѣговъ [6]). Напримѣръ, посылки царскихъ стряпчихъ для покупокъ и сборовъ разныхъ запасовъ сопровождались всегда обязанностями жителей давать имъ подводы даже и въ

[1]) Допол. V, 247, 316.
[2]) «Акт. Истор.» III, 270.
[3]) «Акт. Арх. Эксп.» III, 131.
[4]) «Ак. Арх. Эксп.» допол. I, 125.
[5]) «Акт. Истор.» III, 138, 360.
[6]) Допол. IV, 186.

рабочую пору; эти посыльные брали насильно лишнихъ лошадей, сажали на подводы купцовъ, складывали ихъ товары, взявъ за то съ торговцевъ, разумѣется, дешевле чѣмъ тѣ могли бы сторговаться съ крестьянами [1]).

Злоупотребленія воеводъ и вообще служебныхъ лицъ и дурныя стороны правосудія увеличивали тягостное положеніе жителей. Воеводы посылались на кормленье [2]), смотрѣли на свою должность, какъ на доходъ, и сами высказывали этотъ взглядъ въ своихъ челобитныхъ. Такъ, напримѣръ, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ просился на Бѣлоозеро князь звенигородскій. Хотя на Бѣлоозерѣ былъ тогда воевода на мѣстѣ, но князь представлялъ, что «этотъ воевода живетъ на воеводской должности уже другой годъ и имѣлъ возможность составить себѣ состояніе», а онъ, князь, задолжалъ и умираетъ съ голоду, и людишки его пропадаютъ на правежѣ» [3]). Воеводы — говоритъ одинъ путешественникъ [4]) — не пользуются ни любовью, ни уваженіемъ въ народѣ; каждый годъ прибываютъ они на воеводство вновь, свѣжи и голодны, — грабятъ и обираютъ народъ, не обращая вниманія ни на правосудіе, ни на совѣсть; а когда окончатъ свой срокъ, то ѣдутъ къ отчету и отдаютъ часть добычи тѣмъ, которые ихъ повѣряютъ въ четвертяхъ и приказахъ. Они грабили иногда совершенно по разбойничьи; напримѣръ, въ 1649 г. въ Старорусскомъ уѣздѣ воевода съ своими людьми ѣздилъ по волостямъ, подвергалъ крестьянъ разнымъ истязаніямъ и вы-

---

[1]) Допол. V, 313.

[2]) «Русская Бесѣда», по поводу спора съ г. Чичеринымъ, сильно возстала противъ такого взгляда и доказывала, что на кормленье должно смотрѣть только какъ на извѣстную форму вознагражденія воеводъ за труды, такъ-что, вмѣсто того, чтобъ получать жалованье отъ правительства, какъ дѣлается теперь, правительственныя лица получали извѣстные доходы съ дѣлъ, опредѣленные закономъ. Это такъ. Но чтобъ оцѣнить какое бы то ни было учрежденіе и показать способъ и степень его вліянія на бытъ и положеніе народа, слѣдуетъ всегда смотрѣть на то, какъ оно прилагалось, а не на его идею.

[3]) «Врем.» IV. Матер. 40.

[4]) Fletch. 32.

мучивалъ у нихъ деньги: онъ учреждалъ пиры и звалъ къ себѣ подчиненныхъ, — тѣ должны были подносить ему *поклонное*; а кто уклонялся, за тѣмъ онъ посылалъ приставовъ, какъ за подсудимымъ, и сажалъ въ тюрьму или осуждалъ на тяжелую работу, отъ которой надобно было откупаться [1]). Наглость воеводъ особенно была безмѣрна въ отдаленныхъ провинціяхъ, напримѣръ въ Сибири: тамъ воеводы отбирали у служилыхъ жалованье для себя, а имъ приказывали расписываться въ полученіи, и, въ случаѣ сопротивленія, били ихъ. Въ 1649 году объ одномъ воеводѣ говорили, что онъ ходилъ постоянно съ батогомъ въ полтора аршина длиною и въ палецъ толщиною и билъ людей, кого только встрѣчалъ на улицѣ, приговаривая: «я воевода такой-то — всѣхъ исподтиха выведу и на кого руку наложу, тому отъ меня свѣта не видать, и изъ тюрьмы не бывать» [2]). Судъ, находясь въ рукахъ этихъ грабителей, до крайности былъ продаженъ. Они открыто продавали свои приговоры той изъ тяжущихся сторонъ, которая больше дастъ. Не было несправедливости, которая за деньги не могла бы остаться безъ наказанія [3]). Начать дѣло — значило давать взятки воеводѣ и приказнымъ людямъ, да въ добавокъ быть битому—для того, чтобъ дать больше. «Дѣло не велико, да воевода крутъ — свилъ мочальный кнутъ!» говоритъ пословица XVII вѣка [4]). Въ русской администраціи сдѣлалось какъ бы формальнымъ правиломъ, что воевода, пріѣзжая на воеводство, собиралъ людей, хулилъ прежнее управленіе и говорилъ, что теперь уже не будетъ такъ, какъ дѣлалось при прежнемъ воеводѣ; что теперь воцарится правосудіе и справедливость — и обыкновенно черезъ годъ эта новая, столь многообѣщавшая, власть замѣнялась другою, которая въ свою очередь обличала ее, а себя выставляла на показъ [5]). Сила выборнаго управленія со старостами и цѣловальниками въ

---

[1]) Допол. III, 238.
[2]) Тамъ же, III, 216.
[3]) Мейерб. 165.
[4]) Арх. ист. юрид. свѣд., 57.
[5]) Допол. III, 390; IV, 154.

XVII вѣкѣ упала; оно подчинилось вліянію воеводъ и дьяковъ: тогда и выборные сами по себѣ были грабители — не хуже воеводъ и дьяковъ. Выборы въ XVII вѣкѣ производились подъ вліяніемъ послѣднихъ, и притомъ только богатыми членами общины. Разъ выбранныхъ нельзя было смѣнить до срока, и случалось, что земскіе старосты, стакавшись съ воеводами и дьяками, да съ товарищами ихъ откупщиками, сбирали съ жителей разные поборы не по закону брали лишнее себѣ въ пользу и дѣлились съ приказнымъ людомъ [1]). Иногда даже воеводамъ поручалось при сборахъ охранять народъ отъ выборнаго начальства и отъ богатыхъ мужиковъ горлановъ, какъ они называются въ актахъ [2]). Такими же грабителями въ дворцовыхъ селахъ и слободахъ были приказчики. Напримѣръ, въ 1647 году, въ селѣ Дуниловѣ, когда жители приносили приказчику свои оброчныя деньги, — онъ ихъ не бралъ, но требовалъ *възъемковъ и слуповъ*, билъ на правежѣ, сажалъ въ подполье, а зимою въ одной рубахѣ запиралъ въ холодную повалушу. Онъ бралъ поборы холстомъ, сукнами, отдавалъ насильно замужъ крестьянскихъ дѣвушекъ и проч. [3]). Отъ всѣхъ такихъ злоупотребленій жители разбѣгались; пустѣли цѣлые Посады и большія села. «Удивительно» — замѣчаетъ иностранецъ — [4]) какъ люди могутъ выносить такой порядокъ, и какъ правительство, будучи христіанскимъ, можетъ быть имъ довольно?»

Обозрѣвая русское судопроизводство тѣхъ временъ, невольно припоминаешь замѣчаеніе одного иностранца, посѣщавшаго Россію въ XVI вѣкѣ, что здѣсь нѣтъ закона и все зависитъ отъ произвола властей [5]). Дѣйствительно, самое законодательство было таково, что представляло много случаевъ, когда невинный могъ быть наказанъ какъ преступникъ, не по ошибкѣ, а при совершенномъ сознаніи его невинности. На первомъ планѣ здѣсь

---

[1]) «Опис. гор. Шуи», 323.
[2]) Допол. IV, 332.
[3]) «Влад. Губ. Вѣд.» 1856 г., № 24.
[4]) Флетч. 33, изд. 1591.
[5]) Tuberv. Hacl. 436 — 443.

стоятъ дѣла по доносамъ о злоумышленіяхъ противъ царя. Если доносчикъ выдерживалъ пытку, то это считалось доказательствомъ справедливости обвиненія. Жена одного конюха доносила на мужа, что онъ хочетъ отравить царскихъ лошадей. Ее подвергли пыткѣ; она выдержала ее; мужа сослали въ Сибирь, а жена пользовалась половиною содержанія, какое получалъ мужъ [1]). Обыкновенно воръ и разбойникъ обвинялъ кого нибудь, и если выдерживалъ пытку, то пыткѣ подвергали и обвиняемаго. Можно себѣ представить, какъ легко тогда было мучить невинныхъ [2])! Въ случаѣ сопротивленія распоряженіямъ властей или неисполненія начальническихъ приказаній, часто было трудно найти виновныхъ въ толпѣ народа; тогда на выборъ наказывали нѣсколько человѣкъ изъ общины, не разбирая того, что такимъ образомъ пострадать могли одни невинные [3]). Выше было сказано, что должники посылали на правежное истязаніе своихъ людей. По «Уложенію» [4]), вообще долги помѣщиковъ и вотчинниковъ правились на крестьянахъ. Такимъ образомъ, несчастнаго крестьянина отрывали отъ работы, держали въ городѣ и каждый день у приказной избы колотили по ногамъ, хотя онъ ни духомъ, ни слухомъ не былъ виноватъ въ томъ, что его господинъ надѣлалъ долговъ и не платитъ. Такъ же точно отвѣчали жены и дѣти за мужей и отцовъ [5]). Если убѣжитъ крестьянинъ, сажали въ тюрьму и били его семейныхъ, родственниковъ, жившихъ съ нимъ не въ раздѣлѣ, и подсосѣдниковъ [6]). Съ другой стороны, дѣти были преданы безотчетному произволу родителей и обвинялись единственно по ихъ доносамъ. Родители могли отдавать своихъ дѣтей въ рабство [7]). Выше сказано, что цѣлыя общины отвѣчали за чле-

---

[1]) Olear. I, § 8.
[2]) Котоших. 91.
[3]) «Акт. Арх. Эксп.» III, 91.
[4]) Улож. гл. X, § 262.
[5]) «П. С. З.» I, 369. «Акт. Истор.» IV, 357.
[6]) Допол. IV, 299.
[7]) «Акт. Истор.», 243. Уложен., гл. XX, § 110.

новъ. Нерѣдко бывало, и дворяне подавали челобитную, будто въ такомъ то посадѣ и въ такой то волости ихъ ограбили; преступника не находили, потому что его не было, и вся община облагалась пенею [1]). По поводу безпрестанныхъ побѣговъ, шатаній и разбоевъ, часто посылались сыщики, которые производили и слѣдствіе и расправу и были мучителями невиннаго народа. Они брали съ жителей содержаніе себѣ и кормъ своимъ лошадямъ, питье, подводы, сторожей, нерѣдко для своей корысти научали преступниковъ клеветать на невинныхъ, чтобъ потомъ лупить съ посадскихъ взятки. Однажды сдѣланъ былъ доносъ, что въ Шуѣ явились продавцы табаку; послали туда сыщика, который задерживалъ посадскихъ и безъ всякихъ уликъ билъ ихъ, вымогая съ кого деньги, съ кого ведро вина и т. п., а кто не давалъ, того, отлупивши, сажалъ въ тюрьму. Случались примѣры, что жители просили заступленія отъ сыщиковъ и губныхъ старостъ, и желали, чтобъ съ ними вмѣстѣ судили воеводы и дьяки [2]). Иногда же просили, чтобъ губному старостѣ поручены были вообще всѣ дѣла [3]). Народъ не видѣлъ исхода своему положенію и совался изъ огня въ полымя. Но въ этомъ народѣ укоренилась страсть къ ябедничеству. Были лица, составившія себѣ изъ ябедничества ремесло. Они стакивались съ воеводами и дѣлили съ ними барыши. Такой ябедникъ подавалъ на кого нибудь просьбу, жаловался, что тотъ его ограбилъ или поколотилъ; но это дѣлалось только для того, чтобъ настращать отвѣтчика позывомъ въ судъ и взять съ него отступное [4]). Порокъ былъ древній. Еще въ началѣ XVI вѣка, въ граматѣ Смоленску, поручается намѣстнику беречь мѣщанъ и черныхъ людей отъ ябедниковъ [5]). Иванъ Васильевичъ въ 1562 году пытался искоренить ябедниковъ, которые были бо́льшею

---

[1]) Флетчеръ, 44 — 45,
[2]) «Опис. гор. Ш», 241 — 243, 279, 287.
[3]) «Врем.» IV.
[4]) Улож. гл. X, § 186.
[5]) «Собр. Госуд. Грам.» I, 413.

частію боярскія дѣти [1]), но это осталось безъ успѣха: ябедничества нельзя было вывести, когда судьи находили въ немъ источникъ доходовъ. Если дѣло нужно было рѣшить свидѣтелями, ябедники подводили въ свидѣтели своихъ соумышленниковъ, и судьи, чтобъ показать, будто вовсе не потакаютъ неправдѣ и не имѣютъ никакихъ сдѣлокъ съ обвинителями, сначала притворно отвергали показанія свидѣтелей, указывали на ихъ несообразность, а потомъ показывали видъ, будто мало-помалу убѣждались ихъ доказательствами [2]). Въ 1649 году старорусскіе жители жаловались на воеводу, что онъ, пользуясь ябедами, бралъ съ волостей въѣзжее, взыскивалъ кормы, отдавалъ на правежъ по ложнымъ искамъ, довѣрялъ ябедникамъ посылать приставовъ и съ ними посылалъ своихъ людей; эти приставы и люди воеводы, подъ видомъ разбирательства доносовъ, производили грабительства; а когда, оклеветанные ябедниками, жаловались самому воеводѣ, онъ сажалъ ихъ въ тюрьму [3]). Судъ въ провинціяхъ былъ тяжелъ, и правительство, въ видѣ льготъ, давало граматы, дозволявшія судиться не иначе, какъ въ Москвѣ [4]); но это обременяло столько же обиженныхъ, сколько давало возможность укрыться отъ преслѣдованія обидчикамъ. Напримѣръ, въ 1625 году, въ Воронежѣ отецъ подъячаго подалъ искъ на посадскихъ людей, требуя отъ нихъ уплаты долга, который будто бы слѣдовалъ покойному его сыну; у него не было никакихъ актовъ; искъ начатъ по изустной памяти— и, однако, посадскихъ потребовали въ Москву, и они должны были, по голословному притязанію истца, оставить свои занятія и ѣхать въ такую даль [5]), Лица духовнаго вѣдомства: приказные, дворовые, дѣти боярскіе и крестьяне архіереевъ и монастырей имѣли такія преимущества, что ихъ не смѣли звать къ суду иначе, какъ только въ опредѣленные сроки, напримѣръ 1-го

---

[1]) «Акт. Истор. I, 271.

[2]) Mejerb. 165.

[3]) Допол. III, 237.

[4]) «Акт. Арх. Эксп.» Ш, 188.

[5]) «Ворон. акт.» I, 150.

сентября, или передъ праздникомъ Рождества, Троицына дня и т. п. Такимъ образомъ, получившіе отъ нихъ какое-нибудь оскорбленіе должны были терпѣливо ожидать срочнаго времени и потомъ ѣхать въ Москву; а это не всегда было возможно и въ сроки: напримѣръ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, обязаннымъ службою. При Михаилѣ Өедеровичѣ сроки были уничтожены, но права судиться исключительно въ Москвѣ оставлены [1]). Съ своей стороны, дворяне, дѣти боярскіе и другіе служилые люди являлись къ суду для отвѣта только спустя мѣсяцъ послѣ того, какъ воеводы ихъ распускали; во время службы никто не могъ ихъ безпокоить, да и послѣ того они могли явиться только послѣ третьяго вызова [2]); понятно, какъ терпѣли отъ нихъ тѣ, которые имѣли на нихъ какіе нибудь иски. Въ Москвѣ правосудіе такъ же было продажно, какъ и въ провинціяхъ. Хотя сидѣвшіе въ приказахъ и цѣловали крестъ съ *жестокимъ проклинательствомъ* и обѣщали судить по правдѣ,—не дружить сильнымъ и друзьямъ, не брать поминковъ, но ни *во что та вѣра и заклинательство, и наказанія не страшатся и руки своя ко взяткамъ спущаютъ* [3]). Во время суднаго процесса въ приказѣ, обѣ тяжущіяся стороны должны были жить безвыѣздно въ Москвѣ; если уѣзжалъ истецъ, то терялъ искъ, а если уѣзжалъ отвѣтчикъ, то былъ принуждаемъ къ удовлетворенію иска безъ дальнѣйшаго разбирательства [4]). Пользуясь этимъ, приказные нарочно протягивали дѣло и вымогали взятки за то, чтобъ отпустить тяжущихся. Пріѣзжавшіе за общественнымъ дѣломъ посадскіе, привозили заранѣе собранныя съ жителей суммы на взятки подъячимъ. Надобно было удовлетворить дьяковъ и подъячихъ; и сторожамъ, и деньщикамъ дать на пироги да на квасъ; надобно было обдѣлить и крѣпостныхъ людей дьяковъ и подъячихъ [5]). Подъячіе употребляли

---

[1]) «Акт. Истор.» Ш, 111.
[2]) «Акт. Истор.» Ш, 306. «Ворон. акты». I, 65.
[3]) Котоших. 93.
[4]) Ibid. 94.
[5]) «Акт. гор. Шуи» 96.

безстыдныя уловки, чтобъ сорвать поболѣе: если просителю нужна была справка по дѣлу, подъячій бралъ съ него взятку, а говорилъ не то, что нужно, чтобъ потомъ взять еще [1]). Взятки увеличивались, когда дѣло происходило въ двухъ приказахъ разомъ: случалось нерѣдко и это.

Все это достаточно показываетъ, что причины побѣговъ, шатаній, и вообще недовольства обычнымъ ходомъ жизни лежали во внутреннемъ организмѣ гражданскаго порядка. Побѣги были до того обыкновенны, что въ челобитныхъ на царское имя, гдѣ жалуются на злоупотребленія воеводовъ, приказныхъ и служилыхъ людей, или гдѣ просятъ объ облегченіи отъ повинностей и поборовъ, жители не боялись грозить правительству тѣмъ, что они разбредутся врознь. Это сдѣлалось почти обычною формою такого рода дѣловыхъ бумагъ. Царствованіе Алексѣя Михайловича было временемъ побѣговъ и шатаній. Ихъ умножали военныя обстоятельства. Дворяне, дѣти боярскія, солдаты, даточные люди разбѣгались со службы и, боясь воротиться въ свои жилища, чтобъ не быть пойманными, шатались гдѣ попали. Правительство посылало за ними сыщиковъ, которые собирали жителей и ловили бѣглецовъ, какъ разбойниковъ [2]). Финансовыя обстоятельства способствовали несчастію и бѣдности народа, а вслѣдствіе того и побѣгамъ. Впродолженіи двадцати лѣтъ (1648—1668) постоянно производилась охота за бѣглыми по всѣмъ краямъ государства [3]). Сыщики гонялись за ними. Пріѣзжая въ какой нибудь уѣздъ, гдѣ обнаруживалось большое скопище бѣглецовъ, они приказывали на всѣхъ торгахъ бирючамъ кликать кличъ, чтобъ всѣ лица, начальствующія въ общинахъ, ловили бѣглыхъ и приводили къ нимъ. Пойманныхъ наказывали кнутомъ и водворяли на мѣстахъ жительства [4]). Впрочемъ, не всегда легко было водворить такого пойманнаго: уже и тогда русскіе знали увертки показываться непомнящими родства.

---

[1]) Olear. 270.

[2]) «П. С. З.» 552.

[3]) «Акт. Истор.» IV, 167, 190. Допол. Ш, 294; IV, 125.

[4]) «П. С. З.» I, 594.

Усиленная ловля бѣглецовъ не прекращала бродяжничества, но развила разбойничество. Иной бродяга, еслибъ ему дозволили шататься свободно, пропитывался бы безвреднымъ для общества способомъ, переходя отъ одного господина къ другому въ услуженіе, или поселился бы гдѣ нибудь вдалекѣ, напримѣръ, въ Сибири, куда многіе бѣгали ради льготной жизни; но зная, что его поймаютъ, испишутъ спину кнутомъ и отправятъ на старое мѣсто, ожесточенный бродяга дѣлался отъявленнымъ врагомъ общества. Рѣдкій уживался на мѣстѣ жительства, будучи возвращенъ туда насильно: еслибъ ему было тамъ хорошо, онъ бы и въ первый разъ не бѣгалъ, а теперь, послѣ того какъ его разъ поймаютъ, ему конечно станетъ хуже: на него наложатъ еще больше повинностей за то, что онъ бѣгалъ; онъ опять навостритъ лыжи, и такъ какъ знаетъ, что трудно гдѣ нибудь пріютиться, то побѣжитъ въ темный лѣсъ [1]); такихъ сходится тамъ много, и составляется разбойничья шайка.

Вмѣстѣ съ ловлею бѣглецовъ производилась и ловля разбойниковъ. Царствованіе Алексѣя Михайловича богато разбоями, особенно въ десятилѣтіе передъ появленіемъ Стеньки Разина. Сохранилось много актовъ о преслѣдованіи разбойниковъ въ различныхъ мѣстахъ, особенно въ восточномъ краѣ. Въ 1657 году, по поводу распространившихся разбоевъ и убійствъ посадскихъ и крестьянъ, посланы въ понизовые города: Казань, Нижній, Алатырь, Курмышъ сыщики изъ дворянъ; они должны были брать отъ воеводъ стрѣльцовъ, пушкарей и зачинщиковъ, вооружать уѣздныхъ людей и ловить разбойниковъ и бѣглыхъ [2]). Въ 1663 году, въ Тотемскомъ уѣздѣ приказано крестьянамъ всѣхъ волостей держать у себя ружья для преслѣдованія разбойниковъ; у кого не было ружья, того подвергали наказанію батогами [3]). Въ 1664 году, въ Пошехоньѣ и на Унжѣ велѣно воеводамъ созывать дворянъ, дѣтей боярскихъ и служилыхъ

[1]) «Народ. пѣсня».
[2]) «П. С. З.» I, 445.
[3]) Допол. IV, 316.

людей, ѣздить съ ними по селамъ и деревнямъ всякихъ вѣдомствъ, брать тамъ сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, собирать толпу вооруженныхъ крестьянъ, отыскивать разбойниковъ, истреблять ихъ станы и самихъ судить и казнить немедленно [1]). Въ 1665 году замѣтили, что преслѣдуемые такимъ образомъ удальцы бѣгутъ преимущественно въ низовья Волги; туда приходили бродяги изъ Воронежа, Шацка, Ельца и другихъ мѣстъ, какъ будто ища сборнаго пункта [2]). Поэтому правительство приказывало воеводамъ городовъ: Самары, Саратова, Царицына, Чернаго Яра находиться между собою въ постоянной связи, посылать другъ къ другу частыя станицы, отправлять въ степи дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ и ловить подозрительныхъ людей изъ верховыхъ городовъ, называющихъ себя казаками [3]). Въ 1667 году разбои, воровства, смертоубійства распространились по всей Россіи въ ужасающемъ размѣрѣ. На сѣверъ, на югъ, на востокъ посланы отъ Разбойнаго приказа сыщики—предписано всѣмъ воеводамъ содѣйствовать имъ, давать людей, поднимать посадскихъ и крестьянъ, разорять разбойничьи станы, казнить смертью и разными муками злодѣевъ, къ числу которыхъ относили и *вѣдуновъ* (колдуновъ), и замѣчали, что вмѣстѣ съ разбоями распространилось вѣдовство. Смертная казнь постигала вмѣстѣ съ ними не только укрывателей, но и тѣхъ, которые, слыша крикъ разбиваемыхъ людей, не пойдутъ къ нимъ на помощь [4]).

Эта мѣра не помогла бѣдѣ: бѣда возрастала. На слѣдующій годъ уже въ самой Москвѣ на масляницѣ убивали и грабили по улицамъ. Правительство устроило ночные караулы, обязанные хватать всѣхъ, кто шатается ночью. За исключеніемъ священниковъ и царскихъ стольниковъ, дозволено прочимъ людямъ ходить по Москвѣ ночью только впродолженіи первыхъ четырехъ часовъ (иначе: до десяти чосовъ вечера, по нашему счету вре-

[1]) «П. С. З.», I, 386.
[2]) «Акт. Истор.» IV, 344.
[3]) «Акт. Истор.» IV, 346.
[4]) Допол. V; 330.

мени) и то непремѣнно съ оружіемъ [1]). Было явно, что Русь готовится къ какому-то страшному волненію.

IV.

Въ 1665 году князь Юрій Долгорукій былъ въ походѣ противъ Поляковъ. Въ его войскѣ находились донскіе казаки. Наступала осень. Атаманъ одного изъ казачьихъ отрядовъ, Разинъ, явился къ князю, ударилъ челомъ и просилъ отпустить донцовъ на тихій, вольный Донъ. Князь приказалъ ему оставаться на службѣ. Никто изъ ратныхъ людей не смѣлъ уходить со службы безъ отпуска начальника, но казаки считали себя вольными людьми: они думали, что если служатъ бѣлому царю и проливаютъ кровь за его государское здоровье, такъ это дѣлается по доброму хотѣнью, а не по долгу. Атаманъ самовольно ушелъ съ своею станицею, но ихъ догнали, и Долгорукій осудилъ на смерть атамана. У него было двое братьевъ: Степанъ, или Стенька, и Фролъ, или Фролка, какъ назывались они уменьшительно. Вѣроятно, они видѣли какъ повѣсили старшаго брата [2]).

---

[1]) «П. С. З.», I, 738.

[1]) Strauss- Reise, 247.—Ralation des particularités de la rebellion de Stenko Razin 4. Ibid. 14.

Народное преданіе говоритъ, что Стенька прежде того былъ гонцомъ къ турецкому султану и попался въ плѣнъ въ Азовѣ, откуда освободился и, воротясь на родину, началъ свое возмущеніе. Есть замѣчательная пѣсня обь этомъ событіи, помѣщенная въ «Сборникѣ» г. Сахарова.

А и по край было моря синяго
Что на устьѣ Дону-то тихаго.
На крутомъ, красномъ бережку,
На желтыхъ, разсыпныхъ пескахъ,
А стоитъ крѣпкій Азовъ-городъ
Со стѣной бѣлокаменной.
Земляными раскатами и рвами глубокими
И со башнями караульными.

Неизвѣстно, ушелъ ли Стенька тотчасъ, или воротился уже послѣ, по отпуску грознаго князя; въ слѣдующемъ году онъ замыслилъ не только отомстить за брата, но и задать страха всѣмъ боярамъ и знатнымъ людямъ Московскаго государства, которыхъ вообще не терпѣли казаки. Это былъ человѣкъ чрезвычайно крѣпкаго сложенія, предпріимчивой натуры, гигантской воли, порывчатой дѣятельности. Своенравный, столько же непостоянный въ своихъ движеніяхъ, сколько упорный въ предпринятомъ разъ намѣреніи, то мрачный и суровый, то разгульный до бѣшенства, то преданный пьянству и кутежу, то готовый съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ переносить всякія лишенія; нѣкогда ходившій на богомолье въ отдаленный Соловецкій монастырь, впослѣдствіи хулившій имя Христа и святыхъ его. Въ его рѣчахъ было что-то обаятельное; дикое мужество отражалось въ грубыхъ чертахъ лица его, правильнаго и слегка рябоватаго; въ его взглядѣ было что-то повелительное;

Среди Азова-города
Стоитъ темная темница,
А злодѣйка—земляная тюрьма;
И во той-то было во темной темницѣ.
Что двери были желѣзныя,
А замокъ былъ въ три пуда,
А пробои были булатные,
Какъ засовы были мѣдные;
Что во той темной темницѣ
Засаженъ сидитъ донской казакъ
Степанъ Тимоѳеевичъ.
Мимо той да темной темницы
Лучилося царю идти, самому царю.
Тому турецкому Салтану Салтановичу.
А кричитъ донской казакъ
Степанъ Тимоѳеевичъ:
«А ты гой еси, турецкой царь,
Салтанъ Салтановичъ!
Прикажи ты меня поить кормить —
Либо казнить, либо на волю выпустить».
Постоялъ турецкій царь
Салтанъ Салтановичъ:
«А мурзы вы улановья!

толпа чувствовала въ немъ присутствіе какой-то сверхъестественной силы, противъ которой невозможно было устоять, и называла его колдуномъ. Въ его душѣ дѣйствительно была какая-то страшная, таинственная тьма. Жестокій и кровожадный, онъ, казалось, не имѣлъ сердца ни для другихъ, ни даже для самого себя; чужія страданія забавляли его, свои собственныя онъ презиралъ. Онъ былъ ненавистникъ всего, что стояло выше его. Законъ, общество, церковь — все что связываетъ личныя побужденія человѣка, все попирала его неустрашимая воля. Для него не существовало состраданія. Честь и великодушіе были ему незнакомы. Таковъ былъ этотъ борецъ вольницы, въ полной мѣрѣ извергъ рода человѣческаго, вызывающаго подобныя личности неудачнымъ складомъ своего общества.

Въ Малороссіи, послѣ Богдана Хмельницкаго, возникли двѣ партіи: одна—*значныхъ*, или кармазинниковъ, другая—про-

---

А вы згаркайте изъ темницы
Того тюремнаго старосту».
А и мурзы, улановья металися черезъ голову,
Привели его уланове они старосту тюремнаго;
И сталъ онъ турецкой царь
У тюремнаго старосты спрашивать:
«Еще что за человѣкъ сидитъ?»
Ему староста разсказываетъ:
«А и гой еси, турецкой царь,
Салтанъ Салтановичъ!
Что сидитъ у насъ донской казакъ
Степанъ Тимоѳеевичъ!
И приказалъ скоро турецкой царь:
«Вы мурзы, улановья!
Ведите донскаго казака
Къ палатамъ моимъ царскіимъ»,
Еще втапоры турецкой царь
Напоилъ, накормилъ добраго молодца
И тошно сталъ его спрашивати:
«А ты гой еси, донской казакъ!
Еще какъ ты къ намъ въ Азовъ попалъ?»
Разсказалъ ему донской казакъ:
«А и посланъ я изъ каменной Москвы

стыхъ, или голоты. Первые хотѣли такого порядка, который приближался бы къ аристократіи, а къ ней они причисляли самихъ себя; вторые соблазнялись идеею совершеннаго равенства, даже общности имуществъ, и доставляли собою опору ловкимъ честолюбцамъ. Въ то время правилъ Украиною гетманъ Брюховецкій, одолженный своимъ гетманствомъ этому обольщенію народа. Подобное раздѣленіе было тогда и на Дону: тамъ были казаки домовитые, старые, прямые, настоящіе казаки, «и голутвенные люди», какъ ихъ называютъ акты, или «голытьба», какъ они прославлены въ пѣсняхъ. Къ послѣднимъ принадлежали разные бѣглецы изъ Московщины; ихъ собралось особенно много на Дону въ послѣдніе годы, когда ихъ начали такъ дѣятельно преслѣдовать на Руси, — на Дону имъ было безопасно: Донъ не выдавалъ гостей съ своихъ береговъ [1])—такъ издавна велось. Все это были бѣдняки, кормились поденною работою или подаяніемъ и тогда пропадали съ голода, потому что на Дону былъ неурожай и дороговизна; и были они готовы на

Къ тебѣ царю въ Азовъ-городъ,
А и посланъ былъ скорымъ посломъ,
И гостинцы дорогіе къ тебѣ везъ;
А на заставахъ твоихъ всего меня ограбили
Мурзы, улановья, а моихъ товарищей
Разсадили добрыхъ молодцовъ
И по разнымъ темнымъ темницамъ.»
Еще втапоры турецкой царь
Приказалъ мурзамъ улановьямъ,
Собрать добрыхъ молодцовъ
Стеньки Разина товарищей.
Отпущаетъ добрыхъ молодцевъ,
Стеньку въ каменну Москву;
Снарядилъ добра молодца
Степана Тимоѳеевича.
Наградилъ златомъ серебромъ,
Еще питьями заморскими.
Отлучился донской казакъ отъ Азова-города,
Загулялся доснкой казакъ
По матушкѣ волгѣ-рѣкѣ,
Не явился въ каменную Москву.

[1]) Relation. 3 Stenco Razin. 15.

разбой или на бунтъ, если сыщется голова, что съумѣетъ созвать и привязать ихъ къ себѣ. Стенька въ Черкаскѣ сблизился съ такимъ людомъ и составилъ около себя удалую толпу, какъ о немъ говоритъ современная пѣсня:

У насъ-то было, братцы, на тихомъ Дону,
Породился удалъ добрый молодецъ,
По имени Стенька Разинъ Тимоѳеевичъ;
Во казачій кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами, казаками, думу не думывалъ,—
Ходилъ гулялъ Степанушка во царевъ кабакъ;
Онъ думалъ крѣпку думушку съ голытьбою!
Судари мои, братцы, голь кабацкая!
Поѣдемъ мы, братцы, на синѐ море гулять;
Разобьемъ, братцы, басурмански корабли—
Возьмемъ мы казны сколько надобно!

Въ Черкаскѣ былъ атаманъ Корнило Яковлевъ, старый заслуженный воинъ — онъ принадлежалъ къ партіи домовитыхъ казаковъ; онъ удерживалъ казаковъ въ вѣрности царю и въ повиновеніи закону, пользовался общимъ уваженіемъ и выигрывалъ у казаковъ умѣньемъ уступать казачьему кругу (такъ называлось казацкое собраніе, рѣшавшее дѣла—то-же что въ Малороссіи рада), чтобъ потомъ взять надъ нимъ верхъ и поставить на своемъ. За нимъ нельзя было разгуляться Стенькѣ; притомъ Стенька еще ничѣмъ себя не выказывалъ: не было у него ни славы, ни денегъ; а чтобъ поднять за собою толпу, надобно и того, и другаго. Стенька за этимъ хотѣлъ было съ толпою набранной голытьбы поплыть къ Азовскому морю и пошарпать турецкіе берега, но Корнило не далъ ему этого сдѣлать. Стенька посадилъ съ собой на четыре струга свою ватагу и въ апрѣлѣ поплылъ вверхъ по Дону. Его голытьба по пути грабили богатыхъ казаковъ и разоряла ихъ домы. Корнило послалъ было за ними погоню, но она не догнала удалыхъ. Стенька норовилъ туда, гдѣ Донъ сближался съ Волгою, гдѣ былъ всегда сборный пунктъ для воровскихъ казаковъ. Стенька выбралъ высокое мѣсто между рѣкъ Тишини и Иловли, близъ городка Паншина, и тамъ заложилъ свой станъ. Не пер-

вый разъ былъ здѣсь притонъ удалыхъ: еще въ 1659 году шайка воровскихъ казаковъ, подъ начальствомъ атамана Ивашки, да Петрушки, сдѣлали здѣсь городокъ, названный Рада, и отсюда дѣлали набѣги на Волгу—грабили тамъ торговыхъ людей. По царскому указу Донскіе казаки тогда разорили его [1]).

И вотъ въ Царицынѣ разнесся слухъ, что на Дону собираются казаки-воры и хотятъ перейти на Волгу, напасть на Царицынъ, взять тамъ суда, судовыя снасти, поплыть внизъ по Волгѣ и учинять воровство. Кое-какіе молодцы, почуявъ, что на Дону собирается шайка, предупредили ее и начали шалить на Волгѣ. Первую вѣсть принесъ въ Царицынъ одинъ нижегородскій торговый человѣкъ.

«Застигли насъ на Волгѣ заморозы,—говорилъ онъ,—и стали мы въ зимовкѣ между Царицынымъ и Саратовымъ, какъ вдругъ напало на насъ двое воровъ: одинъ съ Дона, другой изъ Шацка, бѣглый крестьянинъ; сперва они ограбили стругъ съ икрою, а потомъ напали на меня и всѣ животы у меня отняли, да еще хвалились, что весною будетъ у нихъ большое воровское собранье и пойдутъ воровать на Волгу. Вѣрно эти, что насъ ограбили, приходили провѣдывать, нѣтъ ли по Волгѣ струговъ, чтобъ захватить» [2]).

Тогда въ царицынской приказной избѣ принялись писать донесеніе въ Москву, отписки въ Астрахань, въ Саратовъ, въ Черный Яръ, съ просьбою прислать къ Царицыну служилыхъ побольше. Вслѣдъ затѣмъ во всѣхъ городахъ началось то-же. Изъ Саратова писали въ Самару, въ Астрахань, въ Царицынъ, изъ Самары въ Саратовъ, въ Царицынъ, въ Астрахань, изъ Астрахани въ Царицынъ, Саратовъ, Самару, и такъ далѣе. Изъ Москвы пошли граматы во всѣ эти города по одной формѣ, а въ граматахъ говорилось, чтобъ воеводы жили съ великимъ береженьемъ; а гдѣ объявятся воровскіе казаки, посылали бы на нихъ для промысла служилыхъ людей. Но въ Царицынѣ служилые не прибавлялись, и всѣ дѣйствія противъ во-

---

[1]) «Акт. Истор.» IV, 376.

[2]) Ibid. 375.

ровскихъ казаковъ со стороны царицынскаго воеводы ограничились на первый разъ тѣмъ, что онъ послалъ къ Паншину станицу изъ пяти человѣкъ для провѣдыванія. Начальникомъ такой станицы выбирался вожъ, человѣкъ опытный, бывалый, знавшій степныя примѣты. На этотъ разъ вожемъ былъ Иванъ Бакулинъ. Завидѣвъ издали казацкій станъ, куда нельзя было проѣхать за полой водой, онъ обратился къ атаману паншинскаго городка.

Атаманъ разсказалъ ему, что Стенька насильно взялъ у него разные запасы, и прибавилъ:

— «Сказывалъ мнѣ, атаману, атаманъ воровскихъ казаковъ Стенька Разинъ, чтобъ я сказалъ царицынскому воеводѣ: не посылалъ бы онъ служилыхъ людей, а не то, говоритъ, я всѣхъ потеряю напрасно и городъ Царицынъ велю сжечь».

Съ этимъ воротился вожъ и сказалъ:

— «Стоитъ Стенька на высокихъ буграхъ, а кругомъ его полая вода: ни пройти, ни проѣхать, ни провѣдать, сколько ихъ тамъ есть, ни языка поймать никакъ не можно, а кажись человѣкъ тысячу будетъ, а може быть и поболѣ».

Тогда Андрей Унковскій (царицынскаго воеводу звали такъ) послалъ къ Стенькѣ двухъ духовныхъ особъ: соборнаго протопопа, да старца Троицкаго монастыря. Онъ написалъ съ ними грамату, да еще наказывалъ и словесно подѣйствовать на атамана. Духовные поѣхали съ тѣмъ, чтобъ застращать увѣщаніями воровское сердце казака и возвратить его съ неправаго пути; но вмѣсто того возвратились сами въ Царицынъ, не видавъ Стеньки.

«Къ нимъ за водою проѣхать нельзя—такъ извѣщали они,— а стругами изъ Паншина никто насъ перевозить непосмѣлъ; а паншинскій атаманъ говоритъ, что хочетъ Стенька идти на Волгу, оттуда на Яикъ, а оттуда воевать тарковскаго шамхала, Суркая» [1]).

Вслѣдъ затѣмъ воровское полчище снялось съ своего стана

[1]) Ibid. 377.

и перешло на Волгу. Вѣроятно, они проплыли туда рѣкою Камышинкою: этотъ путь былъ обыкновенный для воровскихъ казаковъ, какъ поется въ пѣсняхъ:

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Протекала, пролегала мать Камышинка рѣка:
Какъ со собою она вела круты красны берегá,
Круты красны берегá и зеленые луга;
Она устьецемъ впадала въ Волгу матушку;
А по славной было матушкѣ Камышинкѣ рѣкѣ
Какъ плыли то, выплывали все нарядные стружки;
Ужь на тѣхъ ли на стружкáхъ удалые молодцы,
Удалые молодцы, воровскіе казаки;
На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
На нихъ бѣленьки чулочки, сафьянны сапожки,
На нихъ штáники кумáчны во три строчки строчены,
На нихъ тонкія рубашки съ золотымъ галуномъ;
Какъ и сѣли да гребнули, пѣсенки запѣли.

Ватага Стеньки имѣла казацкое устройство; раздѣлена она была на сотни, десятки; надъ сотнею начальствовалъ сотникъ, надъ десятнею—десятскій. Стенька былъ надъ ними атаманомъ, а у него былъ эсаулъ Ивашка Черноярецъ. Они заложили станъ на высокомъ бугрѣ, но гдѣ именно—неизвѣстно: гдѣ нибудь выше или ниже Камышина. На этомъ протяженіи есть въ нѣсколькихъ мѣстахъ бугры, называемые буграми Стеньки Разина. Народное преданіе говоритъ, что здѣсь чародѣй Стенька останавливалъ плывущія суда своимъ вѣдовствомъ. Была у него кошма, на которой можно было и по водѣ плыть, и по воздуху летать. Какъ завидитъ онъ съ высокаго бугра судно, сядетъ на кошму и полетитъ, и какъ долетитъ до того, что станетъ надъ самымъ судномъ, тотчасъ крикнетъ: «сарынь на кичку»! Отъ его слова суда останавливались; отъ его погляда люди каменѣли. Удалые бросятся тогда на судно, и начинается расправа. Плылъ тогда весенній караванъ.... между Нижнимъ и Астраханью каждый годъ два раза (весною и осенью) плава-

ла вереница судовъ, называемая караваномъ; въ караванѣ на этотъ разъ были казенныя суда, патріаршія; и струги частныхъ лицъ; на каждомъ стругѣ было свое особенное знамя. На одномъ стругѣ сидѣли ссыльные, которыхъ везли въ ссылку на житье въ Астрахань. Большое судно везло казенный хлѣбъ; оно принадлежало гостю Шорину и отправлено съ его приказчикомъ. Отрядъ стрѣльцовъ провожалъ караванъ, подъ начальствомъ симбирскаго сына боярскаго Степана Өедорова. У Разина была тысяча молодцовъ; сопротивляться было невозможно. Караванъ былъ остановленъ. Стенька тотчасъ объявилъ чернорабочимъ и простымъ стрѣльцамъ, что онъ не будетъ ихъ обижать, а только расправится съ ихъ начальниками и хозяевами. Изрубили начальника отряда, потомъ принялись за цѣловальниковъ, ѣхавшихъ при казенномъ хлѣбѣ, жгли ихъ огнемъ, допрашивали о деньгахъ; приказчика, отправленнаго Шоринымъ при судахъ, повѣсили. Стенька самъ взошелъ на патріаршій насадъ, перебилъ руку монаху-надзорщику и приказалъ повѣсить на мачтѣ трехъ человѣкъ, вѣроятно, за то, что показали охоту сопротивляться. На частныхъ стругахъ хозяевъ или повѣшали на мачтахъ, или побросали въ воду. Дошла очередь до струга, гдѣ сидѣли ссыльные. Стенька освободилъ ихъ, а провожатаго раздѣлъ дó-нага, посадилъ на пескѣ съ государевой казною и такъ оставилъ. Стенька былъ причудливъ: иного безъ причины убьетъ, другого безъ причины пощадитъ; въ одномъ мѣстѣ все заберетъ, въ другомъ все побросаетъ. Въ заключеніе Стенька сказалъ ярыжнымъ, какъ назывались рабочіе:

«Вамъ всѣмъ воля; идите себѣ куда хотите; силою не стану принуждать быть у себя; а кто хочетъ идти со мной—будетъ вольный казакъ. Я пришелъ бить только бояръ, да богатыхъ господъ, а съ бѣдными и простыми готовъ, какъ братъ, всѣмъ подѣлиться».

Всѣ ярыжные и стрѣльцы пошли въ его ватагу [1]).

Стенька добылъ судовъ, ружей, запасовъ и поплылъ къ Ца-

[1]) «Матер. для Ист. возмущ. Стеньки Разина» 21, 22.

рицыну. Со стѣнъ города принялись палить на него изъ пушекъ, но, по извѣстію современника, ни одна пушка не выстрѣлила: весь порохъ запаломъ выходилъ. Стенька былъ чародѣй и умѣлъ заговаривать оружіе. Въ Царицынѣ его испугались, а на судахъ люди ободрились. Онъ послалъ въ Царицынъ своего эсаула Ивашку Черноярца—требовать наковальню, мѣха и кузнечную снасть. Унковскій не задержалъ эсаула и отдалъ ему безъ сопротивленія все, что тотъ требовалъ.

«Чтожь я буду дѣлать?—говорилъ онъ,—этого эсаула, какъ и атамана его, ни сабля, ни пищаль не беретъ, и они своимъ вѣдовствомъ все свое войско берегутъ».

Въ послѣднихъ числахъ мая, или первыхъ іюня, достигли они Чернаго Яра. Стенька плылъ въ тридцати стругахъ; у него было до тысячи трехсотъ человѣкъ. Плѣненныя суда плыли позади, а передъ вели старые удальцы. Новички, набранные послѣ разгрома каравана, находились позади, потому что Стенька еще имъ не довѣрялъ. Когда они поравнялись съ Чернымъ Яромъ, ратные люди въ городѣ приготовились къ оборонѣ, но казаки не тронули ихъ; не затронули первые и черноярцы казаковъ. Удалые поплыли внизъ къ Бузану. Тутъ встрѣтился съ ними воевода Семенъ Беклемишевъ. Изъ Чернаго ли Яра онъ вышелъ, или изъ Астрахани—неизвѣстно, равно какъ и то, прибылъ ли онъ съ ними драться, или уговаривать ихъ; вѣроятнѣе послѣднее. Извѣстно только, что онъ воротился въ Астрахань съ раною на рукѣ, и разсказывалъ, что казаки, для поруганія, вѣшали его на мачту, а потомъ пробили чеканомъ руку, обобрали и отпустили. Три астраханскіе струга со стрѣльцами пристали къ воровской станицѣ [1]).

Удалые поплыли по Бузани, протоку, который отдѣляется отъ Волги верстахъ въ пятнадцати выше Астрахани и впадаетъ въ Каспійское море у Краснаго Яра. Въ Красномъ Ярѣ мало было орудій и ратныхъ людей: сопротивляться и задерживать казаковъ было невозможно, да и Стенька не сталъ безпокоить

[1]) «Матеріалы для Ист. Ст. Раз.» 23, 24.

этаго города, а повелъ свою ватагу по одному изъ множества мелкихъ протоковъ, раздѣляющихъ разной величины острова, которыми усѣянъ широкій изливъ Волги. Повернувъ влѣво, они поплыли вдоль песчаныхъ островковъ, около сѣвернаго берега Каспійскаго моря, и достигли устья Яика. Тамъ уже давно скрывались пособники Разину. Еще когда Стенька сидѣлъ въ Паншинѣ, какой-то Ѳедоръ Сукнинъ писалъ къ нему изъ Яика: «собирайся къ намъ, атаманъ, возьми Яикъ городъ, учуги разори и людей побей. Засядемъ въ нашемъ городкѣ, а потомъ пойдемъ вмѣстѣ на море промышлять [1]).

Какъ подступилъ Стенька къ Яику, то оставилъ свое войско въ уютномъ мѣстѣ, чтобъ невидно было изъ Яика, а самъ отобралъ трехъ человѣкъ и подошелъ къ воротамъ. Стрѣлецкій голова Иванъ Яцынъ, только что передъ тѣмъ присланный туда изъ Астрахани, спросилъ: «Что вамъ надобно?» — «Мы,—сказалъ Стенька,—только просимъ пустить насъ Богу помолиться». Яцынъ пустилъ ихъ, неизвѣстно съ какого повода; можетъ быть видя ихъ малолюдство, хотѣлъ воспользоваться и задержать. Ворота за гостьми тотчасъ были затворены; но эти гости, какъ скоро вманились въ Яикъ, отворили ихъ сами и вся ватага вошла въ городъ. Иванъ Яцынъ не сталъ сопротивляться, не стрѣлялъ; но это его не спасло. Стенька приказалъ вырыть глубокую яму и повелъ къ ней Ивана Яцына; астраханскій стрѣлецъ Чикмазъ отрубилъ ему голову; то же сдѣлали съ другими начальниками и нѣкоторыми стрѣльцами. По извѣстію самого Чикмаза, онъ отрубилъ головы ста семидесяти человѣкамъ; остальнымъ стрѣльцамъ сказалъ Стенька: «даю всѣмъ волю; я васъ не силую: хотите — за мною въ казаки идите, хотите — ступайте себѣ въ Астрахань».

Нѣкоторые остались съ нимъ въ Яикѣ, а другіе пошли въ Астрахань. Тогда Стенька послалъ за ними въ погоню своихъ казаковъ. Они догнали ихъ на Раковой Косѣ и требовали, чтобъ шли съ ними заодно, а когда они не хотѣли, то принялись ихъ

---

[1]) «Акт. Истор.» IV, 376.

рубитъ и бросать въ воду; отъ страха, иные сдавались и приставали къ казакамъ, другіе разбѣжались въ разсыпную по камышамъ, и послѣ уже сбиралъ ихъ отправленный изъ Астрахани въ погоню за Стенькою полуполковникъ Рожинскій; онъ уже не осмѣлился идти до Яика. Чтобъ расположить къ себѣ чернь, Стенька объявлялъ всѣмъ волю и твердилъ, что не хочетъ силою брать съ собой никого, но говорилъ это съ увѣренностью, что, въ благодарность за такое великодушіе, всѣ у него будутъ оставаться. Когда же въ Яикѣ случилось не такъ, тогда онъ и показалъ, что значитъ свобода, которую онъ всѣмъ предоставляетъ. Таково же было его и правосудіе: когда ему одинъ изъ тѣхъ стрѣльцовъ, что были приведены съ Раковой Косы, донесъ, что у нихъ четырнадцать человѣкъ составили артель и хотятъ убѣжать въ Астрахань, то Стенька, по одному такому извѣту, жегъ ихъ огнемъ и заколачивалъ до смерти [1]).

Просидѣвъ лѣто въ Яикѣ, Стенька въ сентябрѣ отправился въ море и присталъ въ устью Волги, къ протоку, называемому Емансуга. По островамъ вѣтвистаго устья Волги жили тогда Татары, носившіе названіе едисанскихъ. Это былъ кочевой народъ могаммеданской вѣры, съ короткими лицами, маленькими глазами, темно-желтою кожею, съ отвислымъ брюхомъ и съ морщиноватыми чертами лица, въ длинныхъ сѣрыхъ балахонахъ или въ овчинахъ, лѣтомъ вывороченныхъ шерстью вверхъ, и такимъ невзрачнымъ видомъ указывалъ на смѣсь монгольскаго племени съ татарскимъ. Лѣтомъ шатались они по степи и по берегамъ моря, занимались скотоводствомъ, охотою и рыбною ловлею; зимою толпились подъ Астраханью, гдѣ жили въ шалашахъ, которые ставили на высокихъ земляныхъ насыпяхъ, управлялись князьями и были въ непримиримой враждѣ съ Калмыками. У протока Емансуги былъ тогда улусъ князя ихъ, Алея. На нихъ напали казаки и погромили на повалъ, прогпали князя и его сына, забравъ въ полонъ дѣтей и женщинъ, отъ которыхъ могли поживиться русскими копѣйками, украшавшими

---

[1]) «Акт. истор.» IV, 378, 418. Матер. 24.

ихъ кругленькія, вверху заостренныя шапочки. Оттуда удалые поплыли къ Терку, напали на какое-то турецкое судно, ограбили и воротились въ Яикъ зимовать.

Свѣдавъ, должно быть, о невзгодѣ заклятыхъ враговъ, своихъ, Калмыки, кочевавшіе между Яикомъ и Волгою, вступили въ дружескія сношенія съ ватагою Стеньки. Одна изъ ихъ ордъ, подъ начальствомъ тайджи Мерчени, разбила свои кибитки подъ Яикомъ; началась между ними и казаками безпрерывная торговля. Они промѣнивали другъ другу то, что награбили. Казаки получали отъ нихъ скотъ и молоко и этимъ содержали себя.

Астраханскій воевода Иванъ Андреевичъ Хилковъ только и оказывалъ противодѣйствіе Стенькѣ тѣмъ, что посылалъ противъ него партіи; но эти партіи не доходили до Яика. Между тѣмъ въ декабрѣ прибыли въ Астрахань донскіе казаки Леонтій Терентьевъ съ товарищами. Они привезли увѣщательную царскую грамату, присланную къ непослушнымъ казакамъ на Донъ, по донесенію войсковаго атамана. Казаки эти были отпущены въ Яикъ.

Стенька надѣялся со временемъ управлять Дономъ, и для этого не сталъ раздражать казацкаго сословія, а принялъ посланцевъ съ уваженіемъ. Онъ собралъ кругъ, то есть, предложилъ дѣло приговору вольной братіи; зналъ, однако, что станется такъ, какъ захочетъ онъ. Посланные допущены въ кругъ.

Подавъ грамоту, они сказали:

«Бояринъ и воевода астраханскій, князь Иванъ Андреевичъ Хилковъ, велѣлъ вамъ говорить, чтобъ вы отпустили астраханскихъ стрѣльцовъ, яицкихъ годовальщиковъ (такое названіе носили стрѣльцы, отправленные изъ главнаго города въ подначальный) и тѣхъ, что въ степи и камышахъ вами захвачены, а также и улусныхъ людей, что вы въ полонъ взяли».

Стенька, по приговору круга, отвѣчалъ:

«Когда придетъ великаго государя милостивая грамата ко мнѣ, тогда мы всѣ свою вину принесемъ великому государю и стрѣльцовъ отпустимъ, а теперь не пустимъ никого».

Съ тѣмъ и уѣхали казаки.

Поступками Хилкова правительство вообще не оставалось довольно.

На мѣсто его назначили другаго воеводу, князя Прозоровскаго; но пока еще Прозоровскій не доѣхалъ до Астрахани, Хилковъ отправилъ противъ Разина степью товарища своего, Якова Безобразова. Послѣдній, по наказу старшаго своего боярина, послалъ въ Яикъ двухъ стрѣлецкихъ головъ (Семенова Янова и Никифора Нелюбова) уговаривать Стеньку оставить свое воровство и идти въ Саратовъ съ повинною къ новому астраханскому воеводѣ. Безобразовъ сошелся съ двумя калмыцкими ордами подъ начальствомъ тайджей Дайджина и Мончака. Десять тысячъ Калмыковъ осадили было Разина въ Яикѣ; но все это было напрасно. Весною, когда правительство, узнавъ о такомъ доброжелательствѣ Калмыковъ, приказывало обращаться какъ можно вѣжливѣе съ этими союзниками и предоставить имъ обладаніе полною добычею, какую отнимутъ у мятежниковъ [1]), Калмыковъ уже не было около Яика. Казаки не только не сидѣли въ осадѣ, но на разныхъ мѣстахъ погромили ратныхъ людей Якова Безобразова, а въ наказаніе за то, что ихъ разомъ и увѣщевали и хотѣли повоевать, повѣсили обоихъ стрѣлецкихъ головъ, посланныхъ къ нимъ для сговора, какъ тогда говорилось. Неудачно окончили свое посольство съ такими же увѣщаніями двое стрѣлецкихъ офицеровъ, которыхъ послѣ того Прозоровскій послалъ въ Яикъ изъ Саратова. Одинъ изъ нихъ, пятидесятникъ, воротился къ воеводѣ извѣстить, что другаго его товарища Стенька ночью убилъ и бросилъ тѣло его въ воду [2]).

23-го марта 1668 года удалые выступили въ море и съ тѣхъ поръ больше года въ Руси не знали навѣрное, гдѣ они обрѣтаются; слышали только отъ разныхъ лицъ, что они гуляютъ по морю и громятъ Персидское царство, а другіе говорили, что они отдались персидскому шаху въ подданство.

---

[1]) «Акт. Истор.» IV, 381.

[2]) «Матер.» 25 — 26. «Ист. Войска Донск., Ригельм.» 59.

Тѣмъ временемъ въ Астрахани перемѣнилось начальство, и вмѣсто Хилкова прибылъ на воеводство бояринъ князь Иванъ Семеновичъ Прозоровскій. Въ Яикъ посланъ голова Богданъ Сакмышевъ; но яицкіе жители взбунтовались и утопили его [1]). На Дону примѣръ Стеньки заохотилъ многихъ, такъ что молодцы начали собираться въ станицы и пробираться на соединеніе съ своею братіею, которая отличалась на синемъ морѣ Хвалынскомъ. Въ апрѣлѣ 1669 года, удалъ добрый молодецъ Сережка Кривой переволокся на Волгу, прошелъ съ своею толпою мимо Царицына, мимо Чернаго Яра и поплылъ по Бузани; за нимъ, по слѣдамъ, плылъ письменный голова Григорій Авксентьевъ, посланный Прозоровскимъ. Онъ взялъ въ Красноярскѣ двѣ пушечки мѣдныя, да три пушечки желѣзныя, и настигъ Сережку, какъ тотъ поворотилъ въ протокъ Карабузанъ, и учинилъ онъ съ воровскими казаками бой, и разбили его на пропалую воровскіе казаки. Сто человѣкъ стрѣльцовъ передались къ нимъ добровольно, а самъ предводитель, Григорій Авксентьевъ, чуть ушелъ въ одной лодкѣ съ небольшимъ числомъ людей и извѣстилъ Прозоровскаго, что у Сережки, по смѣтѣ, будетъ человѣкъ семьсотъ. Другіе офицеры—одинъ пятидесятникъ, другой родомъ Нѣмецъ — попались въ плѣнъ. Сережка привязалъ ихъ вверхъ ногами, колотилъ «ослопьемъ» и побросалъ въ воду, а потомъ уплылъ съ своими молодцами въ море и нагналъ Стеньку близъ персидскаго города Раша (или Решта). Вслѣдъ затѣмъ въ Донской Землѣ составлялись и другія шайки: по Дону и по Хопру только и рѣчи было, какъ бы перебраться на Волгу, а оттуда погулять по морю. Изъ низовыхъ казачьихъ городовъ молодцы пробирались другимъ путемъ—по Кумѣ рѣкѣ. Терскіе воеводы доносили, что явился какой-то Алешка Протокинъ, а за нимъ двѣ тысячи конныхъ ведетъ Алешка Каторжный, а за нимъ Запорожецъ Боба съ четырьмя

[1]) «Матер.» 32. «Ист. Войска Донск.» 60.

стами хохлачей. Вѣсть объ удальствѣ Стеньки Разина достигла уже средоточія казацкаго міра—Запорожья [1]).

V.

Стенька сначала поплылъ къ берегамъ Дагестана. По извѣстію современника, было у него шесть тысячъ казаковъ [2]). Казаки чинили неистовыя мучительства надъ дагестанскими татарами. Этотъ народъ, подвластный персидскому шаху и управляемый своими князьями, былъ свирѣпъ и давно уже возбуждалъ вражду въ Русскомъ мірѣ. Негостепріименъ былъ берегъ Дагестана. Никакія права человѣческія не спасали тамъ торговца или путешественника; мало того, что его обирали, но еще и самого обращали въ рабство и продавали изъ рукъ въ руки, какъ скотину. Торгъ рабами былъ главнымъ промысломъ дагестанскихъ рынковъ. Безчеловѣчно было здѣсь обращеніе съ рабами, особенно съ христіанами. Въ своемъ мусульманскомъ фанатизмѣ, татары принуждали ихъ къ принятію своей вѣры и за сопротивленіе мучили. Казаки знали это и ненавидѣли ихъ тѣмъ болѣе, что у казаковъ, не смотря на ихъ грубость и варварство, рабства не было: всякій холопъ, прибѣжавшій на Донъ, дѣлался вольнымъ человѣкомъ.

Казаки напали на Тарки, но не могли взять ихъ. Они три дня грабили ихъ окрестности и отправились къ Дербенту [3]). Здѣсь былъ главный приморскій рынокъ для торговли невольниками. Дербентъ раздѣлялся на три части: верхній городъ, укрѣпленный высокою и толстою стѣною, удержался; но низменную часть казаки такъ разорили, что чрезъ два года потомъ она представляла безлюдную и безобразную груду развалинъ. Весь берегъ отъ Дербента до Баку былъ страшно опустошенъ. Казаки сожигали села и деревни, замучивали жителей, дуванили

---

[1]) «Акт. Истор.» IV, 386. «Матер.» 29.
[2]) «Chardin voyage» изд. 1725., IV, 316.
[3]) «Ztenko Raz.» 19.

ихъ имущества. Жители не предвидѣли этой бѣды и разбѣгались; казакамъ легко доставалась добыча: погромивъ городъ Шабранъ, они со стороны жителей встрѣтили такой ничтожный отпоръ, что сами потеряли только тринадцать человѣкъ. Плавая вдоль берега, налетомъ они наскакивали на поселенія, дѣлали свое дѣло и опять бросались на суда. Такъ достигли они до Баку, и здѣсь имъ удалось разорить посадъ, перебить много жителей, разграбить имущества, набрать плѣнныхъ и потерять не болѣе семи человѣкъ убитыми и двухъ ранеными. Въ іюлѣ они достигли Гилянскаго залива. Здѣсь они узнали, что изъ города Раша (или Решта) ихъ готова встрѣтить вооруженная сила. Стенька пустился на хитрости. Онъ вступилъ въ переговоры съ персіянами.

— Вы напрасно хотите съ ними драться, — говорили казаки,—мы убѣжали отъ московскаго государя и пришли въ вашу землю просить его величество шаха принять насъ подъ высокую руку въ подданство. Мы слышали, что въ персидскихъ земляхъ всѣ пользуются справедливостью и мудростью правленія; мы хотимъ отправить въ Испагань нашихъ пословъ просить шаха отвести намъ землю для поселенія на рѣкѣ Ленкурѣ.

Послѣ того состоянія, въ какомъ казаки оставили дагестанскіе берега, казалось, имъ было трудно надѣяться на довѣріе къ себѣ; но Будар-ханъ, тогдашній правитель Раша, согласился на мировую. Вѣроятно, предложеніе казаковъ пріятно защекотало чванное самолюбіе восточной политики, которая всегда славилась и тѣшилась тѣмъ, что чужіе народы, заслышавъ о премудрости правителя, отдаются ему добровольно въ рабство. Казаки взяли отъ рашскаго хана Будара заложниковъ и сами послали трехъ (по другимъ пять) молодцовъ въ Испагань предлагать подданство. Будар-ханъ позволилъ имъ пристать къ берегу, входить въ городъ и давалъ имъ содержаніе въ день—по однимъ извѣстіямъ, сто пятьдесятъ рублей [1]), по другимъ—двѣсти [2]).

---

[1]) Матер. 30.
[2]) «Акт. Истор.» IV, 340.

Но гости скоро повздорили съ хозяевами. По всему видно, сюда слѣдуетъ отнести случай, о которомъ послѣ сами казаки разсказывали въ Астрахани нѣмцамъ, а нѣмцы отнесли его къ Баку. Казаки напали на большой запасъ хорошаго вина, котораго пить не привыкли; они такъ натянулись, что падали безъ чувствъ. Жители увидѣли это, и такъ какъ вино вѣрно было не куплено казаками, то и напали на казаковъ. Застигнутые врасплохъ, удальцы бросились бѣжать къ своимъ стругамъ; по четыреста человѣкъ изъ нихъ были убиты и захвачены въ плѣнъ. Самого атамана чуть было не убили; подчиненные закрыли его своими грудьми и вынесли изъ бѣды. Этотъ случай отнесенъ Страусомъ, въ его путешествіи, къ Баку; но, кажется, онъ происходилъ въ Рашѣ: тѣ казаки, которые послѣ ѣздили въ Москву послами отъ Стеньки Разина, разсказывали, что шаховы люди въ мирное время напали на нихъ въ Рашѣ и много казаковъ побили и полонили [1]); сверхъ того, въ тотъ же годъ, какъ это случилось, одинъ пріѣзжій изъ Шемахи разсказывалъ въ Астрахани, что казаки потерпѣли отъ персіянъ и потеряли четыреста человѣкъ: онъ относилъ это дѣло къ Рашу, а не къ Баку.

Казаки снялись на своихъ стругахъ и поплыли къ Фарабату. Казаки взяли этотъ городъ, сожгли до основанія, разграбили имущества, перебили много жителей, набрали много плѣнниковъ и сожгли увеселительные шаховы дворцы, выстроенные на берегу моря. Дѣло произошло такъ: Стенька послалъ къ жителямъ извѣстить, что казаки прибыли для торговли и просятъ впустить ихъ. Въ Фарабатѣ, вѣроятно, не хорошо знали, что казаки дѣлали въ Дагестанѣ, и впустили ихъ. По другому извѣстію, жители, услышавъ о приближеніи казаковъ, и не надѣясь дать имъ отпора, покинули городъ и ушли въ горы, забравши съ собой что было подороже изъ ихъ имущества, и скрывались въ каменныхъ ущельяхъ. Разинъ послалъ къ нимъ сказать, что имъ бояться нечего; казаки никого не станутъ оскорблять, на-

[1]) «Ctraus Reise», 151—152. Матер. 58.

противъ—будутъ у нихъ покупать на деньги что понадобится. Легковѣрные персіяне вышли изъ своихъ ущелій и началась торговля [1]). Какъ бы то ни было, но, согласно обѣимъ извѣстіямъ, пять дней торговыя сношенія шли самымъ дружелюбнымъ образомъ; на шестой Стенька, напередъ условившись съ своими удальцами, далъ имъ знакъ, поправивъ на головѣ шапку: удальцы бросились на жителей, которые не пришли въ себя отъ страха, и тутъ-то казаки учинили свою страшную расправу. Въ городѣ были христіане, поселенныя тамъ изъ плѣнниковъ Шахомъ Аббасомъ. Они кричали казакамъ: Христосъ! Христосъ! и казаки щадили ихъ, не трогали ихъ имущества [2]). Но современникъ говоритъ, что подобные поступки Стенька дѣлалъ не одинъ разъ и не въ одномъ мѣстѣ, путешествуя по берегамъ Каспійскаго моря [3]).

И прежде у нихъ было много плѣнниковъ, — теперь стало еще больше. Стенька съ своимъ войскомъ остановился на полуостровѣ, противъ Фарабата, обратилъ на работу плѣнниковъ, сдѣлалъ тамъ деревянный городокъ, прокопалъ земляной валъ и сталъ тамъ зимовать, а между тѣмъ объявилъ Персіянамъ, чтобъ они приводили къ нему христіанскихъ невольниковъ [4]), а казаки имъ будутъ отдавать плѣнныхъ персіянъ. За трехъ и четырехъ христіанъ давали по одному персіянину: видно, плѣнниковъ у казаковъ гораздо было меньше, чѣмъ христіанскихъ невольниковъ у персіянъ. Многіе освобожденные христіане поступали въ ряды казаковъ, и тогда казаки могли величаться, что они вовсе не разбойники, а рыцари, и сражаются за вѣру и свободу своихъ братьевъ по вѣрѣ и племени.

Когда, такимъ образомъ, казаки проводили зиму на островѣ и по временамъ набѣгали на сосѣдніе острова, ихъ посланники находились въ Испагани. Сначала ихъ приняли тамъ благосклонно, дали имъ помѣщеніе и обращались съ ними какъ съ посла-

---

[1]) Theatr. Europ. X. 304.
[2]) Chardin Voyage. изд. 1725 г. IV, 324.
[3]) Relation. 6.
[4]) Chard. IV, 324.

ми независимыхъ государствъ. Шахъ, хотя и не удостоилъ ихъ видѣть свои очи, но поручилъ первому министру выслушать ихъ. «Насъ прислали (извѣщали они) шесть тысячъ нашихъ товарищей. Мы были подданные московскаго государя; но онъ сталъ съ нами обращаться дурно, и мы убѣжали изъ его земли съ женами, и дѣтьми, и съ нашимъ достояніемъ. Наслышались мы, что нѣтъ нигдѣ такого правосудія какъ въ Персіи, и здѣшній государь милостивъ къ своимъ рабамъ; такъ мы вступаемъ къ нему въ холопство. Пусть намъ дадутъ землю, гдѣ бы поселиться». Они представили грамоту отъ своего атамана; но въ Испагани не нашлось никого, кто бы могъ ее прочесть. Было тамъ двое европейцевъ, знавшихъ много языковъ, и тѣ, поглядѣвши на грамоту, могли сообщить Персіянамъ только то, что она написана на казако-русскомъ языкѣ. Пришлось узнать причину этого посольства не изъ грамоты, а изъ рѣчей изустныхъ. Казаки просили дать имъ для поселенія земли на рѣкѣ Ленкурѣ. Персидское правительство не рѣшалось на это и услышало—что сдѣлалось въ Рашѣ. «Какъ же это, — говорили казакамъ Персіяне,—вы хотите вступить въ холопство къ нашему государю, а разоряете наши города и убиваете нашихъ людей». Казаки увѣряли, что это произошло отъ того, что жители Раша на нихъ напали и стали грабить, а они, если убивали ихъ, то дѣлали это единственно потому что принуждены были защищаться. Тутъ пріѣхалъ въ Испагань московскій посланникъ, объяснялъ персидскому правительству, что эти казаки мятежники и убѣждалъ не принимать ихъ. Персіяне не довѣряли ни казакамъ, ни московскому правительству, и даже отчасти подозрѣвали: не подосланы ли самымъ правительствомъ эти казаки, которыхъ только для вида царскій посланникъ выставлялъ мятежниками. Когда въ Испагань дошла вѣсть о дальнѣйшихъ казацкихъ разореніяхъ на каспійскомъ побережьи, тогда и самое московское посольство почли присланнымъ въ Персію единственно для того, чтобы отвлечь персидское правительство отъ военныхъ дѣйствій и доставить казакамъ возможность безпрепятственно грабить персидскія области. Стали строить флотъ изъ

эсаульныхъ муговъ, подъ надзоромъ какого-то нѣмца, и думали съ этимъ флотомъ идти укрощать казаковъ. Но прежде, чѣмъ приготовленныя силы могли двигаться къ гостямъ, послѣдніе, съ наступленіемъ весны, поплыли къ Трухменской Землѣ, на восточный берегъ Каспія. Тамъ они погромили трухменскіе улусы; но въ одной стычкѣ съ непріятелемъ убитъ неустрашимый товарищъ Стеньки. Сережка Кривой. Съ трухменскаго берега казаки поплыли къ Свиному острову и остановились на немъ. Десять недѣль пробыли они на этомъ островѣ и дѣлали набѣги на берегъ для добыванія пищи. Въ іюлѣ явилась давно жданная сила, которую шахъ цѣлую зиму и весну готовилъ на пришлецовъ. Было семьдесятъ судовъ; въ нихъ, по извѣстію современниковъ, было 3,700 или 4,000 персіянъ и наемныхъ горныхъ черкесъ. Начальствовалъ надъ ними астаранскій Менеды-ханъ. Съ нимъ въ походѣ былъ сынъ его и красавица дочь. Завязалась кровопролитная битва. Закатисто стрѣляли казаки враговъ своихъ; потоплены и взяты персидскія сандали, какъ назывались эти легкія суда; только три струга убѣжали съ несчастнымъ ханомъ; но казаки полонили его сына, Шабынь-Дебея, и красавицу—сестру его. Стенька взялъ себѣ въ наложницы персіянку.

Эта битва утвердила славу Стеньки въ удаломъ мірѣ; она и до сихъ поръ славится въ пѣснѣ, гдѣ народная фантазія соединила Стеньку съ Ильею Муромцемъ:

Ужь какъ по морю, по морю синему,
По синему морю, по Хвалынскому,
Туда плыветъ Соколъ-корабль;
Тридцать лѣтъ корабль на якорѣ не стаивалъ,
Ко крутому бережку не причаливалъ,
И онъ желтаго песку въ глаза не видывалъ,
И бока-то сведены по туриному,
И носъ до корма по змѣиному;
Атаманъ былъ на немъ Стенька Разинъ самъ,
Эсауломъ былъ Илья Муромецъ;
А на Муромцѣ кафтанъ рудожелтый цвѣтъ,

На кафтанѣ были пуговки злаченыя,
А на каждой-то пуговкѣ по лютому льву;
И напали на Соколъ-корабль разбойнички:
Ужь какъ злые-то Татары съ Персіянами.
И хотятъ они Соколъ-корабль разбить, разгромить,
Илью Муромца хотятъ въ полонъ полонить.
Илья Муромецъ по кораблю похаживаетъ,
Своей тросточкой по пуговицамъ поваживаетъ;
Его пуговки златыя разгорѣлись.
Его люты львы разревѣлись;
Ужь какъ злые то Татары испугалися,
Во сине море Татары побросалися.

Однако побѣда досталась казакамъ недешево. Въ послѣднее время у нихъ выбыло до пятисотъ человѣкъ. Если первый разъ и удалось казачеству такъ славно отдѣлаться, то нельзя было ручаться, чтобъ такъ же удачно они разсчитались съ Персіянами, если шахъ, раздражавшись этою неудачею, рѣшится, во что бы то ни стало, очистить Каспійское море отъ гостей. Казацкое войско все убавлялось, а Персіянъ могло явиться въ десять разъ больше, чѣмъ отрядъ разбитаго хана. Благоразумно было воротиться заранѣе на тихій Донъ съ большою добычею и богатствомъ, чѣмъ все это потерять, если, засидѣвшись на морѣ, дождутся они новыхъ противъ себя ополченій. У Стеньки были свои планы: ему нужно было обогатиться, чтобъ потомъ привлекать себѣ корыстью новыя толпы; ему нужна была слава въ отечествѣ. Теперь онъ все пріобрѣлъ; но одно пораженіе могло у него отнять и добычу и славу, и пронеслась бы эта слава безъ слѣда. Притомъ же, какъ ни были казаки богаты персидскими тканями, золотомъ и всякими узорочьями, а хлѣба у нихъ не доставало; пуще же всего одолѣвало ихъ то, что имъ негдѣ было достать свѣжей воды, и они часто пили соленую; отъ этого между ними распространилась болѣзнь, и многіе умирали.

И вотъ —

Какъ далеченько, далеченько во чистомъ полѣ,
Да еще какъ подалѣй на синемъ морѣ,

Какъ на синемъ морѣ было на Хвалынскомъ,
Что на славномъ было островѣ на персидскомъ,
Собирались музуры добры молодцы;
Оня думушку гадали всѣ великую,
Думу крѣпкую гадали заединую:
Вотъ кому изъ насъ, ребятушки, атаманомъ быть?
Да кому изъ насъ, ребятушки, эсауломъ слыть?
Атаманомъ быть — Степану Тимофеевичу,
Эсауломъ быть Василію Никитичу.
Атаманъ рѣчь возговоритъ, какъ въ трубу трубитъ,
Эсаулъ-то рѣчь возговоритъ, какъ въ свирѣль игратъ:
Не пора ли намъ, ребята, со синя моря
Что на матушку на Волгу, на быстру рѣку?

Два пути имъ представлялось для возврата въ отечество: обратно черезъ Волгу, или черезъ Куму. Они выбрали первый, потому что у нихъ недоставало припасовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ они хотѣли узнать: не пошлетъ ли имъ царь милостивой грамоты, какъ Стенька сказалъ донскимъ казакамъ въ Яикѣ. Впрочемъ, они не оставляли намѣренія поворотить и на другой путь, если нужно будетъ [1]).

VI.

Десять дней плыли казаки отъ Свинаго острова до устья Волги и 7-го августа 1669 года, почью, напали на учугъ Басаргу, принадлежавшій астраханскому митрополиту. Они набрали тамъ для себя икры, рыбы, вязиги, взяли кое что изъ снастей, буравовъ, неводовъ, багровъ, вѣроятно чтобъ самимъ ловить рыбу, въ случаѣ нужды, когда придется воротиться въ море, и покинули нѣсколькихъ плѣнныхъ (яссыръ), и какую то церковную утварь (въ тайкѣ заверчено) [2]): быть можетъ, эта

---

[1]) «Матер.» 30—35. «Ист. Войска Донск.» 60. «Straus Reise» 251. «Relation» 6.

[2]) «Акт. Истор.» IV, 397.

утварь была когда нибудь ограблена мусульманами и теперь казаки, отнявъ у мусульманъ, возвращали ее церкви, какъ бы въ заплату за то, что взяли для себя на учугѣ [1]). Они немедленно повернули въ море, услышавъ, что изъ Персіи идетъ къ Астрахани большая купеческая буса.

Шло разомъ двѣ бусы. Одна изъ нихъ была нагружена товарами персидскаго купца Мухаммеда-Кулибека; на другой везли дорогихъ аргамаковъ: то были любительные поминки персидскаго шаха русскому государю. Казаки напали на первую бусу, ограбили ее, взяли въ полонъ хозяйскаго сына Сехамбета и требовали за него выкупа пять тысячъ рублей. Отецъ съ терскими стрѣльцами, провожавшими бусу, прибѣжалъ съ вѣстью въ Астрахань [2]).

Во все время, когда казаки гуляли по Каспію, по устью Волги плавали служилые люди и провѣдывали, не возвращаются ли удальцы, чтобъ тотчасъ, какъ узнаютъ, дать знать воеводамъ въ Астрахань [3]). Астраханское начальство готовилось гораздо милостивѣе встрѣтить казаковъ, чѣмъ слѣдовало по заслугамъ. Воеводы заранѣе выправили такую милостивую грамату отъ имени царя, которая давала прощеніе казакамъ, если они принесутъ повинную. Нѣсколько причинъ разомъ располагало ихъ къ такому великодушію: во-первыхъ, походъ Стеньки произвелъ сочувствіе на Дону: слишкомъ суровое обращеніе съ казаками могло раздражить Донцовъ; во-вторыхъ, астраханскіе воеводы не могли положиться на свои силы; переходъ на сторону воровскихъ казаковъ, стрѣльцовъ и чернаго люда заставлялъ побаиваться, чтобъ и въ Астрахани не повторилось то же въ большемъ размѣрѣ; въ третьихъ, походъ Стеньки приносилъ пользу воеводамъ: воеводы знали, что порядочная часть добычи перейдетъ имъ на поминки. Что же касается до разоренія персидскихъ береговъ, то вѣдь и Русскіе

---

[1]) Тамъ же.

[2]) «Матер.» 35

[3]) «Астр. Истор.» IV, 387.

терпѣли тоже отъ своевольства персидскихъ подданныхъ: почему же и персидскимъ не потерпѣть отъ русскихъ? Казацкій походъ былъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, возмездіемъ; казаки доказывали это, приводя съ собой освобожденныхъ плѣнниковъ. Только что передъ возвратомъ Стеньки астраханскіе воеводы получили извѣстіе, что антіохійскій патріархъ, возвращаясь изъ Москвы черезъ персидскія владѣнія, былъ ограбленъ въ Шемахѣ тамошнимъ ханомъ: ханъ отобралъ у него разныя драгоцѣнности и выплатилъ по той цѣнѣ, какую самъ ему назначилъ. Въ Дербентѣ другой ханъ ругался надъ русскимъ гонцомъ и приказалъ ему отвести для помѣщенія скотской загонъ; наконецъ, въ Персіи убили, въ ссорѣ, родственника русскаго посланника, который умеръ съ тоски отъ дурнаго съ нимъ обращенія. Нѣкоторымъ образомъ Стенька отплачивалъ за оскорбленія, нанесенныя Россіи, а Россія не нарушала согласія съ Персіею, сваливая разореніе береговъ ея на своевольныхъ казаковъ [1]).

Такъ приготовлялись астраханскіе воеводы встрѣтить Стеньку и давно уже его ждали. Вдругъ прибѣгаютъ въ Астрахань рабочіе съ митрополичьяго учуга и объявляютъ о появленіи казаковъ. Затѣмъ вслѣдъ, явился въ Астрахань персидскій купецъ, хозяинъ ограбленной бусы. Прозоровскій въ этотъ же день отрядилъ своего товарища, князя Семена Ивановича Львова, съ четырьмя тысячами вооруженныхъ стрѣльцовъ, на тридцати-шести стругахъ [2]). Семенъ Ивановичъ поплылъ скоро; онъ намѣревался вступить съ казаками и въ бой, если нужно будетъ; но у него была царская милостивая грамата. Казаки, ограбивъ бусу, заложили станъ на островѣ Четырехъ-Бугровъ, при концѣ устья Волги. Мѣсто было очень удобное для защиты: островъ высокъ, берега каменисты; кругомъ все обросло камышами; оставался одинъ небольшой свободный входъ для судовъ. Они ожидали Астраханцевъ и готовились поступить,—какъ пока-

---

1) «Матер.» 57—58.
2) «Straus Reise» 248.

жутъ обстоятельства. Будетъ возможно,—рѣшили они въ кругѣ,—бой дадимъ, а если увидимъ, что не сладимъ — уберемся и пройдемъ по Кумѣ домой, да еще отгонимъ лошадей у Черкесъ, по дорогѣ.

Когда казаки завидѣли, что противъ нихъ выплываетъ изъ Волги сильное войско, то снялись и убѣжали въ море. Львовъ погнался за ними, гнался двадцать верстъ, наконецъ, когда, какъ видно, гребцы его утомились, Львовъ долженъ былъ остановиться. Онъ послалъ къ казакамъ Никиту Скрипицына съ государевой граматой и далъ ему словесныя условія.

Скрипицынъ дошелъ до казаковъ и, вручивъ имъ грамату, говорилъ:

— Вамъ ничего не будетъ; вы пойдете себѣ спокойно домой, на Донъ, если отдадите пушки, которыя побрали на Волгѣ въ пасадѣ и въ Яикѣ городкѣ; также отдадите морскіе струги, отпустите служилыхъ людей, что́ забрали съ собою на Волгѣ и въ Яикѣ городкѣ, и пришлете князю Семену Ивановичу купеческаго сына Сехамбета и прочихъ плѣнниковъ.

Казакамъ кстати было такое предложеніе. Болѣзни, которыя начались у нихъ на морѣ, похищали каждый день ихъ братью. Они повернули назадъ къ Четыремъ-Буграмъ, а князь Львовъ растянулъ свою флотилію и заступилъ имъ входъ въ море. Стенька послалъ къ нему двоихъ казаковъ.

Они говорили:

— Просимъ отъ всего нашего казацкаго войска, чтобъ великій государь велѣлъ, противъ своей милостивой граматы, насъ отпустить на Донъ со всѣми пожитками, а мы за то рады служить и головами платить, гдѣ великій государь укажетъ. Пушки отдадимъ и служилыхъ отпустимъ въ Астрахань; струги отдадимъ въ Царицынѣ, когда по Волгѣ доплывемъ до того мѣста, гдѣ надобно будетъ на Донъ переволакиваться; а о купчининомъ сынѣ Сехамбетѣ, что требовалъ Скрипицынъ, мы подумаемъ, потому что онъ у насъ сидитъ въ откупу въ пяти тысячахъ рубляхъ.

Львовъ привелъ посланцевъ Стеньки къ присягѣ, чтобъ ка-

заки исполнили въ точности обѣщаніе. Послѣ этихъ обрядовъ, воевода поворотилъ съ своимъ войскомъ, поплылъ въ Астрахань, а за нимъ плылъ Стенька съ своими казаками. Когда они доплыли до Астрахани, Стенька отдалъ князю Львову купеческаго сына за окупъ, который князь долженъ былъ выдать изъ приказной палаты [1]).

VII.

Казаки проплыли мимо Астрахани и пристали къ Болдинскому Устью. Самъ Стенька съ главными казаками прибылъ въ городъ и въ приказной избѣ положилъ, въ знакъ послушанія, свой бунчукъ — символъ власти. Казаки тутъ же отдали пять мѣдныхъ и шестнадцать желѣзныхъ пушекъ, отдали ханскаго сына, взятаго въ сраженіи близъ Свинаго Острова, одного персидскаго офицера, взятаго въ Фарабатѣ и трехъ военныхъ Персіянъ. Этимъ хотѣли казаки показать, что вотъ они отдаютъ плѣнныхъ Персіянъ; но въ самомъ дѣлѣ они отдавали только ничтожное число изъ того, сколько у нихъ сидѣло на судахъ.

— Мы бьемъ челомъ, сказалъ Стенька: — великому государю, чтобъ великій государь пожаловалъ насъ, велѣлъ вины наши намъ простить и отпустить насъ на Донъ противъ государевой граматы; а мы желаемъ выбрать шесть человѣкъ казаковъ и послать въ Москву добить ему, великому государю, челомъ и головами своими.

Прозоровскій согласился, и выбраны были: станичный атаманъ Лазарь Тимофеевичъ да эсаулъ Михайло Ярославовъ съ пятью человѣками, и отправлены въ Москву.

Современное сказаніе говоритъ, что Стенька, въ порывѣ своей преданности великому государю; говорилъ, что казаки подклоняютъ его царскому величеству острова, которые завоевали саблею у персидскаго шаха. Разинъ поднесъ самому воеводѣ по-

[1]) «Матер.» 36.

минки изъ дорогихъ персидскихъ тканей [1]): безъ того нельзя было обойтись по обычаямъ.

Послѣ того еще нѣсколько разъ были переговоры съ воеводами. Послѣдніе замѣтили, что казаки только показываютъ для вида, будто исполняютъ условія: они не отдали всѣхъ плѣнниковъ. Тѣ изъ казаковъ, что были посланы въ Москву, сознавались, что у нихъ осталось девяносто пять человѣкъ Персіянъ, Бухарцевъ и Трухменцевъ, и, вѣроятно, ихъ было еще больше того, сколько показывали сами казаки. Равнымъ образомъ, у нихъ оставались пушки; тѣ же самые казаки говорили, что послѣ сраженія подъ Свинымъ Островомъ имъ достались тридцать три пушки.

Воеводы напоминали Стенькѣ о его обязанностяхъ.

— Вы должны, говорили они: — отдать сполна всѣ дары, которые пограбили у шахова купчины Мухаммеда-Кулибека, что онъ везъ великому государю, а также и всякіе пограбленные пожитки и всѣхъ полонныхъ людей шаховой области.

Стенька отвѣчалъ:

— Бьемъ челомъ великому государю: — этого сдѣлать нельзя. Товары, которые мы побрали на возморьѣ съ бусы, подуванены. Иное продано, иное ужь и въ платье передѣлано. Никоимъ образомъ собрать всего нельзя, а за то за все мы идемъ къ великому государю и будемъ платить головами своими. А что ты, воевода, говоришь о полонѣ, что мы брали съ шаховой области, такъ это досталось намъ саблею и есть наше прямое достояніе: наши братья за то въ шаховой области побиты и взяты въ неволю. Да и много ли того полону? На пять, на десять человѣкъ одинъ полонянникъ приходится! Этого отдавать намъ не привелось.

— Вы не отдали всѣхъ пушекъ, что забрали по Волгѣ и въ Яикѣ, и не отпустили служилыхъ, сказали воеводы.

Стенька отвѣчалъ:

— Мы уже выдали вамъ пушки; а остальныя намъ нужны

[1]) «Москвитянинъ» 1841, ч. IV, 168.

на степи, какъ пойдемъ отъ Царицына до донскаго городка Паншина. Мѣсто тамъ непроходимое; нападутъ крымскіе, азовскіе и всякіе военные люди: надобно же намъ чѣмъ нибудь обороняться; какъ въ Паншинъ прибудемъ, то и пушки въ Царицынъ пришлемъ; а служилыхъ мы неволею не держимъ: кто хочетъ, пусть идетъ куда ему любо.

— Отдайте струги, въ которыхъ плавали по морю, а мы вамъ дадимъ рѣчные струги, — сказали воеводы.

Стенька отвѣчалъ:

— Струги отдадимъ. Тринадцать струговъ есть.

— Да еще, сказали воеводы: — слѣдуетъ сдѣлать перепись всему казацкому войску.

Стенька отвѣчалъ, возвысивъ голосъ:

— По нашимъ казацкимъ правамъ не повелось казакамъ перепись дѣлать; ни на Дону, ни на Яикѣ того не было, и въ государевой граматѣ того не написано, что вы, воеводы, говорите. А также и того не написано, чтобъ намъ рухлядь нашу и пушки отдавать.

Воеводы, повидимому, имѣли возможность быть настойчивѣе; но они совершенно сдались на отговорки Стеньки.

Родственники и знакомые взятыхъ казаками въ плѣнъ Персіянъ обратились къ воеводамъ для возвращенія своихъ земляковъ, родныхъ и пограбленныхъ имуществъ. Они полагали, что такъ-какъ казаки уже въ рукахъ начальства, то послѣднее, по возможности, постарается вознаградить потери, которыя они надѣлали своими разбоями. Воеводы сказали имъ въ приказной избѣ:

— Неволею мы не смѣемъ противъ государевой граматы брать у казаковъ безъ окупа полонянниковъ и товаровъ, которые они пограбили, чтобъ они вновь воровства не учинили и къ нимъ бы не пристали другіе люди, и отъ того и вамъ была-бъ бѣда; поэтому вы можете выкупать у нихъ полонянниковъ; а все, что мы можемъ для васъ сдѣлать, это то, что вы будете ихъ выкупать безпошлинно [1].

---

[1]) «Матер.» 42.

— Какъ же это можно? возражали Персіяне: — ихъ слѣдуетъ казнить, какъ разбойниковъ, а вы не спрашиваете съ нихъ пограбленнаго?

Воеводы отвѣчали:

— Эти казаки — холопы великаго государя, а не разбойники; уже вина имъ отдана; что взяли они грабежемъ — яссыръ и имущества на войнѣ, — такъ это зачтено имъ въ жалованье и до того нѣтъ никому дѣла.

Воеводы не осмѣлились взять у казаковъ и даровъ, которые Персіяне везли къ царю, не взяли даже аргамаковъ, которые уже впослѣдствіи найдены у Стеньки. Необыкновенная сила воли, все преклонявшая передъ Стенькою и даровавшая ему званіе волшебника, казалось, покорила ему и воеводъ. Они подружились съ Стенькой и каждый день то звали его къ себѣ, то отправлялись къ нему, ѣли, пили, прохлаждались вмѣстѣ [1]). Немало Стенька расположилъ ихъ къ себѣ своею щедротою, — а воеводы тогда были лакомы... Современное сказаніе говоритъ, что одинъ изъ воеводъ (неизвѣстно кто, Прозоровскій или Львовъ) пришелъ къ Разину на судно. Атаманъ велъ веселую бесѣду съ товарищами. На плечахъ его блистала великолѣпная соболья шуба, покрытая драгоцѣннымъ персидскимъ златоглавомъ. У воеводы разбѣжались на нее глаза, и онъ сталъ просить себѣ шубу. Разинъ отказалъ ему и укорилъ его въ жадности. Воевода сказалъ:

— Атаманъ, знаешь ли: не надобно нами пренебрегать; вѣдь мы въ Москвѣ можемъ для тебя и доброе и злое устроить.

Разинъ грозно взглянулъ на воеводу, скинулъ шубу и, отдавъ ему, сказалъ:

— Возьми, братецъ, шубу; только-бъ не было въ ней шуму!

Воевода (говоритъ это сказаніе) не побоялся шуму и ушелъ въ городъ; а казаки, смотря на него, зубами скрежетали [2]).

Хотя сказаніе, передающее этотъ случай, изобилуетъ ана-

---

[1]) «Русск. Бес.» № 2, 1867, 100

[2]) «Москвитянинъ» 1841.

хронизмами, но подобное извѣстіе можно почитать вѣроятнымъ, ибо черты остаются въ памяти народной долѣе, чѣмъ связь событій, и онѣ совершенно въ духѣ того времени.

Народная пѣсня разсказываетъ, что воеводы въ Астрахани и рады были бы доканать Стеньку, да не могли: ни пушки, ни ружья его не брали, а хоть и удалось было заманить чернокнижника чрезъ приманку красавицы-Маши, но Стенька освободился затѣйливымъ образомъ, посредствомъ стакана воды.

Ужъ вы горы, мои горы!
Прикажите-ка вы, горы,
Подъ собой намъ постояти;
Намъ не годъ-то годовати,
Не недѣлюшку стояти —
Одну ночку ночевати,
И тою намъ всю не спати,
Легки ружья заряжати,
Чтобы Астрахань намъ городъ
Во глуху полночь проѣхать,
Чтобъ никто насъ не увидѣлъ,
Чтобъ никто насъ не услышалъ.
Какъ увидѣлъ и услышалъ
Астраханскій воевода.
Приказалъ же воевода
Сорокъ пушекъ заряжати,
Въ Стеньку Разина стрѣляти:
Ваши пушки меня не возьмутъ,
Легки ружьица не проймутъ;
Ужъ какъ возьметъ ли не возьметъ
Астраханска дѣвка Маша.
По бережку Маша ходитъ,
Шелковыимъ платкомъ машетъ,
Шелковымъ платкомъ махала,
Стеньку Разина прельщала;
Стеньку Разина прельстила,
Къ себѣ въ гости заманила,
За убранъ столъ посадила,
Пивомъ. медомъ угостила

И до пьяна напоила,
На кровать спать положила,
И начальству объявила.
Какъ пришли къ нему солдаты,
Солдатушки молодые,
Что сковали руки, ноги
Желѣзными кандалами,
Посадили-же да Стеньку
Во желѣзную во клѣтку,
Три дни по Астрахани возили,
Три дни съ голоду морили.
Попросилъ же у нихъ Стенька
Хоть стаканъ воды напиться
И во клѣткѣ окатиться.
Онъ во клѣткѣ окатился—
И на Волгѣ очутился!

Казаки провели подъ Астраханью десять дней и каждый день ходили по городу. Хотя между ними было много больныхъ — опухшихъ отъ употребленія соляной морской воды во время похода [1]), но это не препятствовало имъ щеголять предъ пестрымъ народонаселеніемъ Астрахани. Открылась дѣятельная торговля между ними и Астраханцами; она была выгодна для послѣднихъ. Фунтъ шелка продавался за восьмнадцать денегъ, и многіе Русскіе, Армяне, Персіяне, жувущіе въ Астрахани, въ нѣсколько дней составили себѣ состояніе. «Я самъ (говоритъ Голландецъ, бывшій въ русской службѣ) купилъ за сорокъ рублей огромную золотую цѣпь, величиною въ сажень; за каждымъ золотымъ кольцомъ было по пяти драгоцѣнныхъ камней (достоинство покупки, вѣроятно, преувеличено [2]). Всѣ казаки были одѣты въ шелковыя, бархатныя одежды; жемчугъ и драгоцѣнные камни, въ видѣ вѣнцовъ, украшали ихъ шапки. Атаманъ ничѣмъ отъ нихъ не отличался, кромѣ своего могучаго вида и почтенія, какое ему всѣ оказывали. Передъ нимъ не только сни-

[1]) Theatr. Europ. X. 517.
[2]) «Straus Reise», 250.

мали шапки, но становились на колѣна и кланялись до земли. Всѣ величали его «батюшка, батюшка!» Расхаживая промежъ народомъ, онъ со всѣми ласково и привѣтливо говорилъ, сыпалъ щедро золотомъ и серебромъ, не отказывалъ нуждающимся, и всѣ съ восторгомъ хвалили его; онъ, такимъ образомъ, заранѣе пріобрѣлъ расположеніе астраханской черни [1]). Толпа народа съ любопытствомъ стекалась къ казачьимъ стругамъ и изумлялась, видя, что на атаманскомъ стругѣ, носившемъ, по извѣстіямъ народныхъ пѣсенъ, названіе Сокола, были веревки и канаты свиты изъ шелка, а паруса сдѣланы изъ дорогихъ персидскихъ тканей. Приходили къ Стенькѣ Нѣмцы, изготовлявшіе, по приказу воеводы, рѣчные струги для казаковъ. Они принесли къ нему на гостинецъ двѣ стклянки русской водки. Стенька сидѣлъ съ своими чиновниками въ шатрѣ.

— Хорошо, хорошо! сказалъ онъ, увидя ихъ съ водкою: — спасибо. А мы, какъ были на морѣ, такъ водки и въ глаза не видали, не то, чтобъ отвѣдать. Что вы за люди?

Тѣ отвѣчали:

— Мы Нѣмцы, находимся въ службѣ его царскаго величества на кораблѣ, который пущенъ въ Каспійское море. Мы пришли отдать поклонъ атаману и всему благородному казачеству, и принесли на гостинецъ двѣ стклянницы водки.

Стенька далъ знакъ, чтобъ они сѣли, и при нихъ же налилъ водки и выпилъ, сказавъ:

— Пью за здоровье его царскаго величества, великаго государя!

«О какими лживыми устами, о, съ какимъ коварнымъ сердцемъ произнесъ онъ эти слова!» говоритъ свидѣтель.

На другой день, тѣмъ же Нѣмцамъ случилось быть свидѣтелями, какъ Стенька съ товарищами кутилъ на стругѣ и катался по Волгѣ.

Казаки пили, ѣли, прохлаждались.

Возлѣ Стеньки сидѣла его любовница, плѣнная персидская

---

[1]) «Stephan Razin», 20.

княжна. Она была одѣта великолѣпно, въ вышитое золотомъ и серебромъ платье; жемчуги, брильянты и разные драгоцѣнные камни придавали блескъ ея природной, ослѣпительной красотѣ. Уже замѣчали, что она начала пріобрѣтать силу надъ необузданнымъ сердцемъ атамана. Вдругъ, упившись до ярости, Стенька вскакиваетъ съ своего мѣста, неистово подходитъ къ окраинѣ струга и, обращаясь къ Волгѣ, говоритъ:

— Ахъ ты Волга-матушка, рѣка великая! много ты дала мнѣ и злата, и серебра, и всего добраго; какъ отецъ и мать, славою и честью меня надѣлила, а я тебя еще ничѣмъ не поблагодарилъ; на-жь тебѣ, возьми!

Онъ схватилъ княжну одной рукою за горло, другою за ноги и бросилъ въ волны.

А между-тѣмъ, тотъ же Стенька наказывалъ строго другихъ за то, что себѣ позволялъ. Случилось, говоритъ тотъ же очевидецъ, что какой-то казакъ вступилъ въ связь съ чужою женою. Стенька приказалъ бросить его въ воду, а женщину повѣсить за ноги къ столбу, воткнутому въ водѣ [1]). Этотъ случай заставляетъ подозрѣвать, что злодѣйскій поступокъ съ княжною не былъ только безполезнымъ порывомъ пьяной головы. Стенька, какъ видно, завелъ у себя запорожскій обычай: считать непозволительное обращеніе казака съ женщиною поступкомъ, достойнымъ смерти. Увлекшись самъ на время красотою плѣнницы, атаманъ, разумѣется, долженъ былъ возбудить укоры и негодованіе въ тѣхъ, которымъ не дозволялъ того, что дозволилъ себѣ и, быть-можетъ, чтобъ показать другимъ, какъ мало онъ можетъ привязаться къ женщинѣ, пожертвовалъ бѣдною Персіянкою своему вліянію на казацкую братію. Стенька былъ женатъ и имѣлъ дѣтей.

Что касается обращенія Стеньки къ Волгѣ, то здѣсь, какъ видно, Стенька вспомнилъ старое народное повѣрье бросить что-нибудь въ рѣку изъ благодарности послѣ водяного пути — повѣрье, безъ-сомнѣнія, языческихъ временъ, когда рѣки пред-

---

[1]) «Straus Reise», 251.

ставлялись въ воображеніи одушевленными существами. Такъ, въ старинной пѣснѣ о Садкѣ, богатомъ гостѣ, Садко-молодецъ, послѣ двѣнадцати лѣтъ странствованія по Волгѣ, захотѣлъ воротиться въ Новгородъ; онъ

Отрѣзалъ хлѣба великой сукрой,
А и солью насолилъ, его въ Волгу опустилъ.
«А спасибо тебѣ, матушка Волга-рѣка;
А гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ,
Никакой я притки, скорби не видывалъ надъ собой.
И въ добромъ здоровьи отъ тебя отошелъ!»

Достойно замѣчанія то, что исторія несчастной плѣнницы, Переданная потомству Страусомъ, сохранилась до-сихъ-поръ въ темныхъ сказочныхъ преданіяхъ о Стенькѣ. «Плылъ (говоритъ народъ) Стенька по морю, на своей чудесной кошмѣ, игралъ въ карты съ казаками, а подлѣ него сидѣла любовница, плѣнная Персіянка. Вдругъ сдѣлалась буря.

Товарищи и говорятъ ему:

— Это на насъ море разсердилось. Брось ему полонянку.

Стенька бросилъ ее въ море, — и буря утихла.

VIII.

4-го сентября воеводы отправили казаковъ на Донъ: они дали имъ рѣчные струги, а казаки должны были оставить свои морскіе; но они ихъ не всѣ оставили, а взяли девять струговъ; ихъ провожать долженъ былъ жилецъ Леонтій Плохово до Царицына, а отъ Царицына до Паншина отрядъ въ пятьдесятъ стрѣльцовъ. Отпуская казаковъ, воеводы, по формѣ, проговорили имъ нравоученіе: чтобъ они на пути не подговаривали съ собою никого на Донъ и не принимали тѣхъ, кто станетъ къ нимъ приставать, дабы тѣмъ не навлечь гнѣвъ великаго государя.

Отплывъ до Чернаго Яра, Стенька услышалъ, что изъ Астрахани везутъ тѣхъ стрѣльцовъ, которые въ Яикѣ передались на

сторону Стеньки, а когда казаки отплыли на море, убили своего начальника Сакмышева, присланнаго изъ Астрахани для занятія Яика, сами же поплыли на море, но были разбиты и взяты въ полонъ княземъ Львовымъ. Стенька послалъ къ начальникамъ этого отряда приказаніе явиться къ нему; эсаулы, которые пришли съ этимъ требованіемъ, обращались очень невѣжливо; тѣмъ не менѣе, исполняя волю атамана, изъ отряда пришли къ нему сотникъ и пятидесятникъ. Стенька былъ тогда пьянъ. Онъ сначала обругалъ ихъ и грозно требовалъ, чтобъ къ нему отпустили всѣхъ тѣхъ, которые, принявъ его сторону, подвергались за то тюремному заключенію и теперь, какъ колодники, слѣдуютъ для опредѣленія въ иную службу; «иначе (говорилъ онъ) я возьму ихъ съ собой»! Однако, онъ, мало по малу, смягчался, сталъ ласковѣе и кончилъ тѣмъ, что попросилъ вина. Сотникъ привезъ ему три ведра, а Стенька отдарилъ его персидскими матеріями и сафьяномъ. Такъ же дружелюбно поступилъ онъ и съ казанскими стрѣльцами, которые съ нимъ встрѣтились на волжскомъ пути: голова отдѣлался тѣмъ, что подарилъ три бочки вина, а Стенька не только не ограбилъ его, но еще отдарилъ. Нѣсколько человѣкъ простыхъ стрѣльцовъ перебѣжало въ его шайку. Узнавъ объ этомъ, Леонтій Плохово замѣтилъ ему:

— Побойся Бога, атаманъ: ты скоро забываешь великую къ тебѣ милость государя! Отпусти бѣглыхъ, вороти служилыхъ, которые, къ тебѣ перебѣжали.

— Этого у насъ, у казаковъ, никогда не водилось, чтобъ бѣглыхъ выдавать; а кто къ намъ придетъ, тотъ воленъ; мы никого не силуемъ: хочетъ—пусть прочь идетъ.

Когда Стенька прибылъ въ Царицынъ, къ нему пришла толпа донскихъ казаковъ жаловаться на воеводу.

Одинъ изъ нихъ говорилъ:

— Мы пріѣзжаемъ въ Царицынъ покупать соль, а онъ деретъ съ насъ по алтыну съ дуги.

— У меня отнялъ двѣ лошади съ саньми и хомутомъ.—говорилъ другой.

— А у меня пищаль,—говорилъ третій.

Взбѣшенный Стенька прибѣжалъ къ воеводѣ въ приказную избу и требовалъ, чтобъ воевода тотчасъ вознаградилъ обиженныхъ казаковъ. Унковскій не сталъ противорѣчить и заплатилъ все, что вымогалъ Стенька при своемъ проводникѣ.

— Смотри жь ты, воевода,—сказалъ тогда Стенька,—если услышу я, что ты будешь обирать и притѣснять казаковъ, когда они пріѣдутъ сюда за солью, отнимать у нихъ лошадей и ружья, да съ подводъ деньги брать, я тебя живаго не оставлю.

Воевода долженъ былъ выслушать это нравоученіе.

Но видя, что можно давать подобныя нравоученія, этимъ не ограничился Стенька. Онъ узналъ, что, ожидая его прибытія, Унковскій приказалъ на кружечномъ дворѣ продавать вино вдвое дороже. Это сдѣлано было, кажется, между прочимъ, чтобъ не допустить казаковъ много пьянствовать. Самъ Прозоровскій предостерегалъ воеводъ черноярскаго и царицынскаго и писалъ къ нимъ, чтобъ они не продавали вина казакамъ. Столько же становился лютъ казакъ, когда его лишали вина, сколько дружелюбенъ, когда ему подносили его. Стенька съ казаками опять пришелъ на воеводскій дворъ. Воевода чуялъ на себя грозу и заперся въ приказной избѣ. «Выбивайте бревномъ дверь!» кричалъ Стенька. Унковскій заперся въ задней избѣ, а когда услышалъ, что казаки и туда ломятся, выскочилъ изъ окна и зашибъ себѣ ногу. Стенька искалъ его повсюду, бѣгалъ даже въ церковь и кричалъ: «зарѣжу»! Но Унковскій куда-то запрятался. Стенька, не найдя его, съ досады велѣлъ отбить у тюрьмы замокъ и выпустилъ колодниковъ, а казаки хвалились пустить по городу «краснаго пѣтуха» и перебить всѣхъ приказныхъ со воеводою. Какой-то запорожецъ изъ ихъ ихъ шайки поймалъ-таки воеводу и оттрепалъ ему бороду.

Тогда казаки (неизвѣсто, съ позволенія ли Стеньки, или только ободренные его поступками) напали на два купеческіе струга, ограбили ихъ и схватили сотника, который везъ царскую грамату: они бросили въ воду эту бумагу [1]).

[1]) «Матер. для ист. возм. Стен. Раз.» 43—46, 48.

Между тѣмъ, Прозоровскій уже узналъ, что, прощенный милостивою царскою граматою, атаманъ опять подбиваетъ къ себѣ служилыхъ, и послалъ къ нему Нѣмца Видероса.

— Бояринъ и воевода,—говорилъ Нѣмецъ,—присылаетъ тебѣ приказаніе немедленно отправить всѣхъ лишнихъ людей въ Астрахань, подъ опасеніемъ царской немилости. Увѣряю тебѣ, что въ другой разъ не такъ легко будетъ получить прощеніе, какъ въ первый, и, можетъ быть, съ новыми грѣхами придется разомъ и за старые заплатить.

Стенька вспыхнулъ, по своему обычаю, прежде всего помянулъ родительницу Нѣмца, потомъ схватился за саблю и чуть было не перекрестилъ ею посланнаго.

— Какъ же ты смѣлъ,—закричалъ онъ,—прійти ко мнѣ съ такими непочтительными рѣчами? Чтобъ я выдалъ друзей своихъ, которые ко мнѣ пристали ради любви и пріятства! Ты еще смѣешь грозить немилостью! Хорошо! Скажи же своему воеводѣ, что я не боюсь ни его, ни кого нибудь повыше его. Подожди; вотъ я съ нимъ опять свижусь и поведу разсчетъ! Уракъ онъ; трусъ этакой! Онъ теперь надѣется на свою силу и деретъ носъ вверхъ, да еще хочетъ со мной обращаться будто съ холопомъ, когда я отъ рожденія вольный человѣкъ! У меня силы и власти больше, чѣмъ у него. Я расплачусь съ этими негодными, какъ слѣдуетъ расплачусь; я имъ покажу, какъ принимать меня безъ почета, будто такъ себѣ, какого нибудь простяка!

Нѣмецъ отъ страха едва держался на ногахъ, глядя на бѣшеные, распаленные глаза атамана, и готовился испустить духъ подъ его тяжелою рукой.

Но Нѣмецъ на этотъ разъ остался живъ и, возвратясь опять въ Астрахань, разсказалъ все Прозоровскому, который призадумался [1]). Было отъ чего задуматься...

---

[1]) «Straus Reise», 253.

IX.

Отправившись на Донъ, Стенька выбралъ себѣ мѣсто между Кагальницкою и Ведерниковскою станицам и на островѣ, который былъ протяженіемъ въ три версты. Тамъ устроилъ онъ городокъ Кагальникъ и приказалъ обвести его землянымъ валомъ; казаки построили себѣ земляныя избы.

Разнеслась молва о его славѣ, со всѣхъ сторонъ посыпала къ нему голытьба; бѣжали къ нему и съ Хопра казаки верховыхъ станицъ, и съ Волги гулящіе люди; откликнулась его слава и въ Украинѣ: приходили къ нему и братья сѣчевики. Когда онъ пришелъ изъ Царицына, войско его состояло изъ полуторы тысячи [1]); а черезъ мѣсяцъ, какъ доносили посылаемые царицынскимъ воеводою, у него было двѣ тысячи семьсотъ человѣкъ [2]). Онъ былъ для всѣхъ щедръ и привѣтливъ, раздѣлялъ съ пришельцами свою добычу, одѣлялъ бѣдныхъ и голодныхъ, которые, не зная куда дѣться, искали у него и пріюта, и ласки. Его называли батюшкой, считали чудодѣемъ, вѣрили въ его умъ, въ его силу, въ его счастье. Старый домовитый казакъ, если ему удавалось обогатиться, старался зажить хорошенько, не заботился о голи, становился высокомѣренъ съ нею. Стенька былъ не таковъ: не отличался онъ отъ прочихъ братьевъ казаковъ ни пышностью, ни роскошью; жилъ онъ, какъ всѣ другіе, въ земляной избѣ; одѣвался хотя богато, но не лучше другихъ; все, что собралъ въ персидской землѣ, раздавалъ неимущимъ. Стенька будто жилъ для другихъ, а не для себя. Онъ медлилъ явиться въ Черкаскъ, пока у него не составилась такая партія, которая бы могла стать въ уровень съ противною партіею; но въ

---

[1]) «Матер.» 189.

[2]) Ibid. 52.

Черкаскѣ былъ важный залогъ для него: тамъ была жена его, тамъ жилъ братъ Фролка. Стенька послалъ [1]) въ Черкаскъ казака Ивана Болдыря сообщить имъ, чтобъ они тайно ушли къ нему. Дѣло пошло на счастье Стеньки—семья его убѣжала изъ Черкаска [2]); вмѣстѣ съ нею прибылъ въ Кагальникъ Фролка, неразлучный спутникъ успѣховъ и гибели своего брата.

Съ тревогою поглядывали изъ Черкаска прямые казаки на этого зловѣщаго предводителя голытьбы.

Онъ никого не грабилъ. Торговцы, ѣхавшіе изъ Москвы въ Черкаскъ, были захвачены казаками, но казаки не обирали ихъ; Стенька только принудилъ ихъ не ѣздить въ Черкаскъ и торговать въ Кагальникѣ. Казаки платили имъ исправно, и торговцы сами охотно начали туда ѣздить и одѣлять ихъ живностью [3]). Стоялъ Стенька смирно и, по современному выраженію, задоровъ ни съ кѣмъ не дѣлалъ [4]). Тѣмъ было страшнѣе; какъ ни старался царицынскій воевода узнать его тайные планы, сколько ни посылалъ провѣдывать и Русскихъ и Татаръ — ничего не узналъ и писалъ въ своемъ донесеніи въ Москву: «и приказываетъ Стенька своимъ казакамъ безпрестанно, чтобъ они были готовы, а какая у него мысль, про то и казаки немного свѣдаютъ, и ни которыми мѣрами у нихъ, воровскихъ казаковъ, мысли довѣдаться немочно» [5]).

А между тѣмъ, все прежнее было приготовленіемъ къ тому, что Стенька зимою обдумывалъ въ своемъ земляномъ городкѣ.

Въ Москвѣ не оказали полнаго одобренія распоряженіямъ Прозоровскаго. Въ граматѣ отъ имени царя въ Астраханѣ было замѣчено, что воеводы не поняли смысла милостивой граматы, посланной для врученія казакамъ. Тамъ было сказано, чтобъ отпустить казаковъ съ моря на Донъ, а не изъ Астрахани Волгою. «Вы пропустили воровскихъ казаковъ мимо города Астра-

---

[1]) Ibid. 51.
[2]) Ibid. 190.
[3]) Ibid. 189.
[4]) Ibid. 190.
[5]) Ibid. 52.

хани и поставили ихъ на Болдинскомъ Устьѣ выше города (писано было теперь въ Астрахань): вы ихъ не разспрашивали, не привели къ вѣрѣ, не взяли товаровъ, принадлежащихъ шаху и купцу, которые они ограбили на бусѣ, не учинили раздѣлки съ шаховымъ купцомъ. Не слѣдовало такъ отпускать воровскихъ казаковъ изъ Астрахани; и если они еще не пропущены, то вы должны призвать Стеньку Разина съ товарищами въ приказную избу, выговорить имъ вины ихъ противъ великаго государя и привести ихъ къ вѣрѣ въ церкви по чиновной книгѣ, чтобъ впередъ имъ не воровать, а потомъ раздать ихъ всѣхъ по московскимъ стрѣлецкимъ приказамъ и велѣть беречь, а воли имъ не давать, но выдавать на содержаніе, чтобъ они были сыты, и до указу великаго государя не пускать ихъ ни вверхъ, ни внизъ; всѣ струги ихъ взять на государевъ дѣловой дворъ, всѣхъ плѣнниковъ и награбленные на бусахъ товары отдать шахову купцу, а если они не захотятъ воротить ихъ добровольно, то отнять и неволею». Изъ этого видно, что правительство давало милостивую грамату для возвращенія на Донъ только въ томъ случаѣ, когда казаковъ нельзя будетъ поймать въ руки, а въ противномъ случаѣ оно хотя и давовало имъ жизнь и избавляло отъ казни, но пресѣкало имъ средстза къ возобновленію своего удальства. Еслибъ воеводы не спасли Стеньки Разина заранѣе, этотъ удалецъ вѣрно былъ бы отправленъ на стрѣлецкую службу куда нибудь далека отъ тихаго Дона и Волги-матушки.

Воеводы, получивъ такое замѣчаніе, отговаривались старыми примѣрами, что подобная казацкая шайка, подъ начальствомъ Ивашки Кондырева, состоявшая изъ двухъ сотъ человѣкъ, также была нѣкогда пропущена и поставлена на Болдинскомъ Устьѣ; что ихъ не отдавали за приставы (подъ стражу) и не приводили къ вѣрѣ; что теперь воеводы требовали нѣсколько разъ отъ Стеньки возвращенія плѣнниковъ и отдачи награбленнаго на бусахъ, но не смѣли отнять у нихъ насильно, потому что тогда къ нимъ пристали бы многіе люди и произошло бы кровопроли-

тіе. Воеводы оправдывались еще тѣмъ, что такъ поступили съ совѣта митрополита [1]).

Казаки, которые пришли въ Москву съ повинною, разсказывали о своихъ похожденіяхъ и немедленно были отправлены въ Астрахань подъ стражею; но на дорогѣ ушли и, степью, пробрались на Донъ къ своему атаману.

При концѣ зимы, правительство послало жильца Евдокимова въ Черкаскъ съ царскою грамотою для вида, но въ самомъ дѣлѣ провѣдать, что дѣлаетъ и замышляетъ Стенька, о которомъ толковали много, да никто ничего вѣрнаго сказать не могъ [2]). Евдокимовъ съ провожатыми прибылъ на Донъ на ѳоминой недѣлѣ, въ воскресенье. Корнило Яковлевъ собралъ кругъ. Евдокимовъ, поклонившись атаману и всему казачеству на всѣ стороны, отдалъ грамату и сказалъ:

— Великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и сѣверныхъ отчинъ и дѣдичъ и наслѣдникъ и государь и обладатель., велѣлъ всѣхъ, васъ атамановъ и казаковъ, спросить о здоровьи.

Корнило, приподнявъ грамату, поднялъ ее вверхъ и громко *вычиталъ* кругу.

Казаки слышали похвалу своему званію и обѣщанія прислать обычные запасы, которые правительство каждогодно посылало на Донъ.

Всѣ за то поблагодарили, что называлось челомъ ударить по его государской милости. Отпустили Евдокимова и сказали, что шлютъ вмѣстѣ съ нимъ станицу въ Москву къ великому государю.

На другой день явился въ Черкаскъ Стенька съ своею ватагою. Простые казаки приняли его съ восторгомъ; онъ возбуждалъ ихъ противъ Евдокимова и говорилъ, что московскіе бояре подстрекаютъ нарушать казацкія вольности.

---

[1]) Ibid. 47—48.

[2]) Дополн. VI; 57.

Во вторникъ, Корнило Яковлевъ собралъ опять кругъ: разсуждали, кого выбирать въ станицу.

Вдругъ Стенька входитъ въ кругъ и спрашиваетъ:

— Куда вы это станицу выбираете?

Казаки отвѣчали:

— Мы выбираемъ станицу съ Герасимомъ Евдокимовымъ къ великому государю, въ Моску.

Стенька собралъ изъ своихъ казаковъ такой же кругъ и велѣлъ привести Евдокимова. Его схватили и поставили въ кругу. Стенька сказалъ:

— Говори правду: отъ великаго ли государя, или отъ бояръ ты сюда пріѣхалъ?

Евдокимовъ отвѣчалъ:

— Я пріѣхалъ отъ великаго государя съ государевою милостивою граматою.

Стенька грозно закричалъ:

— Не съ граматою ты пріѣхалъ, а лазутчикомъ, за мною подсматривать, да про насъ узнавать.

Съ этими словами Стенька ударилъ посла, и казаки принялись отмѣривать ему ударъ за ударомъ.

— Въ воду, въ воду его! посадить въ воду! кричалъ Стенька.

Напрасно Корнило Яковлевъ бросился въ толпу, представлялъ мятежникамъ, что такъ непригоже.

Стенька гнѣвно закричалъ ему:

— Владѣй своимъ войскомъ, а я буду владѣть своимъ.

Герасима Евдокимова, избитаго до смерти, бросили въ Донъ. Его товарищи посажены подъ стражу.

Уже черезъ нѣсколько времени потомъ, Корнило освободилъ ихъ тайно и отправилъ въ Москву [1]).

Корнило только по имени былъ атаманомъ. Толпа переходила къ Стенькѣ; онъ распоряжался, кричалъ, что настало время идти противъ бояръ, и созывалъ молодцовъ съ собой на Волгу.

---

[1]) «Матер.» 195—196.

Бояръ ненавидѣли многіе; имя царя, напротивъ, было священнымъ и для самой крайней вольницы. Но Стенька пошелъ дальше всѣхъ! Стенька сдѣлался врагомъ и самой вѣры, ибо вѣра не покровительствуетъ мятежамъ и убійствамъ.

Въ Черкаскѣ, не задолго передъ тѣмъ, сгорѣли церкви. Зная щедрость Стеньки, нѣкоторые убѣждали его поусердствовать на возобновленіе храмовъ. «На что церкви? Къ чему попы?—говорилъ Стенька.—Вѣнчать что ли? Да не все ли равно: станьте въ парѣ подлѣ дерева, да пропляшите вокругъ него—вотъ и повѣнчались»!

Онъ набиралъ молодежь, приводилъ къ вербовому дереву, заставлялъ ихъ парами проплясать вокругъ него и потомъ увѣрялъ, что они отъ этого стали мужъ и жена [1]). Это не было выдумано Стенькой, а взято имъ изъ древнихъ народныхъ воспоминаній, какъ говорится въ пѣсняхъ о Дунаѣ:

> Тутъ они обручались,
> Кругъ ракитова куста вѣнчались [2]).

Какъ ни уродливо, среди набожныхъ понятій XVII вѣка, выдавались такія сцены, опередившія вѣкъ Шометта и Гебера, но и тогда находились люди, которымъ онѣ нравились.

X.

Въ маѣ Стенька поплылъ на судахъ вверхъ по Дону и достигъ Паншина. Неизвѣстно, какъ велика была тогда его дружина; замѣчательно, что въ ней было много Малороссіянъ, какъ и прежде. Тутъ къ нему прислалъ Васька Усъ, удалая голова, воръ, богатырь; онъ уже прославился года четыре тому назадъ, съ шайкою, составленною изъ бѣглыхъ крестьянъ, онъ разо-

---

[1]) Ibid. 122. «Ист. войска донск.» 61. Доп. VI, 57. Relation. 8.
[2]) «Древн. руск. стих.» 96.

рялъ дворы помѣщиковъ и вотчинниковъ по воронежскимъ и тульскимъ украиннымъ мѣстамъ. Московское правительство жаловалось на него Донцамъ, а Донцы отписались, что ему учинено жестокое наказаніе. Стенька вѣрно уже слышалъ объ немъ; тотчасъ же сдѣлалъ онъ его своимъ эсауломъ. Сначала Разинъ погромилъ орду калмыковъ, блуждавшихъ между Дономъ и Волгою; отогналъ у нихъ скотъ для прокормленія своей ватаги и потомъ подступилъ къ Царицыну.

Уже тамъ не было его стараго знакомца Унковскаго; вмѣсто него сидѣлъ другой воевода, Тургеневъ. Царицынъ, по выраженію современника, взятъ лестью и коварствомъ.

Уже царицынскіе жители были расположены къ Стенькѣ. Въ возмутительныхъ своихъ воззваніяхъ Стеньки увѣрялъ, что идетъ царское войско и хочетъ ихъ погубить, а онъ пришелъ оборонять ихъ [1]. Одинъ изъ Царицынцевъ, Степанъ Дружинкинъ, служилъ у Стеньки и зналъ хорошо мѣстность. Стенька поручилъ ему спустить по Волгѣ суда, что казаки привезли съ собою изъ Паншина. Ночью это дѣло было сдѣлано. Казаки сѣли на суда, другая половина по сушѣ окружила Царицынъ конницею и пѣхотою. Стенька отправился громить татаръ, кочевавшихъ, въ тридцати верстахъ отъ Царицына. Царицынскій воевода заперъ ворота, уставилъ всюду стрѣльцовъ, приготовился къ защитѣ и съ часу на часъ ожидалъ вспоможенія сверху.

Тогда пять веловѣкъ Царицынцевъ явились къ эсаулу Васькѣ Усу и сказали:

— Дозволь намъ выходить изъ города, выгонять животину и брать воду.

— Скажите вашему воедводѣ,—сказалъ Васька,—чтобъ онъ отперъ городъ, а коли не послушается, такъ вы отбейте замокъ и впустите насъ.

Царицынцы послушались: сбили замокъ и отворили въѣзжія ворота [2]. Казаки входили въ городъ; Царицынцы приставали

---

[1]) Theatr. Europ. 518.

[2]) «Матер.» 14.

къ казакамъ. Тургеневъ старался было удержать ихъ, но напрасно. Онъ, съ племянникомъ своимъ, заперся въ башнѣ; съ нимъ были боярскіе люди и всего только десять человѣкъ стрѣльцовъ; а изъ Царицынцевъ три человѣка остались вѣрны. 13-го апрѣля Стенька пріѣхалъ въ Царицынъ; нѣкоторые духовные встрѣтили его съ почетомъ [1]), а Царицынцы устроили ему привѣтственную попойку и угощеніе [2]). Покутивъ, какъ слѣдуетъ, Стенька съ казаками сталъ добывать башню. Воевода разсудилъ лучше погибнуть, чѣмъ сдѣлаться игрушкою. Башня была взята, и всѣ люди, защищавшіе ее, погибли въ свалкѣ; а воеводѣ и племяннику его не удалось смертью въ битвѣ избѣгнуть поруганія. Его взяли живьемъ, повели на веревкѣ къ Волгѣ, кололи, наругались надъ нимъ и потомъ бросили въ воду.

Едва успѣлъ Стенька раздѣлаться съ Тургеневымъ, какъ услышалъ, что сверху плывутъ московскіе стрѣльцы, посланные для защиты низовыхъ городовъ, тѣ, которыхъ ожидалъ воевода.

Стенька говорилъ Царицынцамъ: «Это плывутъ злодѣи, посланные измѣнниками боярами, чтобъ васъ всѣхъ побить».

Казаки вышли изъ города, и самъ Стенька отплылъ на стругахъ на луговую сторону, а съ нагорной стороны расположилась его конница. Въ семи верстахъ отъ Царицына, близъ Денежнаго Острова, отрядъ былъ застигнутъ врасплохъ. Съ одной стороны стрѣляли по немъ казаки съ берега, съ другой стрѣляли по немъ со струговъ. Стрѣльцы, еще не зная, что сдѣлалось съ Царицынымъ, изъ всѣхъ силъ работали веслами, чтобъ скорѣе дойти до города, и ожидали себѣ тамъ помощи; но чуть только поровнялись съ Царицынымъ, какъ оттуда на нихъ ударили изъ пушекъ, а тутъ и тѣ, что плыли на стругахъ, и тѣ, что шли по берегу, поражали ихъ. До пятисотъ человѣкъ погибло отъ высрѣловъ. Остальные, человѣкъ триста, видя, что

---

[1]) «Акт. Истор.» IV, 400.
[2]) «Матер.» 14.

спасенія нѣтъ, передались Стенькѣ [1]). Начальникъ отряда, голова Иванъ Лопатинъ, взятъ живой: казаки ругались надъ нимъ, кололи его, терзали и, наконецъ, утопили. Такая же участь постигла офицеровъ, сотниковъ, пятидесятниковъ, десятниковъ; оставленъ въ живыхъ только полуголова Ѳедоръ Якимовъ. Суда достались побѣдителямъ.

Стенька обласкалъ взятыхъ стрѣльцовъ и посадилъ къ себѣ гребцами. Когда они сокрушались о томъ, что измѣнили государю, онъ сказалъ имъ:

— Вы бьетесь за измѣнниковъ-бояръ, а я съ своими казаками сражаюсь за великаго государя [2]).

Стенька сидѣлъ въ Царицынѣ около мѣсяца и ввелъ въ городѣ казачье устройство: раздѣлилъ жителей на десятки и сотни и, вмѣсто воеводы, назначилъ городоваго атамана. Царицынцы величали Стеньку, какъ освободителя. Въ то время, вѣроятно, онъ уже началъ посылать въ верховыя страны своихъ эмиссаровъ съ возмутительными письмами для возбужденія народа. Между тѣмъ, казаки ограбили нѣсколько насадовъ, которые плыли по Волгѣ, не зная о занятіи Царицына. Отрядъ Стеньки взялъ Камышинъ [3]). Бѣглецы изъ Московщины, бывшіе въ казацкомъ войскѣ, одѣтые не по казацки, подошли къ стѣнамъ этого городка и выдали себя за людей, присланныхъ изъ Москвы на помощь городу. Воевода съ приказными и служилыми обрадовался атому, потому что въ Камышинѣ мало было военной силы и поручилъ имъ держать ночью караулъ. Тѣ открылись жителямъ и перетянули ихъ на сторону Стеньки. Казаки, между тѣмъ, сидѣли уже въ засадѣ. Ночью выстрѣлили съ городской стѣны изъ пушки. То былъ сигналъ. Ворота растворились; казаки вошли въ городъ; за ними прибылъ и Стенька. Воеводу и приказныхъ утопили [4]).

Въ Астрахани долго бы не знали, что происходитъ въ Ца-

---

[1]) Ibid. 7.
[2]) Ibid. 5, 7. Relat. 36.
[3]) «Акт. Истор.» IV, 402.
[4]) Straus Reise, 256.

рицынѣ, еслибъ случай не спасъ одного промышленника, Павла Дубенскаго. Онъ плылъ по Волгѣ на легкомъ стругѣ. За семьдесятъ верстъ, не доѣзжая до Царицына, встрѣтилъ онъ бѣглецовъ изъ отряда Лопатина, спасавшихся отъ пораженія, и узналъ обо всемъ. Онъ волокомъ перетянулся въ рѣку Ахтубу, этимъ путемъ дошелъ до Астрахани и доставилъ Прозоровскому печальную вѣсть о томъ, что помощь, которой ожидали въ низовьяхъ Волги, уже не сущесвуетъ, и сообщеніе съ верховыми областями перервано [1]). Въ Астрахани это извѣстіе надѣлало большой суматохи. Сгоряча воевода Прозоровскій съ товарищами и митрополитомъ перебирали мѣру за мѣрою, а тѣмъ временемъ между стрѣльцами и въ простомъ народѣ возникло волненіе и распространилось тайное расположеніе къ Разину: его эмиссары тамъ уже работали [2]).

Еще 16-го апрѣля отправленъ былъ, для подкрѣпленія въ Царицынъ, сотникъ Богдановъ съ восьмьюстами человѣками конницы, состоявшей изъ русскихъ и татаръ. Эта сила была ничтожна. Воеводы принялись за работу: собрали суда, какіе находились въ Астрахани, день и ночь работали новыя и вооружали пушками; такихъ судовъ готово было до сорока. На нихъ посадили двѣ тысячи шестьсотъ стрѣльцовъ и пятьсотъ вольныхъ людей. Начальство надъ судами отдано князю Семену Ивановичу Львову. Сверхъ того, одинъ полкъ отправленъ на помощь Богданову; этотъ полкъ состоялъ подъ начальствомъ перекрещеннаго поляка Ружинскаго; въ немъ офицеры были иностранцы.

Когда эта флотилія отправилась къ Астрахани, передъ нею, какъ бы въ острастку и для примѣра, былъ повѣшенъ одинъ изъ агентовъ Разина, пойманный въ Астрахани. Прежде смерти, его такъ страшно истерзали пытками, что самый безжалостный варваръ не могъ смотрѣть на него безъ состраданія, говоритъ очевидецъ. Быть-можетъ, объ этомъ-то неудачливомъ возмути-

---

1) «Матер.» 246.

2) Theatr Europ. 512.

телѣ поетъ народная пѣсня, называя его сынкомъ Разина, вѣроятно, въ томъ смыслѣ, въ какомъ подчиненные называли Стеньку батюшкой.

Какъ во славномъ во городѣ
        Во Астрахани,
Очутился, проявился
        Тутъ незнамый человѣкъ.
Шибко, щепетно по городу
        Похаживаетъ,
Въ одной тоненькой рубашкѣ
Да во нанковомъ халатѣ
        На-распашечку.
Астраханскимъ купчишкамъ
        Онъ не кланяется,
Господамъ ли да боярамъ
        Онъ челомъ не бьетъ,
Астраханскому воеводѣ
        Онъ подъ судъ нейдетъ.
Увидалъ же воевода
        Со параднаго крыльца;
Приказалъ же воевода
        Къ себѣ его привести:
«Ужь вы слуги, мои слуги,
        Слуги вѣрные мои,
Вы подите поимайте
        Удалова молодца!»
Поимали, соковали
        Удалова молодца,
Привели ко воеводѣ
        Незнамова на глаза.
Какъ и сталъ же воевода
        Его спрашивати:
«Ужь и чей такой дѣтинка,
        Чей удалой молодецъ?
Ты какого поведенья,
        Чьего матери, отца?
Не со города-ль Казани,

Съ каменной славной Москвы,
Или съ Дону казакъ,
Иль купецкій сынъ?»
—Я не съ города Казани,
Не со каменной Москвы,
Я не съ Дону казакъ,
Не купецкій сынъ:
Я съ матушки со Волги
Стеньки Разина Сынокъ.

Стенька обо всемъ зналъ, что задумали противъ него въ Астрахани. Для него сообщеніе по Волгѣ не прерывалось. Когда пришло къ нему извѣстіе, что противъ него идетъ сила, онъ собралъ кругъ. По общему приговору, онъ оставилъ въ Царицынѣ, для охраненія, по одному казаку изъ каждаго десятка, а со всею остальною силою поплылъ внизъ по Волгѣ. Всего войска у него было отъ восьми до десяти тысячъ.

Народная пѣсня говоритъ:

Какъ по матушкѣ по Волгѣ
Легка лодочка плыветъ,
Какъ во лодочкѣ гребцовъ
Ровно тридцать молодцовъ;
Посередь лодки сидитъ
Стенька Разинъ самъ.
Какъ возговоритъ онъ Стенька
Ко товарищамъ своимъ:
«Ужь и чтой-то это, братцы,
Мнѣ тошнымъ-тошно,
Мнѣ сегодняшній денечекъ
Да грустнехонько?
Какъ и знать-то мой сынокъ
Въ неволюшку попалъ.
Ужь я въ Астрахань зайду —
Выжгу, вырублю,
Астраханскаго воеводу
Я подъ судъ возьму.»

Стенька плылъ на стругахъ, а по нагорной сторонѣ шелъ отрядъ въ семьдесятъ человѣкъ конницы, подъ начальствомъ Васьки Уса и Еремѣева. Подъ Чернымъ Яромъ увидали они суда князя Семена Ивановича Львова.

Воровскіе прелестники Стеньки уже успѣли направить стрѣльцовъ въ пользу казацкаго предводителя. Затесавшись между отправленными противъ него стрѣльцами, они нашептали своимъ товарищамъ, что Стенька идетъ за народъ, и если они ему передадутся, то сдѣлаютъ пользу и добро и себѣ и всему народу. Только-что Стенька появился въ виду этого войска,—на всѣхъ судахъ вспыхнулъ мятежъ; всѣ простые служилые въ одинъ голосъ закричали:

— Здравствуй, нашъ батюшка, смиритель всѣхъ нашихъ лиходѣевъ!

Начали они вязать своихъ начальниковъ и, повязавъ, отдавали казакамъ.

Стенька кричалъ:

— Здравствуйте, братья! Мститесь теперь надъ вашими мучителями, что хуже Турокъ и Татаръ держали васъ въ неволѣ: я пришелъ даровать вамъ льготы и свободу. Вы мнѣ братья и дѣти, и будете вы такъ же богаты, какъ я, если останетесь мнѣ вѣрны и храбры [1]).

— Здравствуй, нашъ батюшка, Степанъ Тимоѳеевичъ! повторяла толпа.

И начали они бить стрѣлецкихъ головъ, побили всѣхъ сотниковъ и дворянъ, оставивъ въ живыхъ одного князя Львова.

— Что дѣлается у васъ, въ Астрахани?—спрашивалъ Стенька.—Будутъ противъ меня драться?

Ему отвѣчали:

— Въ Астрахани свои люди; только ты придешь, тутъ же тебѣ городокъ такъ и сдадутъ [2]).

---

[1]) «Straus Reise» 254. Вслѣдъ за этой побѣдой, Стенька взялъ Черный Яръ. Воевода и многіе служилые люди, которые стрѣляли на казаковъ со стѣнъ, были замучены.

[2]) «Акт. Истор.» IV, 402.

Только одинъ стрѣлецъ, Данило Тарлыковъ, спасся изъ этой кутерьмы и принесъ страшную вѣсть въ Астрахань. Прозоровскій совѣтовался съ митрополитомъ и трудно было что нибудь придумать. Астрахань стояла вдалекѣ отъ средоточія государства. Всѣ средства, запасы, порохъ, оружіе—все она получала изъ Казани или изъ Москвы. Она тогда не была этимъ всѣмъ бѣдна, но мало надежды подавали угрюмыя лица ея защитниковъ и жителей, также смотрѣвшихъ исподлобья. Спасти ее могли только свѣжія силы, еслибъ онѣ пришли изъ Москвы; но въ Москвѣ не знали, что угрожаетъ Астрахани. Невозможно было дать знать туда скоро. О Волгѣ нечего было думать, когда по ея руслу приближался къ Астрахани густой рядъ струговъ Стеньки. Какъ на бѣду случилось, что нельзя было послать гонца и степью: тамъ кочующіе Черные Калмыки рѣзались съ Волжскими Калмыками; дрался Большой Нагай съ Малымъ, а Татары-Малыбаши—съ Татарами-Енбулаками. Ни проходу, ни переходу. Воевода и митрополитъ рѣшились послать гонца черезъ Терекъ; нельзя было ожидать ничего отъ такого посольства: путь былъ слишкомъ далекъ. Пока гонецъ могъ добѣжать до Москвы, Стенька пять разъ взялъ бы Астрахань. Но утопающій хватается и за соломенку. Воевода выбралъ гонцомъ того же самаго Тарлыкова, что одинъ убѣжалъ изъ Чернаго-Яра, далъ ему двухъ провожатыхъ Русскихъ, да пять человѣкъ Татаръ. До Терека онъ доѣхалъ благополучно, но на дальнѣйшемъ пути утонулъ; а провожатые его воротились въ Астрахань и застали тамъ уже казаковъ, которые казнили ихъ за то, что они собирались звать изъ Москвы противъ нихъ войско [1].

---

[1]) «Матер.» 247. «Ист. Войска Донск.» 63.

XI.

Уже давно разныя предзнаменованія пугали Астрахань зловѣщими угрозами. Еще въ прошломъ году, 4-го января, сдѣлалось такое землетрясеніе, что, по выраженію современника, всѣ хоромы задрожали, а куры съ нашестей попадали. Вслѣдъ за тѣмъ услышали, что въ Шемахѣ отъ землетрясенія погибло три части города, а въ Терекѣ, въ одну изъ пятницъ—день, какъ извѣстно, вообще несчастный—было три такіе подземные удара, что хоть какой человѣкъ, такъ не устоялъ бы на мѣстѣ. «Неложно вольный свѣтъ перемѣняется», говорили тогда, и учинили заповѣдь ни вина, ни пива не пить, ни винограду не ѣсть, а паче табаку не пить, а кто станетъ пить вино и табакъ держать, того смертію казнить. Потомъ, въ церкви Рождества Богородицы, въ Астрахани, съ полуночи, до седьмаго часа слышали какой-то зыкъ колокольный, а послѣ того, 27-го апрѣля, что-то шумѣло въ церкви Воздвиженія: впослѣдствіи узнали, что въ это самое время въ Яикѣ воры убили Богдана Сакмышева, посланнаго воеводами занять городъ послѣ Стеньки, когда тотъ ушелъ на море. Передъ приходомъ Стеньки съ моря въ Астрахань, опять затряслась въ Астрахани земля, и воевода съ митрополитомъ, сошедшись, говорили: «быть чему-то не доброму!» Однако, они не воспользовались предзнаменованіями, а отпустили Стеньку на свои головы. Прошелъ годъ—и вспомнили они о предзнаменованіяхъ [1].

Уже давно замѣчалъ воевода, что астраханскіе стрѣльцы и служилые люди, съ тѣхъ поръ, какъ въ городѣ побывалъ Стенька, вспоминаютъ о немъ съ сочувствіемъ. Когда пришла вѣсть, что Стенька взялъ Царицынъ, нашлись такіе смѣльчаки, что

---

[1]) «Матер.» 243—244.

болѣе и болѣе становились откровенны, и около нихъ стали сходиться по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ и водили подозрительныя рѣчи. Воевода сталъ ихъ унимать, а они, говоритъ очевидецъ, и самому воеводѣ болтали, что имъ на языкъ взбредетъ. Своеволію стрѣльцовъ, которое впослѣдствіи разразилось ужаснымъ взрывомъ, помогало въ тотъ вѣкъ вообще то, что стрѣльцы не находились въ полной зависимости отъ воеводъ: воеводы не только не смѣли ими распоряжаться безъ согласія стрѣлецкихъ головъ, но еще въ царскихъ наказахъ стрѣлецкимъ головамъ подтверждалось беречь подчиненныхъ стрѣльцовъ отъ воеводъ и приказныхъ людей. Такимъ образомъ, и теперь воеводы и приказные люди ничего не могли сдѣлать со стрѣльцами, когда между ихъ начальниками были тайные приверженцы Стеньки.

Въ это время стоялъ въ Астрахани первый русскій корабль «Орелъ». Матросы и работники на немъ были Нѣмцы; капитанъ былъ извѣстный Бутлеръ. Эти чужеземцы-наемники, увидя, что Астрахань не показываетъ нерасположенія къ Стенькѣ, задумали убраться по добру по здорову. Бутлеръ самъ созвалъ ихъ и говорилъ:

«Мы теперь въ воровской ловушкѣ; и нѣтъ намъ спасенія; какъ придутъ казаки, они съ насъ сдерутъ кожи: ненавидятъ они Нѣмцевъ! Собирайте скорѣе свои пожитки, сядемъ на лодки и убѣжимъ въ Персію. Да не медлите ни четверти часа, пока ворота не заперли»!

Пятнадцать Нѣмцевъ сейчасъ овладѣли лодками. Но черезъ нѣсколько времени Бутлеръ передумалъ и разсудилъ лучше погибнуть въ битвѣ, чѣмъ постыдно бѣжать. Онъ послалъ имъ сказать, чтобъ они остались; но Нѣмцы сочли за лучшее послѣдовать первому приказанію своего начальника, чѣмъ послѣднему. Они поплыли по Каспійскому морю и достигли Персіи. Тамъ ни одинъ не избѣжалъ бѣды: ихъ поймали и продавали въ рабство, передавая за деньги отъ одного господина къ другому. Въ числѣ ихъ былъ Страусъ, оставившій описаніе этихъ дней.

Исходила первая половина іюня—и новыя зловѣщія предзна-

менованія увеличивали страхъ ожиданія бѣдъ. 13-го числа рано, когда еще митрополитъ служилъ заутреню, прибѣжали въ храмъ испуганные караульные стрѣльцы, что стояли въ кремлѣ города у Пречистенскихъ воротъ. Они говорили:

«Въ полночь, за три часа до свѣта, видѣли мы на небесахъ чудо: все небо отворилось надъ Астраханью, и на городъ просыпались искры, будто изъ печи».

Митрополитъ обратился къ тѣмъ, что подлѣ него стояли, и сказалъ:

«Сіе видѣніе предвѣщаетъ, что изліется на насъ фіялъ гнѣва Божія [1]).

Пересказалъ онъ о чудѣ Прозоровскому. Тотъ вздохнулъ и сказалъ: «Господи! на тебя единаго надежда. Укрѣпи нашъ градъ!»

Затѣмъ толпа стрѣльцовъ собралась и начала роптать за то, что имъ не платили жалованья, которое всегда давалось впередъ. «Что намъ служить безъ денегъ и отдавать себя на убой?» кричали они. — «У насъ нѣтъ ни денегъ, ни запасовъ, и вѣрно цѣлый годъ не будетъ: мы пропали!» [2]).

Конные и пѣшіе стрѣльцы пошли на воеводскій дворъ и кричали:

— Подай намъ наше денежное жалованье, воевода!

— До-сихъ-поръ, сказалъ имъ воевода: — казны великаго государя ко мнѣ не прислано, но я вамъ дамъ своего, сколько могу; дастся вамъ изъ сокровищницъ митрополита; и Троицкій монастырь тоже поможетъ; только ужь вы не попустите взять насъ богоотступнику и измѣннику; не сдавайтесь, братья и дѣти, на его измѣнническую прелесть, но поборайте доблественно и мужественно противъ его воровской силы, не щадя живота своего за святую соборную и апостольскую церковь — и будетъ вамъ милость великаго государя, какая вамъ и на умъ не взойдетъ!

---

[1]) Ibid. 258.
[2]) «Straus Reise», 254.

Митрополитъ далъ имъ шестьсотъ рублей; Троицкій монастырь, по приказанію митрополита, далъ имъ двѣ тысячи. Жалованье это заплачено имъ впередъ, и они росписались въ полученіи, съ обѣщаніемъ служить вѣрно, и съ тайнымъ намѣреніемъ отдаться Стенькѣ. Это дѣлалось за четыре дня до роковаго дня [1]).

Между-тѣмъ Стенька приближался къ Астрахани — и новыми предзнаменованіями грозила природа. Пошли проливные дожди съ ледянымъ градомъ; наступилъ такой холодъ, что всѣ надѣли теплыя одежды. На самомъ разсвѣтѣ одного изъ послѣднихъ дней, караульные, стоявшіе у Пречистенскихъ воротъ, прибѣгаютъ къ митрополиту и извѣщаютъ, что на небѣ опять явленіе. Митрополитъ вышелъ изъ палаты. На южномъ небѣ радужными цвѣтами играли три столпа; на верху ихъ были круги, наподобіе вѣнцовъ, изъ радужныхъ цвѣтовъ.

«Быть бѣдѣ! быть гнѣву Божію!» говорили митрополитъ и воевода [2]).

18-го іюня рыбаки принесли вѣсть, что Стенька подъ Астраханью. Полчище его пристало къ берегу и расположилось станомъ на урочищѣ Жареныхъ-Буграхъ. Къ стѣнамъ Зеленаго города причалилъ стругъ, а въ немъ сидѣло двое человѣкъ. Одинъ изъ нихъ былъ астраханскій священникъ Воздвиженской церкви. Ѣхалъ онъ изъ Астрахани въ государевомъ дворцовомъ насадѣ, и когда поровнялся съ Царицынымъ, казаки схватили всѣхъ, кто былъ на стругѣ, въ томъ числѣ его, и привели къ Стенькѣ. Теперь-то посылалъ его Стенька на переговоры. Другой былъ боярскій человѣкъ князя Семена Львова, измѣнившій своему господину, вмѣстѣ съ другими, подъ Чернымъ-Яромъ. Они предлагали сдать городъ; вмѣсто отвѣта, ихъ схватили: воевода считалъ недостойнымъ для себя сноситься тогда съ Стенькою. Начали этихъ посланныхъ пытать и вывѣдывать; и пытали накрѣпко; попъ сказалъ имъ только, что у Стеньки войска восемь

---

[1]) «Матер.» 248.

[2]) Ibid. 249.

тысячъ, а боярскій человѣкъ не сказалъ ничего: отъ него не добились даже, какъ его зовутъ. Воевода приказалъ боярскаго человѣка казнить, а попъ посаженъ въ каменной тюрьмѣ, въ Троицкомъ монастырѣ [1]).

Должно быть, къ этому событію относится слѣдующая народная пѣсня:

Изъ славнаго изъ устьица синя моря
Тутъ плыветъ, выплываетъ нова выкладна,
Хорошо кладна изукрашена.
Она плыветъ, подплываетъ къ Астрахани,
Къ тому ли царству Астраханскому.
Добры молодцы въ городѣ во Астрахани
Погуляли, поцарствовали,
Попили, поѣли, на отвалъ пошли:
Увидали молодцы воеводу изъ окна.
Закричалъ воевода громкимъ голосомъ:
«Заловите, поймайте добрыхъ молодцовъ!»
Добрый молодецъ противности не чинилъ,
Во дворецъ самъ подскочилъ.
Сталъ воевода его спрашивати:
«Ты скажи, скажи, добрый молодецъ,
Не утай самъ себя».
Я самъ тебѣ разскажу,
Всю правду объявлю:
Я со Камы со рѣки
Стеньки Разина сынъ,
Заутра хотѣлъ къ тебѣ батюшка
Въ гости побывать:
Чѣмъ будешь батюшку подчивать?»
«Я пивушка не кушаю,
Винца въ ротъ не беру;
Есть у меня наготовлены сухари;
Они въ Москвѣ крошены,
Въ Казани сушены,
То я встрѣчу его—буду подчивать!»

[1]) «Акт. Истор.» IV, 491.

Испугался добрый молодецъ,
Отъ него прочь бѣжалъ,
И подбѣгаетъ къ своей выкладной.
Закричалъ громкимъ голосомъ:
«Охъ братцы, мои товарищи!
Пригряньте ко мнѣ выкладну,
Не оставьте меня при бѣдности:
На насъ воевода осердился».
Добры молодцы ужаснулися.
Заторопились, отгрянули ко крутому берегу.

Митрополитъ и воевода дѣятельно принялись каждый за свое дѣло. Митрополитъ созвалъ духовенство и устроилъ крестный ходъ вокругъ всего Бѣлгорода (то-есть настоящаго города въ нашемъ смыслѣ этого слова), въ срединѣ котораго находился кремль, или замокъ. Впередъ несли икону Божіей Матери; обходили кругомъ стѣну, и всякій разъ, когда шествіе доходило до какихъ-нибудь воротъ, совершалось молебствіе. Прозоровскій осматривалъ городскія укрѣпленія. Астрахань была тогда обведена кирпичною стѣною, до полуторы сажени въ толщину и до четырехъ сажень вышиною; наверху стѣнъ были зубцы въ сажень шириною и въ полторы сажени въ вышину. По прясламъ стѣны и по угламъ стояли двухъ-ярусныя башни; на нихъ висѣли колокола, въ которые звонили для возбужденія къ бою отваги. Въ стѣнахъ находилось въ два ряда четыреста-шестьдесятъ пушекъ [1]). Воевода съ городовымъ приказчикомъ обошелъ всѣ стѣны, осмотрѣлъ орудія, развелъ по бойницамъ и по стрѣльницамъ стрѣльцовъ съ ружьями, саблями, бердышами, разставилъ при пушкахъ пушкарей, затинщиковъ при затинныхъ пищаляхъ, вдѣланныхъ въ очень узкія отверстія, а при воротахъ воротниковъ. Чтобъ пресѣчь всякое сообщеніе города съ внѣшностью, онъ приказалъ всѣ ворота завалить кирпичемъ. По тогдашнему обычаю, посадскіе должны были участвовать въ оборонѣ — кто съ пищалью или самопаломъ, кто съ топоромъ

[1]) Olear. 37. Ctraus. 200.

или бердышемъ, а другіе съ кольями и съ камнями. Для этого, близъ оконъ были заранѣе приготовлены кучи камней, чтобъ ими метать на непріятеля, и припасался кипятокъ, чтобъ лить на враговъ, въ случаѣ приступа. Для порядка, всѣ осажденные были раздѣлены на сотни и десятки. Воевода назначилъ осадныхъ головъ, которые выбирались обыкновенно изъ отставныхъ дворянъ.

Стенька, съ своей стороны, занимался приготовленіемъ къ осадѣ. По совѣту двухъ астраханскихъ перебѣжчиковъ, Лебедева и Куретникова, онъ сошелъ съ Жареныхъ-Бугровъ, посадилъ свое войско въ струги и поплылъ по Болдинскому протоку, который окружалъ Астрахань съ востока; по этому протоку онъ вошелъ въ другой — Черепаху, а оттуда въ рѣку Кривушу, обтекавшую Астрахань съ полуденной стороны. Городъ былъ окруженъ водою. Въ XVII вѣкѣ вода считалась для города лучшею естественною оградою; но съ юга Астрахань была приступнѣе. Тотчасъ за стѣною находились виноградные сады. Когда узнали въ городѣ о переходѣ Стеньки, митрополитъ приказалъ копать ровъ изъ своихъ прудовъ къ Солончаку, какъ называлась мѣсто на югѣ отъ Астрахани, чтобъ покрыть его водою.

Вдругъ приводятъ къ воеводѣ двухъ нищихъ. Одинъ изъ нихъ слылъ въ городѣ подъ именемъ Тимошки Безногаго. Персіяне подсмотрѣли, какъ нищіе выходили изъ города и опять вошли въ него, прежде чѣмъ были завалены ворота. Бояринъ, по обычаю, приказалъ ихъ пытать накрѣпко, и они сказали:

— Мы похвалились вору Стенькѣ Разину въ приступное время (когда начнется приступъ) зажечь Бѣлый городъ.

Воевода приказалъ ихъ тотчасъ казнить смертью. Но это событіе показало ему, какъ много неожиданныхъ опасностей кроется внутри города. Иностранецъ капитанъ Бутлеръ посовѣтовалъ тогда запретить рыбакамъ разъѣзжать по Волгѣ и сжечь татарскую слободку подъ городомъ, чтобъ не дать притона казакамъ.

Двусмысленныя, угрюмыя лица стрѣльцовъ и астраханскихъ посадскихъ не переставали тревожить воеводу. 20 іюня онъ при-

звалъ на митрополичій дворъ стрѣлецкихъ офицеровъ и лучшихъ людей астраханцевъ. Главнымъ лицомъ надъ стрѣльцами былъ голова Иванъ Красуля, или Красулинъ, тайный сообщникъ Стеньки. Митрополитъ говорилъ имъ:

«Поборитесь за домъ Пресвятыя Богородицы и за великаго государя, его царское величество; послужите ему, государю, вѣрою и правдою, сражайтесь мужественно съ измѣнниками: за то получите милость отъ великаго государя здѣсь, въ земномъ житіи, а скончавшихся въ брани ожидаютъ вѣчныя блага вмѣстѣ съ христовыми мучениками».

— Рады служить великому государю вѣрою и правдою, не щадя живота, даже до смерти, отвѣчалъ Иванъ Красулинъ.

Наступила ночь. Татары послѣдовали примѣру Нѣмцевъ. Ямгурчей, мурза Малаго Нагая, стоявшій подъ Астраханью, взялъ дѣтей своихъ да улусныхъ людей, и убѣжалъ далеко въ степь.

Слѣдующій день (21-го іюня) склонялся уже къ вечеру. Вдругъ зазвонили въ колокола на астраханскихъ башняхъ: то была тревога. Воровскіе казаки съ лѣстницами шли на приступъ къ Астрахани.

Воевода вооружился въ панцырь и выѣхалъ изъ двора на своемъ боевомъ конѣ. Передъ нимъ вели простыхъ лошадей подъ покровами, ударили въ тулунбасы, затрубили въ трубы на сигналъ къ сраженію. Съ воеводою ѣхалъ братъ его Михаилъ Семеновичъ. Около нихъ собрались стрѣлецкіе головы, дворяне и дѣти боярскіе; примкнули къ нимъ подъячіе и приказные люди. Спѣшили къ Вознесенскимъ воротамъ. Прозоровскій обратился къ толпѣ ратныхъ и говорилъ:

«Дерзайте, братья и дѣти, дерзайте мужественно; нынѣ пришло время благопріятное за великаго государя пострадать, доблественно даже до смерти, съ упованіемъ безсмертія и великихъ наградъ за малое терпѣніе. Если теперь не постоимъ за великаго государя, то всѣхъ насъ постигнетъ безвременная смерть. Но кто хочетъ въ надеждѣ на Бога получить будущія блага и наслажденія со всѣми святыми, тотъ да постраждетъ съ нами въ

сію ночь и въ настоящее время, не склоняясь на прельщенія богоотступника Стеньки Разина».

Ночная тѣнь покрывала землю. Казаки показывали видъ, что хотятъ идти на приступъ къ Вознесенскимъ воротамъ, и потому въ этой части города сошлись осажденные; но на-самомъ-дѣлѣ казацкій атаманъ выбралъ другой путь, и казаки подставляли въ другомъ мѣстѣ лѣстницы; тамъ Астраханцы не стали ни стрѣлять на нихъ изъ пищалей, ни камней метать, ни варомъ обливать: они подавали имъ руки и пересаживали черезъ стѣны. Только въ подошевныхъ бояхъ башни гремѣлъ на нихъ изъ пушекъ вѣрный пушкарь Томило съ товарищами и, кажется, никому не сдѣлалъ зла. Воевода, между-тѣмъ, все вниманіе обращалъ на Вознесенскія ворота и не видалъ, что дѣлается на другихъ пряслахъ стѣны, какъ вдругъ услышалъ за собою зловѣщій казачій ясакъ [1]), говоритъ современникъ. Вѣроятно, это было пять выстрѣловъ, одинъ за другимъ, изъ вѣстовой пушки; пять выстрѣловъ значили, на военномъ языкѣ того вѣка, сдачу города и назывались *ясакомъ на сдачу*.

XII.

Вслѣдъ за роковымъ сигналомъ, Астраханцы (молодшіе люди, то-есть чернь и бѣдняки) съ яростнымъ крикомъ бросились бить дворянъ, дѣтей боярскихъ, пушкарей, людей боярскихъ, и кто-то, неистовый, налетѣлъ на князя Прозоровскаго и ударилъ его копьемъ въ животъ: князь упалъ съ лошади. Вѣрный старый холопъ схватилъ его, пробился съ нимъ сквозь разъяренную толпу, унесъ въ соборную церковь и тамъ положилъ на коврѣ. Братъ воеводы, Михаилъ Семеновичъ, погибъ близъ стѣны отъ самопальнаго выстрѣла. Все кругомъ разразилось измѣною; стрѣльцы величали батюшку Степана Тимофеевича. Не

---

[1]) «Матер.», 251.

предалъ своего долга пятидесятникъ конныхъ стрѣльцовъ Фролъ Дура; не братался онъ съ ворами, но истинѣ поборалъ, говоритъ современный сказатель. Онъ послѣдовалъ за раненымъ княземъ и сталъ въ церковныхъ дверяхъ; онъ рѣшился не иначе впустить въ храмъ Божій казаковъ, какъ чрезъ свое мертвое тѣло [1]).

Митрополитъ прибѣжалъ въ церковь. Задушевная дружба соединяла его съ воеводою. Слезно всхлипывая, припадалъ къ нему на грудь архипастырь сѣдою головою, утѣшалъ словесами надежды будущихъ благъ, исповѣдывалъ и причастилъ св. таинъ. Начали сбѣгаться въ храмъ дьяки, подъячіе, стрѣлецкіе офицеры, купцы, дворяне, дѣти боярскіе, всѣ, кому грозила бѣда отъ рабовъ, подначальныхъ и бѣдняковъ. Испуганныя матери съ грудными младенцами, дѣвицы, дрожавшія за свою честь, столпились за святымъ мѣстомъ у иконы Пресвятой Богородицы и шептали, въ страхѣ. молитвы. Двери храма были затворены желѣзною рѣшеткою. Неустрашимый Фролъ Дура стоялъ у входа съ обнаженнымъ ножемъ; онъ, конечно, не надѣялся охранить приваливщій въ церковь людъ, но думалъ, покрайней мѣрѣ, умереть его защитникомъ, какъ слѣдовало вѣрному слугѣ царя и христову воину.

Заря занималась. Въ Пречистенскихъ воротахъ вырубили калитку; и казаки вхóдили ею въ городъ; съ другой стороны они вступали черезъ Житный дворъ. Толпа бросилась на паперть соборнаго храма. Фролъ Дура былъ изрубленъ въ куски, но испустилъ дыханіе не прежде, какъ успѣвъ нанести ножомъ своимъ удары врагамъ.

Казаки выстрѣлили сквозь желѣзную рѣшетку во внутренность храма; одна пуля попала въ полутора-годоваго ребенка, котораго мать держала на рукахъ передъ иконою Казанской Богородицы. Помостъ обагрился младенческою кровью, говоритъ лѣтопись. Другая пуля задѣла святую икону; потомъ казаки разломали рѣшетку и бросились на беззащитныхъ.

Лежавшаго на коврѣ Прозоровскаго вынесли и положили на

---

[1]) Ibid.

землѣ подъ раскатомъ (такъ называлась церковная колокольня). Вслѣдъ за тѣмъ казаки хватали всѣхъ, искавшихъ убѣжища въ храмѣ, вытаскивали, вязали имъ назадъ руки и сажали рядомъ подъ стѣнами раската. Дожидали суда Стеньки.

Часовъ въ восемь утра явился Стенька судить. Онъ началъ судъ свой съ Прозоровскаго. Онъ взялъ его подъ руку и повелъ на раскатъ. Они стали рядомъ наверху; всѣ видѣли, какъ атаманъ сказалъ воеводѣ что-то на ухо, но князь, вмѣсто отвѣта, отрицательно покачалъ головою. Что говорилъ ему Стенька на ухо — это осталось тайною между ними. Тотчасъ послѣ того, Стенька столкнулъ князя головою внизъ, стороною на зимній востокъ.

Сошедши съ раската, Стенька сотворилъ короткій и нецеремонный судъ надъ связанными. Всѣхъ приказалъ побить атаманъ. Стрѣльцы, казаки и чернь однихъ рубили мечомъ, другихъ бердышами, иныхъ били кольями. Тогда, говоритъ лѣтописецъ, мимо церкви до приказной избы текла кровь человѣческая, яко рѣка. Стенька приказалъ собрать тѣла, отвезти въ Троицкій монастырь и похоронить въ одной общей братской могилѣ. Когда убитыхъ свалили въ землю, надъ могилою стоялъ старецъ и считалъ тѣла, и насчиталъ ихъ четыреста сорокъ одно. Тутъ былъ и князь Прозоровскій. Передъ Стенькою всѣ люди были равны: онъ не позволилъ копать ему особой могилы.

Окончивъ судъ надъ людьми, Стенька засудилъ бумаги, которыми эти люди завѣдывали. Онъ приказалъ вытащить изъ приказной палаты всѣ дѣла и сжечь ихъ на площади всенародно.

— Вотъ такъ, — говорилъ онъ, — я сожгу всѣ дѣла на верху у государя!

Только иноземцы оказывали сопротивленіе. Защищались нѣсколько времени нѣмцы у Вознесенскихъ воротъ, пока капитанъ ихъ, Видеросъ, не былъ изрубленъ своими же подчиненными. Долѣе ихъ сопротивлялись люди черкесскаго князя Коспулата Муцаловича, природные Черкесы, съ двумя Русскими, всего девять человѣкъ. Они заперлись въ пыточной башнѣ и давали отпоръ до полудня; а когда у нихъ не стало свинцу, то заряжали ружья

деньгами. Наконецъ, выбившись изъ силъ и истративъ весь порохъ, они бросились изъ башни за городъ, но ихъ догнали и изрубили.

Все имущество убитыхъ было подуванено между казаками, приставшими къ нимъ стрѣльцами и бѣдными жителями города. Ограблены церковныя сокровища; ограбили торговыя дворы, русскій, гилянскій, индійскій, бухарскій; всѣ товары были отвезены въ Ямгурчеевъ Городокъ, и тамъ происходилъ раздѣлъ. Астрахань обращена въ казачество: жители получили числовое дѣленіе, общее казакамъ, на тысячи, сотни и десятки [1]), должны были правиться кругомъ или народнымъ сборищемъ, управляться выборными атаманами, эсаулами, сотниками и десятниками.

Устроивъ казачество, Стенька вывелъ толпу астраханцевъ, обращенныхъ въ казаки, за городъ и приводилъ ихъ къ крестному цѣлованію. Они присягали стоять за великаго государя и за своего атамана Степана Тимоѳеевича, войску служить и измѣнниковъ выводить. Священники поневолѣ должны были совершать обрядъ присяги; немногіе, которые противились, поплатились за это: одного атаманъ приказалъ посадить въ воду, а другому велѣлъ отсѣчь руку и ногу.

Три недѣли послѣ того провелъ Стенька въ Астрахани и почти каждый день былъ пьянъ. Астраханскій народъ озлобился до неистовства на все, что принадлежало къ высшему классу народа почему нибудь. Стенька, въ угодность народу, разъѣзжалъ по городу, обрекалъ на мученія и на смерть всякаго, кто чѣмъ нибудь навлекъ неудовольствіе народа. Однихъ рѣзали, другихъ топили, инымъ рубили руки или ноги и пускали ползать и истекать кровью, для забавы толпы. Хозяева и прикащики ограбленныхъ лавокъ и гостинныхъ дворовъ, большею частью иностранцы, были также умерщвлены. Тогда погибъ давній знакомецъ Стеньки, сынъ хана, взятый въ плѣнъ близь Свинаго-Острова, братъ несчастной княжны, принесенной въ жертву

---

[1]) «Акт. Истор. IV, 423.

Волгѣ, въ пылу пьянаго неистовства. Стенька приказалъ, для потѣхи, повѣсить его на крюкъ за ребро. Счастливѣе былъ персидскій посолъ, находившійся тогда въ Астрахани. Когда Стенька взялъ городъ, онъ съ своею свитою заперся въ башнѣ; Персіяне оборонялись всего одинъ часъ времени, и должны были сдаться. Стенька привелъ посла на площадь передъ роковой раскатъ, однако, не повелъ его туда, даже не снялъ съ него платья, а только отнялъ у него саблю. Бывшаго при немъ русскаго подъячаго Наума раздѣли до нага и ужь хотѣли было въ такомъ нарядѣ вести на раскатъ, но Астраханцы выпросили ему жизнь. Изъ посольской свиты казаки убили только нѣсколько человѣкъ, которые упорно оборонялись въ башнѣ; другихъ за то, что сдались, помиловали, только обобрали до ниточки. За то всѣ письма и бумаги, какія нашлись у посла и у его людей, Стенька велѣлъ изодрать — такова ужь у него была ненависть къ писаніямъ всякаго рода! Безпрестанно Астраханцы собирали круги, разсуждали, какъ и надъ кѣмъ бы имъ еще потѣшиться. Кто имъ не потакалъ или хотѣлъ остановить ихъ кровожадность, того забивали до смерти палками или вѣшали за ноги. Даже казачьи и посадскія жены неистовствовали надъ вдовами дворянъ, дѣтей боярскихъ и приказныхъ; нѣкоторыхъ изъ этихъ несчастныхъ взяли казаки себѣ въ жены, и Стенька приказывалъ священникамъ вѣнчать ихъ насильно, а тѣхъ священниковъ, которые не слушались, присуждалъ сажать въ воду. Астраханцы, подражая своему «батюшкѣ», начали ѣсть въ постные дни молоко и мясо, и если кто ужасался нарушать эти обряды, того угощали побоями, а иногда заколачивали до смерти. Новички въ казачинѣ Астраханцы были безжалостнѣе Донцовъ: нѣсколько разъ приходили они толпами къ Стенькѣ и говорили:

— Многіе изъ приказныхъ людей и дворянъ схоронились; вели ихъ отыскать и побить; а то, вѣдь, какъ будетъ отъ государя въ Астрахань присылка, такъ они станутъ намъ первые непріятели.

— Когда я уѣду изъ Астрахани, тогда дѣлайте, что хотите, отвѣчалъ Стенька.

При всѣхъ своихъ неистовствахъ, когда случился день тезоименитства царевича Θеодора, то, какъ будто ради торжества, Стенька съ толпою казаковъ приходилъ къ митрополиту въ гости. Неизвѣстно, съ какимъ побужденіемъ это дѣлалось и что говорилось на такомъ оригинальномъ свиданіи.

Собираясь оставить Астрахаць, 13-го іюля Стенька сидѣлъ пьяный въ кружалѣ и вдругъ призвалъ эсаула и сказалъ:

— Ступай къ митрополиту и возьми у него старшаго сына боярина Прозоровскаго, Бориса, и приведи ко мнѣ.

Вдова Прозоровскаго, княгиня Прасковья Θедоровна, послѣ трагической кончины мужа, скрывалась въ палатахъ митрополита съ двумя сыновьями. Оба звались Борисами. Старшему было шестнадцать лѣтъ. Его привели къ Стенькѣ.

Стенька сказалъ ему:

— Гдѣ таможенныя пошлинныя деньги, что собирались въ Астрахани съ торговыхъ людей? Отецъ твой ими завладѣлъ и промышлялъ?

— Отецъ мой никогда этими деньгами некорыстовался,—отвѣчалъ молодой князь.— Онѣ собирались таможенными головами, головы приносили въ приказную палату, а принималъ ихъ подъячій денежнаго стола Алексѣй Алексѣевъ съ товарищами. Всѣ деньги пошли на жалованье служилымъ людямъ. Спроси у подъячаго.

Случайно подъячій избѣжалъ участи своихъ собратій. Его отыскали и привели къ Стенькѣ. Подъячій объяснилъ ему то же, что князь.

— А гдѣ ваши животы? — спросилъ Стенька у Бориса Ивановича.

— Животы отца моего ограбили; казначей отдавалъ ихъ по твоему приказу, а возилъ ихъ твой эсаулъ Иванъ Андреевъ Хохловъ.

Стенька приказалъ повѣсить его вверхъ ногами на городской стѣнѣ, а подъячаго Алексѣя за ребро на крюкѣ.

— Принесите мнѣ другаго сына воеводы!—закричалъ тогда Стенька.

Второму сыну Прозоровскаго было только восемь лѣтъ. Казаки вырвали малютку изъ рукъ матери и принесли къ Стенькѣ. Атаманъ приказалъ повѣсить его за ноги возлѣ брата.

Всю ночь висѣли они. Утромъ пріѣхалъ Стенька и приказалъ старшаго князя сбросить со стѣны, а малютку, отекшаго кровью, чуть живаго еще, приказалъ сѣчь розгами и возвратить матери. Тѣло подъячаго было отдано также его матери [1]).

XIII.

Стенька оставилъ въ Астрахани атаманомъ Ваську Уса, а старшинами Ѳедьку Шелудяка и Ивана Терскаго. Подъ ихъ начальствомъ осталась половина астраханцевъ, записанныхъ въ казаки, половина московскихъ стрѣльцовъ и по два человѣка изъ каждаго десятка донскихъ казаковъ. Стенька собралъ съ собою остальныхъ, кто желалъ идти съ нимъ, и грянулъ вверхъ по Волгѣ. Казаки отправились вверхъ по Волгѣ на двухстахъ судахъ; по берегу шла конница, въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ. Достигли они, такимъ образомъ, Царицына. Тутъ Стенька отправилъ отрядъ въ двѣ тысячи человѣкъ на Донъ съ казною, награбленною въ Астрахани, подъ начальствомъ атамановъ Фрола Минаева и Якова Гаврилова, а самъ, на судахъ, слѣдовалъ дальше. Съ нимъ тогда войска было не больше десяти тысячъ; была надежда, что оно скоро увеличится въ десять разъ.

Первый городъ, который предстоялъ Стенькѣ на пути—былъ Саратовъ. Это не нынѣшній губернскій городъ того же имени, но другой, лежавшій на луговой сторонѣ Волги, нѣсколько выше нынѣшняго.

Саратовъ сдался безъ сопротивленія. Стенька приказалъ уто-

---

[1]) «Матер.» 251—253. «Ист. войск. донск.» 65. «Акт. Арх. Эксп.» IV, 229. «Собр. государ. грам.» IV, 254 — 255. «Stephan Razin», 21—22.

пить тамошняго воеводу Козьму Лутохина; умертвили всѣхъ дворянъ и приказныхъ людей, а имѣніе передуванили. Въ городѣ введено казацкое устройство; былъ тамъ поставленъ атаманомъ Гришка Савельевъ.

Самара взята нѣсколько труднѣе: между жителями этого города была партія, вѣрная царю. Съ приходомъ Стеньки, поднялось междоусобіе. Казацкая партія была сильнѣе и побѣдила. Стенька вошелъ въ городъ, утопилъ воеводу Ивана Алфимова, перебилъ всѣхъ приказныхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ, отдалъ на раздѣлъ ихъ имущество и ввелъ казацкое устройство между жителями. Саратовцы и Самарцы пошли съ атаманомъ далѣе [1]).

Такимъ образомъ, Стенька въ первыхъ числахъ сентября дошелъ до Симбирска. Скорость, съ какою онъ прошелъ это большое пространство вверхъ противъ воды, покоряя себѣ города, выразилась въ народной пѣснѣ такими стихами:

Еще какъ-то намъ, ребята, пройти?
Астраханско славно царство пройдемъ съ вечера,
А саратовску губерню (анахронизмъ) на бѣлой зарѣ;
Мы Самарѣ-городочку не поклонимся,
Въ Жегулевскихъ горахъ мы остановимся;
Вотъ мы чалочки причалимъ все шелковыя,
Вотъ мы сходоньки положимъ все кедровыя,
Атаманушку сведемъ двое подъ руки,
Эсаулушка, ребятушки, онъ самъ сойдетъ.
Какъ возговоритъ нашъ батюшка атаманушка:
«Еще какъ-бы намъ, ребятушки, Казань городъ взять».

Агенты Стеньки Разина разсѣялись въ предѣлахъ Московскаго государства. Всего успѣшнѣе дѣйствовали они въ земляхъ нынѣшнихъ губерній Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, но проникая гораздо дальше, даже до новгородской земли, достигли до отдаленныхъ береговъ Бѣлаго моря, прокрадывались

[1]) «Ист. войск. донск.» 65.

и въ самую столицу. Въ своихъ воззваніяхъ, которыя Стенька посылалъ съ казаками, и въ своихъ рѣчахъ, которыя говорилъ, гдѣ только являлся самъ, онъ извѣщалъ, что идетъ истребить бояръ, дворянъ, приказныхъ людей, искоренить всякое чиноначаліе и власть, установить во всей Руси казачество и учинить такъ, чтобъ всякъ-всякому былъ равенъ [1]). «Я не хочу быть царемъ (говорилъ онъ), хочу жить съ вами, какъ братъ» [2]). Легко было возмутить народъ ненавистью къ боярамъ и чиновнымъ людямъ; легко было поднять и рабовъ противъ господъ; но было трудно поколебать въ массѣ русскаго народа уваженіе къ царской особѣ. Стенька, поправшій и церковь и верховную власть, зналъ, что уваженіе къ нимъ въ русскомъ народѣ очень крѣпко, и рѣшился прикрыться самъ личиною этого уваженія. Онъ изготовилъ два судна: одно было покрыто краснымъ, другое чернымъ бархатомъ. О первомъ онъ распространилъ слухъ, будто въ немъ находится сынъ Алексѣя Михайловича, царевичъ Алексѣй, умершій въ томъ же году 17-го января. Какой-то черкесскій князекъ, взятый казаками въ плѣнъ, принужденъ былъ поневолѣ играть роль царевича. Стенькины прелестники толковали народу, что царевичъ не умеръ, а убѣжалъ отъ суровости отца и злобы бояръ, и что теперь Степанъ Тимоѳеевичъ идетъ возводить его на престолъ. Царевичъ, говорили они, приказываетъ всѣхъ бояръ, думныхъ людей, и дворянъ, и всѣхъ владѣльцевъ помѣщиковъ, и вотчинниковъ, и воеводъ, и приказныхъ людей искоренить, потому что они всѣ измѣнники и народные мучители, а какъ онъ воцарится, то будетъ всѣмъ воля и равность. Повсюду эмиссары разносили эти вѣсти и въ отдаленномъ отъ Волги Смоленскѣ одинъ изъ нихъ увѣрялъ народъ, что собственными глазами видѣлъ царевича и говорилъ съ нимъ: съ тѣмъ и на висѣлицу пошелъ [3]) Въ другомъ суднѣ, покрытомъ чернымъ бархатомъ, находился, какъ говорили прелестни-

---

[1]) «Москвитянинъ» IV, 168.
[2]) «Straus Reise», 255.
[3]) Theatr. Europ. 519.

ки, низверженный царемъ патріархъ Никонъ. Такимъ образомъ, Стенька этими двумя путями хотѣлъ поселить въ народѣ неудовольствіе къ царю Алексѣю Михайловичу [1]). Между тѣмъ его агенты возмущали народъ всякими способами и говорили разное: въ одномъ мѣстѣ проповѣдывали казацкое равенство и полное уничтоженіе властей; въ другомъ возбуждали толпу именемъ царевича, обѣщающаго народу льготы и волю; здѣсь ополчали православныхъ за гонимаго патріарха; тамъ подущали старообрядцевъ враждою противъ нововведеній, за которыя обвиняли того же патріарха. Въ то-же время, они вооружали и Черемисъ, и Чувашей, и Мордву, раздували въ нихъ непріязнь противъ русскихъ вообще, а Татаръ разгорячали фанатизмомъ мохаммеданства. Всѣ партіи, всѣ вѣрованія, всѣ страсти затрогивалъ Стенька, лишь-бы произвести смуту и безпорядокъ. Холопъ вооружался на господина, служилый на своего начальника, язычникъ и мохаммеданинъ на христіанина. Стенька сносился съ крымскимъ ханомъ и пытался призвать на Русь его опустошительныя орды. По извѣстію современника [2]), онъ, было, завелъ даже сношеніе съ Персіею, которой такъ недавно насолилъ. Стенька послалъ къ шаху посольство; въ письмѣ своемъ онъ поддѣлывался къ восточнымъ обычаямъ и надавалъ себѣ самому высокопарныхъ титуловъ, тогда какъ въ обращеніи съ казаками оказывалъ презрѣніе къ какому бы то ни было титулу. Стенька предлагалъ шаху союзъ и требовалъ вспоможенія за такую любовь и расположеніе. При этомъ онъ угрожалъ, если ему откажутъ, опять посѣтить его государство, но уже съ двумя стами тысячъ войска. Шахъ приказалъ казакамъ, которые привезли такое письмо, отрубить головы и бросить собакамъ ихъ внутренности. Оставленъ въ живыхъ только одинъ, и отправленъ къ Стенькѣ съ отвѣтомъ. Шахъ обѣщалъ на такую дикую свинью, какъ Стенька, послать своихъ охотниковъ, съ тѣмъ, чтобъ они его, живаго или мертваго, бросили на съѣде-

[1]) «Stephan Razin», 18.

[2]) «Strans Reise», 256. «Stephan Razin», 18—22.

ніе собакамъ. Стенька, получивъ этотъ отвѣтъ, пришелъ въ ярость, изрубилъ саблею невиннаго казака и велѣлъ бросить воронамъ тѣло его за то, что онъ привезъ такую обиду. А этотъ казакъ радовался было, что избѣжалъ смерти въ Персіи.

Стенька приступилъ къ Симбирску 5-го сентября. Тамъ сидѣлъ, запершись, бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославскій. Городъ былъ укрѣпленъ двойнымъ укрѣпленіемъ: въ срединѣ находился собственно городъ, или кремль, на горѣ, а за нимъ слѣдовалъ посадъ, частію обведенный стѣною и рвомъ: тамъ былъ острогъ. Какъ только Стенька подошелъ къ Симбирску, жители сейчасъ же передались ему и впустили въ острогъ, чтобъ дѣйствовать самимъ вмѣстѣ съ казаками. Не такъ-то скоро можно было взять городъ, по его крѣпкому мѣстоположенію. Онъ былъ хорошо снабженъ пушками, заключалъ въ себѣ гарнизонъ изъ четырехъ стрѣлецкихъ приказовъ и значительное число дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ Симбирскаго уѣзда и другихъ смежныхъ городовъ, искавшихъ тамъ спасенія по сосѣдству. Стенька возился около Симбирска цѣлый мѣсяцъ. Онъ укрѣпилъ острогъ, чтобъ имѣть защиту, если свѣжее войско явится откуда нибудь на выручку Симбирска, а вокругъ города приказалъ выкопать высокій земляной валъ. Казаки взмостили на этотъ валъ пушки и бросали съ него въ городъ зажигательные снаряды — дрова, солому, сѣно. Пожаръ нѣсколько разъ зачинался, но его всегда тушили. Между тѣмъ войско Стеньки съ каждымъ днемъ увеличивалось. Приходили къ нему бѣглые холопы и крестьяне; приходили толпы Черемисъ, Чувашей и Мордвы. Милославскій нѣсколько разъ писалъ въ Казань и просилъ помощи, но не получалъ ся и, часъ отъ часу, положеніе его становилось безвыходнѣе. Пути были заняты мятежниками; повсюду народъ волновался; нельзя было гонцамъ пробираться. Еще немного времени — и бояринъ, конечно, не могъ бы никакимъ образомъ отъ воровскихъ казаковъ отсидѣться, какъ онъ выражался [1]).

Помощь, которой онъ просилъ, послана казанскимъ воево-

---

[1]) «Матер.» 180.

дою, княземъ Урусовымъ, въ половинѣ сентября, подъ предводительствомъ окольничаго князя Юрія Борятинскаго. Онъ шелъ не по Волгѣ, а по сухопутью и долженъ былъ на пути сражаться съ бунтовавшими шайками Чувашей и Черемисовъ. Каждый шагъ ратные люди должны были покупать оружіемъ. Такимъ образомъ, Борятинскій достигъ Симбирска около октября.

Стенька зналъ путь его, и какъ только услышалъ, что Борятинскій за двѣ версты отъ казацкаго стана, вышелъ противъ него самъ. Борятинскій, увидѣвъ, что казаки на него наступаютъ, приказалъ своему войску стоять неподвижно до тѣхъ поръ, пока казаки сошлись съ нимъ уже на разстояніи не далѣе двадцати саженъ: тогда только ратные люди предупредили ихъ напоръ и стремительно на нихъ ударили. Жаркая была схватка. Люди перемѣшались до того, что не могли отличать своихъ отъ чужихъ. Нестройныя, непривычныя къ военному дѣлу толпы Мордвы и Чувашей не въ силахъ были сладить съ войскомъ Борятинскаго, гдѣ были солдаты, выученные уже по европейскому образцу. Упорнѣе держались только донскіе казаки; самъ Стенька бился отчаянно; его хватили по головѣ саблею; пищаль прострѣлила ему ногу, и какой-то смѣлый Алатырецъ, Семенъ Степановъ, схватилъ было атамана и повалилъ на землю, но самъ былъ убитъ надъ нимъ. Стенька увидѣлъ, что держаться болѣе нельзя, и побѣжалъ съ донцами въ башню. Съ утра до сумерокъ продолжалась эта битва. Ночь прекратила ее. Мятежники потеряли четыре пушки, знамена, литавры и сто двадцать плѣнниковъ; изъ нихъ воевода оставилъ немногихъ для разспроса, а прочихъ тотчасъ же велѣлъ повѣсить.

На третій день послѣ того, 3-го октября, Борятинскій сдѣлалъ мостъ на Свіягѣ, перевелъ свой обозъ, сталъ подъ кремлемъ съ саранской стороны и освободилъ Милославскаго изъ осады. Стенька сосредоточилъ свой обозъ на другой сторонѣ, на казанской, ближе къ Волгѣ, задумывая заранѣе убѣжать, когда не станетъ болѣе силы. Милославскій соединился съ Борятинскимъ.

Стенька въ наступившую ночь повелъ свое войско на приступъ; казаки бросали въ кремль большія огненныя приметы—хотѣли, во что бы ни стало, произвесть пожаръ; но въ то время посланный въ тылъ отъ Свіяги полкъ полковника Андрея Чубарова такъ страшно закричалъ, что казаки подумали, что они стѣснены со всѣхъ сторонъ огромною силою. Тогда Стенька созвалъ своихъ донскихъ казаковъ на совѣтъ, тайно отъ прочихъ сообщниковъ крестьянъ. Надежды на послѣднихъ было мало: воевать они не умѣли, и могли бы, при всемъ своемъ многолюдствѣ, только испортить дѣло, когда бы пришлось имъ сражаться вновь съ непріятелемъ, сильнѣйшимъ и по числу, и по искусству. Казаки рѣшились оставить ихъ на произволъ судьбы и убѣжать. Чтобъ скрыть свое намѣреніе отъ крестьянъ, Стенька выстроилъ послѣднихъ въ боевой порядокъ и сказалъ:

— Стойте здѣсь, а я съ казаками пойду на новоприбылыхъ людей.

Пользуясь темною ночью, казаки сѣли въ суда и уплыли внизъ по Волгѣ. Утромъ мятежники увидѣли, что казаки ихъ оставили; въ страхѣ они покинули и острогъ, и обозъ, и пустились бѣжать къ Волгѣ; каждый хотѣлъ захватить еще суда. Суда дѣйствительно не всѣ еще уплыли; но воеводы смекнули, въ чемъ дѣло, и бросились за бѣжавшими. Борятинскій взялъ обозъ, ворвался въ острогъ, а потомъ зажегъ его и пустилъ своихъ ратныхъ людей въ погоню. Мятежники, припертые къ Волгѣ, поражаемые сзади и ружьями, и саблями, не попадали въ струги, а стремглавъ падали въ воду; другіе успѣвали овладѣть стругами, но падали съ нихъ отъ выстрѣловъ съ берега. Болѣе шестисотъ попалось въ плѣнъ живьемъ, и они тотчасъ же были казнены безъ слѣдствія и суда: однихъ четвертовали, другихъ разстрѣливали, но большею частью вѣшали; весь окрестный берегъ Волги былъ уставленъ рядомъ висѣлицъ съ воровскими казаками и ихъ приставниками. Жители подгородныхъ симбирскихъ слободъ явились съ повинною; воевода отобралъ

изъ нихъ по человѣку съ слободы и наказалъ кнутомъ, а прочихъ только привелъ къ присягѣ [1]).

Эта побѣда была чрезвычайно важна. Борятинскій, одержавъ ее, оказалъ большую услугу престолу. Еслибъ успѣхъ этой битвы остался на сторонѣ Разина, мятежъ принялъ бы ужасный размѣръ. Стенька находилъ сочувствіе не только въ окрестныхъ жителяхъ, но и въ далекихъ углахъ Россіи; масса поднялась бы страшнымъ пластомъ... Борятинскій однимъ днемъ все разрушилъ. Какъ, съ одной стороны, успѣхъ Стеньки увеличивалъ число его сообщниковъ, такъ, съ другой, одинъ проигрышъ уронилъ его значеніе въ глазахъ обольщеннаго народа. Симбирская битва, столь напоминающая пораженіе южноруссовъ подъ Берестечкомъ, была вабанкъ воровскаго атамана.

XIV.

Прелестныя письма, разосланныя Стенькою, произвели скоро желанное дѣйствіе въ землѣ, близкой къ Симбирску, гдѣ стоялъ предводитель, озаренный славою недавнихъ успѣховъ. Пространство между Окою и Волгою на югъ до саратовскихъ степей, а на востокъ до Рязани и Воронежа, было въ огнѣ. Возмутители бродили партіями и поднимали народъ. Мужики помѣщичьи и вотчинные, мужики монастырскіе, дворцовые и тяглые умерщвляли своихъ господъ, приказчиковъ и начальныхъ людей, называли себя казаками, составляли шайки и шли дѣлать то же у сосѣдей. Язычники — Мордва, Чуваши и Черемисы — поднялись на сѣверѣ отъ Симбирска. Они были возбуждены русскими возмутителями и собирались въ шайки подъ начальствомъ русскихъ, сами, кажется, не зная за что бунтуютъ. Сдавались города; не было пощады воеводамъ и приказнымъ; гибель постигала того, кто не шелъ съ бунтовщиками. Какъ всегда бы-

---

[1]) «Матер.» 63 — 66, 87 — 90.

ваетъ при народныхъ возстаніяхъ, и этотъ бунтъ отличался изобрѣтательностью въ жестокостяхъ. Преданіе говоритъ, что бунтовщики начиняли женщинъ порохомъ, зажигали и тѣшились такими оригинальными минами. Имя батюшки Степана Тимоѳеевича неслось все далѣе и далѣе, возжигая отвагу и дерзость; и уже въ самой Москвѣ поговаривали, что Стенька вовсе не воръ. «Что тогда дѣлать, если Стенька придетъ къ Москвѣ?» спросилъ одинъ молодецъ у пожилаго. Тотъ отвѣчалъ: «Народъ долженъ встрѣтить его съ почестями, хлѣбомъ солью!» Болтуна подслушали и повѣсили. Но потомъ поймали въ Москвѣ какого-то молодца, который старался распространять въ народѣ неповиновеніе къ царю. Ему отрубили руки и ноги, потомъ повѣсили [1]).

Симбирское дѣло все разрушило. Мятежъ не пошелъ далѣе и впродолженіе зимы былъ задушенъ воеводами.

Освобожденный изъ осады, Милославскій жаловался, что причиною столь долгой осады Симбирска была медленность князя Урусова, главнаго казанскаго воеводы: Милославскій нѣсколько разъ просилъ его прислать вспомогательное войско на выручку, но войско пришло поздно, не ранѣе 1 го октября. «Еслибъ (писалъ онъ) князь Петръ Семеновичъ Урусовъ подоспѣлъ въ пору къ Симбирску съ ратными людьми, то и вору Стенькѣ Разину съ воровскими казаками утечь было бы некуда, и черта была бы въ цѣлости: города Алатырь и Саранскъ и иные города и уѣзды до конца разорены бы не были, а это разоренье учинилось отъ нерадѣнья къ великому государю крайчаго и воеводы князя Петра Семеновича Урусова». Князь Урусовъ былъ смѣненъ, и начальство надъ дѣйствіями войска противъ мятежниковъ вручено князю Юрію Долгорукому, тому самому, который повѣсилъ Стенькина брата.

Послѣ погрома Стеньки, Борятинскій пошелъ въ Алатырскій уѣздъ, гдѣ собралось порядочное мятежное ополченіе изъ Алатырцевъ, Корсунцевъ, Курмышцевъ, Арзамасцевъ, Саранцевъ,

---

[1]) Relation, 16.

Пензенцевъ. Народу было тысячъ пятнадцать въ этомъ ополченіи. 12 ноября князь стоялъ близъ мятежнаго села Усть-Уреня, на берегу Кондарати; на другомъ берегу стояли его непріятели; разстояніе между ними было не болѣе полуверсты. Князь описывалъ это дѣло такъ: «И стояли полки противъ полковъ съ утра до обѣда; я того ожидалъ, чтобъ они перебрались за переправу ко мнѣ, а они за переправу ко мнѣ не пошли» [1]). Наконецъ, когда надоѣло такое ожиданіе, князь приказалъ намостить сѣна черезъ рѣку; пѣхота перебралась: «Великъ былъ бой, стрѣльба пушечная и мушкетная безпрестанная (продолжаетъ князь), и я тѣхъ воровъ побилъ и обозъ взялъ, да одиннадцать пушекъ, да двадцать четыре знамени, и разбилъ всѣхъ врознь; побѣжали они разными дорогами; и сѣкли воровъ конные и пѣшіе, такъ что на полѣ въ обозѣ и въ улицахъ Усть-Уренской слободы за трупами нельзя было и проѣхать, а крови пролилось столько, какъ будто отъ дождя большіе ручьи потекли». Плѣнные были частью казнены, частью отпущены послѣ привода ихъ ко кресту. Эта побѣда нанесла такой страхъ, что Алатырцы вышли съ образами, съ повинною; тоже сдѣлалось съ Корсуномъ: мятежныя села этихъ уѣздовъ положили оружіе; болѣе упорные бѣжали къ Саранску и къ Пензѣ; но когда войска занялись укрощеніемъ другихъ городовъ, въ декабрѣ въ Алатырскомъ уѣздѣ опять собрались мятежническія скопища и отправились на село Апраксино; но посланный противъ нихъ думный дворянинъ Леонтьевъ побилъ ихъ на голову; зачинщики казнены, а толпа, состоявшая почти вся изъ язычниковъ, приведена къ шерти [2]). Тогда ратные люди сожгли всѣ села и деревни, гдѣ былъ притонъ возмущенія. На сѣверъ отъ Симбирска, по всему протяженію нагорной стороны, въ уѣздахъ Цывильскомъ, Чебоксарскомъ, Козьмодемьянскомъ, Ядринскомъ и Курмышскомъ господствовало волненіе между Черемисами, Чувашами и Мордвою. Ополченіе ихъ было тогда до десяти тысячъ; но когда,

---

[1]) «Матер.» 64.
([2]«Матер.» 140.

послѣ разбитія Стеньки, на нихъ пошелъ съ войскомъ князь Данила Борятинскій, братъ симбирскаго побѣдителя, то они, послѣ первыхъ стычекъ, разбѣжались и потомъ со страхомъ шли приносить повинную. Такимъ образомъ, были очищены, какъ выражались тогда, уѣзды Цывильскій и Чебоксарскій. Борятинскій вѣшалъ немногихъ (зачинщиковъ), остальныхъ приводилъ къ шерти и отпускалъ. Въ Козьмодемьянскомъ уѣздѣ взволновались села архіепископскія и другія, принадлежавшія владѣльцамъ; толпа мятежниковъ понеслась къ городу; къ нимъ пристали загородныя слободы, а потомъ стрѣльцы, пушкари, ямщики и посадскіе. Козьмодемьянцы убили своего воеводу, убили подъячаго, выбрали старшиною какого-то посадскаго человѣка, освободили тюремныхъ сидѣльцевъ, одного изъ нихъ, Ильюшку Долгополова, избрали начальникомъ шайки и отправили для распространенія бунта на Ветлугѣ. По примѣру Козьмодемьянска, взбунтовался и Василь. Тамошній воевода, не надѣясь сладить съ мятежниками, убѣжалъ; жители ограбили казну и сожгли всѣ царскія грамоты и все дѣлопроизводство. Толпа воровскихъ казаковъ взволновала Ядринскій уѣздъ; составилась большая партія, большею частью изъ Черемисъ, и овладѣла Ядриномъ. Воевода, подъячіе и всѣ дворяне, и дѣти боярскія были истреблены. Посадскіе приняли сторону мятежа. Но когда Борятинскій усмирилъ Козьмодемьянскій уѣздъ и приступилъ къ Козьмодемьянску, жители этого города тотчасъ оробѣли. 2-го ноября они вышли къ воеводѣ съ повинною; впереди шли священники съ образами. Борятинскій началъ розыскъ: шестьдесятъ человѣкъ казнено смертью, сотнѣ мятежникамъ отрубили по пальцу на правой рукѣ; у другихъ отсѣкли совсѣмъ руки, а четыреста человѣкъ биты нещадно кнутомъ. Василь, узнавъ, что сдѣлалось съ Козьмодемьянскомъ, сдался добровольно и просилъ пощады. Въ Ядринѣ оказали болѣе упорства. Партія воровскихъ казаковъ, овладѣвшая городомъ, простиралась до пятисотъ человѣкъ и могла удерживать нѣсколько времени духъ неповиновенія. Когда Борятинскій, для увѣщанія Ядринцевъ, послалъ къ нимъ монаха и одного посадскаго, то они епрваго

сбросили съ башни, а втораго сожгли. Но послѣ того, возмутители, узнавъ, что на нихъ посылаются поиски, не стали болѣе упрямиться, оставили, на произволъ судьбы, посадскихъ, которыхъ ввели въ искушеніе, и сами разбѣжались. Городъ сдался Его примѣру послѣдовалъ Курмышъ. Вездѣ повторялись сцены казней и присяги.

Когда Стенька пришелъ подъ Симбирскъ, прелестныя письма его дошли въ богатое и большое село Лысково на Волгѣ. Въ концѣ сентября двадцать человѣкъ Лысковцевъ учинили между собою кругъ по казацкому обычаю и послали просить курмышскаго атамана Максима Осипова, чтобъ онъ прибылъ къ нимъ и установилъ порядокъ, какъ ведется въ казачествѣ.

Атаманъ пришелъ съ товарищами, и на встрѣчу ему вышли священники съ крестами и образами. Толпа народа привѣтствовала его радостными криками. Тѣ же, которые не раздѣляли всеобщихъ чувствъ, удалились въ Желтоводскій Макарьевскій монастырь, на другую сторону Волги: обитель упорно оставалась вѣрна престолу. 1 октября мятежники стали за Волгою и ударили изъ пушекъ, угрожая монастырю, потомъ послали туда казака и пять товарищей съ посланіемъ Стеньки Разина. Они требовали, чтобъ монастырь сдался и присталъ на ихъ сторону, и грозили взять его приступомъ, если не послушаетъ. Архимандритъ Пахомій, принявъ посланіе, отправилъ одного гонца въ Москву съ этимъ самымъ посланіемъ, а другаго въ Нижній просить воеводу Голохвастова прислать свѣжихъ силъ для охраненія монастыря. Осиповъ, не получая отвѣта, въ другой разъ послалъ одного старшину съ двумя лицами повторить тоже требованіе. Архимандритъ и этихъ задержалъ и подвергъ разспросу, а разспросныя рѣчи отослалъ въ Москву. Атаманъ въ третій разъ послалъ двухъ священниковъ села Лыскова уговаривать архимандрита, по-крайней-мѣрѣ, отпустить посланныхъ. Архимандритъ отказалъ.

Тогда мятежники рѣшили взять монастырь приступомъ. 8-го октября толпа вооруженныхъ жителей села Лыскова и Мурашкина, называясь казаками, переправилась черезъ Волгу и оса-

дила монастырь со всѣхъ сторонъ: съ востока — отъ кузницъ, съ запада — съ огородовъ, съ юга — отъ гостиныхъ дворовъ и лавокъ. Монахамъ показалось, что мятежниковъ было тысячъ тридцать. Ударили изъ пушекъ. Нагромоздили огромные костры лѣса, навалили кучи соломы и зажгли; поднялся пламень выше монастырскихъ стѣнъ, и мятежники дикимъ голосомъ кричали: «нечай! нечай!» То былъ ясакъ сообщниковъ Стеньки Разина въ этомъ краѣ. Архимандритъ сначала прибѣгъ къ духовному оружію, исповѣдывалъ и причащалъ всѣхъ, кто былъ въ то время въ обители, взялъ крестъ и святыя иконы, пошелъ по стѣнамъ, умоляя милосердіе Божіе объ удержаніи междоусобнаго меча; но потомъ начали отражать мятежниковъ силою. Въ монастырѣ было, кромѣ братіи, служебниковъ, работниковъ и крестьянъ изъ разныхъ селъ и деревень до полуторы тысячи человѣкъ, да тридцать душъ странниковъ-богомольцевъ. Всѣ тронулись увѣщаніями архимандрита, и старые, и малые, и мужи, и жены принялись храбро отражать приступъ мятежниковъ, лили на осаждавшихъ варъ, тушили пожаръ, который нѣсколько разъ начинался въ угольной башнѣ и въ воротахъ. «Окаянные измѣнники (говоритъ современникъ-повѣствователь) приступали съ горшимъ свирѣпствомъ: словно какъ медвѣдь, когда уязвятъ его, жесточе свирѣпствуетъ, или осы, если раздражены, то нападаютъ злѣе». Силы защитниковъ оскудѣвали. Башни и ворота загорались. Чернецы опять прибѣгали къ духовному оружію. Пронесли по стѣнамъ образъ чудотворца Макарія, покровителя обители. «Чудотворецъ пришелъ къ намъ на помощь:» закричали всѣ, увидя икону, и такъ дружно принялись за дѣло, что угасили огонь, и мятежники отступили, не успѣвъ даже предать землѣ мертвецовъ своихъ, а свезли ихъ въ воловій загонъ и тамъ сожгли».

На другой день, на восходѣ солнца, атаманъ, или атаманишка, какъ его называютъ презрительно враги, послалъ въ монастырь священника изъ села Мурашкина, Максима Давидова.

Онъ сказалъ: «Казаки отступаютъ отъ монастыря и даютъ клятву, что больше не станутъ дѣлать приступовъ, если вы от-

пустите посланныхъ Першку съ товарищами; а коли не отдадите ихъ, то не отступятъ отъ монастыря до тѣхъ поръ, пока не разорятъ его и васъ всѣхъ не перебьютъ. Знайте, что силы наши прибавляются. Изъ за Волги къ намъ придутъ новые казаки».

Архимандритъ посовѣтовался съ братіею и со всѣми осажденными. «Воровъ безпрестанно прибываетъ, а насъ убываетъ отъ боя. Не станемъ ихъ раздражать до конца» — сказали всѣ. И архимандритъ отпустилъ имъ Першку съ товарищами.

Осиповъ точно отступилъ отъ монастыря. Тогда иноки и служебники стали въ монастырѣ хвалиться. «Вотъ, говорили, каковы мы! вотъ какова наша крѣпость, помышленіе и дерзость!» Одинъ другаго укорялъ и каждый себя самого предъ другими превозносилъ. «О! люди, неискусные въ божественныхъ писаніяхъ!» говорили имъ старцы: «не вѣдаете вы словесъ, написанныхъ у псалмопѣвца: «аще не Господь сохранитъ градъ, всуе бдѣ стрегій; всуе вамъ есть утреневати». Не себѣ славу приписывайте, а Богу единому подобаетъ возсылать хвалу съ благодареніемъ. Придетъ за вашу гордость гнѣвъ Божій на насъ!»

И, дѣйствительно, прореченіе старцевъ сбылось черезъ нѣсколько дней. Осиповъ сдержалъ свое слово: съ такою поспѣшностью отошелъ, что нѣкоторые изъ его ватаги не попали въ струги, а въ рѣку; но явилась другая толпа самозванныхъ казаковъ, подъ начальствомъ Мишки Чертоусенка. Онъ убѣдилъ Осипова снова идти подъ монастырь. Казацкое полчище подошло къ Волгѣ на перевозъ и когда начало переправляться, то ударило изъ пушекъ, заколотило въ барабаны и литавры, громко затрубило въ трубы; на защитниковъ обители нашелъ такой страхъ, что они боялись тѣни и всѣ разбѣжались врознь, оставя архимандрита съ братіею. Одинъ ссылочный конюхъ, по извѣстію современника-иностранца [1]), Жидъ происхожденіемъ, посланный въ монастырь на смиреніе, перебѣжалъ къ казакамъ и извѣстилъ ихъ объ этомъ. Тогда архимандритъ и братія, видя неминуемую бѣду, тоже убѣжали изъ обители, оставивъ въ ней

---

[1]) Relation. 22.

отца-казначея и бывшаго симбирскаго архіепископа Тихона съ нѣсколькими братьями, которые рѣшились (говоритъ современникъ) положить свои головы въ святой обители. Мятежники свободно вошли туда и много добраго нашли. Зажиточные люди, почуявъ грозу, складывали тамъ свои поклады; были тамъ и купеческіе товары, отданные на сбереженіе подъ кровъ св. Макарія; все ограбили, все передуванили, истощили и кельи братскія, взяли и денежную казну, но братію и служебниковъ не умерщвляли, а удовольствовались тѣмъ, что причинили имъ веліе озлобленіе: вязали имъ назадъ руки, подводили къ плахѣ, какъ будто бы, готовясь рубить головы, но оставили въ живыхъ — только попугали. Не долго гуляли удалые въ обители: 22 октября, пришелъ съ войскомъ посланный княземъ Долгорукимъ князь Щербатовъ, разбилъ воровъ подъ Мурашкинымъ и прибылъ въ Лысково. Онъ началъ праведный розыскъ и казнилъ участниковъ мятежа. Одни были повѣшены, другіе посажены на колъ, иные прибиты гвоздями къ доскамъ, нѣкоторые изодраны крючьями или засѣчены до смерти. Въ числѣ казненныхъ былъ какой-то родственникъ Стеньки. Тѣ, которые успѣли убѣжать, не спаслись отъ смерти и, скитаясь въ пустынныхъ лѣсахъ, погибали отъ голода и стужи. Лысково и Мурашково поплатились очень жестоко [1]).

На Окѣ вотчина князя Одоевскаго взбунтовалась первая и дала примѣръ прочимъ; потомъ составлялись шайки, подъ предводительствомъ казаковъ, и старались не пропускать черезъ рѣку ратныхъ людей, которые во множествѣ подходили на театръ войны съ другаго берега Оки. Имъ удалось, такимъ образомъ, напасть на Павловъ-перевозъ, гдѣ переходившіе ратные люди захвачены врасплохъ и побиты. Ободрясь успѣхомъ, они собрались на Лисовскій-перевозъ и думали неожиданно напасть на переходившихъ; но одинъ священникъ села Избылецкаго предупредилъ военныхъ людей и далъ имъ средство приготовиться,

---

[1]) «Stephan Razin» 26. Kurze wahrhafftige Erzählung von der blutigen Rebellion in der Moscau.

*

такъ что мятежники были отбиты. Этотъ священникъ послѣ за то потерпѣлъ побои и ушелъ чуть-живой. Толпы безпрестанно увеличивались и рѣшились напасть на Нижній. «Вотъ какъ Нижній возьмемъ (говорили они, хвастаясь и завлекая новыхъ товарищей), тогда вы, крестьяне, увидите царевича; а мы идемъ за царевича Алексѣя Алексѣевича и за батюшку нашего Степана Тимофеевича, а у насъ ясакъ нечай: — значитъ, что вы царевича не чаете, а онъ нечаянно придетъ къ вамъ!» Нестройныя толпы окружили Нижній и разставили по всѣмъ сторонамъ караулы, чтобъ ловить вѣстовщиковъ и бѣглецовъ, спасавшихся отъ гибели — разумѣется, болѣе всего владѣльцевъ и ихъ приказчиковъ. Пойманныхъ жестоко мучили и казнили мучительною смертью. Они уже готовились приступить къ Нижнему, и Нижній былъ бы въ ихъ рукахъ: тамъ было немного ратныхъ людей; но мятежники услыхали, что Долгорукій, узнавъ объ опасности Нижняго, послалъ на выручку войско. Шайки стали сниматься съ своихъ становъ и не успѣли: князь Щербатовъ и Леонтьевъ погромили ихъ. Только остатки этихъ шаекъ, убѣжавъ, продолжали разбойничать по деревнямъ Нижегородскаго уѣзда.

Въ Арзамасѣ нѣсколько времени была главная стоянка князя Долгорукаго. Въ концѣ сентября, онъ услышалъ, что собирается въ окрестности сильная и многочисленная шайка бунтовщиковъ, и выступилъ изъ Арзамаса. Онъ встрѣтился съ мятежнымъ ополченіемъ подъ селомъ Паневымъ: въ ополченіи было тысячъ пятнадцать народа. Бой былъ отчаянный. Четыре раза схватывались мятежники съ царскими войсками и, наконецъ, были разбиты на голову. Половина ихъ легла на мѣстѣ, другая попалась въ плѣнъ и предана казнямъ [1]). Князь взялъ у нихъ шесть пушекъ и возвратился въ Арзамасъ. По свидѣтельству современника, тамъ было главное мѣсто казней. «Страшно было смотрѣть на Арзамасъ (говоритъ этотъ современникъ): его предмѣстья казались совершеннымъ адомъ; повсюду стояли

[1]) «Собр. госуд. гр.» IV, 256. Kurze Erzählung.

висѣлицы и на каждой висѣло по сорока и по пятидесяти труповъ; тамъ валялись разбросанныя головы и дымились свѣжею кровью; здѣсь торчали колья, на которыхъ мучились преступники и часто были живы по три дня, испытывая неописанныя страданія. Впродолженіе трехъ мѣсяцевъ, въ Арзамасѣ, если только вѣрить современникамъ, казнили одиннадцать тысячъ человѣкъ; ихъ осуждали не иначе, какъ соблюдая обряды правосудія и выслушавъ свидѣтелей [1]). Какое у васъ было намѣреніе, спрашивали подъ пыткою предводителей, — и всѣ въ одно говорили: хотѣли мы Москву взять, и васъ всѣхъ бояръ и дворянъ, и приказныхъ людей, перебить на смерть.

Разомъ со всѣмъ этимъ возстаніе разлилось въ полосѣ, занимающей нынѣшнія губерніи Пензенскую и Тамбовскую. Когда Стенька взялъ симбирскій острогъ и велъ бой съ Милославскимъ, изъ села Урени вышло трое молодцовъ; пріѣхали въ Корсунъ и взбунтовали городъ; туда прибыло еще два человѣка Донцовъ; научали они составлять круги, и въ первомъ кругѣ засудили на смерть воеводу, подъячаго и стрѣлецкаго голову. Учредивъ тамъ казацкое устройство, назначивъ начальство, они съ толпою Корсунцевъ пошли къ Саранску. Едва только тамъ услышали, что изъ Корсуна идутъ къ нимъ казаки, тотчасъ убили воеводу и объявили себя на сторонѣ Стеньки. Только сто человѣкъ послѣ того вышло изъ Саранска, подъ начальствомъ атамана Мишки Харитонова, къ Пензѣ. Этого было достаточно, чтобъ Пенза пристала къ мятежу; тамъ убили воеводу Логинова, подъячаго, пушкарей и устроили казачину. Въ это время въ Пензу пришло шестьсотъ человѣкъ мятежниковъ изъ Саратова распространять возстаніе. Ими предводительствовалъ Гришка Савельевъ, тотъ самый, котораго Стенька оставилъ атаманомъ въ Саратовѣ. Саратовцы въ Пензѣ стали имъ за что-то недовольны, смѣнили его и, вмѣсто него, выбрали Ваську. Это былъ бѣглый солдатъ изъ Бѣлгорода, скрывался на Дону и присталъ къ Стенькѣ; а когда Стенька проходилъ черезъ Саратовъ, то оставилъ его въ

[1]) Relation 21. — Theatr-Europ. 519.

этомъ городѣ. Въ Пензѣ пристало къ нимъ триста Пензяковъ и пошли они къ Ломову, подъ предводительствомъ двухъ атамановъ — Васьки и Мишки Харитонова. Нижній-Ломовъ сдался безъ выстрѣла; жители сами убили воеводу и подъячаго; 2-го октября, мятежники подступили къ Верхнему-Ломову. Воевода Игнатій Корсаковъ выслалъ противъ нихъ своихъ горожанъ.

— Для чего вы сюда пришли?—говорили они мятежникамъ.

Тѣ отвѣчали;

— Мы прибыли къ вамъ отъ батюшки нашего, Степана Тимофеевича, для вашего обереганія; а если вы учинитесь батюшкѣ нашему, Степану Тимофеевичу, и всему войску сильны, мы всѣхъ васъ, верхогородцевъ, побьемъ съ вашимъ воеводою, и городъ вашъ и дворы пожжемъ, и женъ и дѣтей вашихъ порубимъ, и разоримъ васъ безъ остатку.

Верхоломовцы впустили ихъ. Они сперва отслушали литургію, потомъ подлѣ церкви, созвали кругъ и говорили:

— Мы прибыли отъ батюшки нашего, Степана Тимофеевича, чтобъ враговъ вашихъ — воеводъ и подъячихъ, искоренить, а вамъ дать льготные годы.

Жители, вмѣстѣ съ ними, бросились на воеводскій дворъ и разграбили его; кто не соглашался пристать къ нимъ, того умерщвляли; такъ убили одного священника, который не хотѣлъ послѣдовать своей братіи; иныхъ только ограбили да поколотили. Воеводу, по обычаю, хотѣли было тотчасъ же убить, но жители выпросили ему жизнь; однако, черезъ два дня, убили и его, какъ задумали, сожгли царскія грамоты и все дѣлопроизводство, и устроили казацкій порядокъ.

Изъ Ломова атаманы, усиливъ свою ватагу Ломовцами, отправились къ Шацку, и на дорогѣ, въ селѣ Конобѣевѣ, сдѣлали сборъ: извѣстили мужикамъ свободу, обратили ихъ въ казаковъ и выбрали имъ атамановъ. Но недолго мужики потѣшались. Когда Васька съ Мишкою пошли къ Шацку, воевода Яковъ Хитрово, начальствовавшій въ Шацкѣ, послалъ въ Конобѣево цѣлый полкъ съ частью другаго полка. Неустроенныя шайки были разбиты въ пухъ. Новички побросали свое дубье, потеряли

и свои знамена. Тѣмъ временемъ Мишка и Васька были, въ свою очередь, разбиты, не доходя Шацка, и убѣжали въ заповѣдный лѣсъ: тамъ ихъ догнали ратные люди и въ другой разъ разбили; атаманы воротились въ Ломовъ и хотѣли было уйти прочь изъ того края къ Стенькѣ, все еще думая, что онъ подъ Симбирскомъ, но Ломовцы уговорили ихъ идти съ ними опять къ Шацку. Они пошли, но въ селѣ Раковѣ ихъ въ третій разъ разбили. Тогда Харитоновъ ушелъ въ Саранскъ, а Васька въ Керенскъ; Керенцы поставили его атаманомъ, а жители Троицкаго острога извѣстили, что Долгорукій пришелъ въ Красную слободу, и уговорили его напасть на князя.

Въ то-же время, Темниковскій, Кадомскій и Тамбовскій уѣзды пристали къ мятежу. Темниковскіе крестьяне, подъ предводительствомъ какого-то попа Савы, грабили господскіе домы, чинили надъ женскимъ поломъ поруганіе. Вмѣстѣ съ ними, ходила старица (монахиня) вѣдьма, она носила съ собою заговорныя письма и коренья и посредствомъ такихъ волшебныхъ вещей пріобрѣтала побѣды. Она скликала толпу и предводительствовала мужиками. Въ Кадомѣ захватилъ власть донской воровской казакъ Лучка Ѳедоровъ. По всему уѣзду взбунтовались мужики. Въ лѣсахъ между Кадомомъ, Керенскомъ, Темниковымъ бунтовщики устроили засѣки, чтобъ дѣлать препятствія ратнымъ людямъ, когда они придутъ ихъ укрощать.

Юрій Долгорукій опять двинулся изъ Арзамаса, чтобъ укротить мятежъ, который принималъ болѣе и болѣе значительные размѣры въ южныхъ странахъ собственно такъ называемой саранской черты. Онъ обратился къ Темникову. Жители, такъ скоро и легко приставшіе къ мятежу, какъ только узнали, что на нихъ идетъ большое войско, вышли за двѣ версты на встрѣчу съ крестами и иконами. Протопопъ и священники говорили за всѣхъ, просили прощенія, увѣряли, что они пристали къ мятежу поневолѣ. Они выдали и попа Саву, и старицу и еще какого-то бѣглаго попа, возмущавшаго городъ. Долгорукій приказалъ поповъ повѣсить, а старицу сжечь въ срубѣ, какъ поступали въ то время съ колдуньями. Ее звали Аленою; была она

родомъ изъ пригородной слободы подъ Арзамасомъ, находилась тамъ замужемъ, овдовѣла, постриглась и занималась тѣмъ, что портила людей; а когда поднялся бунтъ, то она пришла изъ Арзамаса въ Темниковъ, жила въ воеводскомъ дворѣ и учила вѣдовству атамана, правившаго Темниковымъ. Современники говорятъ [1]), что она ходила въ мужскомъ платьѣ и была такъ неустрашима, что когда ей прочитали приговоръ, то не измѣнилась въ лицѣ, а какъ ее жгли въ срубѣ, то произнесла: «когда бы всѣ такъ воевали, какъ я, князь Юрій навострилъ бы отъ насъ лыжи». Нѣсколько дней раньше того, когда взяли Темниковъ, посланный Долгорукимъ стольникъ Степанъ Лихаревъ взялъ также легко Кадомъ и приказалъ всѣмъ возмутителямъ въ городѣ рубить головы, а въ селахъ вѣшать ихъ.

Изъ Темникова Долгорукій двинулся къ Красной слободѣ. Это большое дворцовое селеніе (нынѣ городъ Краснослободскъ) также измѣнило и также не имѣло силы и духа защищаться: жители вышли съ крестами на встрѣчу и просили помилованія, увѣряя, что пристали поневолѣ. Они указали на пятьдесятъ шесть человѣкъ, какъ на зачинщиковъ, и князь велѣлъ ихъ повѣсить по проѣзжимъ дорогамъ. Когда, такимъ образомъ, князь утвердился въ Красной слободѣ, мятежные жители Троицкаго острога отправили въ Керенскъ просить къ себѣ Ваську, какъ выше сказано. Васька явился съ Керенцами, но былъ разбитъ, не доходя восьми верстъ отъ города, бросилъ мужиковъ и бѣжалъ въ Инсару, думая пробраться въ Саратовъ; но тутъ его обманомъ заманили и посадили въ тюрьму.

Съ тѣхъ поръ города и села сдавались одни за другими. 14-го декабря, Хитрово взялъ Керенскъ; 17-го декабря, князь Щербатовъ овладѣлъ Нижнимъ-Ломовымъ и послалъ рейтаръ и драгуновъ чинить промыселъ надъ Верхнимъ-Ломовымъ. Но Верхній-Ломовъ не далъ чинить надъ собою промыселъ: священники съ образами и крестами, а за ними и прочіе люди вышли на встрѣчу и били челомъ государю о помилованіи и поднесли под-

---

[1]) «Матер.» 108.

полковникамъ и майорамъ повинную челобитную. Князь Щербатовъ проговорилъ имъ нравоученіе, чтобъ впередъ такъ не дѣлали, и велѣлъ снова присягнуть въ церкви по чиновной книгѣ на вѣрность государю. Ломовцы выдали своихъ старшинъ: двухъ русскихъ и одного татарина: ихъ повѣсили. На другомъ концѣ, въ то-же время, Юрій Борятинскій усмирилъ уѣзды Атемарскій и Саранскій, взялъ Атемаръ, гнѣздо мятежниковъ, и, заставъ тамъ большое сборище, перевѣшалъ ихъ; потомъ разбилъ подъ Саранскомъ Мишку Харитонова и усмирилъ Саранскъ. 23-го декабря, покорилась Пенза. Туда пошли полки съ начальными людьми и сотни съ сотниками, и только что приблизились къ городу и готовились чинить промыслъ надъ ворами, какъ воры отворили ворота; оттуда вышло торжественное шествіе священниковъ съ крестами и иконами, а за ними и смиренные жилецкіе люди съ опущенными головами, предаваясь на волю карающей и милующей власти.

— Просимъ великаго государя смиловаться,—говорили они,— чтобъ онъ, великій государь, не велѣлъ насъ, жилецкихъ людей, посѣченію и разоренію предавать. Ихъ обнадежили милостью государевою, увѣрили, что останутся жить на своихъ мѣстахъ, и требовали выдачи зачинщиковъ. Пензенцы показали только на трехъ человѣкъ, да сами ратные люди нашли еще шесть московскихъ стрѣльцовъ, перебѣжавшихъ къ мятежникамъ. Но передъ тѣмъ большая толпа убѣжала изъ Пензы степью къ Саратову. Тридцать верстъ гнались за ними ратные люди, не догнали и слѣда не сыскали.

Въ концѣ декабря и въ началѣ января усмиренъ былъ Тамбовскій уѣздъ [1]).

Села покорялись одни за другими. Повсюду творилось это однообразно. Жители приносили повинную и обыкновенно увѣряли, что они воровали поневолѣ, хотя часто неправдоподобіе такой отговорки было очень явно. Они выдавали зачинщиковъ, которыхъ воеводы тотчасъ допрашивали, потомъ вѣшали,

---

[1]) «Матер. для ист. возм. Стен. Раз.» 69—188, 264—268.

инымъ рубили руки и ноги и пускали на страхъ прочимъ; менѣе виновныхъ, которыхъ было безчисленное множество, пороли кнутомъ; наконецъ, вообще всѣхъ приводили къ присягѣ, а язычниковъ и мохаммеданъ къ шерти; воровскія письма, волновавшія умы, собирали и отправляли въ Москву въ казанскій дворецъ. Тогда, какъ показываютъ нѣкоторые акты, начальники насильно обращали мятежниковъ себѣ въ холопы, по общему понятію, что военноплѣнный дѣлался холопомъ того, кто его взялъ на войнѣ. Но правительство запрещало это подъ крѣпкимъ страхомъ, и приказывало въ разныхъ городахъ воеводамъ, а на дорогахъ заставнымъ головамъ, останавливать всѣхъ, кто будетъ ѣхать съ плѣнниками и возвращать послѣднихъ на мѣста жительства, на счетъ тѣхъ, которые ихъ везли съ собою [1]).

Вообще въ этихъ мѣстахъ въ народѣ было большое сочувствіе къ возстанію; скоро вспыхивали бунты; ничего не стоило взять городъ, овладѣть пушками; но не было ни порядка и энергіи, ни храбрости въ нестройныхъ толпахъ самозванныхъ казаковъ. Отважны они были только тогда, когда приходилось убить обезоруженнаго воеводу или господина, либо господскаго приказчика, и ограбить чужое достояніе; но какъ скоро являлся вооруженный отрядъ, особенно солдаты и рейтары, съ лучшимъ устройствомъ — мужики не выдерживали, часто сдавались безъ боя и хотѣли спасти жизнь отдачею на казнь тѣхъ, которые ихъ взбунтовали. Не разъ послѣ того распространялся ложный слухъ, что Стенька снова явился въ жилыхъ предѣлахъ украинныхъ городовъ—и мятежъ оживалъ; мужики, забывъ присягу, опять составляли шайки и опять сдавались и спасали себя казнью собратій, когда являлись къ нимъ ратные люди.

Въ то время, когда такъ волновались жители около-волжскаго пространства, братъ Стеньки, Фролка, поплылъ вверхъ по Дону и напалъ на Коротоякъ; но, по извѣщенію коротояцкаго воеводы, князь Ромодановскій, стоявшій съ военными силами въ Острогожскѣ, поспѣшилъ туда на помощь въ пору. Го-

[1]) Допол. VI, 63.

сударевы ратные люди не только отбили приступъ воровскихъ казаковъ, но такъ ихъ поразили, что тѣ побросались въ свои струги и будары и побѣжали внизъ. Въ это самое время, когда Ромодановскій былъ въ Коротоякѣ, въ Острогожскѣ, имъ оставленномъ, вспыхнуло возмущеніе. Этотъ городокъ былъ основанъ въ 1652 году Волынцами: тысяча человѣкъ пришли тогда на берега Тихой Сосны, послѣ берестечскаго пораженія, искать новаго отечества и основали Острогожскъ. Онъ имѣлъ казацкое устройство и составлялъ съ другими пятью городами область Слободской Украины. Полковникомъ былъ тогда Иванъ Степановичъ Дзинковскій, сподвижникъ Хмельницкаго, приведшій казаковъ на новоселье. Впродолженіе восьмнадцати лѣтъ, служилъ онъ вѣрно царю, а теперь казакъ соблазнился воззваніями Стеньки, старался возмутить своихъ подчиненныхъ, утопилъ воеводу Тимоѳея Панютина и болѣе ничего не могъ сдѣлать. Вѣрный царю, сотникъ Герасимъ Карабутъ, при содѣйствіи троицкаго протопопа, успокоилъ казаковъ и связалъ Дзинковскаго: его посадили въ тюрьму съ главными одномышленниками. Жена Дзинковскаго послала изъ Острогожска одного казака на Донъ къ воровскимъ казакамъ и умоляла поспѣшить къ Острогожску па выручку. Кузнецъ попался въ руки ратныхъ людей съ письмомъ своей пани; измѣнникъ Ивашка Дзинковскій положилъ голову на плаху, а жена раздѣлила съ нимъ ту же участь за то, что хотѣла спасти его [1]).

Возстаніе отзывалось и въ другихъ слободскихъ полкахъ. Эмиссары Стеньки успѣли было разсѣять между жителями возмутительныя письма и взволновали Чугуевъ; бунтъ распространился и на другія мѣстности, но былъ укрощенъ содѣйствіемъ вѣрнаго сумскаго полковника Кондратьева [2]).

Также безполезно отозвалось возстаніе на сѣверѣ за Волгою, въ Галицкомъ уѣздѣ. Мятежники, гонимые съ Нагорной стороны, перешли на Луговую. Предводитель ихъ былъ воровскій ка-

---

[1]) Допол. VI, 61.

[2]) «Матер. возм. Стен. Раз.» «Русск. Бес.» 1857 т. 2, стр. 72.

закъ Ильюшка. Онъ напалъ на Унжу, разбилъ тюрьму, освободилъ преступниковъ и, странствуя съ ними, возмущалъ села и деревни, пока не былъ пораженъ отрядомъ ратныхъ людей [1]).

Подобнымъ образомъ, скитались повсюду еще нѣсколько времени остатки мятежныхъ шаекъ, мало по малу попадаясь въ плѣнъ своимъ преслѣдователямъ. Ими-то, вѣроятно, была сложена заунывная пѣсня, которую поютъ до сихъ поръ:

Ахъ туманы вы, мои туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Какъ печаль-тоска, ненавистные!
Не подняться вамъ, туманушки, со синя моря долой,
Не отстать тебѣ, кручинушка, отъ ретива сердца прочь!
Ты возмой, возмой, туча грозная!
Ты пролей, пролей, частъ—крупенъ дождикъ!
Ты размой, размой земляну тюрьму,
Чтобъ тюремнички—братцы разбѣжалися,
Во темномъ бы лѣсу собиралися!
Во дубравушкѣ, во зелененькой,
Ночевали тутъ добры молодцы;
Подъ березонькой они становилися,
На восходъ Богу молилися,
Красну солнышку поклонилися;
«Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Надъ горой взойди, надъ высокою,
Надъ дубравушкой, надъ зеленою,
Надъ урочищемъ добра-молодца,
Что Степана свѣтъ Тимоѳеевича,
По прозванью Стеньки Разина.
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрѣй ты насъ, людей бѣдныихъ,
Добрыхъ молодцевъ, людей бѣглыихъ.
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички,
Эсауловы все помощнички.

[1]) «Матер.» 186—188.

Мы весломъ махнемъ—корабль возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ—караванъ собьемъ,
Мы рукой махнемъ—дѣвицу возьмемъ».

Волненіе достигло и Соловецкой обители, гдѣ собралось уже скопище раскольниковъ, противниковъ никоновской реформы богослужебнаго текста, возбужденныхъ толками Лазаря и Аввакума. Казаки Стеньки проникли туда и нашли готовый запасъ для бунта. «Постойте, братіе, за истинную вѣру (говорили они), не креститесь тремя перстами: это антихристова печать»! Они говорили такъ, только притворяясь (замѣчаетъ современникъ), чтобы вкрасться къ раскольникамъ въ довѣренность, а на самомъ дѣлѣ думали о томъ, чтобъ ограбить монастырь и самую братію побить. Будучи приняты съ участіемъ, они отстранили иноковъ и бѣльцовъ отъ дѣлъ, избрали начальниками свою братію Ѳаддейку Кожевника да Ивашку Сарафанова, и не только учили не повиноваться церкви, но и не считать царя государемъ [1]) Послѣ разбитія Разина, шайки ихъ въ Соловецкомъ увеличились тѣми, которые спасались отъ казни.

Наконецъ, и въ другихъ мѣстахъ—повсемѣстно на Руси —оказывались слѣды волненія; и еслибъ несчастіе Стеньки Разина не дало дѣлу другаго оборота, вѣроятно, эти слѣды не остались бы слабыми. Когда Долгорукій и подчиненные ему воеводы усмиряли мятежъ въ околоволжскомъ краю, вездѣ народъ выжидалъ, что̀ будетъ дальше, и таилъ свое сочувствіе къ предводителю бунта. «Воры и мятежники (говоритъ современникъ) возмутили людей боярскихъ и прельстили ихъ сатанинскою прелестью ненависти къ боярамъ: отецъ на сына, сынъ на отца, братъ на брата, другъ на друга выходили съ оружіемъ и бились до смерти; единоплеменники угождали ворамъ и были рады, когда слышали ложь, которую тѣ распускали. Разнесется вѣсть, что воры государевыхъ ратныхъ людей побили—и люди этому радовались; а скажутъ только, что ратные люди государевы во-

---

[1]) «Опис. Солов. Обит.» 151.

ровъ побили—и станутъ люди унылы лицомъ и печалятся о погибели воровъ, ибо воры, обманывая людей, говорили имъ: мы идемъ бояръ побить, а вамъ, добрымъ людямъ, дадимъ жить многіе льготные годы, и все народъ обманывали» [1]). Въ другихъ мѣстахъ отправленные Стенькою зажигатели обращали въ пепелъ селенія и потомъ возбуждали къ мятежу лишенныхъ крова и состоянія [2]); народъ страдалъ отъ Стеньки, страдалъ и отъ воеводъ. Современникъ-иностранецъ [3]) говоритъ, что впродолженіе этой ужасной зимы царскіе воеводы съ ратными людьми, укрощая возмущеніе, безъ жалости сожигали села и деревни, умерщвляли, безъ разбора, людей, обращали въ рабство, и такимъ образомъ, погибло до ста тысячъ народа, не считая казненныхъ по суду.

XV.

Симбирская катастрофа навсегда погубила дѣло, предпринятое Стенькою. До тѣхъ поръ ему служило счастье, все удавалось, и онъ оправдывалъ вѣрованіе въ свою сверхъестественную силу. Послѣ Симбирска, въ равной степени, шли неудачи за неудачами; обаяніе разсѣявалось. Онъ покинулъ возбужденную имъ чернь: ему заплатили теперь тѣмъ же. Когда онъ съ своими казаками, спасаясь отъ пораженія, присталъ къ Самарѣ, Самарцы не впустили его въ городъ; также и въ Саратовѣ, который такъ недавно сдался ему безъ боя. Стенька прибылъ въ Царицынъ и нѣсколько времени оправлялся отъ ранъ, полученныхъ подъ Симбирскомъ: онѣ, видно, были тяжелы, кода могли свалить такую натуру; но нравственное пораженіе было сильнѣе. Уже зимою Стенька съ горстью своихъ вѣрныхъ Донцовъ

---

[1]) «О бунтѣ Стен. Раз.», ежем. изд. акад. 1763, ноябрь 420.
[2]) «Stephan Razin». 24.
[3]) Relation. 20.

и Царицынцевъ прибылъ въ Качалинскій городокъ и принялся поправлять испорченное дѣло. Онъ написалъ въ Астрахань, чтобъ его сообщники готовились выступить снова, а между тѣмъ хотѣлъ поднять Донъ; но въ его отсутствіе устроивали ему на Дону гибель.

Атаманъ Корнило Яковлевъ умѣлъ удержаться въ опасное время всеобщаго волненія и искусно увертывался между двумя противными сторонами. Не отвѣдалъ онъ донскаго дна отъ мятежниковъ, которые немилосердно истребляли все, что было противъ нихъ, и не попалъ подъ веревку во время всеобщей расправы. Къ сожалѣнію, время не сохранило подробностей поведенія этого замѣчательнаго лица, и невозможно вполнѣ понять и изобразить этотъ недюжинный характеръ. Когда Стенька съ своею шайкою оставилъ Донъ, Корнило тайно отправилъ въ Москву товарища утопленнаго Евдокимова, но не послалъ никакой отписки, а только велѣлъ словесно объявить обо всемъ. Онъ былъ окруженъ партіею Стеньки и долженъ былъ потакать ей. Вслѣдъ затѣмъ, прибыло съ Дона въ Москву посольство. Это былъ атаманъ Иванъ Аверкіевъ съ товарищами, числомъ двѣнадцатью. Они увѣряли въ преданности казаковъ царю, но имъ не вѣрили и сослали въ Холмогоры [1]. Какъ видно, самъ Корнило показывалъ видъ, что смотритъ несовсѣмъ-неодобрительно на мятежъ: въ царской грамотѣ, объявлявшей во всеобщее свѣдѣніе о поступкахъ донскихъ казаковъ, во время бунта Разина [2]), сказано, что «Корнило Яковлевъ съ товарищи, которые съ нимъ (Стенькою) въ томъ зломъ умыслѣ были, отложа всякій страхъ, пришли на истину». Но въ самомъ дѣлѣ, Корнило былъ глава партіи домовитыхъ и зажиточныхъ, оставался всегда врагомъ Стеньки и даже тогда, когда удачи въ Астрахани обѣщали грядущее торжество замысламъ мятежниковъ, старался расположить казаковъ на сторону престола и закона, но не успѣлъ и долженъ былъ покоряться всеобщему направленію умовъ, надѣясь

---

1) «Матер.» 205.
2) Доп. VI, 70,

дождаться благопріятнаго времени. Въ сентябрѣ, станичный эсаулъ Артемій Михайловъ привезъ царскую грамату, гдѣ царь уговаривалъ казаковъ не приставать на сторону богоотступника Стеньки и пребывать въ вѣрности государю. Корнило, стоя въ кругу, прослезился и сказалъ:

— Братцы-казаки! согрѣшили мы предъ Богомъ: отступили мы отъ святой христіанской вѣры и соборной апостольской церкви. Пора бы намъ покаяться и отложить свою дурость, а служить государю вѣрою и правдою, какъ наши отцы служили.

Замѣтивъ, что на нѣкоторыхъ эти слова дѣйствовали, Корнило въ другой и въ третій разъ заговорилъ въ томъ же смыслѣ; приверженцы его, значные казаки, отвѣчали:

— Правда твоя, атаманъ; пошлемъ станицу къ великому государю; принесемъ ему повинную!

Они, было, выбрали станичнаго атамана Родіона Калужнина, но сторонники Стеньки, которые назывались, вѣрно, въ противоположность другимъ, волжскіе казаки, закричали:

— Зачѣмъ посылать въ Москву станицу? Али захотѣлъ въ воду?

Потомъ они напустились на эсаула, который привезъ грамату, за то, что прибылъ изъ Валуйки съ провожатыми оттуда.

— Для чего вы брали вожа и провожатыхъ? Нешто сами дороги не знаете? Видимъ, видимъ, зачѣмъ вожъ и провожатые съ Валуйки отпущены: чтобъ у насъ вѣсти проповѣдывать!

Корнило долженъ былъ уступить, и станица не была послана [1]).

Но когда Стенька прибылъ на Донъ, не побывавъ наверху у государя, въ Москвѣ, какъ обѣщалъ, не истребивъ бояръ, какъ надѣялись, но, разбитый боярами, покинувъ на кару соблазненный народъ, тогда Корнило сталъ дѣйствовать противъ него рѣшительнѣе и успѣшнѣе отвлекалъ отъ него сторонниковъ. Весь Донъ сталъ настроенъ противъ Стеньки. Напрасно Стенька разсылалъ по станицамъ свои воровскія письма: бѣглецы

[1]) «Матер.» 192.

изъ Московщины, которые прежде въ такомъ множествѣ толпились на Дону и составляли главную силу мятежнаго полчища, уже прежде были имъ выведены съ Дона, а настоящіе казаки не хотѣли отважиться на дѣло, которое уже разъ было проиграно и, по всѣмъ вѣроятіямъ, не могло удасться въ другой разъ. Участіе Донцовъ въ поджогѣ мятежа въ Московскомъ государствѣ, при новой неудачѣ, могло навлечь ожесточеніе противъ казачества со стороны русскаго правительства и побудить его къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Донцы вспомнили, что они русскіе, хотя всегда признавали себя особымъ народомъ отъ великорусскихъ крестьянъ. Стенькины воззванія возбуждали не только холодность, но и вражду. Въ неистовой досадѣ, Стенька попавшихся ему въ руки нѣсколькихъ противниковъ жегъ въ печи, вмѣсто дровъ [1]).

Зная, что главный врагъ его — Корнило Яковлевъ, а зерно его партіи — въ Черкасскѣ, Стенька, въ февралѣ, отправился къ Черкасску. Сначала ласково, потомъ съ угрозами онъ требовалъ впустить его въ городъ. Ему отказали. Переговоры продолжались недѣлю. Черкасскъ былъ укрѣпленъ. Стенькины силы были недостаточны. Въ послѣдній разъ послалъ онъ сказать, что придетъ снова и тогда побьетъ и изведетъ всѣхъ, а вслѣдъ затѣмъ самъ отошелъ для того, чтобъ набирать въ верховыхъ станицахъ товарищей и, можетъ быть, двинуть своихъ сообщниковъ изъ Астрахани.

Освободившись отъ посѣщенія, Корнило Яковлевъ послалъ въ Москву станицу, извѣщалъ о нападеніи Стеньки на Черкасскъ, о его варварскихъ казняхъ надъ противниками, и просилъ прислать войска для защиты Черкасска и для истребленія гнѣзда мятежниковъ. Видно, Стенька тогда возбудилъ противъ себя большую вражду въ Черкаскѣ; донскіе казаки никогда не рѣшались приглашать къ себѣ московскія войска: это было противно ихъ постоянному желанію сохранить свою льготность и независимость отъ власти.

---

[1]) Дон. VI, 71.

Царь, получивъ такое извѣстіе въ первую недѣлю великаго поста, пригласилъ къ себѣ патріарха Іосифа, съ святителями и говорилъ:

— Нынѣ вѣдомо стало отъ донскихъ казаковъ, которые пришли въ Москву просить милости и отпущенія вины своей, что, по многому долготерпѣнію Божію, воръ Стенька отъ злобы своей не престаетъ и на святую церковь воюетъ тайно и явно, и православныхъ христіанъ тщится погубить пуще прежняго, и творитъ такое, чего и бусурманы не чинятъ: православныхъ людей жжетъ вмѣсто дровъ; и мы, великій государь, ревнуя поревновахъ по Господѣ Бозѣ Вседержителѣ, имѣя усердное попеченіе о святой Его церкви, за помощію того Бога терпѣть ему вору не изволяемъ; и вы бъ, отецъ и богомолецъ и великій господинъ, святѣйшій Іосифъ, патріархъ московскій и всея Руси, со священнымъ соборомъ совѣтъ свой предложили.

Патріархъ отвѣчалъ:

— По данной намъ отъ Бога благодати, не терпя святой Божіей церкви въ поруганіи и православныхъ христіанъ въ погубленіи, мы, смиренные пастыри словеснаго христова стада и блюстители его закона, того вора Стеньку отъ стада христова и отъ святой церкви, какъ гнилой удъ отъ тѣла, отсѣкаемъ и проклинаемъ!

Всѣ святители повторили то же, и въ тотъ же день, установленный церковью на поклоненіе святымъ иконамъ, на воспоминаніе преждебывшихъ благочестивыхъ царей и князей и всѣхъ православныхъ христіанъ, а еретикамъ и богоотступникамъ, и поругателямъ святой Божіей церкви, и мучителямъ христіанъ на вѣчное проклятіе, послѣ литургіи, священный соборъ возгласилъ *анаѳема* вору и богоотступнику, и обругателю святой церкви, Стенькѣ Разину, со всѣми его единомышленниками.

Немедленно послали на Донъ Корнилу Яковлеву приказаніе чинить промыселъ надъ Стенькою Разинымъ и доставить его въ Москву на расправу, а бѣлгородскому воеводѣ, князю Ромода-

новскому, велѣно отправить на Донъ стольника Косогова съ тысячью человѣкъ выборныхъ рейтаръ и драгунъ [1]).

XVI.

Выше сказано, что, когда Стенька отправился подъ Симбирскъ, въ Астрахани остался начальствовать атаманомъ Васька Усъ, или Чертоусъ, и съ нимъ двое старшинъ, Иванъ Терскій и Ѳедоръ Шелудякъ. Васька Усъ былъ главный атаманъ донскихъ казаковъ, овладѣвшихъ Астраханью, намѣстникъ батюшки Степана Тимоѳеевича, и представлялъ собою верховную власть, а послѣдніе были старшины надъ Астраханцами, которые, сверхъ этихъ старшинъ, имѣли еще подначальныхъ послѣднимъ: есауловъ, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, какъ водилось на Дону, въ казачествѣ. Терскій присталъ къ мятежникамъ подъ начальствомъ Васьки Кабана, присланнаго съ шайкою изъ Астрахани.

Чрезъ нѣсколько времени, городовое начальство въ Астрахани перемѣнилось. Астраханцы, по сознанію Ѳедьки Шелудяка, впослѣдствіи, поссорились съ нимъ за ограбленные животы и хотѣли было его убить. Онъ убѣжалъ въ Царицынъ. Иванъ Терскій ушелъ на Донъ. Старшинами были выбраны Иванъ Красулинъ, бывшій стрѣлецкимъ головою, и Обаимко Андреевъ [2]).

Вскорѣ послѣ отхода Стеньки, 3-го августа, произошло въ Астрахани кровопролитіе: покончили еще нѣсколько уцѣлѣвшихъ въ первые дни рѣзни и отмѣченныхъ народною ненавистью. Въ числѣ ихъ былъ государевъ дворцовый промышленникъ Иванъ Турчаниновъ. Спасаясь отъ гибели, онъ спрятался въ палатахъ митрополита. Мятежники искали его тамъ и не нашли, и разъяренные на архипастыря за то, что скрываетъ осужден-

---

[1]) Доп. VI, 64, 71. «Пол. Собр. Зак.» I, 864.
[2]) «Акт. Истор.» IV, 403.

ныхъ злобою толпы, ворвались къ нему съ неистовствомъ и кричали:

— Ты угождаешь боярамъ, а не намъ; коли такъ, такъ и тебѣ не уцѣлѣть, и людей твоихъ домовыхъ всѣхъ перебьемъ.

Вдоволь набуянивши, они ушли, а приказные и домовые люди митрополита сошлись около своего владыки.

— Нынѣ, ночью,—сказалъ онъ:—было мнѣ видѣніе; вижу: стоитъ палата вельми чудна и украшена; въ той палатѣ сидитъ предоблій бояринъ Іоаннъ Семеновичъ и съ нимъ сынъ его Борисъ Ивановичъ и братъ Михайло Семеновичъ; и сидятъ они всѣ трое вмѣстѣ, и пьютъ питіе, сладкое паче меда, а надъ главами ихъ сіяютъ златые вѣнцы, украшенные каменіемъ многоцѣннымъ. Велѣли они и мнѣ сѣсть въ той же палатѣ, только не съ ними вмѣстѣ а поодаль, а питья мнѣ не дали; говорятъ промежь себя: онъ еще къ намъ не поспѣлъ.

Разсказавъ это, архипастырь вздохнулъ и произнесъ: «Еще не пришелъ часъ мой!» [1]). И долго онъ плакалъ, тряся головою. У него постоянно тряслась голова. Когда онъ былъ еще восьми лѣтъ и жилъ въ Астрахани, мѣстѣ своей родины, тогда Астрахань была въ рукахъ Марины и Заруцкаго; казаки ударили восьмилѣтняго мальчика по головѣ, и оттого тряслась у него голова до настоящаго времени [2]).

Время проходило. Стенька былъ разбитъ и бѣжалъ. Его сообщники, одни за другими, бросали непривычное оружіе и расплачивались за свое увлеченіе висѣлицами, кнутами и присягами. Царскія милостивыя граматы повсюду приглашали мятежниковъ къ повиновенію и обнадеживали ихъ прощеніемъ.

2-го ноября, къ митрополиту явился Татаринъ Енмаметъ Мурза Енаевъ съ табунными головами и съ татарскими сотниками, и вручилъ царскую грамату. Ее тайно привезъ узденъ черкесскаго князя Каспулата Муцаловича, постоянно вѣрнаго слуги Россіи. 3-го ноября, послѣ заутрени, еще за два съ поло-

---

[1]) «Матер.» 256.
[2]) Ibid. 260.

виною часа до свѣта, митрополитъ призвалъ къ себѣ своего сына боярскаго, Петра Золотарева, прочиталъ ему грамату и со слезами сказалъ:

— Великъ и милостивъ государь, долготерпѣливъ и ждетъ обращенія измѣнниковъ. Возьми эту грамату и спиши съ ней три списка: если воры отымутъ у меня подлинную грамату, то останутся списки; одинъ списокъ положу въ соборной церкви въ алтарѣ, другой — въ домовой церкви, а третій — у себя оставлю.

Петръ Золотаревъ списалъ одинъ списокъ и сталъ съ него списывать еще два, а митрополитъ позвалъ своего ключаря, Ѳедора Негодяева, показалъ ему грамату и сказалъ:

— Спиши списокъ съ этой граматы и ступай съ нимъ къ вознесенскому игумену Сильвестру, возьми его съ собою и иди съ нимъ къ эсаулу Андрею Лебедеву съ товарищами его; уговаривайте его, чтобъ онъ также свою братью воровъ уговаривалъ; а какъ настанетъ день, я прикажу заблаговѣстить и созову всѣхъ астраханскихъ людей, чтобъ увѣдали они милость государскую.

Ключарь отправился къ вознесенскому игумену Сильвестру, взялъ его съ собою, и оба пошли къ эсаулу. Между тѣмъ, разсвѣтало и благовѣстъ въ соборѣ оглашалъ народу что-то важное, необыкновенное. Но только немногіе шли въ церковь по этому зову: всѣ тогда находились подъ страхомъ произвола атамана и старшинъ. Понявъ, что благовѣстъ призываетъ не къ обычному богослуженію, одни вовсе не выходили изъ домовъ, другіе же спѣшили не въ церковь, а на атаманскій дворъ принять отъ атамана приказъ, какъ поступать въ предстоящемъ случаѣ; а дворъ атаманскій въ Астрахани тогда былъ мѣстомъ народнаго собранія.

Эсаулъ Лебедевъ, вмѣсто того, чтобъ объявить своей братьи такъ, какъ наказывалъ митрополитъ, пришелъ также во дворъ и сказалъ казакамъ:

— Митрополитъ, по наущенію бояръ, съ своими попами да съ дворовыми людьми, да съ дѣтьми боярскими, складываетъ

какія-то граматы и хочетъ насъ всѣхъ руками отдать боярамъ.

Васька Усъ не пошелъ въ церковь, а послалъ туда другихъ.

По приказанію митрополита, ключарь облачился въ священническую одежду и сталъ на амвонѣ. Митрополитъ стоялъ подлѣ него и всенародно вручилъ ему грамату.

Ключарь началъ читать ее. Грамата была невелика: всего на одномъ столбцѣ написана мелкимъ письмомъ и отправлена изъ казанскаго дворца. Въ ней государь велѣлъ уговаривать мятежниковъ, чтобъ воры и клятвопреступники, астраханскіе жители, принесли вины свои Богу и великому государю, и добили ему челомъ, и чтобъ также донскіе казаки принесли вины свои государю.

Прочитавъ грамату, священникъ отдалъ ее въ руки архипастыря, а митрополитъ сталъ-было, сообразно граматѣ, уговаривать мятежниковъ; но они съ мрачнымъ лицомъ выслушавъ грамату, не дали митрополиту проповѣдывать и бросились на него съ крикомъ:

— Подай, подай сюда грамату! и вырвали ее у него изъ рукъ.

— Еретики! клятвопреступники! измѣнники! загремѣлъ митрополитъ.

— Чернецъ ты этакой! кричали мятежники:—зналъ бы ты свою келью! А тебѣ что за дѣло до насъ?

— Знаешь ли ты раскатъ? спрашивали другіе.

— Посадить его въ воду! кричали третьи.

— Нѣтъ, въ заточенье его! говорили четвертые.

Они отправились съ граматою къ атаману.

На другой день, мятежники пришли на митрополичій дворъ и увели съ собою ключаря. Ему связали назадъ руки, поставили въ кругу и начали бить палкою, приговаривая:

— Говори, кто грамату писалъ! Сознавайся, что вы, попы, съ митрополитомъ да съ домовыми дѣтьми боярскими, сами ее сложили.

— Нѣтъ, говорилъ ключарь: — грамата прямая, государева грамата, изъ Москвы прислана.

— А есть у митрополита съ этой граматы списки?

Ключарь не вытерпѣлъ побоевъ и сознался, что митрополитъ оставилъ у себя три списка съ этой граматы.

— Побрать у него всѣ списки, чтобъ не смущалъ народа! рѣшили въ кругѣ и на другой день, послали къ митрополиту эсаула. Упорствовать было невозможно: эсаулъ требовалъ списки нечестью, и митрополитъ отдалъ всѣ.

Прошла зима. Возстаніе, произведенное Стенькою въ украинныхъ городахъ, улеглось. Астрахань продолжала управляться его сообщниками. Они не унывали. Ѳедька Шелудякъ помирился съ Астраханцами и изъ Царицына собирался отправляться по Волгѣ вновь раздувать потухшій огонь бунта. Исходилъ великій постъ. Въ день великой пятницы, 21-го апрѣля, явился къ митрополиту астраханскій стрѣлецъ Ганка Ларіоновъ Шелудякъ съ Татарами, и сказалъ:

— Юртовскіе Татары привезли изъ Москвы государеву грамату и стоятъ за Волгою; не смѣютъ они въ городъ войти.

Митрополитъ очень обрадовался. Онъ зналъ, что, рано или поздно, законная власть возвратитъ себѣ Астрахань, но желалъ достичь этого путемъ мирнымъ и счастливымъ для Астраханцевъ. Онъ любилъ свою родину и хотѣлъ, чтобъ земляки его не пострадали и избавились отъ убійствъ и разореній—неминуемыхъ слѣдствій насильственнаго взятія города. Онъ призвалъ къ себѣ соборнаго священника Іоанна и сказалъ:

— Еще не истощилось милосердіе великаго государя. Иди, вмѣстѣ съ человѣкомъ, извѣстившимъ насъ о царской грамотѣ, къ воровскимъ астраханскимъ старшинамъ, Ивану Красулину и Обаиму Андрееву, и скажи имъ, что государь опять прислалъ милостивую грамоту; пусть они обратятся къ истинѣ и придутъ ко мнѣ для совѣта.

Священникъ пошелъ и, чрезъ нѣсколько времени воротившись снова къ митрополиту, сказалъ:

— Старшины стоятъ на базарѣ; тамъ много народа; я звалъ ихъ, но они не пошли.

— Такъ я самъ къ нимъ пойду, — сказалъ митрополитъ, и, опираясь на свой пастырскій посохъ, пошелъ пѣшкомъ изъ крем-

ля, черезъ Пречистенскія ворота, въ Бѣлый-Городъ, гдѣ собирался базаръ. Тогда была большая торговля на рынкѣ, какъ обыкновенно бываетъ передъ большими праздниками.

Увидя владыку, народъ, естественно, столпился около него. Онъ говорилъ:

— Православные христіане! Мнѣ учинилось вѣдомо, что есть къ вамъ милость великаго государя, его государева призывная грамота; татары привезли ее и стоятъ за Волгою, а я не смѣю принять отъ нихъ государеву грамоту, потому что вы меня первою государевою грамотою поклепали, будто я самъ съ властями да съ попами ее сложилъ и писалъ у себя дома. Поѣзжайте сами, возьмите и привезите мнѣ. А великій государь многомилостивъ: вины вамъ отдастъ.

Тутъ подошли старшины и закричали на народъ:

— Не смѣйте безъ атамана!

— Мы не смѣемъ безъ атамана... съ робостью повторили тѣ, которые внутренно готовы были исполнить порученіе митрополита.

Митрополитъ отправился назадъ и, при дверяхъ собора встрѣтили его атаманъ Васька Усъ и эсаулъ Топорокъ. Вѣроятно, услышавъ, въ чемъ дѣло, они шли къ нему. Между ними завязалась перебранка. Дерзокъ былъ на рѣчи и Васька Усъ, но Топорокъ еще задористѣе. Онъ такъ раздражилъ митрополита, что тотъ замахнулся на него посохомъ и крикнулъ:

— Воръ ты, врагъ окаянный, еретикъ баззаконный!

Казаки подняли шумъ и крикъ, наконецъ, обругавъ митрополита, ушли отъ него.

На другой день, въ великую субботу, утромъ, явился къ митрополиту эсаулъ.

— Подай грамату!—сказалъ онъ.

— У меня нѣтъ граматы; она за Волгой у татаръ, — отвѣчалъ митрополитъ.

Другой разъ пришли къ нему и сказали:

— Если ты не отдашь граматъ, такъ мы всѣхъ людей твоихъ побьемъ и самому тебѣ отъ насъ достанется.

— Государевы граматы,— отвѣчалъ архипастырь,— у татаръ за Валгой. Пошлите за ними сами, кого знаете, и возьмите.

Казаки составили кругъ и рѣшили послать за граматами. Ѣздилъ за ними Иванъ Овчинниковъ и привезъ въ двѣнадцать часовъ въ соборную церковь. За нимъ пріѣхалъ туда и Васька Усъ съ старшинами.

— Видите,—сказалъ митрополитъ,—я не составлялъ самъ. При васъ распечатаю.

Онъ распечаталъ граматы при атаманахъ. Они глядѣли пристально. Потомъ митрополитъ приказалъ читать вслухъ.

Но атаманъ и старшины перебили его и сказали:

— Намъ здѣсь нечего дѣлать. На то есть у насъ кругъ. Мы пойдемъ въ кругъ.

И вышли изъ собора.

Митрополитъ взялъ съ собою священниковъ, дѣтей боярскихъ и дворовыхъ людей и отправился за ними въ кругъ, держа въ рукахъ двѣ граматы.

Онъ велѣлъ читать ихъ соборному протопопу Іоанну. Сначала прочитана была грамата къ астраханцамъ и отдана Ивану Красулину, какъ городовому старшинѣ; потомъ прочитана другая, къ митрополиту. Обѣ были слово въ слово сходны.

По прочтеніи граматъ, голоса закричали:

— Вольно имъ писать — боярамъ самимъ! Коли бъ эта грамата была прямая государева, она была бы за красною печатью. А вося онъ, митрополитъ, самъ сложилъ ее съ властями да съ попами.

— Эхъ, тужитъ по немъ раскатъ!—говорили другіе.

— Да еще осталось до того раската! — подхватили третьи. Не тѣ дни теперь захватили, а то-бъ онъ узналъ у насъ, какъ атаманы молодцы смуту чинятъ! вся бѣда и смута отъ него: онъ переписывается и съ Терекомъ, и съ Дономъ; по его письмамъ и Терекъ, и Донъ отъ насъ отложились!

Какъ ни зловѣщи были эти угрозы, но митрополитъ не испугался и, обратившись къ Астраханцамъ, говорилъ:

— Астраханскіе жители! велѣно по граматѣ великаго государя перехватать донскихъ воровъ и посадить въ тюрьму до указа великаго государя, а вамъ принести свою вину великому государю. Онъ, государь, многомилостивъ, вины вамъ отдастъ, а вы положитесь на меня; я стою за тѣмъ, что государь васъ, окаянныхъ, ничѣмъ не велитъ тронуть.

Казаки съ бѣшенствомъ подошли къ нему и кричали:

— Какъ? воровъ донскихъ? Кого намъ хватать? Кого намъ сажать въ тюрьму? Мы всѣ вѣдь воры. Возьмите-ка,—кричали они потомъ,—возьмите-ка самого митрополита, да посадите въ каменную будку.

— Полно, полно! — останавливали другіе толпу, — теперь пристигла святая недѣля — не годится! Охъ, мы-бъ тебѣ дали память!

— Отдай мнѣ грамату! — сказалъ митрополиту Иванъ Красулинъ.

— Хоть бы пришлось мнѣ здѣсь и помереть, не отдамъ! — сказалъ митрополитъ. — У тебя есть такая жь государева грамата.

Уваженіе къ святой недѣлѣ въ народѣ помѣшало начальникамъ наложить въ то время руки на митрополита.

Прошла пасха. Какъ видно, нетерпѣливо ожидали ея конца враги митрополита, чтобъ приняться за него. Въ ѳомино воскресенье, послѣ обѣдни, составился кругъ. Атаманъ послалъ за ключаремъ. Онъ въ тотъ день только что отслужилъ обѣдню.

— Кто складывалъ эти граматы и кто писалъ ихъ? Признавайся!—говорили казаки.

— Складывать ихъ было невозможно, — сказалъ отецъ Ѳедоръ, — вы сами знаете, что онѣ не составныя, когда сами же взяли у татаръ, которые сюда ихъ привезли.

Онъ прибавилъ нѣсколько укорительныхъ выраженій. Казаки заволновались, и атаманъ приказалъ казаку Чесу повести священника за городъ и изрубить.

Приговоръ былъ исполненъ.

Кругъ не расходился. Потребовали еще двухъ митрополито-

выхъ дѣтей боярскихъ, Семена Трофимова и Ѳеодора Владыкина. Ихъ взяли очень неуважительно, притащили въ кругъ и начали допрашивать:

— Кто у васъ съ митрополитомъ складываетъ грамоты? кто съ московскими боярами списывается?

Дѣти боярскія стали было отрицать обвиненія, но казаки закричали:

— На васъ есть извѣтъ. Извѣщалъ намъ въ кругѣ казакъ Оська Серебренниковъ. Подайте сюда Оську!

Оську Серебренникова поставили въ кругъ. Оська Серебренковъ закричалъ громкимъ голосомъ:

— Вы съ вашимъ митрополитомъ, у него въ кельѣ, составляете ложныя воровскія письма, а митрополичьи люди вѣдаютъ про всякія письма, что митрополиту пишутъ, и откуда получаютъ!

— Пытать ихъ, жечь на огнѣ!—кричали въ кругѣ.

— Нѣтъ, изрубимъ ихъ!—говорили другіе.

— Въ воду посадить!—шумѣли третьи.

— Да что изъ того будетъ, что ихъ рубить и казнить? —отозвались четвертые. — Ихъ казнимъ, а у митрополита будутъ иные писцы; пора-бъ намъ приняться за самаго митрополита. Убьемъ-ка его, такъ у насъ, въ городѣ, смуты не будетъ.

Дѣтей боярскихъ посадили подъ караулъ, въ воротныхъ башняхъ, но чрезъ четыре дня отпустили.

Слыша, между тѣмъ, плохія для себя вѣсти, казаки составили приговоръ, гдѣ обязывались упорствовать въ своемъ дѣлѣ. Иванъ Красулинъ съ товарищами понесъ приговоръ митрополиту и требовалъ, чтобъ онъ подписалъ его.

Митрополитъ отвѣчалъ:

— Я такого воровскаго приговора не подпишу, а одно скажу вамъ: отстаньте вы отъ своего богопротивнаго воровства, обратитесь къ истинѣ и принесите повинную великому государю!

Онъ началъ поучать его, приводя доказательства изъ свя-

щеннаго писанія; но казаки отвѣчали невѣжливою бранью и ушли. Ненависть къ митрополиту усилилась.

Ѳедоръ Шелудякъ былъ тогда съ войскомъ въ Царицынѣ и узналъ подробнѣе, что Донъ рѣшительно отложился отъ ихъ партіи; Терекъ тоже. Отвсюду приходили вѣсти о паденіи ихъ дѣла. Между тѣмъ, изъ Астрахани написали къ нему о митрополитѣ. Онъ послалъ въ Астрахань казака, извѣщалъ казачій кругъ, что и самъ слышалъ, какъ митрополитъ имъ вредитъ, и приглашалъ казачество раздѣлаться съ нимъ.

11 мая, Астраханцы получили это извѣстіе и собрали кругъ. Старшинами были тогда: Иванъ Красулинъ, Дмитрій Яранецъ, да Ѳеофилъ Колокольниковъ. Они послали трехъ человѣкъ: Степана Севрина, астраханскаго посадскаго, и двухъ эсауловъ, Кабанова и Бешлѣева, звать митрополита.

Было время передъ обѣдней. Совершалась проскомидія. Митрополитъ былъ въ храмѣ.

Вошедши въ церковь, два эсаула сказали мотрополиту грубо:

— Иди въ кругъ: тебя зовутъ.

Къ этому они прибавили нѣсколько невѣжливыхъ выраженій.

Митрополитъ отвѣчалъ:

— Добро; пойду, только облачусь въ святительскую одежду.

Онъ вошелъ въ алтарь и сталъ облачаться, а посланные вышли изъ церкви и стали на паперти. Показалось имъ что-то долго.

— Что это?—сказалъ одинъ изъ нихъ,— митрополитъ ужь не заперся ли съ попами въ алтарѣ?

— Пойдемъ-ка въ кругъ,—сказалъ другой,— скажемъ, что нейдетъ, такъ и нечестью вытащатъ изъ церкви!

Но митрополитъ вдругъ вышелъ въ полномъ облаченіи, въ митрѣ, съ крестомъ въ рукахъ. За нимъ шли: его крестовый священникъ Ефремъ, священникъ съ его учуга Іосифъ, по прозванію Оселка, соборные священники и протодьяконъ. Раздался благовѣстъ въ большой колоколъ, сзывавшій всѣхъ приход-

скихъ священниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ пошли, но уже не были допущены въ кругъ, не успѣвъ пристать къ митрополиту; другіе попрятались: они предвидѣли, что добромъ не кончится.

Митрополитъ отправился въ казачій кругъ. Его съ священниками поставили посреди, передъ атаманомъ Ваською Усомъ, который стоялъ съ знаками своего достоинства.

Митрополитъ обратился къ нему и сказалъ:

— Зачѣмъ вы звали меня, воры и клятвопреступники?

Васька, вмѣсто отвѣта, обратился къ прибывшему отъ Шелудяка казаку Коченовскому:

— Что ты сталъ? Выступайся, съ чѣмъ пріѣхалъ отъ войска! Говори то перво!

Коченовскій говорилъ митрополиту:

— Я присланъ отъ войска съ рѣчами: ты, митрополитъ, переписываешься съ Терекомъ и съ Дономъ, и, по твоимъ письмамъ, Терекъ и Донъ отложились отъ насъ.

— Я съ ними не переписывался, — отвѣчалъ митрополитъ, — а хотя бы и переписывался, такъ это, вѣдь, не съ Литвою и не съ Крымомъ; я и вамъ говорилъ, и теперь говорю, чтобъ вы отъ воровства отстали и вины свои принесли великому государю.

Нѣсколько голосовъ завопили:

— Что онъ таитъ свое воровство, не переписывался будто? Какой правый человѣкъ! Что онъ пришелъ сюда, въ кругъ съ крестомъ? Мы вѣдь и сами христіане, а ты пришелъ будто къ невѣрнымъ.

— Снимайте съ него одежду, братцы! закричали злѣйшіе его враги.

Но тутъ одинъ казакъ, по имени Миронъ, выступивъ изъ круговаго ряда, заслонилъ собою митрополита и сказалъ:

— Что это вы, братцы? опомнитесь! на такой великій санъ хотите руки возложить! Намъ къ такому великому сану и прикоснуться нельзя!

Стоявшій близъ него казакъ Алексѣй Грузиновъ не далъ ему

продолжать: заревѣвъ неистово, кинулся онъ на Мирона, схватилъ за волосы и потащилъ за кругъ; за нимъ бросились другіе казаки, начали колотить Мирона и убили его, а потомъ опять сомкнулись въ кругъ, около митрополита.

Замѣчаніе убитаго Мирона пробудило въ казакахъ уваженіе къ святительскому облаченію. Они разсудили, что мучить и терзать митрополита можно, но прикоснуться къ его саккосу—точно грѣхъ.

— Вы!— кричали они на священниковъ,— снимайте съ митрополита санъ. Снимай ты!—крикнули они на отца Ефрема и толкали его.

Ефремъ не рѣшался тронуть митрополита, тѣмъ болѣе, что разоблачать была, и по церковному чину, не его обязанность.

— Берись ты!—кричали казаки на отца Іосифа.

Іосифъ приблизился; митрополитъ самъ снялъ съ головы митру, а съ груди панагію и отдалъ ему; но Іосифъ не зналъ, что ему дѣлать; руки его дрожали...

— Возьми крестъ! — сказалъ митрополитъ отцу Ефрему.— Приходитъ часъ мой! Прискорбна была душа моя даже до смерти днесь! Протодьяконъ Θедоръ! снимай санъ мой, разоблачай!

Протодьяконъ сперва не рѣшался, предвидя, для чего хотятъ его разоблачать. Митрополитъ сказалъ:

— Что ты сталъ? что не разоблачаешь? Уже пришелъ часъ мой!

Протодьяконъ снялъ омофоръ и отдалъ священнику.

— Продолжай! сказалъ митрополитъ, и протодьяконъ снялъ съ него саккосъ. Митрополитъ остался въ черной бархатной ряскѣ (подрясникѣ) съ открытой головою: его камилавка оставалась въ соборѣ. Отецъ Іосифъ накрылъ ему голову своею камилавкою.

— Теперь ступайте себѣ прочь; до васъ намъ нѣтъ дѣла! сказали казаки священникамъ.

Повели митрополита на зелейный дворъ (гдѣ хранился порохъ). Шло съ нимъ человѣкъ двадцать, а между ними палачъ князя Семена Львова, Ларка, которому прежде назначалось казнить

мятежниковъ, а на самомъ дѣлѣ пришлось казнить господъ. Сняли съ митрополита ряску, сняли потомъ другую и оставили его въ одной черной суконной свиткѣ, которую онъ носилъ вмѣсто рубахи; потомъ палачъ связалъ митрополиту руки и ноги, продѣлъ между рукъ и ногъ бревно и положилъ на огонь. Бѣглый солдатъ Семенъ Сука наступилъ ему на брюхо ногою и говорилъ:

— Скажи теперь, митрополитъ, съ кѣмъ ты переписывался?

Митрополитъ, вмѣсто отвѣта, лежа на огнѣ и стараясь заглушить страданія, громко читалъ молитву, прерывая ее проклятіями своимъ палачамъ.

Его повернули вверхъ спиною. Солдатъ началъ мять ему ноги. Потомъ допрашивали его объ имуществѣ.

— Говори, чьи у тебя животы?

— У меня ничьихъ животовъ нѣтъ, отвѣчалъ страдалецъ.

— А сколько у тебя казны?

— Всего полтораста рублей.

Обожженнаго, изувѣченнаго старика сняли съ огня, одѣли въ ряску и повели на казнь. Отъ страшной боли онъ едва могъ двигаться и пошелъ, хромая, потому-что солдатъ измялъ ему ногу. Алешка Грузиновъ поддерживалъ его.

— На раскатъ, на раскатъ! кричали казаки.

Митрополита вели черезъ то мѣсто, гдѣ только-что передъ этимъ былъ кругъ. Тѣло Мирона лежало неприбранное. Архипастырь наклонился къ нему и осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ. Поравнялись съ соборомъ. Митрополитъ помолился, прося у Бога твердости испить послѣднюю чашу. Наконецъ, Грузиновъ и его товарищи взвели его на высоту раската и посадили на краю, свѣсивъ ноги, къ востоку, прямо противъ собора. Алешка сталъ его толкать.

Тогда митрополитъ, въ томъ судорожномъ отчаяніи, какое овладѣваетъ человѣкомъ, при видѣ неизбѣжной смерти, ухватился за своего палача и чуть-было не сволокъ его съ собою. Подскочили другіе, вытащили его снова на террасу и положили на бокъ. Онъ вцѣпился руками и ногами за край раската, но

убійцы ногами уперлись во всю длину его тѣла и столкнули его.

«И упалъ онъ, великій святитель (говоритъ современное извѣстіе), на востокъ передъ раскатными дверьми, къ собору правою щекою, и тое щеку сшибъ до крови, да изъ носа вышло руды съ половину горсти».

Минутъ двадцать убійцы стояли на раскатѣ, повѣся головы, и ничего не находились сказать одинъ другому: имъ стало какъ будто страшно своего дѣла. А внизу также молчаливо стоялъ Васька Усъ съ своими товарищами.

Священники въ соборѣ услыхали, что дѣлается. Соборный священникъ, отецъ Кириллъ, совершалъ литургію и первый выбѣжалъ изъ церкви; за нимъ бѣжалъ священникъ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, отецъ Козьма. Святитель еще трепетался, испуская послѣднее дыханіе. Отецъ Кириллъ припалъ ему къ груди, а Козьма къ ногамъ: они рыдали и просили послѣдняго прощанія. Но митрополитъ былъ безотвѣтенъ.

Атаманъ, увидѣвъ такую сцену, закричалъ:

— Прочь! гоните ихъ!

Эсаулъ Воронокъ кинулся съ толпою казаковъ и началъ гнать священниковъ отъ тѣла. Они убѣжали въ соборъ, получивъ нѣсколько ударовъ. Тѣло лежало на мѣстѣ около часа. Между тѣмъ, казаки услышали въ соборѣ шумъ, и пятнадцать человѣкъ ворвались въ церковь.

— Что вы тутъ стучите? кричали они.

— Никто тутъ не стучитъ, говорили священники.

— Вонъ отсюда! закричали казаки и выгнали ихъ изъ храма.

Наконецъ, Васька приказалъ прибрать тѣло, а самъ съ казаками отправился судить князя Семена Львова. Товарищъ Прозоровскаго, неизвѣстно по какому поводу, до сихъ поръ оставался живъ и находился въ неволѣ. Теперь его привели въ кругъ, потомъ отвели на пытку, а наконецъ, палачъ Ларка отрубилъ ему голову.

Тѣло митрополита Іосифа было внесено священниками на коврѣ въ соборъ. Священники смотрѣли на него съ ужасомъ: спина и брюхо были покрыты черными пятнами и пузырями

отъ огня; борода и волосы опалены; голова разбита. Его облачили въ архіерейскія одежды и положили, посрединѣ храма, въ уготованномъ (вѣроятно, имъ самимъ для себя) гробѣ. На другой день раздался протяжный благовѣстъ, какъ обычно звонили на преставленіе святителей; всѣ священники сошлись изъ приходскихъ церквей; о народѣ не говоритъ современное извѣстіе: вѣроятно, отъ страха, никто не осмѣлился отдать послѣдній долгъ архіерею. Совершили погребеніе и понесли тѣло въ гробницу подъ придѣломъ св. Аѳанасія и Кирилла. Но какъ только поставили архипастыря въ послѣднемъ пріютѣ, въ церковь вошла толпа казаковъ, побрякивая саблями, и закричала:

— Попы! идите въ нашъ кругъ! всѣ идите сейчасъ!

Приходскіе священники повиновались. Тамъ подъячій держалъ написанную бумагу.

Стоя въ кругѣ, Васька сказалъ казацкому подъячему:

— Читай.

Подъячій читалъ:

«Лѣта такого-то, мы, атаманы, и всѣ казаки донскіе, астраханскіе, терекскіе и гребенскіе, и пушкари, и затинщики, и астраханскіе посадскіе люди, и гостиные торговые люди, написали межъ собою приговоръ, что жить намъ здѣсь въ Астрахани въ любви и совѣтѣ, и никого въ Астрахани не побивать, и стоять другъ за друга единодушно и идти вверхъ, и побивать, и выводить измѣнниковъ-бояръ...»

— Довольно! перервалъ его Васька: — прикладывайте руки, попы, и за себя и за своихъ духовныхъ дѣтей!

Священники показали было видъ несогласія, но Васька закричалъ:

— Прикладывайте, а не то мы васъ всѣхъ до смерти перебьемъ!

Они подписывали, хотя многіе изъ нихъ и не дослышали, въ чемъ дѣло. Еще не доставало соборныхъ священниковъ. Васька послалъ за ними; они сошлись, и протопопъ Іоаннъ, прочитавъ приговоръ, подписалъ за всю свою братью. Потомъ приневолили къ подпискѣ и дьяконовъ. Въ заключеніе всего, казаки торже-

ственно отнесли этотъ приговоръ въ троицкой монастырь. Васька Усъ отдалъ его келарю Аврааму. Келарь сохранялъ его въ ризницѣ, опасаясь, чтобъ братія не похитила его. Нѣсколько дней послѣ того, Васька заставлялъ подписывать этотъ приговоръ монаховъ, которые не попали въ кругъ въ день составленія приговора.

Девять дней тѣло митрополита лежало въ открытой гробницѣ; на десятый устлали гробницу камнями и закрыли досками. Никто не могъ явно вздохнуть о немъ, страшась грознаго Васьки. Но недолго онъ былъ грозенъ; чрезъ нѣсколько времени онъ умеръ отъ ужасной болѣзни: говорили, что его съѣли черви.

XVII.

Въ апрѣлѣ казаки поплыли изъ Черкасска къ Кагальницкому городку; 14 апрѣля, сожгли его до основанія и, по войсковому суду, перевѣшали всѣхъ до единаго сообщниковъ Стеньки, исключая самаго атамана и брата его Фролки. Вѣроятно, въ числѣ умерщвленныхъ были и ихъ семейства, которыя тогда находились въ Кагальникѣ. Неизвѣстны подробности взятія Стеньки. Въ государевыхъ граматахъ говорится объ немъ розно: въ одной—что Кагальникъ взятъ приступомъ [1]); въ другой [2]), что Стенька былъ связанъ ужемъ желѣзнымъ отъ донскихъ казаковъ, *которые обратились отъ злобъ своихъ.* Современные иностранцы и малороссійская лѣтопись говорятъ, что Стенька взятъ былъ обманомъ [3]). Корнило Яковлевъ былъ его крестный отецъ и Стенька имѣлъ къ нему уваженіе: это объясняетъ нѣсколько, почему Стенька щадилъ этого старика во время своей силы, когда, какъ кажется, могъ его низвергнуть. Корнило подступилъ къ Кагальнику и вступилъ съ нимъ въ переговоры.

---

[1]) «Акт. Арх. Эксп.» 234.

[2]) Пол. Соб. Зак.» 1814.

[3]) Relation. 25. «Stephan Razin» 27. «Лѣтоп. самовидца», стр. 50.

— Ты въ опасности, говорилъ онъ:—тебя или убьютъ, или выдадутъ. Дѣло твое пропало. Ты уже не въ силахъ противостать могуществу царя. Принеси-ка лучше повинную и проси помилованія. Я получилъ отъ великаго государя грамату о томъ, что онъ прощаетъ тебя и желаетъ тебя видѣть въ Москвѣ. Поѣдемъ вмѣстѣ; тамъ ты разскажешь, какія обиды тебя искусили на воровство.

Стенька мало вѣрилъ такимъ убѣжденіямъ, но повиновался изъ отчаянія, потому-что дѣло его было окончательно проиграно, а жизнью онъ не дорожилъ. Корнило сначала оставилъ его на свободѣ [1]), но потомъ заковалъ въ кандалы [2]) вмѣстѣ съ братомъ. Стенька, говоритъ современникъ [3]), не надѣялся подобнаго поступка отъ лица, ему столь близкаго; но тотъ, кто былъ вѣроломнымъ противъ своего законнаго государя, не заслуживалъ ничего лучшаго.

Стенька и Фролка были привезены въ Черкасскъ. Преданіе говоритъ, что казаки очень боялись, чтобъ Стенька не ушелъ изъ неволи: на то онъ былъ чернокнижникъ; никакая тюрьма не удержала бы его, никакое желѣзо не устояло бы противъ его вѣдовства. Поэтому, его сковали освященною цѣпью и содержали въ церковномъ притворѣ, надѣясь, что только сила святыни уничтожитъ его волшебство [4]). Въ концѣ апрѣля обоихъ удалыхъ братьевъ повезли въ Москву. Самъ Корнило Яковлевъ провожалъ ихъ съ другимъ значнымъ казакомъ, Михайломъ Самаренинымъ и съ конвоемъ. Въ ихъ обозѣ отправляли трехъ драгоцѣнныхъ персидскихъ аргамаковъ, которыхъ везли нѣкогда на бусѣ, ограбленной Стенькою во время его возвращенія изъ персидскаго похода. Вмѣстѣ съ ними, казаки возвращали царю три золотые ковра, взятые на той же бусѣ и принадлежавшіе, поэтому, царской казнѣ.

---

[1]) «Stephan Razin» 27.

[2]) «Акт. Арх. Эксп.» IV, 236.

[3]) Relation. 28.

[4]) Разсказываютъ, будто въ Черкасскѣ до-сихъ-поръ сохраняется эта освященная цѣпь въ кладовой при соборѣ.

Фролка былъ отъ природы тихаго нрава и затосковалъ.

— Вотъ, братъ, это ты виною нашимъ бѣдамъ, говорилъ онъ съ огорченiемъ.

Стенька отвѣчалъ:

— Никакой бѣды нѣтъ. Насъ примутъ почестно: самые большiе господа выйдутъ на встрѣчу посмотрѣть на насъ.

4-го iюня, распространилась въ Москвѣ вѣсть, что казаки везутъ Стеньку. Толпы народа посыпали за городъ смотрѣть на чудовище, котораго имя столько времени не сходило съ устъ всего русскаго люда. За нѣсколько верстъ отъ столицы поѣздъ остановился. Стенька былъ еще одѣтъ въ свое богатое платье; съ него сняли его и одѣли въ лохмотья. Изъ Москвы привезли большую телѣгу съ висѣлицею. Тогда Стеньку поставили на телѣгу и привязали цѣпью за шею къ перекладинѣ висѣлицы, а руки и ноги прикрѣпили цѣпями къ телѣгѣ. За телѣгою долженъ былъ бѣжать, какъ собака, Фролка, привязанный цѣпью за шею къ окраинѣ телѣги.

Въ такой трiумфальной колесницѣ въѣхалъ атаманъ воровскихъ казаковъ въ столицу московскаго государя, у котораго онъ грозилъ сжечь дѣла. Онъ слѣдовалъ съ хладнокровнымъ видомъ, опустивъ глаза, какъ-бы стараясь, чтобъ никто не прочиталъ, что у него было на душѣ. Одни смотрѣли на него съ ненавистью, другiе—съ состраданiемъ. Безъ-сомнѣнiя, были еще такiе, что желали бы иного въѣзда этому человѣку, бывшему столько времени идоломъ черни.

Ихъ привезли прямо въ земскiй приказъ, и тотчасъ начали допросъ. Стенька молчалъ.

Его повели къ пыткѣ. Первая пытка былъ кнутъ — толстая ременная полоса въ палецъ толщиною и въ пять локтей длиною. Преступнику связывали назадъ руки и поднимали вверхъ, потомъ связывали ремнемъ ноги; палачь садился на ремень и вытягивалъ тѣло такъ, что руки выходили изъ составовъ и становились вровень съ головою, а другой палачъ билъ по спинѣ кнутомъ. Тѣло вздувалось, лопалось, открывались язвы, какъ отъ ножа. Уже Стенька получилъ такихъ ударовъ около сотни,

и ужь, конечно, палачъ не оказывалъ состраданія къ такому подсудному. Но Стенька не испустилъ стона. Всѣ, стоявшіе около него, дивились.

Тогда ему связали руки и ноги, продѣли сквозь нихъ бревно и положили на горящіе уголья. Стенька молчалъ.

Тогда по избитому, обожженному тѣлу начали водить раскаленнымъ желѣзомъ. Стенька молчалъ.

Ему дали роздыхъ. Принялись за Фролку. Болѣе-слабый, онъ началъ испускать крики и вопли отъ боли.

— Экая ты баба! сказалъ Стенька. Вспомни наше прежнее житье; долго мы прожили со славою; повелѣвали тысячами людей: надобно-жь теперь бодро переносить и несчастіе. Что, это развѣ больно? Словно баба уколола!

Стеньку принялись пытать еще однимъ родомъ мученій. Ему обрили макушку и оставили виски. Вотъ какъ! сказалъ Стенька брату: слыхали мы, что въ попы ученыхъ людей ставятъ, а мы братъ съ тобой простаки, а и насъ постригли [1]).

Ему начали лить на макушку по каплѣ холодной воды. Это было мученіе, противъ котораго никто не могъ устоять; самыя твердыя натуры теряли присутствіе духа. Стенька вытерпѣлъ и эту муку, и не произнесъ ни одного стона.

Все тѣло его представляло безобразную, багровую массу волдырей. Съ досады, что его ничто не донимаетъ, начали Стеньку колотить со всего размаха по ногамъ. Молчалъ Стенька [2])...

Перенесши всѣ страданія, не высказавъ ни одного слова, Стенька не могъ быть обвиненъ собственнымъ сознаніемъ [3]) (говоритъ современникъ); только очевидное и гласное преступленіе не затруднило приговорить его къ смерти.

Преданіе говоритъ, что сидя въ темницѣ и дожидаясь послѣднихъ смертныхъ мученій, Стенька сложилъ пѣсню и теперь повсюду извѣстную, гдѣ онъ, какъ-бы въ знаменіе своей славы,

---

[1]) Theatr. Europ. 521.
[2]) Relation. 28.
[3]) «Stephan Razin».

завѣщаетъ похоронить себя па распутіи трехъ дорогъ земли русской.

Схороните меня. братцы, между трехъ дорогъ:
Межь московской, астраханской, славной кіевской;
Въ головахъ моихъ поставьте животворный крестъ,
Во ногахъ мнѣ положите саблю вострую.
Кто пройдетъ, или проѣдетъ—остановится,
Моему ли животворному кресту помолится,
Моей сабли, моей вострой испужается:
Что лежитъ тутъ воръ удалый добрый молодецъ,
Стенька Разинъ, Тимоѳеевъ по прозванію!

6 іюня, его вывели на лобное мѣсто вмѣстѣ съ братомъ. Множество народа стеклось на кровавое зрѣлище. Прочитали длинный приговоръ, гдѣ изложены были всѣ преступленія обвиненныхъ. Стенька слушалъ спокойно, съ гордымъ видомъ. По окончаніи чтенія, палачъ взялъ его подъ-руки. Стенька обратился къ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы (Василія Блаженнаго), перекрестился, потомъ поклонился на всѣ четыре стороны и сказалъ: «простите!»

Его положили между двухъ досокъ. Палачъ отрубилъ ему сначала правую руку по локоть, потомъ лѣвую ногу по колѣно, Стенька при этихъ страданіяхъ не издалъ ни одного стона, не показалъ знака, что чувствуетъ боль. Онъ (говоритъ современникъ) [1]) какъ-будто хотѣлъ показать народу, что мститъ гордымъ молчаніемъ за свои муки, за которыя не въ силахъ уже отмстить оружіемъ. Ужасное зрѣлище истязаній надъ братомъ окончательно лишили послѣдняго мужества Фролку, видѣвшаго то, что ожидало его самого чрезъ нѣсколько минутъ.

— Я знаю слово государево! закричалъ онъ.

— Молчи, собака! сказалъ ему Стенька.

То были послѣднія его слова. Палачъ отрубилъ ему голову. Его туловище разсѣкли на части и воткнули на колья, какъ и голову, а внутренности бросили собакамъ на съѣденіе [2]).

---

[1]) «Stephan Razin» 29.
[2]) Ibid. Relation. 29. Kurze Erzählung.

Для Фролки казнь была отсрочена. Его подвергли снова допросу. Онъ сказалъ:

— Отъ большой пытки я не пришелъ въ память и не высказалъ всего, а теперь опамятовался и скажу все, что у меня въ памяти. Были у моего брата воровскія письма, присланныя откуда ни на есть, и эти всякія бумаги онъ зарылъ въ землю для того, что какъ въ домѣ у него никого не было, то онъ собралъ ихъ въ денежный кувшинъ, засмолилъ и зарылъ въ землю на островѣ, на рѣкѣ Дону, на урочищѣ Прорвѣ, подъ вербою, а эта верба посерединѣ крива, а около ней густыя вербы; а около острова будетъ версты двѣ или три. Да еще за два дня до прихода Корнилы Яковлева, Степанъ, братъ, посылалъ меня въ Царицынъ взять его рухлядь у посадскаго человѣка Дружинки Потапова; говорилъ онъ, что у него есть костяной городъ, образцомъ сдѣланъ будто Цареградъ... Подлинно не знаю, у кого взялъ онъ его: у князя ли Семена, либо у Кизиль-баша, только Стенька велѣлъ взять этотъ городъ, да сундукъ съ платьемъ.

Впослѣдствіи, въ сентябрѣ того же года, казацкій атаманъ съ выборными казаками ѣздили искать этихъ писемъ на островѣ, пробовали землю щупами и ничего не нашли [1]). Современные иностранцы [2]) говорятъ, что Фролъ получилъ жизнь и осужденъ на вѣчное тюремное заточеніе.

Какъ бывало мнѣ, ясну соколу, да времечко:
Я леталъ младъ-ясенъ соколъ по поднебесью,
Я билъ побивалъ гусей-лебедей,
Еще билъ-побивалъ мелку пташечку.
Какъ, бывало, мелкой пташечкѣ пролету нѣтъ.
А нонѣча мнѣ, ясну-соколу, время нѣтъ.
Сижу я, младъ-ясенъ соколъ, во поиманѣ,
Я во той ли во золотой во клѣточкѣ,
Во клѣточкѣ на жестяной на шесточкѣ.
У сокола ножки спутаны,

---

[1]) «Матер. для Ист. Стен. Раз.» 200.
[2]) Das grosse Reich von Moscovien. 109.

На ноженькахъ путочки шелковыя,
Занавѣсочки на глазынькахъ жемчужныя!
Какъ бывало мнѣ, добру-молодцу, да времечко:
Я ходилъ, гулялъ, добрый молодецъ, по синю морю,
Ужь я билъ, разбивалъ суда-корабли,
Я татарскіе, персидскіе, армянскіе,
Еще билъ, разбивалъ легки лодочки:
Какъ бывало легкимъ лодочкамъ проходу нѣтъ;
А нонѣча мнѣ, добру-молодцу, время нѣтъ!
Сижу я, добрый-молодецъ, во поиманѣ,
Я во той ли во злодѣйкѣ земляной тюрьмѣ.
У добра-молодца ноженьки сокованы,
На ноженькахъ оковушки нѣмецкія,
На рученькахъ у молодца замки затюремные,
А на шеюшкѣ у молодца рогатки желѣзныя.

Корнило Яковлевъ и Михайло Самаренинъ возвратились на Донъ, вмѣстѣ съ стольникомъ Косоговымъ, который везъ казакамъ милостивую грамату, хлѣбные и пушечные запасы и денежное жалованье. Очень обрадовались казаки хлѣбнымъ запасамъ, потому-что у нихъ былъ тогда неурожай, а недавнія смуты вовсе не благопріятствовали успѣхамъ земледѣлія. Казачество встрѣтило пословъ за пять верстъ отъ Черкасска. Войсковымъ атаманомъ былъ тогда Логинъ Семеновъ. Когда, по обычаю, былъ собранъ кругъ, Косоговъ сообщилъ, что атаманы Корнило Яковлевъ и Михайла Самаренинъ въ Москвѣ дали за все казачество обѣщаніе принести присягу на вѣрность государю. Только домовитые и значные казаки согласились безъ отговорокъ; люди молодые и незнатные, большею частію прежніе приверженники Стеньки, приняли такое требованіе неохотно.

— Мы (они говорили) рады служить великому государю и безъ крестнаго цѣлованія, а креста цѣловать нечего.

Молодцы еще считали себя не подданными, а вольными людьми, служащими царю не по обязанности, а по охотѣ. Но партія старѣйшихъ взяла верхъ. Три круга собирались одинъ за другимъ. На третьемъ кругѣ старшіе проговорили:

— Даемъ великому государю обѣщаніе учинить предъ свя-

тымъ евангеліемъ, цѣлымъ войскомъ, а кто изъ насъ на обѣщаніе не пойдетъ, того казнить смертью по воинскому праву нашему, и пограбить его животы; а пока не принесутъ всѣ обѣщанія, положимъ крѣпкій заказъ во всѣхъ куреняхъ не продавать ни вина, ни другаго питья, и кто къ обѣщанію пойдетъ пьянъ, такому человѣку, какъ и продавцу вина, учинимъ жестокое наказаніе.

29 августа, черный священникъ Боголѣпъ привелъ къ присягѣ атамановъ и прочихъ казаковъ по чиновной книгѣ, передъ стольникомъ и дьякомъ.

— Теперь, сказалъ послѣ того стольникъ: — атаманы и казаки! сослужите великому государю вѣрную службу: идите со всѣмъ войскомъ подъ Астрахань противъ оставшихся тамъ единомышленниковъ Стеньки.

— Радостными сердцами пойдемъ подъ Астрахань и будемъ служить великому государю! отвѣчали казаки [1]).

А между тѣмъ остатки приверженцевъ казненнаго Стеньки, спасшіеся отъ бойни ихъ братьи въ Кагальникѣ, подъ знаменемъ Алешки Каторжнаго, въ отчаяніи, бѣжали въ Астрахань, грустно запѣвая:

Помутился славный-тихій Донъ
Отъ Черкасска до Чернаго моря!
Помѣшался весь казачій кругъ!
Атамана болѣ нѣтъ у насъ,
Нѣтъ Степана Тимофеевича,
По прозванію Стеньки Разина!
Поймали добра-молодца,
Завязали руки бѣлыя.
Повезли во каменну Москву,
И на славной Красной-площади
Отрубили буйну голову!

---

[1]) «Матер. для Ист. Стен. Раз.».

XVIII.

Но не пришлось Донцамъ служить подъ Астраханью, какъ обѣщали. Они отговаривались тѣмъ, что крымскій ханъ съ стотысячною ордою, вѣроятно, по сношеніямъ съ астраханскими мятежниками, готовится идти къ Азову, и Донъ требуетъ обороны. Дѣло обошлось и безъ ихъ помощи.

Ѳедька Шелудякъ отправился съ Астраханцами и Царицынцами вверхъ по Волгѣ, захватилъ въ свою ватагу Саратовцевъ; потомъ пристали къ нему Самарцы съ Ивашкомъ Константиновымъ. Это полчище въ іюнѣ достигло Симбирска. Тамъ начальствовалъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ. Мятежники стали подъ городомъ и послали челобитную, какъ-будто-бы просить прощенія, но написали ее въ такомъ тонѣ, какъ люди, нелишенные надежды оправдаться. Они написали, что вооружались противъ царскихъ измѣнниковъ—бояръ, и называли измѣнниками по имени князя Юрія Долгорукаго и боярина Хитрово, царскаго оружейничаго. Имъ отвѣчали—и за это Шереметевъ, впослѣдствіи, получилъ выговоръ отъ царя. Впрочемъ, отвѣтъ его былъ, конечно, неудовлетворителенъ для Шелудяка; тогда, вслѣдъ затѣмъ, казаки начали приступъ.

На этомъ приступѣ они были отбиты. Повторили они его въ другой разъ и также были разбиты. Наконецъ, около 23 іюня, Шереметевъ сдѣлалъ на нихъ сильную вылазку и такъ поразилъ, что они потеряли пушки, ружья, запасы и бѣжали безъ оглядки къ Самарѣ, оставивъ въ рукахъ побѣдителя плѣнныхъ, которые потомъ были казнены.

Изъ Самары все полчище разбѣжалось. Ѳедька Шелудякъ убѣжалъ съ Астраханцами въ Астрахань; Саратовцы и Царицынцы разошлись по домамъ; Самарцы остались въ своемъ городѣ, а съ ними было нѣсколько изъ другихъ городовъ, всего

въ Самарѣ набралось ихъ двѣ тысячи. Они послали отъ себя Лукьяна Сергѣева просить пощады.

Какъ только въ Москвѣ получили извѣстіе о побѣдѣ Шереметева, былъ отправленъ на судахъ съ московскими стрѣльцами и тамбовскими солдатами бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославскій. Царь далъ ему право, въ случаѣ надобности, увѣрить мятежниковъ царскимъ прощеніемъ. Чтобъ придать этому походу значеніе того государскаго милосердія, которое *великія и страшныя вины отпускаетъ не иного чего ради*, по словамъ сказанія о Стенькѣ Разинѣ, *токмо ища погибшихъ душъ къ покаянію и обращенію*, бояринъ получилъ икону Пресвятыя Богородицы, называемую «живоносный источникъ въ чудесѣхъ».

Это ополченіе достигло Астрахани въ послѣднихъ числахъ августа. Вѣрные своему приговору, надѣясь притомъ, какъ видно, на содѣйствіе крымскаго хана, мятежники рѣшились не поддаваться, и, услышавъ, что бояринъ приближается, поплыли противъ него на стругахъ, чтобъ не дать ему достигнуть до города. Милославскій присталъ у Болдинскаго устья, выше города, и приказалъ укрѣпляться, а между тѣмъ послалъ въ Астрахань предложеніе сдаться и принести повинную. Упорствовали удалые. Предводитель новой шайки, приставшей къ нимъ изъ донскихъ остатковъ стенькиной, Алешка Каторжный, перешелъ на Нагорную сторону, чтобъ пресѣкать сообщеніе Милославскаго съ верховымъ краемъ по Волгѣ, и схватилъ гонца съ царскою граматою, а вслѣдъ затѣмъ Астраханцы сдѣлали нападеніе на боярскій станъ на Болдинскомъ устьѣ. Тогда Милославскій, 12-го сентября, приказалъ на Нагорной сторонѣ, на рѣчкѣ Соленой, сдѣлать земляной городокъ. Не успѣли ратные люди окончить своей работы, какъ Θедька Шелудякъ и Каторжный напали на царское войско. Они были отбиты, и, убѣгая обратно, многіе попадали въ Волгу, другіе попались въ плѣнъ и не были казнены, какъ прежде дѣлалось.

Съ тѣхъ поръ бояринъ стоялъ подъ Астраханью три мѣсяца, стараясь дѣйствовать болѣе убѣжденіемъ, чѣмъ оружіемъ. Θедь-

ка и его главные сообщники рѣшились защищаться до весны; но положеніе Астрахани дѣлалось со дня на день печальнѣе: тамъ былъ недостатокъ съѣстныхъ запасовъ и люди стали голодать. Многіе являлись къ Милославскому съ повинною. Бояринъ не только не казнилъ ихъ, но ласкалъ, кормилъ и поилъ. Эти примѣры ободряли и другихъ къ такимъ же поступкамъ. Между тѣмъ, явился черкесскій князь Каспулатъ Муцаловичъ, осадилъ Астрахань съ другой стороны, и такимъ образомъ положеніе ея стало безвыходно. Рвеніе къ мятежу угасало. Уже партія Ѳедьки значительно умалилась. Въ досадѣ, казаки, неистово нехотѣвшіе сдаваться, всѣмъ на страхъ, хотѣли перебить вдовъ и дѣтей тѣхъ, которые были прежде умерщвлены при Стенькѣ и Васькѣ Усѣ; но это намѣреніе почему-то не исполнилось. Милославскій послалъ въ Астрахань еще новое предложеніе и увѣрялъ, что всѣмъ будетъ пощада, и великій государь, по милости своей, отпуститъ имъ вины.

24-го ноября, Ѳедька, видя, что въ Астрахани нѣтъ болѣе единомыслія, взялъ изъ ризницы Троицкаго монастыря приговоръ, составленный на другой день смерти митрополита Іосифа, и изорвалъ его. Вѣроттно, желая обдѣлать сдачу города, какъ можно выгоднѣе, онъ вступилъ въ сношеніе съ княземъ Каспулатомъ Муцаловичемъ, но тотъ, выманивъ его на переговоры, задержалъ.

Астраханцы, лишенные самого упорнаго мятежника, послали къ Милославскому сказать, что они сдаются. Это было 26-го ноября: Милославскій приказалъ дѣлать мостъ на рѣкѣ Кутумѣ для торжественнаго входа государева войска.

На другой день, 27-го ноября, мостъ былъ готовъ. Всѣ ратные люди пошли пѣшіе, а Милославскій впереди несъ въ рукахъ икону; всѣ были безъ шапокъ и въ лучшихъ платьяхъ; священники пѣли молебствіе, а на встрѣчу къ боярину выходили съ иконами также священники, а за ними всѣ Астраханцы, большіе и малые. Когда обѣ процессіи встрѣтились, Астраханцы упали на землю и завопили:

«Истинно-достойны мы смертнаго посѣченія; но какъ Богъ

милосердый грѣшниковъ прощаетъ, такъ и мы просимъ велика-го государя наши вины отдать!»

Бояринъ отвѣчалъ:

— По милости великаго государя, вамъ всѣмъ—всякихъ чиновъ людямъ, кто былъ въ воровствѣ, вины всѣмъ отданы, и вы государскою милостью уволены.

При радостныхъ восклицаніяхъ народа, при веселомъ звонѣ колоколовъ, бояринъ вошелъ въ соборную церковь, поставилъ тамъ свою икону и, призвавъ иконописца, сказалъ:

— Спиши съ этой иконы новую, да поставится она въ семъ храмѣ въ память предъидущимъ родамъ!

Потомъ онъ принялъ печать царства Астраханскаго, приказную избу, осмотрѣлъ всѣ укрѣпленія, поставилъ караулы на башняхъ, водворилъ стрѣльцовъ, и такимъ образомъ, возвратилъ Астрахань власти царя.

Никто не былъ казненъ; никто не былъ задержанъ; не было никакого разбирательства. Самые важные преступники остались безъ преслѣдованія. Самъ Ѳедька Шелудякъ жилъ на свободѣ и потомъ находился во дворѣ боярина. Не обошлась, однако, имъ даромъ такая льготность. Они, по обычаю времени, должны были передать свои награбленныя богатства въ руки боярина и воеводы и чиновныхъ людей, головъ, подъячихъ дворянъ и проч. Такимъ образомъ, Ивашка Красулинъ подарилъ боярину шубу и саблю, которая на дуванѣ досталась ему послѣ князя Семена Львова; Ѳеофилка Колокольниковъ далъ ему перстень съ камнемъ да горлатную лисью шапку, да, сверхъ того все свое имущество долженъ былъ отдать въ приказную избу. Митька Яранецъ далъ ему панцырь, а его подъячихъ обдѣлилъ матеріями. Эсаулъ Ларинъ далъ ему турецкую пищаль. Убійца митрополита, Алешка Грузиновъ, когда сами астраханскіе жители обвиняли его въ этомъ убійствѣ, отдѣлался тѣмъ, что роздалъ кафтаны да шапки приказнымъ людямъ и получилъ отпускъ изъ Астрахани. Монахи искупляли свое сношеніе съ мятежниками тысячами рыбъ, приносимыхъ боярину. Многіе отдавались въ холопы воеводѣ, дьякамъ, подъячимъ и стрѣлецкимъ головамъ.

Они, какъ будто, желали теперь загладить свою прежнюю вольницу добровольнымъ порабощеніемъ. Къ этому понуждалъ ихъ большой недостатокъ съѣстнаго и бѣдность, одолѣвавшая ихъ послѣ того, какъ они все, что награбили, прежде пропивали, а потомъ отдавали начальнымъ людямъ; да къ тому же многіе между ними были бѣглые люди и хотѣли избавиться возврата къ прежнимъ господамъ.

Правительство сначала не было, повидимому, недовольно милосердіемъ Милославскаго: по крайней мѣрѣ, по его отзыву, впослѣдствіи, оно въ своихъ граматахъ дозволяло отпускать покаявшихся мятежниковъ. Но лѣтомъ 1671 года присланъ въ Астрахань князь Яковъ Одоевскій для суда и расправы. Начались допросы, нытки, казни. Ѳедька Шелудякъ былъ взятъ изъ двора Милославскаго. Вслѣдъ затѣмъ, взято изъ того же двора тридцать два человѣка бѣглыхъ боярскихъ людей, участниковъ мятежа и вступившихъ въ услуженіе къ боярину.

Милославскій былъ этимъ недоволенъ, и на запросы Одоевскаго прямо указывалъ на царскія грамоты, въ которыхъ прощались астраханскимъ мятежникамъ всѣ ихъ вины. По ему въ новыя дѣла вступаться не велѣно.

Отыскивали и препровождали въ Астрахань тѣхъ, которые, съ позволенія Милославскаго, находились въ другихъ городахъ. Такимъ образомъ, изъ Саратова были привезены: убійца митрополита Іосифа, Алешка Грузиновъ бывшій въ Астрахани тысячникомъ Ивашка Грѣховъ, теперь мирно промышлявшій наемною работою на рыбныхъ ловляхъ, и бѣглый человѣкъ князя Львова, Пашка Полякъ. Главные преступники, какъ напримѣръ: Ѳедька Шелудякъ, Алешка Грузиновъ, Ѳеофилка Колокольниковъ, Красулинъ и другіе были повѣшены. Одинъ, по имени Корнилко Семеновъ, сожженъ живой за то, что у него нашли тетрадку заговорнаго письма. Другіе были отправлены на службу въ верховые города съ бояриномъ Милославскимъ, который, однако, не подвергся ничему за свои взятки.

Новый астраханскій митрополитъ Парѳеній приказалъ вынуть гробъ своего предшественника и поставить посреди церк-

ви. Такъ стоялъ онъ три дня, и астраханскіе жители приходили просить у покойника прощенія, а потомъ, въ знакъ уваженія къ его мученической кончинѣ, погребли его въ главной соборной церкви, въ углу, за святительскимъ мѣстомъ. Набожные люди видѣли въ немъ праведнаго страдальца. Носились вѣсти о знаменіяхъ, которыми небо свидѣтельствовало о его праведности. 16-го августа 1671 года, въ астраханской приказной палатѣ отбирали показанія о такихъ знаменіяхъ. Двое пушкарей объявили, что, черезъ недѣлю послѣ смерти митрополита, они стояли на караулѣ близъ зелейнаго двора и увидали ночью свѣчу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ архипастырь былъ сброшенъ съ раската. Это видѣніе повторялось три ночи сряду и продолжалось каждый разъ три часа. Другой, отставной стрѣлецъ Иванъ Глухой, говорилъ:

— Когда воровскіе казаки и астраханскіе жители столкнули съ раската митрополита Іосифа, я скорбѣлъ ногою, грыжною болѣзнью. Въ первую ночь, послѣ этого дня, во второмъ часу ночи, какъ есть, кто-то меня за больную ногу дернулъ; я въ то время всталъ и сталъ ужастенъ, и ненарокомъ поглядѣлъ отъ себя изъ чердака въ красное окошко къ соборной церкви отъ урочища улицы гостинаго двора, и тогда на раскатѣ, у соборной церкви, увидѣлъ я: три свѣчи горятъ; отъ середней свѣчи, какъ будто искры и пламя великое, а надъ нею, будто, кубецъ; не въ обычай было мнѣ то чудо; размышлялъ я всяко, и въ ту ночь девять разъ вставалъ смотрѣть, а тѣ свѣчи горѣли неугасимо. Про такое чудо я никому не повѣдалъ, ни домашнимъ, а только поутру, какъ всталъ, скорбною ногою здоровъ сталъ. Съ того числа, съ мая 11-го по 6-е августа, съ вечера до утра, какъ только встану и погляжу, горѣли свѣчи неугасимо. Седьмаго августа, я извѣщалъ объ этомъ протопопа да старца митрополичьяго чашника, а протопопъ мнѣ сказалъ, что многіе люди видятъ свѣчи на томъ мѣстѣ, гдѣ митрополитъ упалъ на землю. Съ этого времени я больше ничего не видалъ и съ той поры обрекался поставить образъ Успенія Пресвятой Богородицы на томъ мѣстѣ, гдѣ митрополитъ погребенъ.

Митрополитъ Іосифъ не былъ причисленъ къ лику святыхъ; но до сихъ поръ, въ Астрахани набожные люди поклоняются его могилѣ.

XIX.

Уже истекаетъ два столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ прокатилась по Руси эта страшная гроза, и народная память сохранила ее въ блѣдныхъ, фантастическихъ образахъ. Имя Стеньки Разина извѣстно и старому и малому въ томъ краю, гдѣ совершались его похожденія. Берега Волги усѣяны урочищами съ его именемъ. Въ одномъ мѣстѣ набережный шиханъ (холмъ) называется «Столъ Стеньки Разина», потому что онъ тамъ обѣдалъ съ своими товарищами; въ другомъ такой же холмъ называется «Шапкой Стеньки Разина», потому что,будто бы, онъ оставилъ на немъ свою шапку; въ третьемъ—ущелье, поросшее лѣсомъ, называется «Тюрьмою Стеньки Разина»: тамъ, говорятъ, онъ запиралъ, въ подземельяхъ, взятыхъ въ плѣнъ господъ. На сѣверъ и на югъ отъ городовъ Камышина и Царицына, по нагорному берегу Волги—рядъ бугровъ, которые называются «буграми Стеньки Разина», въ память того, будто бы онъ тамъ закладывалъ свой станъ. Всѣ эти бугры схожи между собою тѣмъ, что отдѣляются отъ материка ущельями, которыя въ весеннее время наполняются полою водою; всѣ эти бугры—экземпляры одного идеальнаго бугра, существующаго въ народномъ воображеніи. Въ одномъ селѣ указываютъ на бугоръ и говорятъ: «вотъ бугоръ Стеньки Разина; тутъ былъ его станъ»; а въ другомъ селѣ говорятъ: «неправда, не тамъ этотъ бугоръ, а вотъ онъ!» Старые люди разсказывали, что давно видны были тутъ окопы, и погреба, и желѣзныя двери. Въ погребахъ Стенька спряталъ свое богатство, и теперь тамъ лежитъ, да взять нельзя, заклято! Стенька Разинъ, на своей кошмѣ-самолеткѣ-самоплавкѣ перелеталъ съ Дону на Волгу, а съ Волги на Донъ. На

Дону было у него мѣсто—называется камень, а на Волгѣ былъ у него бугоръ. Пограбитъ суда на Дону — полетитъ на Волгу. Не было спуску ни царскимъ судамъ, ни купеческимъ, ни большимъ, ни мелкимъ: со всѣхъ судовъ Стенька бралъ подать; а кто вздумаетъ обороняться, тѣхъ топилъ, а господъ большихъ ловилъ, да въ тюрьму сажалъ. Вотъ и шлетъ къ нему самъ царь: «Зачѣмъ, говоритъ, ты царскихъ судовъ не пропускаешь?» А Стенька говоритъ: «Я, молъ, ваше царское величество, не знаю, какія есть суда царскія, какія нецарскія». Царь приказалъ на всѣхъ царскихъ судахъ ставить гербы. Стенька, поэтому, не трогалъ ихъ и пропускалъ, и дани не бралъ. Царь за это прислалъ къ нему въ подарокъ шапку. Только тогда купцы сговорились, да и на свои суда стали ставить гербы, а Стенька, какъ это узналъ, и говоритъ: «нельзя разобрать, какія суда есть царскія, какія не царскія!» — и опять со всѣхъ судовъ сталъ брать дань. Много лѣтъ онъ, такимъ образомъ, леталъ съ Дона на Волгу, съ Волги на Донъ; а взять его никакимъ войскомъ нельзя было, для того что онъ былъ чернокнижникъ. Потомъ собралъ онъ шайку и поплылъ въ Персію и воевалъ онъ тамъ два года, и набралъ такъ много богатства, что и счесть и смѣтить невозможно, а какъ ворочался, въ Астрахани воеводы не хотѣли пропустить его. Стенька говоритъ: «Пропустите меня, воеводы; я вамъ ничего дурнаго не сдѣлаю!» Воеводы таки не пропустили, а велѣли палить на него изъ ружей и изъ пушекъ; только Стенька какъ былъ чернокнижникъ, такъ его нельзя было донять ничѣмъ; онъ такое слово зналъ, что ядра и пули отъ него отскакивали. Тогда подманила его дѣвка Маша, какъ въ пѣснѣ поется: но и тутъ Стенька улизнулъ отъ бѣды, и за эту штуку не простилъ воеводамъ. На другой годъ онъ пришелъ въ Астрахань съ войскомъ и осадилъ кругомъ городъ. А въ Астрахани жили больше все невѣрные. Стенька приказалъ палить холостыми зарядами и послалъ сказать, что жалѣетъ православныхъ христіанъ, а проситъ, чтобъ христіане отворили ему ворота. Христіане и отворили ворота; онъ, какъ пошелъ, всѣхъ невѣрныхъ ограбилъ, а иныхъ до смерти побилъ, и вое-

водъ побилъ, за то, что его не пропускали, какъ онъ ворочался изъ Персіи, а христіанамъ ничего худаго не сдѣлалъ. Тогда былъ въ Астрахани митрополитъ; сталъ онъ его, Стеньку, корить и говорить ему; «Вишь какая у тебя шапка—царскій подарокъ; надобно, чтобъ тебѣ теперь, за твои дѣла, царь на ноги прислалъ подарокъ — кандалы». И сталъ его митрополитъ уговаривать, чтобъ онъ покаялся и принесъ повинную Богу и государю. Стенька осерчалъ на него за это, да притворился будто и въ самомъ дѣлѣ пришелъ въ чувствіе и хочетъ покаяться, и говоритъ митрополиту: «Хорошо, я покаюсь; пойдемъ на соборную колокольню; я стану съ тобой вмѣстѣ и оттуда, передъ всѣмъ народомъ, принесу покаяніе, чтобъ всѣ видѣли, да и тоже покаялись». Какъ взошли они на колокольню, Стенька схватилъ митрополита поперегъ, да и скинулъ внизъ. «Вотъ, говоритъ, тебѣ мое покаяніе!»

За это его семью соборами прокляли!

Товарищи его какъ узнали, что онъ семью соборами проклятъ, связали его и отправили въ Москву. Стенька ѣдучи, сидитъ въ желѣзахъ, да только посмѣивается. Привезли его въ Москву и посадили въ тюрьму. Стенька дотронулся до кандаловъ разрывомъ-травою — кандалы спали; потомъ Стенька нашелъ уголекъ, нарисовалъ на стѣнѣ лодку, и весла, и воду, все какъ есть, да, какъ извѣстно, былъ колдунъ, сѣлъ въ эту лодку и очутился на Волгѣ. Только ужь не пришлось ему больше гулять: ни Волга-матушка, ни мать-сыра земля не приняли его. Нѣтъ ему смерти. Онъ и до сихъ поръ живъ [1]). Одни говорятъ, что онъ бродитъ по городамъ и лѣсамъ и помогаетъ иногда бѣглымъ и безпаспортнымъ. Но больше говорятъ, что онъ сидитъ гдѣ-то въ горѣ и мучится.

Возвращались русскіе матросы изъ тюркменскаго плѣна; проходили они черезъ русскій городъ; было дѣло праздничное; пра-

---

[1]) Многіе боятся произносить его имя и почти никто не выскажетъ о немъ всего, что знаетъ и думаетъ: опасаются говорить, какъ-будто рѣчь идетъ не о преданіи старины глубокой, а о важномъ преступникѣ, убѣжавшемъ изъ тюрьмы и преслѣдуемомъ полицейскими властями.

вославные христіане собрались около нихъ послушать разсказовъ о чужедальнихъ бусурманскихъ сторонахъ. Матросы говорили:

— Какъ бѣжали мы изъ плѣна, такъ проходили черезъ Персидскую землю, по берегу Каспійскаго моря. Тамъ надъ берегами, стоятъ высокія, страшныя горы. Случилась гроза. Мы подъ гору сѣли, говоримъ между собою по русски, какъ вдругъ позади насъ кто то отозвался: «Здравствуйте, русскіе люди!» Мы оглянулись: анъ изъ щели, изъ горы, вылазитъ старикъ—сѣдой-сѣдой, старый, древній—ажно мохомъ поросъ. «А что?» спрашиваетъ насъ, «вы ходите по Русской землѣ: не зажигаютъ тамъ сальныхъ свѣчей вмѣсто восковыхъ?» Мы ему говоримъ: — «Давно, дѣдушка, были на Руси; шесть лѣтъ въ неволѣ пробыли; а какъ живали еще на Руси, такъ этого не видали и не слыхали!» «Ну, а бывали вы въ Божіей церкви, въ обѣднѣ на первое воскресенье великаго поста?»—«Какъ же, дѣдушка, бывали!»—«А слыхали, какъ проклинаютъ Стеньку Разина?» — «Слыхали». — «Такъ знайте жь, я Стенька Разинъ. Меня земля не приняла за мои грѣхи: за нихъ я проклятъ. Суждено мнѣ страшно мучиться. Два змѣя сосали меня — одинъ змѣй со полуночи до полудня, другой со полудня до полуночи; сто лѣтъ прошло—одинъ змѣй отлетѣлъ, другой остался, прилетаетъ ко мнѣ въ полночь и сосетъ меня за сердце; я мучусь, къ полудню умираю и лежу совсѣмъ мертвый, а послѣ полудня оживаю, и вотъ, какъ видите, живъ и выхожу изъ горы; только далеко нельзя мнѣ идти: змѣй не пускаетъ; а какъ пройдетъ сто лѣтъ, на Руси грѣхи умножатся, да люди Бога станутъ забывать, и сальныя свѣчи зажгутъ вмѣсто восковыхъ передъ образами, тогда я пойду опять по свѣту и стану бушевать пуще прежняго. Разскажите объ этомъ всѣмъ на святой Руси!»

За городомъ Царицынымъ, въ степной деревнѣ, жилъ, а можетъ-быть, и теперь живетъ, стодесятилѣтній старикъ, и глухой и слѣпой, и чуть движется, и трудно съ нимъ говорить: надобно на ухо кричать во все горло; но онъ сохранилъ память и воодушевляется, когда вспомнитъ старыя времена. Онъ соб-

ственными глазами видалъ Пугачева. «Тогда (говорилъ онъ) иные думали, что Пугачевъ-то и есть Стенька Разинъ; сто лѣтъ кончилось, онъ и вышелъ изъ своей горы». Впрочемъ, самъ старикъ не вѣритъ этому; зато вѣритъ вполнѣ, что Стенька живъ и придетъ снова. «Стенька (говоритъ онъ) это мука мірская! это кара Божія! Онъ придетъ, непремѣнно придетъ, и станетъ по рукамъ разбирать... Онъ придетъ, непремѣнно придетъ... Ему нельзя не придти. Передъ суднымъ днемъ придетъ. Охъ! тяжкія настанутъ времена... Не дай, Господи, всякому доброму крещеному человѣку дожить до той поры, какъ опять придетъ Стенька»!

1858.

ПО ПОВОДУ МЫСЛЕЙ СВѢТСКАГО ЧЕЛОВѢКА

О КНИГѢ

СЕЛЬСКОЕ ДУХОВЕНСТВО.

ПО ПОВОДУ МЫСЛЕЙ СВѢТСКАГО ЧЕЛОВѢКА

О КНИГѢ

СЕЛЬСКОЕ ДУХОВЕНСТВО.

Въ развитіи духа по началамъ христіанства исторія представляетъ два противоположныхъ направленія: подчиненіе авторитету и свободное мышленіе. Истины, возвѣщенныя Христомъ, имѣютъ цѣлію оживотворить наше существо духомъ любви и заложить на ея основаніяхъ строй общественныхъ связей. Истины христовы вѣчны и всеобъемлющи; онѣ равно спасительны и животворны на всякомъ мѣстѣ и во всякое время. Но, чтобъ водворить ихъ въ отправленія жизни и примѣнить къ нимъ временныя и мѣстныя условія, необходимо было являться людямъ, просвѣтленнымъ сознаніемъ добра и правды, показывающимъ міру путь своими словами и подвигами. Ихъ наставленія составляютъ авторитетъ въ дѣлѣ вѣры. Съ другой стороны, необходимо возвышающееся надъ нравственнымъ рабствомъ мышленіе тѣхъ, которые подчиняются такому авторитету: они должны признать его не иначе, какъ вслѣдствіе яснаго сознанія спасительности наставленій, преподанныхъ учителями вѣры и толкователями откровенія и съ полнымъ къ нимъ сочувствіемъ. Христосъ хочетъ живой, а не мертвой вѣры, любви, а не самоубійственной жертвы, послушныхъ дѣтей и учениковъ, а не безсмысленной покорности рабовъ; нравственная свобода есть первый шагъ ко Христу: «идѣже Духъ Господень, ту свобода», говоритъ великій послѣдователь распятаго Господа.

На авторитетѣ великихъ учителей вѣры и дѣятелей христовой любви образовалась св. Церковь, состоящая изъ поучающихъ и внимающихъ, указующихъ путь и идущихъ по этому пути. Это высокое значеніе Церкви достигается только согласіемъ авторитета съ нравственною свободою. Исторія христіанства представляетъ неправильныя уклоненія человѣка то къ той, то къ другой сторонѣ, то стремленіе поставить авторитетъ выше свободы; то предать его анализу свободной мысли. Римскіе первосвященники присвоили себѣ званіе христовыхъ намѣстниковъ, видимыхъ главъ Церкви, власть вязать и рѣшать, съ притязаніемъ на достоинство непогрѣшительности для своихъ приговоровъ. Духовенство требовало, чтобъ свѣтскіе подчинялись его толкованіямъ и наставленіямъ безъ участія собственнаго размышленія. Въ іерархической лѣстницѣ церковной администраціи меньшій долженъ былъ находиться въ строгой духовной зависимости отъ большаго; всякое возвышеніе голоса противъ видимыхъ злоупотребленій и безнравственности тѣхъ, которые именовались пастырями, вмѣнялось въ преступленіе противъ Церкви и самой вѣры. Слѣдствіемъ такого порабощенія нравственной свободы мысли и чувства, было противодѣйствіе во имя свободы, перешедшее въ противную крайность. Явилось протестантство. Ратуя за потоптанную нравственную свободу, оно не могло удержаться на истинномъ пути и повело свободный анализъ разсудка къ уничтоженію Церкви и къ отрицанію всякой вѣры; совершилось движеніе обратное тому, какое принялъ папизмъ. Цѣль папизма была привести все къ ложному, матеріальному единству; протестантство, напротивъ, распалось на многочисленныя, враждебныя одна другой, секты; папизмъ хотѣлъ право авторитета соединить въ одномъ земномъ, подобострастномъ намъ человѣкѣ; протестанство привело къ тому, что каждый хотѣлъ сдѣлать авторитетомъ собственное свое воззрѣніе, образованное подъ вліяніемъ личныхъ страстей и обстоятельствъ частной жизни. Ни папизмъ, ни протестантство не достигаютъ своихъ цѣлей: папизмъ убиваетъ авторитетъ, за который ратуетъ, поставивъ учителей Церкви, признанныхъ голосомъ

вѣковъ, въ зависимость отъ произвола одного человѣка; протестантство не можетъ утвердить нравственной свободы Церкви, потому что ведетъ къ уничтоженію единства Церкви.

Наша православная Церковь подходитъ къ идеалу христовой Церкви. Она не захотѣла признать притязанія западнаго іерарха, но не впала въ анархію толкованій по личнымъ соображеніямъ. Она признаетъ основою всякаго толкованія вселенскій соборъ, гдѣ правила и наставленія, преподаваемыя учителями вѣры, принимаются сознательно сонмомъ вѣрующихъ. Въ разныя времена возникали вопросы о примѣненіи христовыхъ и апостольскихъ истинъ къ современному состоянію общества христіанскаго, и эти вопросы рѣшались соборами. Истины откровенія вѣчны; родъ человѣческій измѣняется по волѣ міроправительныхъ судебъ. Всегда могутъ возникать вопросы, которыхъ разрѣшеніе должно послѣдовать неиначе. какъ на вселенскомъ соборѣ, а не приговоромъ какой бы то ни было власти. Не признавъ притязаній римскаго первосвященника, православная Церковь тѣмъ самымъ показала, что она не признаетъ за церковными властями неограниченнаго авторитета, а слѣдовательно не отвергаетъ изъ среды своей тѣхъ, кто заявляетъ свое собственное сужденіе, готовъ будучи подчиниться приговору всей Церкви, то есть, вселенскаго собора. На этомъ основаніи, г. Новиковъ, въ своемъ историческомъ сочиненіи о Гуссѣ, и изображалъ великаго славянскаго проповѣдника православнымъ. Еслибъ въ мнѣніи Гусса и было что нибудь невполнѣ согласное съ ученіемъ православной Церкви, онъ, не менѣе того, всегда недалекъ отъ права на званіе православнаго, потому что не выставлялъ своихъ мнѣній безусловно справедливыми, а готовъ былъ подчиниться приговору вселенскаго собора, правильно организованнаго. Это основаніе восточной Церкви отразилось на ея исторіи: люди, дѣйствовавшіе на церковномъ поприщѣ не были изъяты отъ слабостей и пороковъ, вкрадывались въ церковное управленіе злоупотребленія, даже великія; но Церковь никогда не давала имъ оправданія и до сихъ поръ осталась свята и чиста въ своихъ началахъ потому, если и теперь отъискались бы ка-

кія нибудь стороны, достойныя порицанія, онѣ не падаютъ на Церковь, ибо Церковь ихъ не признаетъ, и долгъ всякаго вѣрнаго сына Церкви замѣчать и обличать все, что требуетъ исправленія. Не можетъ назваться врагомъ православія тотъ, кто указываетъ на нравственные недостатки духовныхъ лицъ и на злоупотребленія въ церковной администраціи, если только его побужденія искренни и онъ желаетъ исправленія, на основаніяхъ, согласныхъ съ коренными уставами Церкви.

Поэтому, крайне неправъ авторъ «Мыслей свѣтскаго человѣка» въ своихъ нападкахъ на сочинителя книги «Описаніе сельскаго духовенства». Благодаря письму М. П. Погодина, котораго мы не имѣемъ права подозрѣвать въ недостаткѣ любви къ Церкви и отечеству, разъясняется появленіе этой книги. Многое изъ разсказаннаго ея авторомъ справедливо и можетъ быть повторено сотнею голосовъ со всѣхъ концовъ Россіи; если съ другимъ, особенно съ изложеніемъ способовъ къ улучшенію церковнаго быта, нельзя вполнѣ согласиться, то несомнѣнно авторъ не заслуживаетъ обвиненія въ кощунствѣ надъ Церковью и восклицаній: «до чего мы дожили!» Ему ставили въ вину то, что онъ обличаетъ дурныхъ архипастырей; но во всѣ вѣки были и есть дурные пастыри, какъ были и есть достойные, и послѣдніе не могутъ принимать на себя тѣхъ упрековъ, которые постигаютъ недостойныхъ. Сказать, что есть архіереи, которые понимаютъ свои обязанности не такъ, какъ слѣдуетъ, не есть святотатственное поднятіе руки на Церковь. Представлять злоупотребленія церковнаго порядка, находить дурныя стороны въ нравахъ духовенства—все это не значитъ бросать позоръ въ лицо своему отечеству, которое страдаетъ здѣсь столько же, сколько и Церковь. Эти обвиненія, выраженныя почтеннымъ авторомъ «Мыслей», напоминаютъ времена Гусса, которому также ставили въ вину, что онъ осмѣлился укорять въ безнравственности кардиналовъ и прелатовъ. Авторъ «Мыслей», ратуя за православіе, идетъ по дорогѣ папизма, отъ котораго отверглось православіе: онъ проповѣдуетъ ученіе объ изъятіи духовныхъ сановниковъ отъ общественнаго суда—ученіе, проповѣданное доминиканцами и іезуитами, говорившими, что не

должны судить поступковъ духовенства свѣтскіе вообще, а низшее духовенство—своихъ начальниковъ, и, такимъ-образомъ, хотѣвшими заставить людей, одаренныхъ смысломъ, по выраженію св. писанія, видѣть и не узрѣть, слушать и не услышать.

«Свѣтскому человѣку» не нравится, что всѣ толкуютъ о гласности. Онъ жалуется, что гласность оглашаетъ не дѣло и неправду, а представляетъ однѣ каррикатуры. Не станемъ разбирать, въ какой степени проявилась у насъ гласность, если только она сколько-нибудь проявлялась, но спросимъ автора, что лучше: если между дѣломъ и правдою проскользнетъ бездѣлье и не правда, или ради боязни бездѣлья и не правды лишиться возможности видѣть дѣло и правду, и облечь себя на гробовое молчаніе? Конечно, при послѣднемъ положеніи, все покажется хорошо, все будетъ шито-крыто, какъ говорятъ враги гласности; но это будетъ только казаться. Автору извѣстно, что казаться и не быть въ самомъ дѣлѣ тѣмъ, чѣмъ кажешься, есть самый противный христіанству порокъ. Неужели авторъ считаетъ нужнымъ такое лицемѣрство для православной Церкви? Этимъ-то онъ и даетъ оружіе въ руки врагамъ православія; они скажутъ: слѣдовательно, у васъ, въ самомъ дѣлѣ, много другаго, когда вы такъ не любите, чтобъ о васъ говорили, слѣдовательно, ваше православіе стоитъ на слишкомъ-слабыхъ началахъ, когда вы опасаетесь, чтобъ его не подорвали; еслибъ оно было истинно, чего-жь вамъ бояться за него? Истины ничѣмъ нельзя подорвать; она всегда возьметъ верхъ. Вы же не только утверждаете, что православіе истинно, но еще говорите, что оно находится подъ руководствомъ Божіимъ. Чего же вамъ бояться за него? Развѣ мы сильнѣе Божія покровительства? Такъ будутъ говорить враги православія, и ихъ негласныя, безъотвѣтныя съ нашей стороны нападенія будутъ гораздо болѣе заслуживать вниманія къ себѣ того, что авторъ «Мыслей» сказалъ о книгѣ «Описаніе сельскаго духовенства»; эта вредная и безсознательно принимаемая книга проникаетъ во всѣ слои общества высшаго и низшаго, производитъ вездѣ губительныя опустошенія.

«Свѣтскій человѣкъ», увѣряетъ, что въ преслѣдуемой имъ книгѣ ложь и клевета. Отчего же онъ, не разобравъ ея до кон-

ца, а отрывши нѣсколько мѣстъ, говоритъ съ негодованіемъ: «стѣсняется сердце продолжать далѣе разборъ, чрезъ который человѣкъ невольно повторяетъ оскорбительныя хулы критики, хотя и для опроверженія ихъ?» Отчего же «свѣтскому человѣку» стѣсняться, если у него есть доказательства, чтобы опровергнуть эти хулы, и есть способности, чтобъ взяться за это дѣло? Напрасно авторъ «Мыслей» такъ стѣсняется: лучше бы, еслибъ онъ опровергъ то, что ему кажется неправдою, и другимъ дозволено было бы также, съ своей стороны, представить собственныя наблюденія и доказательства: тогда бы мы узнали, кто правъ, кто виноватъ. «Свѣтскому человѣку» не нравится, что писатели даютъ *частнымъ случаямъ повсемѣстную гласность*, и приводитъ насъ къ такому заключенію, что всякая несправедливость, нанесенная лицу, не должна быть представлена на судъ общественнаго мнѣнія; по крайней мѣрѣ, на стр. 13, онъ жалѣетъ, что сочинитель «Описанія» приводитъ тяжелыя воспоминанія о своей школьной жизни и *раздѣляетъ* тѣ же воспоминанія съ другими: «suum cuique! прибавляетъ авторъ «Мыслей», то есть какъ это suum cuique? Иначе: кого били, тотъ терпи и молчи, а кто билъ, тотъ продолжай бить! Что же касается до частностей, то вѣдь изъ нихъ составляется общность. Доказать: исключительный или повсемѣстный характеръ носитъ на себѣ какой-нибудь случай, можно только тогда, когда узнаемъ, часто ли повторяется такой случай, или нѣтъ? Поэтому, не слѣдуетъ такъ презрительно отзываться о частныхъ случаяхъ, когда они изображаютъ людское угнетеніе, скрытыя несправедливости. Вѣдь всякое преступленіе само по себѣ есть частный случай, одного его преслѣдуетъ судъ закона; отчего же частные случаи злоупотребленій не подвергать суду общественнаго мнѣнія?

Если архипастырь есть санъ священный, то изъ того не слѣдуетъ, чтобъ не были обличаемы тѣ, которые, занимая этотъ санъ, пользуются имъ недостойнымъ образомъ. Говорить, что есть пастыри, которые злоупотребляютъ свою власть, не значитъ поносить самый санъ. Если въ самомъ дѣлѣ справедливо, что въ поступкахъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ архипастырей мо-

гли быть подмѣчены такія черты, которыхъ нежелательно было бы видѣть, то несомнѣнно, что у насъ были и есть достойные архипастыри, сіявшіе и сіяющіе святостью жизни, силою слова, бдительностью надъ паствою, ревностью о вѣрѣ. Гораздо было бы полезнѣе, еслибъ «свѣтскій человѣкъ», вмѣсто того, чтобъ громить гласность, дерзнувшую подмѣтить темныя пятна на архипастыряхъ нашихъ, представилъ всѣ тѣ неисчислимыя заслуги, кототорыя оказали наши архипастыри Церкви и отечеству: тогда бы мы увидѣли, что добро превышаетъ зло, и, слѣдовательно, нечего бояться, если открывается послѣднее: напротивъ, надобно этому радоваться; ибо только путемъ знанія своихъ недостатковъ можно приступить къ ихъ исправленію.

«Свѣтскій человѣкъ», какъ видно, принадлежитъ къ тѣмъ патріотамъ добраго стараго времени, которые считали любовь къ отечеству въ томъ, чтобъ хвалить все, что у насъ, не замѣчать ничего дурнаго и особенно оскорбляться, когда иностранцы заговорятъ о насъ неблагосклонно. По-крайней-мѣрѣ, «свѣтскаго человѣка» тревожитъ то, что «Описаніе» переведено по-французски и по-нѣмецки. Что патріотизмъ такого рода оказался неосуществимымъ для гражданскаго нашего порядка, объ этомъ въ наше время нѣтъ нужды разглагольствовать. Онъ столь же вреденъ и для русской Церкви. Засыпаетъ дѣятельность многихъ изъ тѣхъ, которые должны учить насъ словомъ и дѣломъ; охладѣваетъ ревность къ истинамъ вѣры, лишенная побужденій; великое строеніе Церкви ограничивается по мѣстамъ одною внѣшностью; молодое поколѣніе, думая встрѣтить въ Церкви форму безъ содержанія, отвращается отъ ней и вслѣдъ затѣмъ разстается съ самою религіею; другіе думаютъ, что, соблюдая внѣшніе обряды, они исполняютъ всѣ свои обязанности къ Церкви, и во всю жизнь не возбуждаютъ въ себѣ никакого нравственнаго религіознаго вопроса и, въ-самомъ-дѣлѣ, во всю жизнь остаются полными атеистами, не подозрѣвая въ себѣ этого; толпа раскольниковъ, записанныхъ въ послѣднемъ числѣ православныхъ, убѣгаетъ отъ всякаго соприкосновенія съ Церковью... между-тѣмъ, все кажется снаружи прекрасно, благосостоятельно! До-сихъ-поръ, къ сожалѣнію, такъ и было; а

чтобъ этого небыло, нужна гласность. Не споримъ, можетъ-быть, развязный языкъ заговоритъ что-нибудь и не согласное съ православнымъ ученіемъ; но тутъ-то и поприще для нашихъ пастырей: ихъ обязанность съ оружіемъ слова и добраго дѣла стать на брань противъ вражескихъ нападеній. Болѣе же всего желательно, чтобъ наше духовенство трудилось для Церкви и обращало къ ней вмѣстѣ и путемъ слова и путемъ благихъ дѣлъ; самая лучшая проповѣдь религіи есть та, когда вѣрующіе съ сознаніемъ могутъ сказать невѣрующимъ: посмотрите на насъ мы нравственнѣе васъ; наши убѣжденія приносятъ добрые плоды, слѣдовательно, они истинны, ибо то, что нравственно, вмѣстѣ истинно. Этимъ путемъ проповѣдывалась вѣра въ первые вѣка христіанства; этимъ путемъ распространялась и поддерживалась она въ нашемъ отечествѣ. Этого пути мы желаемъ и теперь. Правдива или неправдива книга «Описаніе сельскаго духовенства», она не отходила отъ этого пути. Въ первомъ случаѣ она должна обратить вниманіе на исправленіе тѣхъ злоупотребленій, которыя указываются ею; во второмъ — она должна вызвать такія опроверженія, которыя своею очевидностью снискали бы всеобщее одобреніе публики. До-сихъ-поръ, кажется, что если въ книгѣ «Описаніе сельскаго духовенства» дѣйствительно есть слишкомъ-рѣзкія выраженія, приводимыя авторомъ «Мыслей» о ней, то все-таки побужденіе со стороны автора было доброе и онъ не можетъ назваться дерзнувшимъ святотатственною рукою на святую Церковь. Напротивъ, авторъ «Описанія» кажется болѣе православнымъ, чѣмъ авторъ «Мыслей». Первый не отвергаетъ святости іерархіи, укоряетъ только дурныхъ архипастырей; второй ведетъ насъ къ средневѣковому папистическому ученію объ исключительномъ правѣ духовныхъ властей видѣть и понимать въ дѣлахъ Церкви и объ изъятіи ихъ отъ всякаго общественнаго суда.

конецъ втораго тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ.